

Владимир Ровдо

Сравнительная политология **3** Часть

Учебное пособие

В 3 частях

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Вильнюс
Европейский гуманитарный университет
2009

УДК 32.001(476)(075.8)
ББК 66.0(4Бел)я7
Р58

Рекомендовано:
департаментом политических наук ЕГУ
(протокол № 4 от 22.06.2009 г.);
Редакционно-издательским советом ЕГУ
(протокол № 11 от 20.10.2009 г.)

Рецензенты:
Матоните И., профессор Института социальных исследований, Вильнюс;
Круглашов А.Н., доктор политических наук, профессор Черновицкого
национального университета;
Наумова С.А., кандидат философских наук,
доцент кафедры политологии и социологии ЕГУ в Вильнюсе

EUROPEAN HUMANITIES UNIVERSITY
EHUTF TRUST FUND

Издание осуществлено при поддержке Трастового фонда
Европейского гуманитарного университета

Ровдо В.

Р58 **Сравнительная политология:** учеб. пособие. В 3 ч. Ч. 3. – Вильнюс :
ЕГУ, 2009. – 352 с.

ISBN 978-9955-9878-8-8

ISBN 978-9955-9878-9-5 (ч. 2)

ISBN 978-9955-773-31-3 (ч. 3)

Третья часть учебного пособия *Сравнительная политология* рассматривает эволюцию политической системы Республики Беларусь сквозь призму выделения общего и особенного в тенденциях развития политических процессов в Беларуси и других государствах. Подробно анализируются такие вопросы, как эволюция политического режима, окружение политической системы, особенности политической культуры и социализации, специфика артикуляции интересов и группы интересов, особенности агрегации интересов и белорусские партии, государственные учреждения и определение политического курса.

Пособие предназначено для студентов и магистрантов высших учебных заведений политологических специальностей, лидеров и активистов политических партий и неправительственных организаций, всех интересующихся политикой.

УДК 32.001(476)(075.8)
ББК 66.0(4Бел)я7

ISBN 978-9955-9878-8-8

ISBN 978-9955-9878-9-5 (ч. 2)

ISBN 978-9955-773-31-3 (ч. 3)

© Ровдо В., 2009

© Европейский гуманитарный университет, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Тема 16. Окружение политической системы Беларуси	9
Тема 17. Политический режим Республики Беларусь	65
Тема 18. Институциональная структура политической системы Республики Беларусь	124
Тема 19. Политическая культура и социализация в Беларуси.....	168
Тема 20. Группы интересов в Республике Беларусь.....	215
Тема 21. Выборы, партии и партийная система в Республике Беларусь.....	261
Заключение	339
Литература по курсу	342

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третья, заключительная часть учебного пособия *Сравнительная политология* (см.: Ровдо В. *Сравнительная политология: учеб. пособие*. В 3 ч. Ч. 1. *Теория сравнительной политологии*. Ч. 2. *Политические системы отдельных государств*) посвящена политической системе Республики Беларусь. Политические процессы в Беларуси рассматриваются на основе теоретического анализа функций и институтов политической системы – такой анализ был представлен в первой части пособия. Методологической основой остается сочетание двух основных парадигм сравнительной политологии: системного анализа и неинституционального подхода. Материалы второй части, содержащие описание конкретной политической практики некоторых государств, послужили автору основой для сравнения с белорусскими политическими реалиями. Другими словами, книга предлагает читателю Case Study политической системы Республики Беларусь, проведенного на основе уже описанной компаративной теории и сравнительного анализа функционирования конкретных политических систем.

Данный подход предопределил содержание третьей части учебного пособия. Вначале рассматриваются факторы *окружения политической системы*: исторические традиции белорусского народа, геополитическое положение государства, состояние экономики, демографические условия развития институтов политической системы. Следующая тема акцентирует внимание на особенностях белорусского *политического режима*. Дается описание основных теорий современной политической науки, посвященных этой проблеме; определяются причины неудачи демократического эксперимента в нашей стране в первой половине 1990-х гг.; приводится эмпирический материал, необходимый для объективной оценки черт нынешнего политического режима; определяются резервы его стабильности и факторы, могущие повлиять на его будущую трансформацию. Режим проявляется через деятельность *политических институтов*, которые описываются в следующей теме. Подробно рассматривается, как менялись конституционные правила принятия политических решений в Республике Беларусь (с момента обретения независимости и до наших дней); рассматриваются формальные и реальные полномочия президента, функции и структура белорусского парламента, роль судебных органов в политической системе, состояние местных органов управления. Делается вывод о том, что же реально представляет собой важнейший конституционный принцип разделения властей в нашей стране и какой является форма правления в современной Беларуси.

Институты политической системы взаимодействуют с *политической культурой* общества. В книге приводятся основные параметры белорусской политической культуры на уровне системы, политического процесса и публичной политики: состояние национальной идентичности, степень легитимности власти, отношение граждан к политическому участию, основные политические ценности белорусского общества. Здесь же сравниваются подходы правительства и структур гражданского общества к реализации функции *политической социализации*.

В следующей теме речь идет о *группах интересов* в Беларуси. Подробно анализируется специфика деятельности индивидуальных, патрон-клиентельных, anomических, неассоциированных, институциональных и ассоциированных групп. Особое место здесь занимает изучение политической элиты и бюрократии (*госклана*). Ассоциированные группы интересов у нас, как и в любой другой постсоветской стране, можно разделить на две большие группы: зависимые от властей и автономные. Последние выступают в качестве важнейшего структурного элемента гражданского общества. Большое внимание в книге уделяется белорусским неправительственным организациям: выделяются этапы их становления и развития, особенности взаимоотношений с правительством, внутренние и внешние трудности в их развитии. В конце раздела содержится вывод о характере системы групп интересов и перспективах ее трансформации.

Последняя тема посвящена анализу *избирательного законодательства, выборов, партий* и сложившейся в Беларуси *партийной системы*. Известно, что характер избирательного законодательства непосредственно влияет на становление и развитие партий – важнейшего института любой современной политической системы. В пособии анализируется не только Избирательный кодекс Республики Беларусь, но и правоприменительная практика, оказывающая серьезное влияние как на итоги выборов, так и на потенциал политических организаций, участвующих в них. Рассматриваются основные подходы к классификации белорусских партий, а также факторы партиогенеза, актуальные для многих постсоветских стран: политизация неправительственных организаций, ослабление влияния господствовавшей прежде коммунистической партии, влияние выборов. Дан детальный анализ программных документов и деятельности лояльных президенту и оппозиционных белорусских партий. В заключительном разделе излагаются некоторые гипотезы белорусских и зарубежных политологов о характере *партийной системы* в Беларуси.

Для написания третьей части учебного пособия были использованы Конституция Республики Беларусь 1994 и 1996 гг.; данные статистических отчетов; некоторые выступления белорусского пре-

зидента; данные социологических исследований; монографии, сборники аналитических материалов и статьи белорусских исследователей; монографии и статьи зарубежных политологов; мемуарная литература; публикации в газетах, журналах и Интернет-изданиях.

Пособие является одной из первых попыток систематического научного анализа политической системы Республики Беларусь и ее эволюции. Важнейшим принципом автора, которого он пытался придерживаться, является знаменитое веберовское требование “свободы от оценочных суждений”. Это означает, что автор стремился к тому, чтобы представить читателю объективную картину сложных и противоречивых политических процессов в Республике Беларусь. Все понятия, характеристики и определения, содержащиеся в пособии, основаны на использовании терминологии, широко распространенной в политологической научной литературе и не являются личными оценками.

С этим познавательным принципом, который представлен в книге, связан деидеологизаторский подход. Политическая наука и политическая идеология – это разные феномены. К большому сожалению, официальная белорусская политическая наука страдает от чрезмерной идеологизации. Особенно это относится к анализу официальными политологами современных политических институтов и процессов в Республике Беларусь, который иногда неотличим от чистой апологетики действующей власти. Это ведет к смерти политической науки, потому что кропотливое исследование противоречивой реальности подменяется работой на заказ, с заранее готовыми выводами и рекомендациями.

Вместе с тем независимые белорусские ученые иногда избирают путь наименьшего сопротивления и ограничиваются лишь голой критикой действующей власти, без должного выяснения объективных и субъективных причин антидемократического отката Беларуси. Автору хотелось бы избежать и такой крайности, потому что она была бы тоже идеологически мотивированным решением сложной познавательной проблемы. По этой причине в пособии достаточно много внимания уделено критике политической оппозиции и структуры гражданского общества, а также некоторых модных подходов, которые недостаточно теоретически аргументированы, но давно прижились в белорусском независимом политическом дискурсе.

Третья часть учебного пособия обращена в первую очередь к молодому белорусскому читателю: студентам и магистрантам высших учебных заведений политологических специальностей, преподавателям политологии и аспирантам, а также к лидерам и активистам политических партий и неправительственных организаций. В конце каждой темы содержится перечень вопросов для дискуссии, которые

позволят читателю сделать собственные выводы из прочитанного материала, найти необходимые аргументы для формирования собственной позиции, дополнительную литературу для дальнейшего самостоятельного изучения проблемы. Вначале каждой темы дается перечень ключевых понятий, которые используются в основном тексте.

Третья часть пособия по сравнительной политологии носит достаточно самостоятельный характер и может быть использована при подготовке докладов и рефератов, а также как материал, побуждающий к самостоятельному анализу политической ситуации в Республике Беларусь, планированию политического поведения, разработке сценариев политической деятельности.

ТЕМА 16. ОКРУЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ БЕЛАРУСИ

1. Исторические традиции и их влияние на политические институты.
2. Геополитическое положение Республики Беларусь.
3. Экономическое развитие Беларуси.
4. Демографическая ситуация и этно-конфессиональная структура населения Беларуси.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ:

- Полоцкое княжество;
- Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское (ВКЛ);
- Речь Посполита;
- Российская империя;
- Белорусская Народная Республика (БНР);
- Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР);
- Литовско-Белорусская Советская Социалистическая республика (Литбел);
- Советская Социалистическая Республика Беларусь (ССРБ);
- Республика Беларусь (РБ);
- освободительные традиции;
- полонизация;
- русификация;
- белорусизация;
- национал-демократизм (*нацдемовщина*);
- Западно-христианская цивилизация;
- Восточно-христианская цивилизация;
- Европейская цивилизация;
- европейское пространство безопасности (*European Security Community*);
- программа *Восточное партнерство*;
- геополитический шантаж;
- белорусский парадокс;
- белорусская экономическая модель.

Республика Беларусь – это восточноевропейское государство, провозгласившее свой суверенитет в рамках СССР 27 июля 1990 г., придавшее данной Декларации статус конституционного закона 25 августа 1991 г. Окончательно самостоятельность государства была закреплена 25 декабря 1991 г., когда депутаты Верховного Совета XII созыва ратифицировали соглашение, подписанное в Вискулях (Беловежская пуца) президентами России, Украины и спикером парламента Беларуси, о денонсации договора об образовании Советского Союза.

Как отмечает белорусский историк Захар Шибека, “после достижения независимости Беларусь имела наилучшие в бывшем Союзе стартовые условия для трансформации в рыночную экономику и наихудшие условия для политического реформирования” [1]. Причины этих политических проблем связаны с особенностями исторического развития Беларуси и прежде всего – со сложной и трагической историей борьбы народа за достижение независимости от России на протяжении двух последних столетий.

1. Исторические традиции и их влияние на политические институты

В стране и за рубежом отсутствует единая точка зрения по вопросу *происхождения государственности* Республики Беларусь. С одной стороны, современные историки и политики – *сторонники национального возрождения* продолжают традицию своих предшественников начала XX в. (Вацлава Ластовского, Всеволода Игнатовского, Митрофана Довнар-Запольского), которые относили возникновение государственности на землях Беларуси к эпохе раннего средневековья.

Довнар-Запольский, например, в своей книге *История Белоруссии* подчеркивал, что сомнения в древней истории белорусской государственности являются наивными. Беларусь имела *развитую традицию государственности* и утратила ее совсем недавно. Основными чертами белорусской истории были стремление к государственной независимости, умение сражаться за нее и стремление к свободному общественному устройству. Даже после того, как в конце X в. великий князь киевский Владимир подчинил себе Полоцкое княжество, кривичи сохранили собственную княжескую династию, основоположником которой был легендарный Рогволод. Другие белорусские земли недолго оставались под властью Киева: они быстро добились собственной самостоятельности.

Когда в XIV в. династия Рогволода прекратила свое существование, а на западе возникло **Великое княжество Литовское (ВКЛ)**, их владельцы заключили договоры с белорусскими князьями Полоцка, Смоленска, Витебска и предоставили им значительные привилегии. Литовцы никогда не захватывали белорусских земель. Во время становления белорусских и литовских княжеств распространилось и название *Белая Русь*, т.е. Русь, свободная от уплаты налогов завоевателям-татарам. В ВКЛ старобелорусский язык занял господствующие позиции, потому что у литовцев (балтов) в то время не было еще собственной письменности. В 1385 г. была заключена династическая уния между Литвой и Польшей, положившая начало правлению над этими странами древнего белорусско-литовского

рода Ягеллонов. Данный союз не отразился негативно на независимости ВКЛ. Но в 1569 г. литовцы и белорусы заключили значительно более широкую унию с Польшей, образовав так называемую **Речь Посполиту** (республику), чтобы противостоять угрозе со стороны России [2]. Однако уния вскоре породила острый религиозный конфликт, так как поляки стремились заставить преимущественно православное население ВКЛ принять католическую веру.

Во второй половине XVIII в. религиозными проблемами Польско-Литовского государства, а также слабостью его правительства воспользовались соседние империи, которые и поделили между собой страну в 1772–1795 гг. С этого времени белорусские земли потеряли всякие элементы политической автономии, превратившись в губернии **Российской империи**, хотя законодательство новых провинций в течение длительного времени сохраняло определенное своеобразие [3].

В условиях российского господства не прекращалась борьба за свободу Беларуси. Неоднократно вспыхивали вооруженные выступления против царизма. Однако вплоть до восстания 1863 г. во главе с Кастусем Калиновским борьбу вела полонизированная шляхта за возрождение Речи Посполитой, а не за создание белорусского независимого государства. Да и для Калиновского, как пишет культуролог Валерий Булгаков, поляки были еще “мы”, а белорусов он призывал вместе с другими поработенными народами бороться за свободу “единого польского отечества” [4]. И только Франтишек Богушевич придумал “миф белорусского возрождения” и национального освобождения, который в начале XX в. оказал влияние на интеллектуальную элиту, связанную с еженедельниками *Наша доля* и *Наша нива*, издававшимися в 1905–1915 гг. в Вильно.

Неудачи России в Первой мировой войне вызвали революцию 1917 г., похоронившую царскую империю. Это обстоятельство способствовало быстрому распространению национально-освободительного движения по всем окраинам огромного государства. В марте 1918 г. на землях Беларуси, оккупированных тогда немецкими войсками, была провозглашена независимость **Белорусской Народной Республики (БНР)**. Несмотря на то, что это государственное образование просуществовало очень непродолжительный отрезок времени (11 месяцев), значение БНР трудно переоценить. Ее создатели первыми попытались воплотить в жизнь принцип независимого национального государства (политической белорусской нации), возродили прерванную более чем на столетие традицию государственности на белорусской земле.

БНР через год после создания была оккупирована советскими войсками. Однако опыт ее не пропал даром. Российские большевики

были вынуждены считаться с настроениями простых людей, которые хотели сохранения государственности. Поэтому Кремль вынужден был отказаться от планов присоединения белорусских земель к РСФСР, и в январе 1919 г. в Смоленске была провозглашена **Белорусская Советская Социалистическая Республика**. Если бы не было БНР, то не было бы и БССР! Поначалу в БССР нашла продолжение политика культурного возрождения, которое возникло еще в начале века в Вильно. Однако Беларусь особенно сильно пострадала от политики сталинских репрессий, которые коснулись не только национальной интеллигенции, но и сотен тысяч простых людей, о чем свидетельствуют массовые захоронения жертв коммунистического террора в Куропатах под Минском и других местах. К сталинским репрессиям добавились страдания Второй мировой войны 1939–1945 гг., которая унесла жизни каждого четвертого жителя страны. В послевоенный период была осуществлена быстрая индустриализация и урбанизация республики, превратившейся в одну из самых экономически развитых частей СССР.

Однако экономический и социальный прогресс не сопровождался развитием национальной идентичности и культуры. Как пишет З. Шибека, “для большинства жителей страны белорусскость оставалась этнографическим дивом и имела глубинный, натуральный смысл только для узкого круга белорусов, преимущественно интеллектуалов. Официальная власть не шла дальше поддержки белорусского регионализма, признания региональных особенностей белорусов как части единого советского народа. Нация утратила свою естественную духовную неповторимость (язык, историю, традиции). Нация утратила почти все, что упорно приобретала на протяжении XIX – начала XX вв. Большевицкая политика имела своим итогом создание белорусской эрзац-нации, нации без соответствующей идентичности и духовности, которые подменялись советской идейностью. Ее оболочкой оставалось массовое осознание существования белорусской земли и особой белорусской республики – БССР. И это единственное, что уберегало белорусов от полной денационализации” [5].

Возникновение **Республики Беларусь (РБ)** стало результатом затяжного экономического, социального и идейного кризиса коммунистической системы, приведшего к распаду СССР в 1991 г. Низкий уровень развития национальной идентичности в Беларуси и отсутствие основ для утверждения современной политической нации привели к тому, что бывшие коммунисты в РБ долго полностью контролировали государственную власть, которая с 1994 г. оказалась в руках президента-популиста, занимавшего откровенные национал-нигилистические позиции. Однако стремление А. Лука-

шенко к упрочению личной власти частично совпадает с потребностями сохранения белорусской государственности и его суверенитета. Страна, таким образом, оказалась в весьма своеобразной ситуации. По мнению некоторых аналитиков, Республику Беларусь можно назвать “государством без нации” или “с не сложившейся полностью нацией” [6].

Абсолютно иная концепция происхождения белорусской государственности существовала в советские годы. При Лукашенко она вернула себе статус *официальной теории*. Наиболее яркое свое отображение эта теория получила в тексте доклада главы государства “О состоянии идеологической работы” в 2003 г.

“Для того чтобы двигаться вперед, мы должны четко оценить, на какой точке строительства идеологического фундамента независимого белорусского государства мы находимся. *Белорусы не унаследовали от своих предков целостной идеологии независимой государственности*. Мы по праву гордимся тем, что белорусский язык в Великом княжестве Литовском определенное время был официальным языком. Но никому, даже самому яркому националисту, не придет в голову утверждать, что Великое княжество Литовское было самостоятельным белорусским государством со всей белорусской государственной идеологией.

Белорусская Народная Республика... также не в счет уже в силу того, что она была учреждена под присмотром оккупационных немецких властей и была фактически создана этими властями... Так вот, БНР просуществовала только считанные месяцы и в силу этого не могла оставить нам в наследство идеологию белорусской государственности или хотя бы элементы этой идеологии, чтобы мы на них могли опираться.

Потом белорусы жили в составе Советского Союза с хорошо разработанной марксистско-ленинской идеологией. С одной стороны, она признавала право наций на самоопределение, а с другой – считала, что это право для белорусов реализовано в виде Белорусской Советской Социалистической Республики (как для русских, украинских и других народов – в форме союзных республик). *Мы признаем, что именно с образования в составе Советского Союза Белорусской Советской Социалистической Республики, – да, и мы были учредителями СССР, начинается наша государственность*.

Давайте честно скажем, что годы, проведенные в составе Советского Союза, для нас имеют очень большую ценность. Они нам дали столько, сколько не мог дать до этого ни один период существования белорусских земель в составе того или иного государства. Очень много дали. Но сформировать идеологические основы суверенного независимого государства в этот период мы тоже не смогли. Мы были частью великого, огромного государства, и вся идеология была в рамках вот этого государства. Идеология этого государства была и нашей белорусской идеологией.

Фундамент коммунистической идеологии начал рушиться задолго до зримой дезинтеграции Советского Союза. К концу 90-х государство потеряло нити управления идеологической сферой, средствами массовой информации. Практически во всех союзных республиках “идеологический вакуум” немедленно был заполнен национализмом. Почему немедленно? Потому что уже

осточертели те штампы, которые нам преподносили и которые многие из нас, в том числе и я как идеологический работник, передавали нашим людям. Людям это надоело. И когда были потеряны нити управления, образовавшийся вакуум немедленно, с потрясающей быстротой (так сложились обстоятельства) был заполнен национализмом, причем во всех республиках” [7].

Прежде чем проанализировать этот текст, необходимо сделать важное терминологическое уточнение: то, что президент Беларуси называет *идеологией белорусской государственности*, в политической науке именуется государственным (бюрократическим) национализмом (*bureaucratic nationalism*) [8].

Во-первых, Лукашенко совершенно напрасно критикует приверженцев белорусского национального возрождения за то, что они якобы пытаются отождествить ВКЛ и не упомянутое в докладе Полоцкое княжество с белорусским национальным государством. Подавляющая их часть этого не делает, хотя бы по той простой причине, что идея нации-государства (политической нации) зарождается в Западной Европе и Северной Америке не ранее XVIII в., в Восточной Европе – гораздо позже. Однако, однажды возникшая, такая идея нуждается в *историческом мифе*, который работал бы на интеграцию сообщества, проживающего на определенной территории. Для официального национализма, который стесняется себя так называть, этим мифом является только советский и от него производные – партизанский, Великой Отечественной войны и т.п. Адепты национального возрождения правомерно распространяют этот миф на все относительно независимые государственные образования, существовавшие на землях Беларуси, видя в гражданах суверенной Республики Беларусь достойных продолжателей государственного строительства, которым занимались их предки начиная с IX в. Как справедливо отмечает американский исследователь Григорий Иоффе, “национальный проект президента чрезмерно сокращает белорусскую историю и отбрасывает исторические мифы, которые привлекают к себе людей образованных и творческих” [9].

Во-вторых, отрицание роли БНР только на том основании, что эта республика возникла на оккупированной германской армией территории, тут же вызывает вопрос: чем лучше БССР, созданная на оккупированной Советской Россией территории? Чем русские оккупанты в то время превосходили немецких? Кроме того, отцы-основатели Белорусской Народной Республики никогда не отказывались от принципов государственной независимости, но в крайне неблагоприятных условиях самоотверженно боролись за их воплощение в жизнь.

Создатели БССР с самого начала считали государственный суверенитет Беларуси ограниченным и временным. Уже через месяц после провозглашения независимости по настоянию из Москвы они

от нее фактически отказались, вступив в так называемую **Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (Литбел)** со столицей в Вильно. После разгрома Литбел и оккупации значительной части территории Беларуси польскими войсками в июле 1920 г. коммунисты пошли на повторное провозглашение **Советской Социалистической Республики Беларусь (ССРБ)**, но в составе одной только Минской области. Республика рассматривалась Москвой в качестве буфера на границе с Польшей и важного плацдарма для экспансии на запад.

Неудачная для Советской России война с Польшей в 1920–1921 гг. привела к тому, что пришлось пойти на значительные территориальные уступки, что было сделано, в частности, за счет Западной Беларуси. И только после того как ССРБ стала одним из учредителей СССР, отказавшись от значительной части своих суверенных прав, Москва пошла на укрупнение Беларуси, вернув в 1924 г. Витебскую и Могилевскую области, а также передав Гомельскую область, которая до 1926 г. входила в состав УССР. Несмотря на псевдосуверенный характер Советской Беларуси, сторонники национального возрождения никогда не отрицали роли Белорусской Советской Социалистической Республики (так страна стала называться после принятия Конституции 1927 г.) как важного этапа в становлении независимой Республики Беларусь.

В-третьих, в начале XXI в. в Российской Федерации усилились позиции представителей политической и интеллектуальной элиты, которые рассматривают Советский Союз как высшую точку развития Российской империи [10]. По их мнению, эта страна удачно адаптировала западный марксизм к нуждам России и добилась максимального военного и политического могущества российского государства. Если под таким углом зрения рассматривать СССР, то тогда роль союзных республик, в него входивших, заключалась во всемерном содействии российскому величию и экспансионизму. Поэтому трудно признать основной тезис Лукашенко о советском времени как о лучшем периоде в истории белорусского народа.

Конечно, союзный центр сделал немало для восстановления разрушенного в годы Второй мировой войны народного хозяйства, он содействовал быстрой индустриализации и урбанизации Беларуси, развитию образования и науки. Но это делалось, прежде всего, для блага все того же центра. Наибольшее развитие в республике получили отрасли экономики, обслуживающие ВПК; то же самое касается и науки. Образование стало общедоступным, но оно не было белорусским. Экономический рост соседствовал с культурным застоєм, с постепенным превращением БССР в обычный регион России, ничем не отличавшийся от краев и областей РСФСР.

В-четвертых, если Лукашенко признает, что марксизм-ленинизм проиграл свое состязание с национализмом еще в годы СССР из-за того, что простым людям “осточертели его догмы”, возникает вопрос: почему идеология независимого белорусского государства остается пронизанной прежними подходами? Ответ на этот вопрос очевиден: официальная доктрина и не создавалась для обоснования государственного суверенитета Беларуси. Она призвана обосновать другой суверенитет: право президента и его окружения на неограниченную власть над белорусским народом. Государственной идеологии не нужно знание истории нашей страны, потому что на протяжении многих веков лучшие люди Беларуси вели упорную борьбу против российского экспансионизма, а затем за выход из состава Российской империи, какую бы форму она ни принимала. Такая история не подходит для обоснования нынешнего режима личной власти, стабильность которого зависит от постоянных щедрот и подачек со стороны России.

История Беларуси свидетельствует о наличии сильных **освободительных традиций**. Шибек, например, выделяет пять этапов борьбы белорусского народа за обретение государственной самостоятельности и отделение от России.

“Первый период проходил под знаменем возобновления утраченной государственности – Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Ему были свойственны пропольские иллюзии. За неполные сто лет российского господства белорусы четыре раза – в 1794, 1812, 1831 и 1863 гг. включались в безрезультатную борьбу народов бывшей Речи Посполитой с царизмом. Через напрасную надежду на возвращение шляхетской вольности прошли также литовцы, поляки, украинцы. Тем не менее, преданность народов прежней Речи Посполитой идеалам свободы ускорила отмену крепостного права в России. На *втором этапе* пропольские иллюзии сменились на пророссийские. Он начинался с 80-х гг. XIX в., когда *гоманаўцы* (белорусские народники) выдвинули идею административно-культурной автономии в составе Российской империи. Через напрасные надежды на российскую демократию прошли не только белорусы, но и их соседи – украинцы, поляки, литовцы. Тем не менее, именно стремление народов России к идеалам парламентаризма и национальной автономии позволило свергнуть царизм, при котором надежды на достижение независимости были нереальными. *Третий период* (1915–1945 гг.) характеризовался многовариантностью идеалов. Вместе с сохранением приверженности автономии, а потом федеративному союзу с Россией постоянно возникали другие. И, прежде всего, – идея полной независимости Беларуси. За нее сражались деятели БНР, патриоты Западной Беларуси, белорусские патриоты времен Второй мировой войны, лесные братья послевоенного антисоветского сопротивления. Весь третий период прошел для белорусов, литовцев, поляков, украинцев, да и русских под знаком поиска и осуществления идеалов национальной государственности, которые не могли быть идентичными, вызывали конфликты и несогласие. А этим пользовались такие социально опасные экспериментаторы, как коммунисты и нацисты. И все же совпаде-

ние антирасистских устремлений народов Центральной и Восточной Европы позволило им освободиться от нацистского господства.

Четвертый этап в истории идеалов свободы белорусов (50–80-е гг. XX в.) стал и самым мрачным. Нация находилась в коматозном состоянии. Политической оппозиции практически не существовало. Излучать национальные идеалы после Куропат было некому. Про независимость мечтали единицы, имена которых еще не всем известны. И только в белорусском зарубежье идея независимости Отечества сохранилась, наполняя смыслом жизнь политических изгнанников. Эта идея вела белорусскую эмиграцию в ряды борцов за демократию, которая подготовила крах коммунизма.

С середины 80-х гг. вслед за горбачевской либерализацией начинается *пятый, современный этап*, период возобновления и осуществления независимых идеалов Беларуси, которые, в отличие от предшествующих этапов, соединяются с идеалами интеграции в международное сообщество. Международная солидарность как раз и позволила белорусам вместе с народами Центрально-Восточной Европы избавиться от большевистского тоталитаризма. Но для окончательного осуществления своих национальных идеалов граждане Беларуси должны найти в себе мужество преодолеть духовно-идеологическую зависимость от России и выработать модель цивилизованного сотрудничества с ней, как и с другими государствами" [11].

Движение за национальное освобождение Беларуси всякий раз жесточайшим образом подавлялось. Следует отметить, что репрессии против белорусских патриотов со стороны российских властей и их местных ставленников были более жестокими, чем в отношении других народов империи, потому что белорусов считали своими людьми, наиболее близкими русским, часть из которых под влиянием внешних врагов России не понимает своего счастья: жить вместе со "старшим братом" в едином и великом государстве.

Уже Екатерина II предприняла попытку введения на вновь присоединенных землях системы государственного и местного управления, действовавшей в других частях империи. Местное руководство было заменено лояльными царю чиновниками; в судах и органах управления приходилось использовать русский язык. В это же время были открыты и первые народные училища с преподаванием предметов на русском языке. В 1794 г. императрица издала указ о ликвидации любых препятствий для возвращения униатов (39% верующих) в православие (6% верующих). Однако выполнение многих распоряжений верховной власти столкнулось с большими проблемами. Новые чиновники не знали языка и традиций местного населения. В ответ на насильственный перевод в православие униаты массово переходили в католицизм. Царское законодательство существенно уступало по качеству законам ВКЛ, поэтому в 1780 г. на русский язык был переведен Статут 1588 г., который продолжал действовать в качестве судебного свода законов на всей территории бывшего Великого княжества [12].

Павел I был вынужден приостановить преследование униатов. Вместо русификации на землях бывшего Великого княжества в годы его правления начала проводиться **политика полонизации**. Она особенно усилилась после войны 1812 г. между Россией и Францией. Известно, что Наполеон I возродил ВКЛ и планировал создать независимое Белорусское государство из его восточных территорий. Это привело к тому, что значительная часть местной шляхты поддержала французского императора и участвовала в его походе на Москву в составе войск Герцогства Варшавского. После победы над Наполеоном Александр I хотел умиротворить поляков. В составе Российской империи было учреждено Царство Польское с широкой автономией. Его деятели стремились к расширению польского политического и культурного влияния на землях бывшего ВКЛ. Александр I поддерживал эту политику, которая коснулась прежде всего образования. В Литве была создана образцовая в тогдашней России система средних и высших школ с Виленским университетом во главе (основан в 1803 г.) [13]. Однако преподавание в них велось исключительно на польском языке. Это привело к быстрой полонизации местной шляхты, которая рассматривала польский язык как язык элиты. Белорусский язык превратился в средство общения в быту и коммуникации с низшими сословиями.

Восстание 1831 г. в Польше и Литве было борьбой шляхты за возрождение Речи Посполитой в границах 1772 г. (о восстановлении ВКЛ речи уже не было). Восстание было жестоко подавлено царизмом. Политика России в отношении приобретенных после разделов земель ужесточилась. Была ликвидирована автономия Царства Польского. В бывшем Великом княжестве Литовском было отменено действие Литовского Статута: на востоке страны это произошло в 1831 г., на западе – в 1840 г. Польский язык был заменен русским в судебном делопроизводстве и сфере управления. Поскольку местные чиновники его не знали, им на смену присылались управленцы из центральных губерний. Запрещалось даже использовать названия “Литва” и “литовский”; их сменили на “Северо-западный край” и производные термины. Многие шляхтичи, лишенные царским указом своих прав, были вынуждены искать подтверждений своего благородного происхождения

На смену полонизации в системе образования пришла его **русификация**. Опять же, поскольку учителей русского языка в провинции не хватало, их присылали из центральных губерний. За активное участие студентов и преподавателей в восстании 1831 г. был закрыт Виленский университет. Наиболее сильный удар по белорусскому духовному возрождению нанесла церковная реформа 1839 г., ликвидировавшая униатскую церковь, верующих которой заставили при-

соединиться к православной конфессии. С 1840 г. священникам было запрещено использовать белорусский язык во время проповедей (как это было принято у униатов). Со времени правления Николая I укоренилась практика отнесения всех православных к русским, а католиков – к полякам.

Еще более пагубные последствия для белорусского возрождения имело подавление восстания 1863 г., направленного на отделение от России и создание демократического Польско-Литовского государства. Стараниями царского генерал-губернатора М. Муравьева сотни повстанцев были казнены, 12 тысяч высланы в Сибирь, 5 тысяч человек получили разного рода взыскания [14]. Все административные должности в крае с 1864 г. могли замещаться только выходцами из России. До 1870 г. в Беларуси и Литве действовало военное положение, которое привело к установлению невиданного прежде произвола властей. На территорию края не распространялось действие судебной и земской реформ Александра II, носивших в целом прогрессивный характер.

После поражения восстания усилилась русификация образования и культуры. Правительством была закрыта сельскохозяйственная Горо-Горецкая академия – последнее высшее учебное заведение в Беларуси и Литве (его студенты в апреле 1863 г. захватили город, а затем ушли к лидеру повстанцев Калиновскому). По указанию властей выходцам из Северо-Западного края был ограничен доступ для поступления в другие университеты империи. Из средних и начальных школ были уволены все учителя католического вероисповедания. Началась кампания по насильственному переводу верующих из католицизма в православие. Она набрала новые обороты после того, как на российский престол взошел Александр III. Как и прежде, запрещалось использование белорусского языка в школах и в открытой печати. Поэтому основоположнику белорусского возрождения Ф. Богусевичу и его последователям приходилось издавать свои произведения на территории Австрии и Пруссии. Несмотря на полонизацию и русификацию, белорусы в конце XIX в. составляли 73% населения Северо-Западного края. Они смогли сохранить себя и выжить только благодаря белорусской деревне, где преобладали. Города к тому времени стали центрами русской, польской и еврейской культуры, многие носители которой смотрели свысока на «мужика-белоруса».

Революция 1905–1907 гг. имела противоречивые результаты. С одной стороны, власти вынуждены были пойти на определенную либерализацию. Это проявилось, например, в том, что с 1904 г. была разрешена издательская деятельность на нерусских языках; после октябрьского манифеста Николая II стали создаваться политические

партии для участия в выборах в Государственную думу. Был принят закон о веротерпимости. Все это позволило начать процесс консолидации национальной элиты вокруг газет *Наша Нива* и *Наша Доля*.

С другой стороны, получать образование на национальном языке в государственных школах по-прежнему было невозможно. Царское правительство сделало исключение для поляков и литовцев в этом вопросе, но не для белорусов. Первые белорусские начальные школы, а также училища для учителей стали открывать немецкие оккупанты в западной части страны, начиная с 1915 г. (!) Выборы в Государственную думу в Литве и Беларуси проходили по национальным спискам: русскому, польскому и еврейскому. Белорусского списка не существовало, что лишало национально ориентированных политиков легальных каналов влияния на власть. Закон о веротерпимости уравнивал в правах православных края и других регионов империи, но они должны были пройти процесс культурной ассимиляции: быть русским для многих становилось выгодным. Столыпинская аграрная реформа, которая последовала за первой русской революцией, привела к переселению из Беларуси за Урал около миллиона наиболее предприимчивых и трудоспособных крестьян, вынужденных принимать активное участие в освоении империей Сибири [15].

Не менее противоречивыми для населения Беларуси были и итоги революции 1917 г. и образования БССР в 1919 г., которая в скором времени оказалась в составе СССР. После укрупнения БССР в 1924 г. руководству республики разрешили проводить *политику белорусизации*. В условиях новой экономической политики она должна была, с одной стороны, укрепить внутреннюю легитимность коммунистической власти, с другой – помочь Минску завоевать симпатии у большинства жителей Западной Беларуси и подготовить почву для советской интервенции в Польшу. За очень непродолжительный отрезок времени этот курс дал поразительные результаты. Занятия по белорусскому языку и культуре стали обязательными для партийного и советского актива, а также офицерского корпуса армии. В республике действовали четыре государственных языка, но приоритетные права получил белорусский. В 1928 г. на нем получали образование 80% школьников, издавалось большое количество книг и журналов, был создан Институт белорусской культуры, предшественник национальной Академии наук, в котором объединилась интеллектуальная элита страны. В Советскую Беларусь из эмиграции вернулись многие деятели БНР, которые хотели лично участвовать в созидании национального государства.

Либерализация оказалось непродолжительной. Уже в конце 20-х гг. руководство СССР взяло курс на индустриализацию и коллективизацию и установление жесткого контроля над союзными

республиками. В 1929 г. главным врагом социализма в БССР была объявлена идеология **национал-демократизма (нацдемовщина)**. В 1930 г. органы ОГПУ отчитались Москве о раскрытии несуществующей контрреволюционной организации Союза освобождения Беларуси во главе с Янкой Купалой и Всеволодом Игнатовским (президентом Академии наук). Начались аресты интеллигенции: ученых академических институтов, писателей, вернувшихся эмигрантов, преподавателей Белгосуниверситета и других учебных заведений. Пострадали и некоторые руководители КПБ, которые играли видную роль в белорусизации. Вторая волна репрессий прокатилась по Беларуси в 1933–1934 гг.; она была направлена против так называемых польских шпионов из Белорусского национального центра [16]. Пик политических репрессий пришелся на 1937–1938 гг. Как отмечает Шибека, “во время массового террора 30-х гг. всего осужденных в Беларуси было не менее 600 тыс. человек, а пострадавших от репрессий (непосредственно или косвенно) – намного больше – два или три миллиона... В любом случае можно полагать, что довоенный сталинский террор в Беларуси проглотил не менее миллиона человек” [17].

Белорусизация 1920-х гг. в БССР оказала влияние на соотечественников, живших на территории “кресов восточных”. В 1926 г. в Западной Беларуси была основана Белорусская крестьянская и рабочая грамада во главе с видным политиком и ученым Брониславом Тарашкевичем. За год она превратилась в стотысячную организацию, благодаря активной деятельности по сохранению белорусской культуры и курсу на воссоединение с Советской Беларусью. В начале 1927 г. польские власти, которые после установления Пилсудским режима санаций ориентировались на полную культурную ассимиляцию белорусского населения, закрыли эту организацию, а ее руководство бросили в тюрьму. За решеткой оказались в том числе и депутаты польского Сейма: Б. Тарашкевич, С. Рак-Михайловский, П. Мятла, П. Волошин, Ю. Соболевский. На нелегальном положении в это время оказалась и компартия Западной Беларуси, которая была тесно связана с Грамадой и другими национал-демократическими организациями Западной Беларуси (она была ликвидирована Коминтерном как “шпионская организация” в 1938 г.). После нескольких лет, проведенных в польских тюрьмах, белорусских патриотов обменяли на польских заключенных. Они сразу же оказались в советских лагерях, многих из них казнили в конце 30-х гг. [18]. Рост национального сознания белорусов угрожал и авторитарной Польше, и тоталитарному СССР.

В отличие от Советского Союза и Польши (с их явными или мифическими великодержавными амбициями), Литва в то время в целом поддерживала белорусское национальное движение. Несмотря

на противоречия между белорусскими и литовскими политиками по вопросу о принадлежности Виленского края и по историческому наследию ВКЛ, Рада БНР и правительство Литвы вели переговоры о формировании конфедерации двух государств. В ноябре 1918 г. в Тарибу Литовской республики вошли некоторые представители этого руководящего органа Белорусской Народной Республики; бывший ее премьер Язеп Воронка стал министром по белорусским вопросам в составе литовского правительства. Белорусский генерал Киприан Кондратович был назначен на пост заместителя министра обороны Литвы, ему было поручено формирование белорусских подразделений литовской армии. Во время польской оккупации Беларуси 1919–1920 гг. представители Народной Рады БНР во главе с Вацлавом Ластовским получили убежище в Каунасе, откуда они пытались руководить вооруженной борьбой белорусских крестьянских формирований и против войск Пилсудского, и против Красной армии. После заключения Рижского мирного договора между СССР и Польшей в 1921 г. Литва до 1923 г. поддерживала вооруженную борьбу белорусских партизан в Западной Беларуси. По решению I Белорусской национально-политической конференции, состоявшейся в Праге, она должна была вестись и в Восточной Беларуси с целью восстановления суверенитета Белорусской Народной Республики. Неудачи повстанцев, а также признание Комиссией послов стран Антанты государственной границы между Литвой и Польшей (с включением Виленского края в состав Польши) привело к охлаждению отношений между Радой БНР и правительством Литвы. В 1923 г. белорусские национальные организации в изгнании покинули Каунас и переехали сначала в Берлин, а потом в Прагу. Ластовский в 1927 г. переехал в БССР, поверив в то, что политика белорусизации – это долговременная стратегия коммунистических властей. Он получил пост в Инбелкульте и звание академика. Однако уже в 1930 г. стал одним из основных обвиняемых по делу так называемого “Союза освобождения Беларуси”. Ластовский был отправлен в ссылку, повторно осужден в 1937 г., а через год расстрелян [19].

Вторая мировая война 1939–1945 гг. стала для белорусского народа временем тяжелых испытаний и невероятных страданий. Советский Союз фактически вступил в эту войну 17 сентября 1939 г. на стороне нацистской Германии, нанеся удар по сражавшейся Польше. В конце года была развязана кровавая агрессия против Финляндии. В 1940 г. к СССР были присоединены Литва, Латвия, Эстония, Бессарабия и Северная Буковина. Однако в июне 1941 г. СССР сам стал жертвой агрессии со стороны Германии. В современной российской и белорусской историографии замалчиваются события двух лет союзнических отношений между Сталиным и Гитлером, скрепленных не только пак-

том Молотова – Риббентропа (23 августа 1939 г.) и секретными протоколами к нему, но и договором о дружбе и границах (28 сентября 1939 г.). Официальная наука акцентирует внимание только на втором этапе войны, который в обеих странах получил название Великая Отечественная война советского народа 1941–1945 гг. Объективности ради следует сказать, что вступление Красной армии на территорию Польши в 1939 г. позволило осуществить воссоединение белорусского народа. Однако установление в Западной Беларуси советских порядков сопровождалось несколькими волнами репрессий против представителей белорусской интеллигенции, польского национального меньшинства и зажиточного крестьянства. Согласно оценкам белорусского историка Александра Хацкевича, до 20 июня 1941 г. из западных областей БССР было вывезено в Сибирь или Казахстан более 120 тыс. человек (в это число не входит 14 тысяч польских офицеров, которые из лагерей для военнопленных были переведены в спецтюрьмы НКВД, а затем по приказу Сталина расстреляны) [20].

К нападению Германии Советский Союз не был готов. Уже 26 июня 1941 г. немецкие танки вошли в Минск, а к концу июля немцы оккупировали большую часть Белорусской ССР. Это сорвало планы мобилизации в западной и центральной частях страны, и только из восточной Беларуси было призвано в армию порядка 500 тыс. человек. В ходе первых сражений огромными оказались потери техники, особенно танков и самолетов. В летние месяцы войны в плен к немцам попало более 3 млн красноармейцев. Отступающая Красная армия руководствовалась директивой оставлять врагу только выжженную землю, что привело к тому, что от действий специальных батальонов в Восточной Беларуси было уничтожено больше жилых строений и сожжено посевов, чем в результате действий врага. Более 1,5 млн человек было эвакуировано. Как отмечает белорусский историк Юрий Туронок, такая политика советских властей носила сознательный характер: “В условиях голода, нищеты и отсутствия крыши над головой было куда больше шансов на то, чтобы втянуть народ в антинемецкие выступления” [21]. С момента начала войны любая благотворительная, культурная или просветительская деятельность на оккупированной территории рассматривалась советским режимом как проявление коллаборационизма, за что грозила высшая мера наказания.

В свою очередь, вооруженные силы III рейха руководствовались директивой Кейтеля, разрешавшей солдатам расстреливать мирное население, которое хоть как-то угрожает немецкой армии при реализации плана Барбаросса и не нести за это судебной ответственности. Согласно другой директиве, всех политработников Красной армии, а также коммунистов и комсомольцев, захваченных в плен, следовало

расстреливать на месте без суда и следствия. Все это обусловило в высшей степени жестокий характер войны, которую вели между собой две тоталитарные державы, и тяжелое положение мирного населения. Конечно, многое зависело от удаленности от линии фронта и от того, кто командует войсками или осуществляет административные функции. Территория Беларуси вновь оказалась разделенной на несколько частей: южные районы были переданы в ведение рейхскомиссариата *Украина*; Белостокская и часть Брестской области стали частью Восточной Пруссии; Вилейская область оказалась в составе генерального комиссариата *Литва*; некоторые районы Минской, Гродненской и Барановичской областей были объявлены генеральным комиссариатом *Беларусь* в составе рейхскомиссариата *Ostland* со столицей в Риге. Во всех комиссариатах было гражданское управление, а у простых людей здесь существовали лучшие условия для выживания. Восточная Беларусь не вошла в состав новых административных единиц рейха и управлялась непосредственно военным командованием. В соответствии с секретной директивой нацистов – *планом Ost*, после войны 75% белорусского населения следовало переселить в Западную Сибирь или на Северный Кавказ (при полном истреблении еврейского и цыганского населения). На освобожденных землях должны были поселиться немецкие колонисты [22].

Конечно, такая политика Германии не могла не вызвать сопротивления со стороны местного населения – массового партизанского движения, которое стало серьезным военным фактором в Беларуси уже в 1942 г. Вместе с тем политика оккупационной администрации не была везде одинаковой. Как отмечает белорусский историк Евгений Миранович, “генеральный комиссар Беларуси В. Кубе был приверженцем развития белорусского национализма, который должен был противодействовать советскому влиянию... В сентябре 1941 г. на подчиненной гражданской администрации территории по его приказу было введено обязательное обучение детей с 7 до 14 лет. В школах кроме изучения белорусского языка обучали также математике, биологии, практическим навыкам. В июне 1942 г. в генеральном комиссариате *Беларусь* работало около 3,5 тыс. школ, в которых обучалось 346 тыс. учеников. На территории балтийских стран и Украины власти разрешили только четырехклассные школы [23]”. Весной 1942 г. большая часть земельного фонда бывших колхозов на территории генерального комиссариата была передана в частное владение крестьянских хозяйств (это решение противоречило указаниям Берлина). Кубе пошел также на создание из числа местных активистов *Белорусской народной самопомощи* (БНС) – организации, призванной заниматься благотворительной и культурно-просветительской деятельностью. В июне 1942 г. он выступил с инициативой форми-

рования *Белорусской самообороны* (БСА) – прообраза вооруженных сил из местного населения для борьбы с партизанами [24].

Основную роль в партизанском движении играли *советские партизаны*. Первоначально их костяк составляли члены диверсионных групп, переправленные в тыл немецкой армии со специальным заданием, а также командиры и бойцы Красной армии, оказавшиеся в окружении. Руководил партизанской борьбой в Беларуси штаб партизанского движения, который находился в Москве (возглавлял его первый секретарь ЦК КП(б)Б П. Пономаренко). Местное население вначале поддерживало их действия только на востоке страны. Однако после поражения нацистских войск под Москвой в декабре 1941 г. количество партизанских формирований и сфера их действий расширились (в пик своего могущества советское партизанское движение насчитывало около 0,5 млн человек и контролировало 20% территории страны).

В 1942 г. белорусские партизаны должны были нарушить тыловые коммуникации группы армии Центр, чтобы ослабить повторное наступление на Москву. Несмотря на то, что тогда немцы нанесли основной удар не на западном направлении, а на южном, советские партизаны справились со своим заданием, что не могло оставаться без последствий для них и для мирного населения. Начиная со второй половины 1942 г. немецкое командование перешло к тактике проведения карательных операций против жителей деревень, оказывающих помощь партизанам. В это же время тысячи молодых людей оказались в отрядах белорусской самообороны. “Таким образом, как указывает Миранович, возник фронт внутреннего конфликта, на котором белорусы сражались между собой за интересы фашистского или коммунистического тоталитаризмов” [25]. Белорусский писатель Василь Быков еще острее сформулировал данную проблему: “...Если в Беларуси было около миллиона партизан и они воевали, то с кем они воевали? Это коммунисты делали такую подмену, что, мол, партизаны воевали будто бы с немцами. На самом деле, какие немцы – в то время фронт стоял под Москвой?.. Немец был в лучшем случае один на район, в районной администрации. С кем же тогда воевали многотысячные партизанские армии? Понятно с кем – с полицейскими формированиями, которые, как и партизанские соединения, рекрутировались из белорусов или из соседей – литовцев или украинцев... Так вот, что касается коллаборационизма: примерно столько же, сколько и партизан, было и коллаборационистов. И то, что тут происходило, имело все признаки гражданской войны” [26].

Помимо советских партизан на территории Западной и Центральной Беларуси активно действовала *Armia Krajowa* (АК), которая подчинялась польскому правительству в изгнании в Лондоне. В первые

годы немецкой оккупации Беларуси существовала определенная координация действий между польскими и советскими партизанскими формированиями. Однако в апреле 1943 г. руководство СССР объявило АК фашистской организацией. Центральный штаб партизанского движения получил приказ уничтожить данную структуру и вытеснить ее отряды за пределы западных областей Беларуси. Для выполнения этого приказа из восточной части страны были направлены значительные людские силы. Все это спровоцировало острый конфликт между советскими и польскими партизанами и акции возмездия АК, от которых пострадали многие жители белорусских сел и деревень на Гродненщине [27]. В Полесье действовали украинские партизаны из УПА, которые, как известно, вели войну на два фронта: и против нацистской Германии, и против коммунистического Советского Союза. Наконец, были и белорусские партизаны в Полесье и Западной Беларуси, которые разделяли аналогичную с украинскими борцами за свободу политическую программу, однако их деятельность является в наименьшей степени исследованной.

Война между Германией и СССР по-разному оценивалась белорусскими эмигрантскими организациями. Например, от сотрудничества с немцами сразу же отказался председатель Рады БНР В. Захарка, который не мог согласиться с отношением III рейха к Беларуси как к объекту оккупации [28]. Эмигранты в Берлине в июне 1941 г. основали Белорусский национальный центр (БНЦ) во главе с Н. Щорсом. Организация ставила перед собой задачу стать резервуаром кадров для администрации на территории Беларуси. Однако немецкое командование лишь частично использовало людей из Центра для этих целей. И, конечно же, оно не рассматривало БНЦ в качестве некоего правительства Беларуси. Лидеры христианских демократов (В. Ивановский, Я. Станкевич, С. Гринкевич) считали возможным участие в органах оккупационной администрации для их постепенной белорусизации и подготовки управленческих кадров, которые пригодятся в условиях независимости. Достижение суверенитета они связывали с победой западных союзников над Германией и СССР. Еще в 1940 г. Я. Станкевич создал подпольную организацию – Партию белорусских националистов (ПБН), которая пыталась наладить контакты с польскими сопротивлением. В подполье пришлось действовать и Белорусской независимой партии (БНП). Ее лидер – известный белорусский политик, активный участник народной самопомощи, ксендз “красного костела” в Минске В. Гадлевский был расстрелян гестапо в конце 1942 г. В июне 1944 г. БНП планировала организовать вооруженное антифашистское восстание в Минске, однако быстрое продвижение Красной армии к столице БССР сорвало этот сценарий [29].

Этапы ужесточения репрессий против белорусских патриотов и партизан оккупационные власти пытались совмещать с периодами либерализации своей политики в отношении белорусских организаций. Например, по инициативе В. Кубе в 1943 г. появилась довольно влиятельная Белорусская рада доверия (БРД) во главе с В. Ивановским (связанным с польским подпольем). В июне 1943 г. немцы пошли на учреждение Союза Белорусской молодежи (СБМ). Последняя организация насчитывала около 40 тыс. человек и занималась просветительской, издательской и спортивно-массовой работой. После убийства Кубе советским подпольем в сентябре 1943 г., а также в связи с ухудшением положения на восточном фронте оккупационный режим перешел к привычному для него закручиванию гаек. Массовое дезертирство из полицейских формирований, а также их низкая боеготовность послужили причиной переподчинения этих структур марионеточному белорусскому органу. В качестве такового выступила Белорусская центральная рада (БЦР) во главе с Р. Островским. БЦР провела мобилизацию в “белорусскую армию”, однако немцы, опасаясь дезертирств и перехода на сторону советских партизан, вооружили его лишь учебным оружием. В июне 1944 г. БЦР провела II Всебелорусский съезд (первый состоялся в 1917 г.) и громко заявила, что теперь в Беларуси есть собственное правительство. Но стремительное приближение Красной армии к Минску заставило членов БРЦ эвакуироваться вместе с немецкими оккупантами [30].

Таким образом, Вторая мировая война стала трагедией для каждой белорусской семьи. За годы войны наша страна потеряла каждого четвертого своего жителя (для сравнения Россия утратила 5,4% населения). Примерно третью часть из тех, кто погиб в Беларуси, составили евреи [31]. Трагичность данного исторического события усиливается тем обстоятельством, что в нашей стране война приобрела характер гражданского противоборства, которое глубоко раскололо нацию на две части. До сих пор этот аспект вооруженного конфликта умалчивается официальной историографией. Не менее важную и крайне негативную роль сыграло то, что после войны национальная идея и ее носители стали совершенно несправедливо ассоциироваться с коллаборационизмом и служением нацистским захватчикам. Как было показано выше, белорусское национальное движение в массе своей не было коллаборационистским. Как и партизанское движение (весьма неоднородное), так и белорусские организации, действовавшие на оккупированной территории, были разными. Наконец, парадоксально, но факт: чем дальше мы отдаляемся от тех событий, тем отчетливее просматривается стремление главы белорусского государства и его окружения использовать советскую

версию истории Второй мировой войны в качестве важнейшего фактора легитимации власти. Вот что отмечает в этой связи дочь известного белорусского партизана Т. Бумажкова в открытом письме А. Лукашенко:

“В Беларуси долгие годы ведется психологическая война против собственного населения – в традициях Советского Союза, с той же главной составляющей – дезинформацией. В первую очередь это касается истории Великой Отечественной войны, где незыблемость советской мифологии, очевидно, представляется Вашему окружению гарантом успеха в обработке массового сознания людей. Фальсификация событий войны дошла до грубой мистификации. Инициатором первого открытого надувательства страны в виде наглядной агитации – восстановление *Линии Сталина* – стал Ваш ближайший сподвижник Шейман – этот приводной ремень Москвы, сделавший в своей карьере почти цирковой кульбит от завклубом в советском гарнизоне в Афганистане до почти боевого генерала, если верить полученным наградам... Сталин с наркомом обороны Тимошенко и с начальником Генштаба Жуковым несут прямую ответственность за небывалый в истории разгром армии, по всем параметрам многократно превосходившей силы противника, и являются главными виновниками вала бедствий, страданий и горя, обрушившихся на Беларусь. Их имена не могут прославляться на нашей земле” [32].

В послевоенный период, вплоть до горбачевской перестройки, в Беларуси уже не наблюдалось значительных выступлений за национальное возрождение. Шла стремительная русификация культуры населения, которая была связана с быстрой индустриализацией и урбанизацией 60–70-х гг. Приезжая в города, бывшие жители белорусских деревень попадали в русскоязычную среду, к которой быстро адаптировались. Это привело к тому, что впервые в истории белорусскоязычная часть общества оказалась в меньшинстве в своей собственной стране.

История последних двух столетий свидетельствует о том, что в Беларуси стремление к национальному освобождению проявлялось всякий раз, когда империя сталкивалась с внутренними либо внешними проблемами. Но выразителями этих тенденций всегда становилось меньшинство, усилия которого не встречали поддержки у основной массы населения, у которого выработался инстинкт к самосохранению через *адаптацию к ситуации* и *общественную пассивность*. Одновременно элита власти в Беларуси обычно обеспечивала сохранение своего господства с помощью *сервильности* по отношению к центру. Например, после подавления нацдемовщины в конце 20-х гг. в коммунистической партии Беларуси уже не существовало национально ориентированного течения, которое присутствовало во многих других республиканских компартиях бывшего СССР. По этому поводу известный белорусский политик и журналист Сергей Наумчик отметил следующее:

“Литовские коммунисты, например, не оспаривали национальные ценности, содействовали развитию литовского языка, культуры и образования. Нельзя вообразить себе, чтобы, например, руководство компартии Литвы приказало уничтожить Троицкий (Тракайский) замок или вильнюсскую башню Гедимины (Гедимины). А вот в Минске Машеров приказал уничтожить Немигу, Слюньков – знаковое для белорусской театральной истории здание, в Витебске был уничтожен чуть ли не весь исторический центр, в том числе церковь Благовещения XII в. Подобное было невозможно ни в Литве, ни в Латвии, ни в Эстонии – зато повсеместно происходило в России. Белорусские коммунисты заимствовали эту ментальность с востока... Не мной было замечено, что в конце 80-х гг. в эшелоне высшего руководства были только два национально ориентированные секретаря... Руководство же ЦК было просто антинациональное, что особенно проявилось после отправки второго секретаря ЦК Г. Бартошевича, который симпатизировал национальной интеллигенции, послом Советского Союза в Северную Корею” [33].

Таким образом, крайне сложное и противоречивое историческое прошлое Беларуси оказало существенное влияние на характер и тенденции развития политических институтов белорусского независимого государства. Доминирование антинациональных сервильных умонастроений правящей элиты над освободительными устремлениями части интеллигенции при общественной пассивности народа нашло свое воплощение в авторитарном характере политического режима, установленного в середине 90-х гг., и в его консолидации в последующий период времени. Однако политический авторитаризм не является окончательным решением национальной проблемы. Его прочность постоянно подтачивают изнутри те силы, за которыми стоит европейская составляющая исторических традиций белорусского народа и европейское местоположение белорусского государства.

2. Геополитическое положение Республики Беларусь

Геополитическое положение государств в современном мире теснейшим образом связано с их *цивилизационной принадлежностью*. Известный американский политолог Хантингтон в книге *Столкновение цивилизаций* сделал вывод о том, что после краха коммунизма и вступления человечества в постидеологическую эпоху на первый план вышли так называемые культурные противоречия. В Восточной Европе основная линия раскола проходит между странами, относящимися к **западно-христианской цивилизации**, и теми, которые тяготеют к **восточно-христианскому (православному)** центру притяжения. К *основным западным ценностям* Хантингтон относит: античное наследие, католицизм и протестантизм, разделение духовной и светской власти, правление закона, социальный плюрализм, представительные органы, индивидуализм и контроль гражданского общества над политической властью [34].

На основании этих критериев Польшу, Литву, Латвию, Эстонию и многие другие европейские страны автор называет *государствами-членами* (*member states*) западной цивилизации. Украина, по его мнению, является классическим восточно-европейским примером *разделенной страны* (*cleft country*), часть населения которой тяготеет к российскому культурному ядру (*core state*) православной цивилизации, в то время как другая – стремится к союзу с западно-христианским миром. Беларусь, согласно американскому политологу, безоговорочно попадает в категорию государств-членов восточно-христианской цивилизации.

“В отличие от Армении, в Беларуси национальная идентичность имеет малое значение. Она также еще больше зависит от поддержки со стороны России. Многие ее жители, кажется, идентифицируют себя больше с Россией, чем со своей собственной страной. В январе 1994 г. парламент заменил умеренного националиста и центриста, который был главой государства, на консервативного пророссийского политика. В июле 1994 г. 80% избирателей проголосовали за пророссийского союзника Владимира Жириновского как за президента страны. Беларусь рано присоединилась к Содружеству Независимых Государств, была учредителем экономического союза, созданного в 1993 г. Россией и Украиной, согласилась на заключение монетарного союза с Россией, сдала свое ядерное оружие России и согласилась на размещение российских войск на своей территории до конца столетия. В результате в 1995 г. Беларусь во всем выглядела как часть России, за исключением своего названия” [35].

Теперь попытаемся дать собственный ответ на вопрос о месте Республики Беларусь на глобальной карте цивилизаций, отталкиваясь от критериев Хантингтона. Мы не будем ограничиваться описанием ситуации, сложившейся в стране после обретения ею суверенитета, но попытаемся привлечь исторические аргументы для такого анализа, проигнорированные американским политологом. Наш народ в такой же мере, как и народы Западной Европы, испытал на себе влияние *классического культурного наследия*, которое проникло на территорию Беларуси и через Византию, и через Священную Римскую Империю. Несмотря на то, что *христианство* пришло в Беларусь из Византии, наши предки испытали на себе влияние *католицизма*, а начиная с 1596 г. среди них стало быстрыми темпами распространяться *униатство*, основанное на православном каноне, но административно подчиненное Папе римскому. Униатство сделалось преобладающей конфессией на белорусских землях перед их инкорпорацией в состав Российской империи. Еще в XIX в. православному синоду пришлось вести ожесточенную борьбу за души белорусских

верующих, которых насильно обращали в православие после ликвидации Брестской церковной унии в 1839 г.

С середины XVI в. многие выдающиеся представители шляхты ВКЛ: Радзивилы, Кишки, Сапеги, Хадкевичи, Валовичи – стали оставлять католическую веру и переходить в кальвинизм. Вслед за крупными магнатами к *протестантизму* примкнули и богатые мещане из Вильно, Бреста, Несвижа, Клецка, Витебска, Минска и других крупных городов. Распространение протестантизма в Беларуси было насильственно остановлено внутренней консолидацией Речи Посполитой и открытыми гонениями католического костела и государства против “вероотступников”. Но аналогичной была ситуация и во Франции, и в западных и южных землях Германии, и в Австрии, т.е. везде, где победила контрреформация.

Следует отметить, что сосуществование различных конфессий на землях Беларуси было относительно мирным. Здесь не полыхали кровавые религиозные войны, как в Западной Европе в XVI–XVII вв. В Великое княжество Литовское, а не из него, шел поток беженцев, ищущих спасения от гонений после церковной реформы патриарха Никона в России в XVII в. Поэтому в сознании предков белорусов на протяжении столетий формировались и укреплялись ценности *толерантности*, без которых невозможно построить стабильное демократическое государство. Конечно, они существенно ослабили из-за деспотического правления российской монархии и КПСС, но не исчезли полностью.

Для Беларуси было свойственно *разделение духовной и светской власти* вплоть до ее поглощения Российской империей. Здесь полностью отсутствовал *цезарепанизм*. Данный термин означает, что духовная власть подчиняется светской, государство использует религию для достижения узкокорыстных целей правительства. Эта политика восходит к патронажу кесарей над клиром православной церкви Византийской империи, но своих вершин она достигает в России. Великий российский реформатор Петр I прославился среди прочего и тем, что самолично упразднил московскую патриархию и подчинил православную церковь синоду – специальному министерству по делам религии. В таком положении РПЦ безропотно просуществовала вплоть до революции 1917 г.

Идея *верховенства права*, подчинения всех единому закону, заимствованная у Цицерона, римских правоведов и авторов самых передовых законодательных актов тогдашней Европы, проходит красной нитью через Статут ВКЛ 1588 г., – выдающийся юридический памятник той эпохи. Своими некоторыми статьями, такими, как смертная казнь за убийство простолюдина, презумпция невиновности, ограничение рабства, декларация религиозной веротерпимости, этот

документ превосходил современные ему своды законов западноевропейских государств.

По уровню развития *социального плюрализма* средневековая Беларусь и Литва также не уступали Западной Европе. В Великом княжестве Литовском существовала могущественная аристократия-шляхта, с которой численно могла сравниться только испанская. Это объясняется тем, что литвинской аристократии нужно было вести постоянные войны с Москвой и Крымом, в то время как испанской – осуществлять реконкисту Пиренейского полуострова. На территории Беларуси существовало значительное количество крупных городов с развитым средним сословием. Многие из них пользовались привилегиями самоуправления, так называемым *магдебургским правом*, что непосредственно объединяло Беларусь с Европой. Это обстоятельство содействовало развитию элементов раннего гражданского общества. Существовало и большое разнообразие ассоциаций: автономных объединений ремесленников и торговцев, прихожан при костелах и церквах (православные братства, например).

Социальный плюрализм, как пишет Хантингтон, получил на Западе свое политическое воплощение в формировании и развитии *представительных структур* для знати, духовенства, горожан и купцов. Это важнейшая отличительная черта западной цивилизации, потому что именно из этих органов выросли институты современной демократии. В ВКЛ с XV в. таким общенациональным представительным органом шляхты стал *вальный сойм*. На нем не было представлено население городов (как в Чехии) или крестьянство (как в Швеции), но зато он обладал большими полномочиями (от избрания Великого князя до введения новых налогов), чем многие парламенты в западноевропейских странах, права которых были сильно урезаны в эпоху абсолютизма. Политический строй ВКЛ и Речи Посполитой многие историки называют *шляхетской демократией*.

Наконец, еще один вопрос цивилизационного теста Хантингтона касается *индивидуализма* и *защиты прав человека*. Как отмечает белорусский историк Геннадий Саганович, в Великом княжестве Литовском права и свободы распространялись в первую очередь на шляхту, затем на горожан, но, как явствует из Статута 1588 г., и на другие категории жителей. Например, как утверждает современный литовский историк Бирута Валионите, женщины в ВКЛ были защищены не хуже, чем во многих странах Западной Европы вплоть до поглощения белорусских земель Российской Империей [36].

Таким образом, начиная с момента возникновения государственности на белорусских землях в IX в. и до конца XVIII в., Беларусь принадлежала в большей степени к западной (точнее, к **европейской**), чем к восточно-христианской **цивилизации**. Инкорпорация в состав

России повлекла за собой самые пагубные последствия для нашей страны, привела к разрыву общей с другими народами Европы исторической и культурной традиции (см. вставку 16.1).

ВСТАВКА 16.1

Мы и Европа

Как подчеркивает белорусский философ Валентин Акудович, “возврат к европейским социальным, интеллектуальным и культурным ценностям для белорусов – не мода, не геополитический курьез и не временная прихоть. И “сдвигаться” в сторону Европы белорусы будут не потому, что там больше свободы и баранки даром дают, а потому, что там “коренные убеждения народа”, даже если сам народ “в силу исторических обстоятельств” и забыл об этом.

Возвращение Беларуси в Европу – это путь, от которого “мы не имеем права отказаться” и от которого “мы не смогли бы отказаться, даже если бы этого захотели”. Россия – наш фатум, но не наша судьба. О фатальной роли России в судьбе Беларуси достаточно говорилось. Однако Россией мы только спутаны, а взнузданы – Европой. Всем своим телом мы вписаны в пространственную фигуру Европы; более того, в свое время (Великое княжество Литовское, Речь Посполита) предки белорусов были не последним созидющим фактором этой фигуры и ее цивилизационным форпостом в славянском мире. И хотя позже этот “форпост” лезвием российской экспансии на Запад был отсечен от своего великого целого, его естественное место всегда остается за ним. И именно упомянутым фактором, прежде всего, обусловлено то, что даже два с лишним века русификации и целенаправленной ассимиляции ничего не смогли поделять с этим замороженным на собственную роль пространством, которое сегодня снова требует для себя статуса субъекта европейской истории” [37].

Десять столетий развития в рамках европейской традиции против двух веков “азиатчины” свидетельствуют о многом. В частности, этот факт свидетельствует о том, что существует очевидное *противоречие между национальными интересами белорусского государства и политическим курсом, осуществляемым нынешней правящей элитой.*

Президент А. Лукашенко неоднократно заявлял, что “он свою страну за цивилизованными народами не поведет”. Этот курс был избран не потому, что граждане Беларуси не хотят жить так, как живут народы цивилизованных (европейских) государств. Просто та система правления, которая была создана А. Лукашенко в нашей стране при помощи России, не совместима с европейскими ценностями. Глава государства сделал выбор в пользу консервации слегка модернизированной советской экономической и социальной модели, которая позволяла ему поддерживать внутреннюю легитимность собственной власти, но которая одновременно была абсолютно нежизнеспособной без постоянной и весьма значительной экономической помощи извне. То есть для решения частной задачи – обеспе-

чения умеренного экономического роста, достигнутого без проведения болезненных для населения рыночных реформ, – в жертву были принесены важные национальные интересы, неразрывно связанные с европейским вектором развития государства.

Боязнь того, что осознание вышеназванного противоречия станет массовым, заставляет белорусские власти использовать две противоположные линии поведения. Одна заключается в том, чтобы рассматривать Европу как обычное географическое понятие, но не понятие культурное и цивилизационное. Когда Лукашенко заявляет, что “Беларусь находится в центре Европы”, он понимает последнюю как часть света, и не более того. Это камуфлирует те фундаментальные различия, которые существуют между ценностями двух сторон: сообщества демократических европейских наций и правящего класса одного из государств.

Вторая стратегия состоит в утверждении того, что Беларусь – это демократическое государство, институты которого ничем не отличаются, от существующих в других европейских странах. Такая линия самозащиты была использована белорусским президентом во время его интервью австрийским журналистам в марте 2008 г. [38] (более подробная информация по этому вопросу дана в теме 17).

Обе стратегии не эффективны. Первая сталкивается с проблемами из-за невозможности информационной изоляции населения Беларуси, растущих экономических связей и контактов между людьми. Вторая – в силу сложившегося общественного мнения граждан европейских государств, с которыми вынуждены считаться их правительства и группы интересов, даже те, которые хотели бы закрыть глаза на вопиющие нарушения прав человека в Беларуси из соображений экономической выгоды.

Выгоды геополитического положения Беларуси в Восточной Европе давно уже превратились в инструмент шантажа других государств с целью укрепления авторитарного политического режима. С середины 90-х гг. данный инструмент был обращен против Запада. Выступая с идеологическим докладом в 2003 г., белорусский лидер заявлял, что “временем, судьбой, ситуацией Беларусь выдвинулась на, наверное, великую роль духовного лидера восточноевропейской цивилизации... Ощущение этого предназначения может поднять наш народ на удивительные подвиги. Множество людей в России, в Украине и в других странах смотрят на Беларусь как на пример последовательной и самостоятельной политики... Беларусь должна притягивать силы патриотической направленности со всего нашего Отечества, постсоветского пространства. Именно здесь люди должны получить трибуну, свободную от неолиберального террора и травли” [39].

После обострения белорусско-российских отношений, вызванных повышением цен на российские энергоресурсы для белорусских потребителей, объектом **геополитического шантажа** со стороны режима Лукашенко стала Россия. Президент Беларуси в многочисленных интервью для западных изданий в 2007 г. стал заявлять о необходимости пересмотра некоторых принципов внешней политики государства, важности сбалансированности внешнеполитического курса, наращивания “европейского крыла” у белорусского “суверенного самолета”, без чего его полет чреват катастрофой. Однако поскольку после столь громких и правильных заявлений в Республике Беларусь мало что было сделано по реальному сближению с Евросоюзом (в первую очередь, в области защиты прав человека), можно смело утверждать, что адресатом данных демаршей является руководство России. Оно должно и дальше спонсировать неэффективную “белорусскую модель”, содействовать повышению внутренней легитимности власти Лукашенко, если не хочет потерять своего “последнего союзника”. Курс шантажа обычно оборачивается против его инициаторов. Он чреват усилением опасной внешнеполитической изоляции Беларуси, которая негативно отражается не только на имидже властей, его проводящих, но и государства в целом.

Интересно сравнить отношение к Республике Беларусь как определенной геополитической реальности со стороны России и Евросоюза – двух важнейших международных акторов в восточноевропейском регионе. Как подчеркивает российский политолог Дмитрий Тренин, Беларусь только в силу ее геополитического положения является в высшей степени важным государством для любой российской власти.

“Располагаясь между Россией и Польшей, вдоль восточно-западной оси, и между Балтийскими странами и Украиной, вдоль оси с севера на юг, она одновременно является основным оборонным плацдармом и авангардной базой для наступления. С того времени, когда при Михаиле Горбачеве Россия вступила в фазу геополитического отступления и сокращения влияния за пределами своих границ, которая продолжается по сей день, оборонные функции явно преобладают. Доминирование стереотипов традиционного мышления, однако, искажает реальность. Для многих представителей российской политической элиты Запад (рассматриваемый как НАТО и ЕС) все еще отождествляется с потенциальным противником, Балтийские страны настроены антироссийски, а Украина находится в процессе захвата ее Западом и превращения в буферное государство, направленное против России. В такой ситуации дружественная Беларусь превращается воистину в бесценную. Россия же должна быть готова к значительным уступкам, чтобы и дальше сохранять ее в таком положении.

Эта тема с наибольшим пылом эксплуатируется Александром Лукашенко и его российскими адвокатами. Они представляют себя как единственных гарантов обеспечения стратегического простора для России: если бы их не было, армии

НАТО располагались бы уже под Смоленском, а не в районе Бреста. Однако за тот десяток лет, в течение которого применяются эти аргументы, они утратили большую часть своей притягательной силы. Две успешные волны расширения НАТО не привели к увеличению военной угрозы для России. Расширение Евросоюза, хотя оно и повлекло за собой много практических проблем, не изменило того факта, что страны ЕС остаются основными торговыми партнерами и главными инвесторами России. В начале XXI в. война между Россией и, скажем, Германией является такой же невозможной, как и между Германией и Францией. Одно дело, когда Калининградский анклав рассматривается как Западный Берлин прошлых лет (это делает Беларусь намного более ценной для России); и совершенно по-другому складывается ситуация, когда включаются экономические факторы, требующие разработки новых решений. Все это делает Лукашенко гораздо менее значимой фигурой, а не единственным защитником России от западной угрозы.

Более утонченная версия той же самой аргументации опирается на интерпретацию международных отношений как *игры с нулевой суммой*. Если мы ее применим, то окажется, что Россия отступает, а Запад наступает. Центрально-Восточная Европа и Балтийские страны, бывшие прежде под контролем Москвы, все они присоединились к Западу; Украина, Грузия и Молдова продемонстрировали недавно свое желание сделать то же самое. Если Россия хочет избежать западного окружения, она должна начать собирать земли самостоятельно, создавая Восточноевропейский Союз, как контрбаланс Евросоюзу и НАТО. Не лучше ли начать этот процесс с Беларуси, чей лидер пришел к власти в 1994 г. под лозунгом осуществления интеграции с Россией?

Лукашенко блестяще эксплуатировал как постимперскую ностальгию российской элиты, так и естественное стремление многих простых людей объединиться снова, разрушить барьеры границ, которых не существовало в течение последних двухсот лет, и установить тесные трансграничные связи. Тем не менее, многие люди понимали сущность его игры... Путин быстро увидел всю неискренность обещаний Лукашенко об интеграции, но он так и не нашел способа избавиться от своего ослепленного союзника..." [40].

По-иному расставляет акценты в своем анализе геополитического значения Беларуси для России другой российский политолог Николай Нартов. После распада СССР в России возникли потребности в компенсации огромной психологической травмы, которую получили все россияне, как представители политической элиты, так и простые граждане. Утрата Закавказья и Центральной Азии, отступление на западе до границ, существовавших в начале XVII в., обострение социальных и экономических проблем, быстрое превращение бывшей сверхдержавы в страну *третьего мира* поставило Россию перед историческим вызовом. Российским ответом на этот вызов стало усиление контроля, прежде всего, над странами СНГ. Утвердившийся в русском языке термин *близкое зарубежье* отражает передний план российских геополитических притязаний.

- Россия заинтересована в установлении наиболее плотного контроля над Беларусью, потому что через ее территорию идет 75–80% российского транзита на Запад.

- Территория Беларуси является мостом между Балтией и Украиной, контроль над которой не позволит создать “антиимперский блок” независимых государств, расположенных между Балтийским и Черным морями.
- Существуют возможности непосредственного выхода российских войск на границы с Украиной и странами НАТО, развертывания деятельности на ее территории российских систем противоракетной обороны, а в перспективе – возвращения сюда ядерного оружия и ракет среднего радиуса действия.
- Территория Беларуси играет важную роль в обеспечении сухопутных связей с Калининградским анклавом России.
- Согласно расчетам российских экономистов, экономическое поглощение Беларуси за 2–3 года может обеспечить 25% прироста российской экономики [41].

Наиболее непримиримо по отношению к идее сохранения суверенитета белорусского государства настроен российский геостратег и представитель новой волны евразийства Александр Дугин. Он даже подраздел своей книги, посвященный анализу геополитического местоположения Республики Беларусь, назвал “Объединение Белоруссии и Великороссии”.

“Эти территории, куда входят Белоруссия, центральная часть Украины, Молдавия, Румыния, Сербия и Болгария, имеют двойственную геополитическую природу – географически они принадлежат к южному сектору Средней Европы, а культурно и конфессионально к России-Евразии. Духовная идентичность этих народов складывалась из противостояния исламу на юге и католицизму на западе, их национальная идея неразрывно связана с православием. В такой ситуации Москва не может ни полностью делегировать геополитический контроль над регионом Германии, ни заявить о своем прямом политическом влиянии на эти страны...”

В отношении Белоруссии геополитическая картина довольно ясная. За исключением небольшой части полонизированных белорусов (католиков и униатов, а также поляков), подавляющее большинство населения однозначно примыкает к русскому пространству и должно быть рассмотрено как субъект центрального евразийского этноса, т.е. как “русские” в культурном, религиозном, этническом и геополитическом смыслах. Языковая специфика, некоторые этнические и культурные особенности не меняют общей картины. Поэтому с Белоруссией Москва должна интегрироваться самым тесным образом, не забывая при этом о том, что поощрение культурной и языковой самобытности белорусов является важным позитивным моментом во всей системе евразийской интеграции. В отношении этносов, принадлежащих к единому государству, этот принцип следует соблюдать столь же строго, как и в отношении пограничных народов или соседей. Единственный болезненный шаг в Белоруссии, который необходимо предпринять для предупреждения центробежных и подрывных тенденций, это выделение в особую административную категорию некоторых областей, компактно заселенных католиками и униатами вплоть до предоставления им значительной автономии, достаточной

для того, чтобы войти в Среднеевропейское пространство. Стремление любой ценой удержать Белоруссию всю целиком под прямым и жестким контролем Москвы приведет к тому, что и в ней самой, и со стороны западных соседей Россия будет иметь тлеющие угли потенциального геополитического конфликта, который в данном случае (в отличие, например, от Литвы) может быть решен в интересах всех заинтересованных сторон.

Белоруссию следует рассматривать как часть России, и поэтому интеграцию с ней надо проводить по оси Запад – Восток, являющейся приоритетной во всех случаях внутренней организации этнически однородного пространства. Настоящая западная граница России должна пролегать намного западнее, поэтому в полноценной геополитической картине белорусские земли скорее относятся к центральной области, чем к западной окраине” [42].

Таким образом, российские политологи по-разному оценивают Беларусь как геополитическую реальность и дают различные рекомендации своему правительству относительно политического курса по отношению к ней. Если первый подход можно назвать рациональным и прагматичным, то последний балансирует на грани великодержавного шовинизма и принесения национальных интересов в жертву молоху геополитического реваншизма. Политика Кремля по отношению к Беларуси также не стабильна. Она колеблется между двумя полюсами: *прагматизма* “маркетизации отношений” с РБ и *идеализма*, выраженного в откровенной поддержке минского правителя как единственного союзника РФ в регионе.

Несмотря на различие подходов российских ученых и политиков по данному вопросу, всех их объединяет то, что они считают Беларусь очень важным для России государством, занимающим удобное положение в Восточной Европе. Аналогичное понимание значения местоположения Беларуси долгое время отсутствовало у западноевропейских политологов и аналитиков. Как отмечает польский ученый Пшемислава Журавски-вель-Граевски, Беларусь долго воспринималась как новая страна на политической карте Европы. Ни у одного государства-члена “старого” ЕС не было традиций дипломатических отношений с этой страной, большинство простых граждан до 1991 г. затруднялись находить ее местоположение на карте. В первые месяцы после распада СССР основной заботой Европейского Сообщества в отношении республик бывшего Советского Союза было обеспечение мирного характера их “развода” и государственного контроля над ядерным арсеналом, размещенным на их территории. Другими словами, стабилизация ситуации была более приоритетной задачей, нежели демократизация новых политических образований. Это в полной мере относится и к Беларуси.

“Более того, геополитические обстоятельства сложились не в пользу привлечения большего европейского внимания. Масштаб российского влияния в Беларуси оставался намного более высоким, чем в любой другой европейской

стране. Польша, Литва и Латвия были слишком слабыми странами и слишком занятыми восстановлением собственного суверенитета, чтобы оказывать эффективную поддержку продемократической и прозападной ориентации Беларуси. Беларусь была также лишена того стратегического веса, которым обладала Украина. В результате, в большинстве “старых” государств-членов доминировала та точка зрения, что дорога в Минск идет через Москву. Немногие европейские страны рассматривали Минск как важного актора самого по себе” [43].

Поэтому у стран ЕС и не оказалось эффективных инструментов воздействия, тех “пряников” и “кнутов”, с помощью которых можно было бы влиять на политическую ситуацию в Беларуси. Лукашенко переигрывал брюссельских стратегов, которые только увещевали своего минского визави, принимали огромное количество пустых заявлений, не подкрепленных реальными действиями.

Ситуация стала меняться только после мая 2004 г. и расширения Евросоюза. Последняя диктатура в Европе оказалась непосредственным соседом ЕС. Для Литвы, Латвии и Польши, которые граничат с Беларусью, демократизация политической системы нашей страны всегда была связана с жизненно важными национальными интересами. Это означает, что впервые в институтах Евросоюза сформировалось влиятельное пробелорусское лобби. Активная роль Польши и Литвы, а также ЕС в целом в демократизации Украины означает, что отработан и определенный механизм эффективной поддержки структур гражданского и политического общества, действующего на постсоветском пространстве. Вместе с тем, Оранжевая революция в Украине была также успешно использована Лукашенко и его окружением для обеспечения продолжения крупномасштабной политической, экономической и военной помощи со стороны России белорусскому режиму.

Объясняя недостаточное внимание ЕС к Беларуси в 90-е – начале 2000-х гг., литовский исследователь Рамунас Давидонис предложил, опираясь на концепцию Дойча, использовать такое понятие, как **европейское пространство безопасности** (*European Security Community*). В него входят страны, война между которыми является абсолютно немыслимой. Если применить это определение к Беларуси, то окажется, что она не полностью соответствует данному критерию. Но если страна откажется от авторитаризма, перейдет к демократии и рыночной экономике и начнет осуществлять прозападный курс во внешней политике, то Беларусь может стать частью европейского пространства безопасности [44].

Автор совершенно справедливо указывает на один очень важный момент: Европейский Союз с самого начала был объединением государств, опирающихся на общие ценности. Одно географическое местоположения страны (каким бы выгодным оно не было) не доста-

точно для того, чтобы стать частью сообщества свободных европейских народов. Но европейская “история и география” могут, конечно же, помочь народу решить интеграционную задачу раньше других наций, лишенных таких преимуществ. Парадоксальным кажется тот факт, что, как отмечает Давидонис, у “ЕС была общая стратегия, касающаяся России, но не было ничего подобного по отношению к Беларуси. Европейский Союз был убежден, что Россия должна сыграть главную роль в попытках убедить белорусское руководство в необходимости проведения демократических реформ. Поэтому ЕС пытался включать белорусский вопрос в повестку дня двусторонних европейско-российских переговоров. Москва, однако, отказывалась даже обсуждать проблему Беларуси, ссылаясь на то, что ЕС продолжает поддерживать непосредственные контакты с Лукашенко, без вмешательства со стороны России” [45].

На наш взгляд, главная причина неудачи Брюсселя в его многочисленных попытках оказывать давление на Минск как раз и заключается в том, что ЕС считал возможным использовать для этих целей Россию. Демократизация Беларуси была поручена стране, которая всегда была весьма далекой от европейских ценностей, а с 1999 г. открыто демонстрирует миру стремительное отступление от принципов демократии, уважения к правам человека, правовому государству, свободе СМИ и т.д. Не принадлежит Россия и к европейскому пространству безопасности, что бы ни утверждал по этому поводу Тренин (см. текст выше).

Данная точка зрения разделяется известным французским политологом Александрой Гужон, которая считает, что “Евросоюз должен высказаться за ясную стратегию по отношению к этой стране (Республике Беларусь – замеч. авт.), которая отличается от своих соседей (будь это Украина или Россия), претерпевая политические, социальные и национальные преобразования, отличные от тех, которые происходят в этих странах. Политика ЕС по отношению к Беларуси должна освободиться от геостратегического подхода, который неуклонно включает Беларусь в сферу влияния России. Перемена власти в Украине осенью 2004 г. и рост проевропейских политических сил в Беларуси доказывают, что вся западная часть бывшего Советского Союза может превратиться в сферу влияния ЕС” [46].

По мнению нидерландского исследователя Сандера Хьюзмэна, Беларусь оказалась не в состоянии извлечь пользу из своего выгодного геополитического положения из-за авторитарического правления и советской экономической модели. Страна не смогла привлечь существенные иностранные инвестиции, а местным предпринимателям приходится работать в очень неблагоприятных условиях. Долгое время единственным спонсором Беларуси выступала Россия, что создавало угрозу суверенитету государства. При В. Путине Российская

Федерация стала постепенно сокращать свою поддержку режиму А. Лукашенко; это поставило его в затруднительное положение [47].

Оценивая политику Евросоюза в отношении Беларуси, автор утверждает, что Брюссель пытался проводить одновременно несколько курсов, плохо скоординированных между собой. Кроме того, стратегия ЕС носила одновременно и инклюзивный, и эксклюзивный характер. “С одной стороны, Евросоюз стремился к тому, чтобы ангажировать Беларусь и максимизировать так называемые экономические вызовы, связанные с расширением организации. С другой стороны, он добивался строительства сильной внешней границы, чтобы минимизировать риски безопасности, исходящие от нестабильных государств. Второй подход лучше подходил для противодействия рискам безопасности, которые исходят от лукашенковской Беларуси. Евросоюз еще может сыграть свою роль в поддержке демократизации Беларуси... Брюссель должен хотя бы попытаться установить такие отношения с Минском, вместо того, чтобы оставаться забывчивым и лишь фиксировать то, как Лукашенко управляет Беларусью... С помощью гибкого подхода, основанного на четких условиях, уже хорошо известных Лукашенко, ЕС должен получить результат в длительной перспективе. Такая стратегия должна предоставить белорусскому обществу значительное количество стимулов и возможностей для устойчивого развития в долгосрочном плане. Это то, что ЕС может сделать. Наибольшим вопросом является то, захочет ли Лукашенко осуществлять перемены, которые могут стоить ему нынешней власти и влияния. К сожалению, история не знает примеров того, как диктаторы добровольно внедряли изменения за их собственный счет” [48].

Как свидетельствуют события 2008–2009 гг., и в “новой”, и в “старой” Европе сильны еще позиции тех людей, которые или по-прежнему пытаются “идти в Минск через Москву”, или же выстраивать отношения непосредственно с белорусским авторитарным лидером, не помышляя при этом о необходимости демократизации политической системы. Если программа **Восточное партнерство** ЕС, в которую включена и наша страна, будет и дальше осуществляться “без предварительных условий” (связанных с улучшением ситуации в области прав человека) и “без посредников” (представителей оппозиции), мы станем свидетелями перехода Брюсселя в отношениях с Минском к осуществлению стратегии *realpolitik*. Данный курс, как известно, ставит на первое место интересы сторон и отбрасывает принципы. В нашем случае ЕС хотел бы содействовать укреплению независимости Беларуси, чтобы предотвратить угрозу инкорпорации государства в состав России. При этом не важно, кто стоит у власти в Минске, важно предоставить Беларуси альтернативу

сотрудничества с Европой в условиях набирающего обороты экономического кризиса.

Сам факт включения Беларуси в данную программу не может не приветствоваться. Вместе с тем, *realpolitik* ЕС в отношениях с РБ (за что ругает Лукашенко) не может привести к достижению тех прагматических результатов, которые хотели бы получить некоторые европейские политики. Во-первых, такой курс укрепил бы не суверенитет Беларуси, а суверенитет ее руководителя, который давно уже не считается с волей белорусского народа. Хорошо известно, что он не скрывает и своего искреннего презрения не только к демократии, но и к европейским ценностям в целом. Во-вторых, безусловная поддержка Минска Брюсселем была бы использована первым в своих играх с Кремлем. Она позволила бы Лукашенко набивать себе цену в переговорах с Путиным – Медведевым, требовать дополнительных кредитов и преференций, что только усилило бы экономическую зависимость Беларуси от России. В-третьих, при Лукашенко Беларусь превратилась в активного военного союзника России. В 2009 г. наша страна присоединилась к амбициозному проекту Кремля по созданию сил быстрого реагирования в рамках ОДКБ, которые, по словам российского президента Дмитрия Медведева, должны стать военной альтернативой НАТО в регионе. Ни у кого не должно возникать сомнений на тот счет, на чьей стороне придется сражаться белорусским подразделениям, в случае если Российская Федерация пойдет на эскалацию конфликтов в постсоветском регионе. На наш взгляд, *realpolitik* Брюсселя в случае реализации данной стратегии принесет гораздо больше выгод лишь одной стороне.

Следовательно, как и в России, в Европе существуют разные подходы к пониманию места Беларуси в Восточной Европе и выстраивания политики по отношению к ней. Это является лишним доказательством выгодности геополитического положения Беларуси. И с точки зрения своей цивилизационной принадлежности, и с точки зрения географического местоположения в центре Европы данный фактор в перспективе должен сработать на демократизацию политической системы, независимость государства, сближение Беларуси со странами Евросоюза и Украиной, развитие равноправных и взаимовыгодных отношений с Россией. Потенциал шантажистского геополитического курса, который все еще осуществляется режимом Лукашенко, значительно сократился. Он не может и дальше служить оплотом для государственного суверенитета.

3. Экономическое развитие Беларуси

Белорусская Советская Социалистическая Республика была одним из тех образований в составе Советского Союза, в котором

достаточно поздно проведена индустриализация и урбанизация. Как отмечает белорусский экономист Михаил Залесский, до 1960 г. в структуре производства Беларуси основное место занимало сельское хозяйство. В 1972 г. промышленность составляла уже 28%, а сельское хозяйство – 18%. При этом среднегодовые темпы прироста основных фондов промышленности и строительства на протяжении двух пятилеток в 2 раза превышали показатели сельского хозяйства [49].

Причины такой политики кроются в стремлении кремлевского руководства превратить Беларусь в аналог Восточной Украины. Оба региона должны были производить до 1/4 продукции всего военно-промышленного комплекса СССР. Это обстоятельство объясняет быстрое развитие энергоемкой крупной промышленности в нашей стране. В структуре индустриального сектора главные позиции принадлежали машиностроению и металлообработке, химической промышленности. Опережающими темпами развивалась также оптика и радиоэлектроника. Предприятия Беларуси зависели от поставок сырья и комплектующих изделий из других частей огромного государства, а сами они превратились в “сборочный цех” всего Советского Союза.

Несмотря на то, что БССР располагала только 1/30 частью пашенных земель СССР, она производила 1/7 всего выращиваемого картофеля, 1/4 льна, 6% мяса и 7% молока. В республике развивались крупные животноводческие комплексы, которые снабжали мясом и молоком население Москвы и Ленинграда, а также жителей крупных промышленных центров на востоке Советского Союза. Беларусь должна была также обеспечивать жизнедеятельность тыловой инфраструктуры советской военной группировки на северо-западном направлении (в Восточной и Центральной Европе).

Через территорию Беларуси проходят стратегически важные транспортные и энергетические артерии. В советское время были проложены важнейшие нефте- и газопроводы, которые до сих пор активно используются Россией для осуществления поставок энергоресурсов в Европу. Незадолго до краха СССР были построены неплохо по тем временам оборудованные нефтеперерабатывающие заводы в Новополоцке и Мозыре. “Экономический профиль сегодняшней Республики Беларусь был в основном сформирован до получения нашей страной независимости. Трудно сказать сегодня, по воле ли руководства СССР или против этой воли произошло превращение Беларуси во что-то подобное “сухопутной зоне Панамского канала”. От того, насколько успешно Беларусь адаптируется к этой геополитической и экономической роли в условиях современной экономической глобализации, зависит судьба нашей страны” [50].

В первые годы независимости данная адаптация происходила с очень серьезными трудностями. Как справедливо отмечает экономист Александр Матяс, “после распада СССР, в условиях, когда начался процесс дезинтеграции единого экономического пространства бывшего Союза, открытая экономика Республики Беларусь (особенно промышленность) оказалась в сложнейшем положении, пережив *двойной шок*. С одной стороны, произошло резкое сокращение традиционных рынков сбыта белорусской продукции; с другой стороны, на порядок выросли и приблизились к мировым цены на энергоносители и сырье; негативный эффект от этого роста усиливался чрезмерной девальвацией рубля” [51]. Предприятия Беларуси были не готовы к работе на внешних рынках, не связанных с СНГ. Население в массе своей не считало жизнь в Советском Союзе слишком тягостной и беспросветной и опасалось той свободы и ответственности, которую несли с собой рынок и демократия. Политическая и экономическая элита не умели действовать эффективно в условиях реального суверенитета.

Все это объясняет, почему консерваторы одержали полную победу в Беларуси после обретения страной независимости. Экономическая политика премьер-министра В. Кебича была рыночной только на словах. Несмотря на то, что с 1992 г. в основном действовали свободные цены в сфере оптовой торговли, был установлен жесткий государственный контроль над розничными ценами. Поскольку Беларусь тогда входила в *единую рублевую зону* в рамках СНГ, это не нанесло значительного ущерба финансовой системе страны и даже позволило обеспечить ей временные преимущества над теми постсоветскими странами, которые рискнули сохранить полный монетарный суверенитет. Благодаря усилиям немногочисленной, но весьма активной фракции оппозиции БНФ в парламенте, были приняты некоторые важные рыночные законы, но большая их часть не работала. Правительство взяло курс на выделение субсидий неэффективным государственным предприятиям; формирующийся частный сектор не мог на равных вести с ними успешную конкурентную борьбу. Во внешнеэкономической сфере лозунгом дня было “восстановление разрушенных хозяйственных связей” с Россией и другими странами СНГ.

Летом 1993 г. Россия прекратила хождение рубля в странах СНГ. В Беларуси эта мера спровоцировала гиперинфляцию. Власти нашей страны видели только один путь выхода из кризиса – присоединение к *рублевой зоне* России. Однако такое решение было крайне опасным для суверенитета молодого государства. Переговоры по этому вопросу шли трудно и не привели к успеху. Экономика Беларуси оказалась в состоянии хаоса. По данным Всемирного банка, спад в 1992–1995 гг. достиг 40% ВВП [52]. В сложившейся ситуации бывшая ком-

мунистическая номенклатура, чтобы сохранить контроль над страной, решила изменить форму правления: в 1994 г. в Беларуси была принята Конституция, предусматривавшая введение поста избираемого на всеобщих выборах президента с большими властными полномочиями.

Однако совершенно неожиданно для правительства на президентских выборах одержал победу представитель провинциальной номенклатуры Александр Лукашенко, который проводил кампанию под откровенно антирыночными, популистскими и пророссийскими лозунгами (он, в частности, обещал заключить союз с РФ как первый шаг на пути к восстановлению СССР). В 1996 г. президент консолидировал всю власть в своих руках, совершив конституционный переворот. Это позволило Лукашенко приступить к выполнению популистской экономической программы, которая предусматривала ужесточение государственного контроля над большим количеством цен, сохранение крупных промышленных предприятий без их рыночной реструктуризации, дотации колхозам, сворачивание приватизации, обеспечение экономического роста и доходов населения (в первую очередь своего электората) любой ценой.

Несмотря на пессимистические прогнозы многих белорусских и западных экспертов, А. Лукашенко добился определенных успехов в реализации своей программы. С 1996 г. белорусская экономика демонстрирует позитивную динамику. По мнению экспертов Всемирного банка, рост экономики Беларуси следует разделить на *два периода*: 1996–2000 гг. и с 2001 г. по настоящее время. Эти два периода существенно различаются по внешним и внутренним условиям, основным характеристикам. В 1996–2004 гг. прирост ВВП составил 77,4% или 6,6% в среднегодовом исчислении. В 2006 г. ВВП Беларуси вырос сразу на 10% (в сопоставимых ценах), а в 2007 г. – еще на 8,2% [53].

“Опыт Беларуси в определенном смысле противоречит стандартной парадигме переходного периода, и относительная стабильность белорусской экономики была названа **парадоксом**. На сегодняшний день в активе Беларуси – девять (уже двенадцать – *замеч. авт.*) лет непрерывного экономического роста, впечатляющее снижение уровня бедности, стремительный рост реальной заработной платы и пенсий и низкий уровень безработицы. В то же время экономический рост не подкреплен последовательной макроэкономической стратегией, решительными структурными и институциональными реформами и успехами в развитии частного сектора. Несмотря на некоторую либерализацию, проведенную в ходе реформ, для экономики Беларуси все еще характерно значительное регулирование и сильный государственный контроль” [54].

На первом этапе решающую роль в обеспечении экономического роста в Беларуси сыграли *особые отношения с Россией*. Беларусь сохранила производственные мощности в промышленности

лучше, чем это смогла сделать сама ее восточная соседка. В результате заключения так называемого союзного договора была практически упразднена таможенная граница между двумя странами. Белорусские товары получили важные ценовые преимущества на российском рынке. Они не были лучшего качества, но стоили дешевле из-за значительно более низкой оплаты труда белорусских производителей. Когда в России возобновился экономический рост, после дефолта 1998 г., белорусская промышленность уже занимала прочные позиции в РФ и смогла извлечь выгоду из новой ситуации, наращивая экспорт. Рост в Беларуси стал возможен благодаря увеличению загрузки существующих производственных мощностей, а не создания новых, что не требовало больших капиталовложений.

Как утверждает белорусский политолог Виталий Силицкий, получение российских экономических преференций было оплачено существенными уступками Минска в военной и политической сферах и даже обещаниями Лукашенко присоединить Беларусь к России. Они стали частью стратегии Лукашенко, направленной на укрепление его личной власти.

“Так в марте 1996 г. он использовал списание 1 млрд. долларов белорусского долга России фактически в обмен на согласие оставить на своей территории российские военные базы. Через год, подписав соглашение о создании союза (точнее, аморфного объединения двух отдельно управляемых государств) с Россией, Беларусь получила *неограниченный доступ на российский рынок*, а также *возможность приобретать нефть и газ по тем же ценам, что и российские потребители* (примерно в 2 раза ниже мировых). Таможенный союз между двумя государствами дал Беларуси контроль почти над 70% всего российского экспорта и импорта на Запад и с Запада, который проходил через ее территорию. *Таможенные платежи* за российский импорт собирались белорусскими властями, и формально их часть переводилась в Россию. Но белорусская сторона после этого нередко оставалась в плюсе. Только в 1998 г. сумма сокрытых Беларусью платежей, собранных с импортных автомобилей, которые перегонялись в Россию, составила около 600 млн долларов.

Еще более существенной преференцией Беларуси со стороны России были условия, на которых осуществлялась торговля между двумя странами. Только часть этой торговли была монетаризирована, остальная представляла собой *бартерные сделки*... Объем поставок с каждой стороны (т.е. количество тонн нефти и единиц техники) теперь зависел от того, как та или другая сторона оценивали свою продукцию в долларовом эквиваленте. Поскольку белорусы определяли стоимость своих тракторов или грузовиков в соответствии с официальным курсом, который, скажем, на 30% превышал рыночный, российские покупатели фактически переплачивали 30% от стоимости товара. Некоторые товары – химическое волокно, сахар – Россия, таким образом, покупала у Беларуси по ценам, которые на 60% были выше мировых. Кроме того, существование клиринговых механизмов и бартерных схем позволило Беларуси оплатить значительную часть своих долгов за энергоносители значительно быстрее, чем в случае использования живых денег...

В целом сумму ежегодных российских дотаций белорусской экономике в период 1997–1998 гг. можно оценить в сумму 1,5–2 млрд. долларов... Налагаясь друг на друга, разные аспекты белорусско-российской интеграции превратили ее в игру в одни ворота, при которой экономический рост в Беларуси делался возможным при замедлении роста в самой России. С одной стороны, нереформированная белорусская экономика оказалась в состоянии продемонстрировать быстрый рост исключительно благодаря самопожертвованию России, которая брала большие государственные заимствования, страдала от дефицита бюджета, списывала долги и отказывалась от получения таможенных платежей. С другой стороны, пока белорусские власти субсидировали свою промышленность, российские предприятия, которые производили аналогичные товары, пережили болезненную реструктуризацию... Когда в 1999 г. российские производители, модернизировав свою технологическую базу, начали оживать, белорусские товары стали вытесняться с российского и даже с собственного, белорусского рынков” [55].

По мнению бывшего председателя Национального банка Беларуси Станислава Богданкевича, “белорусские достижения обеспечены без сколько-нибудь серьезных социальных потрясений, посредством возврата к проверенной *советской практикой* методам *централизованного управления* и в рамках проведения ярко выраженной социально-экономической политики (социал-популизма – замеч. авт.). В отличие от других стран с переходной экономикой, белорусское государство сохранило за собой прямой контроль примерно за 75–80% экономики. Этот контроль включает в себя возможности введения жесткого правила *золотой акции*, сокращение до минимума института банкротства неплатежеспособных предприятий, административное вмешательство в процессы ценообразования, определение верхних пределов торговых наценок и норм прибыли производителей, а также установление в централизованном порядке целевых показателей заработной платы. Причем, в отличие от советского периода, директивные показатели по зарплате никак не увязываются с ростом производительности труда. Осуществляется по решениям власти целевое банковское кредитование отдельных предприятий и целых отраслей независимо от реальной платежеспособности кредитополучателей, причем в значительной части по льготным процентным ставкам” [56]. Помимо *экзогенных (внешних) факторов* белорусского парадокса, в основном проанализированных выше, Богданкевич выделяет и важные *внутренние факторы*, которые оказали серьезное влияние на экономическую динамику.

“Главным внутренним источником экономического роста в истекшие годы стала *денежно-кредитная экспансия* и квазيبюджетная деятельность правительства, направленная на широкое перераспределение финансово-кредитных ресурсов в целях поддержания производства даже на неэффективных и стабильно убыточных предприятиях и принуждение к росту заработной платы. Тем самым обе-

спечивалось всемерное расширение *потребительского и инвестиционного спроса* на внутреннем рынке, что стимулировало рост ВВП. Доля убыточных предприятий в валовом ВВП колеблется в пределах 12–15%. Денежно-кредитная экспансия характеризуется следующими показателями: прирост экономики на 6–11% обеспечивается ежегодным приростом задолженности субъектов хозяйствования перед белорусскими банками до 60%...

Экспансивность правительственной экономической политики проявлялась также в практике широкого *государственного вмешательства квазибюджетного характера*... К квазибюджетной деятельности относится предоставление различных налогово-бюджетных и кредитных льгот и субсидий отдельным предприятиям и отраслям, поддержание отдельных секторов или потребителей посредством вне рыночного уменьшения цен или тарифов... Квазибюджетная деятельность органов власти позволяет занижать размер бюджетного дефицита, несколько приукрашивая положение дел в финансовой сфере...

Ключевым фактором здорового экономического роста всегда и везде является рост производительности труда. В 2000–2005 гг. рост реального ВВП на занятого человека в среднем составлял не менее 8%. Однако в этот же период времени реальная заработная плата повышалась в среднем на 13–14%, или ее рост был почти в 2 раза выше. Это явилось результатом проводимой ярко выраженной социальной политики, в арсенале которой использовалось *повышение заработной платы, невзирая на издержки и производительность предприятий*. В определенной мере более высокий рост зарплаты был возможен в силу все возрастающей маржи в операциях с энергоносителями, импортируемыми из России. В результате этого роста спроса на внутреннем рынке (товары и инвестиции), безусловно, обуславливал и рост производства ВВП” [57].

В течение *второго периода* экономического роста Беларуси (2001 г. – настоящее время) роль первоначальных стимулирующих факторов (привилегированного доступа на российский рынок, временных ценовых преимуществ белорусских производителей, субсидирования национальных экспортеров) постепенно снижалась. При этом сформировались некоторые новые факторы, которые содействовали сохранению позитивной экономической динамики Беларуси. Эксперты Всемирного банка считают, что важнейшую роль сыграло радикальное *улучшение внешней конъюнктуры*. Рост цен на нефть на мировом рынке принес нашей стране прямые выгоды, связанные с увеличением объемов экспорта продукции нефтепереработки, а также косвенные преимущества из-за ускорения темпов экономического роста в России и увеличения спроса на ее рынке. Кроме

нефти в эти годы подорожали металлопродукция и удобрения, которые составляют достаточно важные статьи белорусского экспорта. Под воздействием усилий государства в области оплаты труда *повысился спрос на внутреннем рынке*. Он был также связан и с ограничениями импорта потребительских товаров, созданием благоприятных условий для национальных товаропроизводителей.

Фактором роста стало и *“улучшение работы отечественных предприятий в отдельных секторах, связанное с усилением конкуренции на внешних рынках, определенной макроэкономической стабилизацией внутри страны, а также ужесточением бюджетных ограничений. При всех существующих проблемах промышленный сектор Беларуси смог добиться значительного роста как производительности, так и экспорта... у страны были и все еще есть существенные конкурентные преимущества на своем основном рынке экспорта – России”* [58].

Улучшение работы белорусских предприятий произошло под влиянием *частичной либерализации* экономической политики в 2000 г. проведением косметических преобразований рыночного характера. Речь идет об *“усовершенствовании макроэкономической политики: унификации обменного курса, более жесткой денежно-кредитной политике, осуществлении фискальных и квазифискальных корректировок, более низком уровне инфляции*. Политика в сфере оплаты стоимости энергоносителей и коммунальных услуг была перенацелена на обеспечение полного возмещения затрат за счет *повышения тарифов* и жесткой платежной дисциплины. Была инициирована новая политика в сфере оплаты труда и доходов, стимулирующая *спрос на внутреннем рынке*. Произошел поэтапный *отказ от бартерных расчетов*, который, ко всему прочему, способствовал определенному ускорению процесса диверсификации экспорта и отказа от его концентрации исключительно на российском рынке... В июне 2000 г. официально была восстановлена независимость Национального банка (ранее, в соответствии с декретом президента, он подчинялся правительству)” [59].

Вместе с тем Всемирный банк отмечает, что по темпам структурных реформ Беларусь отстает от большинства стран с переходной экономикой. Из девяти основных областей реформирования (приватизация крупных предприятий, приватизация малых предприятий, управление и структурные реформы на предприятиях, либерализация цен, внешняя торговля и валютная система, антимонопольная политика, банковская реформа, фондовый рынок, инфраструктурные реформы) наибольший успех был достигнут в области либерализации цен и торговли. Однако примечательно, что именно в этой сфере Беларусь имеет самые худшие показатели среди стран с пере-

ходной экономикой, разделяя последние места с Туркменистаном и Узбекистаном. Малая приватизация пока не завершена, в то время как приватизация крупных объектов государственной собственности носит крайне ограниченный характер. В Беларуси сложились наименее благоприятные условия для развития бизнеса малых частных компаний и индивидуальных предпринимателей (см. вставку 16.2). Неудивительно, что удельный вес частного сектора в ВВП составляет около 25%. Только Туркменистан (из стран с переходной экономикой) имеет аналогичное значение данного показателя [60].

ВСТАВКА 16.2

Беларусь – одна из самых экономически несвободных стран мира

Территорией с *самой свободной экономикой* в мире по-прежнему остается Гонконг. Замыкают список Беларусь, Иран, Туркменистан, Мьянма, Ливия, Зимбабве, Куба и КНДР. Об этом свидетельствуют опубликованные сегодня (15.01.08) результаты ежегодного исследования газеты *The Wall Street Journal*. Так называемый *индекс экономической свободы* Гонконга авторы доклада оценили в 90,3 балла из 100. На втором месте – Сингапур, чей показатель составил 87,4 балла. Замыкает тройку Ирландия (82,4). В десятку лидеров также вошли Австралия, США, Новая Зеландия, Канада, Чили, Швейцария, Великобритания.

Россия с показателем 49,9 балла в этом году оказалась на 134-м месте – между Украиной и Вьетнамом. Китай получил 52,8 балла и находится на 126-й позиции среди 162 стран и территорий мира, охваченных исследованием.

Данный рейтинг составляется специалистами на основе расчетов по 10 основным критериям, учитывающим степень экономических, торговых свобод, инвестиционной открытости, вмешательства государства в экономику, коррупции и т.д. [61].

Отсутствие структурных реформ в Беларуси чревато снижением темпов экономического роста, а в обозримой перспективе и кризисом. Это связано с изменениями условий развития белорусской экономики, ослаблением многих из тех внешних и внутренних факторов, которые обеспечивали рост, начиная с 2000 г. Прежде всего данное утверждение относится к постоянному подорожанию энерго-ресурсов, получаемых из России (они стали стремительно дешеветь в связи с мировым финансовым кризисом в конце 2008 г. – замеч. авт.), *маркетизации* российско-белорусских отношений и др. Одним из важнейших рисков Беларуси является слишком высокая концентрация экспорта (за исключением нефтепродуктов) на нестабильном российском рынке. Белорусская экономика страдает от низкого уровня валютных резервов из-за дефицита прямых иностранных инвестиций и ограниченного доступа к международным финан-

совым рынкам. Высокая налоговая нагрузка в Беларуси негативно отражается на способностях страны привлекать прямые внешние инвестиции в необходимом объеме. Демографические тенденции (старение и сокращение населения) усиливают нагрузку на пенсионную систему, которая нуждается в срочном реформировании.

Как отмечается в докладе Всемирного банка, “Беларусь стоит перед выбором: либо и далее следовать существующей стратегии роста и постепенно утратить свой потенциал, либо переориентировать политику на обеспечение стабильных макроэкономических условий и сокращение уровня централизации ресурсов в руках государства и таким образом обеспечить устойчивость роста. Хотя показатели роста последних лет внушают оптимизм, малой открытой экономике Беларуси не хватает гибкости, чтобы противостоять серьезным шокам. Высокая зависимость экономики Беларуси от конъюнктуры внешних рынков также не дает поводов почитать на лаврах... Пройдет довольно много времени, пока страна сможет ощутить пользу широкомасштабных и последовательных структурных реформ. Поэтому реформы надо начинать как можно раньше, пока экономика работает стабильно и обеспечивает рост. Дальнейшая задержка может привести к утрате возможности проведения реформ с минимальными издержками, поскольку благоприятная внешняя конъюнктура может измениться” [62].

К числу относительно благоприятных условий для начала реформ относится постепенное снижение *инфляции* в стране. Хотя уровень инфляции в Беларуси (по индексу потребительских цен) остается самым высоким в регионе, он снизился до 18,1% в 2004 г. по сравнению с трехзначными цифрами в 2000 г. Правда, эта тенденция не является стабильной. Как отмечает белорусский экономист Ярослав Романчук, если в 2006 г. по сравнению с предыдущим годом темпы роста индекса потребительских цен за год сократились на 17,5%, то в 2007 г. они резко увеличились – на 83,3%. Инфляция достигла 12,1%, что не может свидетельствовать ни о какой макроэкономической стабилизации. Этот показатель является самым плохим за последние три года. В 2007 г. жилищно-коммунальные услуги подорожали на 14,7%, продовольственные товары – на 15,9%, молоко и молочные продукты – на 28%. “Концепция *социально-значимые товары* практически полностью потеряла свой смысл. При жестком регулировании цен на базовые потребительские товары именно они дорожают быстрее других. Так что если посчитать инфляцию для бедных семей, т.е. взять корзину товаров и услуг, которые они покупают, по итогам 2007 г. она превысит 20%” [63].

Экономический рост в Беларуси происходит на фоне достаточно стабильного уровня занятости и увеличения в общей численности трудовых ресурсов доли граждан, которые предпочитают или не работать, или работать за рубежом. Официальный уровень *безработицы* является низким (2,2% от общей численности трудовых

ресурсов в середине 2000-х гг.) и стабильным. В Беларуси за прошедшее десятилетие на 40% сократилось количество населения, занятого в сельском хозяйстве, на 4,7% – в промышленности (данная сфера остается все еще доминирующей); но на 6,3% увеличилось количество занятых в строительстве, на 6% – на транспорте и на 17,4% – в сфере услуг [64]. В принципе, эти тенденции свидетельствуют о том, что наша страна медленно, но движется в сторону формирования постиндустриального общества.

Однако в сфере занятости с каждым годом нарастают трудности. Не все потерявшие работу регистрируются на бирже труда из-за крайне низкого уровня пособий и бюрократической волокиты. Многие трудоспособные граждане Беларуси (более 400 тыс. чел.) предпочитают работать в других странах с более высокой оплатой труда. Гораздо более серьезной проблемой является то, что дальнейшие усилия государства по сохранению неэффективных рабочих мест не могут принести результата.

Как отмечает белорусский эксперт в области экономики Виталий Амбалов, “такие рабочие места не только снижают эффективность предприятий, но и отвергаются самими рабочими. Если даже предприятие не убыточное, то чаще всего низкодоходное, а следовательно, уровень зарплаты низок. Люди на таких рабочих местах не задерживаются и не дорожат работой. Именно эти рабочие места из-за кадровой текучести создают постоянный фон вакансий на рынке труда, в то время как вакансии, обещающие человеку возможность обучения и перспективу роста, по-прежнему дефицитны.

Сохранение неэффективных рабочих мест влечет за собой и другой отрицательный эффект: вместе с устаревшим оборудованием устаревают знания и умения самих работников. Уже сегодня можно констатировать, что за последние 15 лет в значительной мере утрачено такое преимущество нашей экономики, как высококвалифицированные работники. Особенно это коснулось определяющих областей деятельности – проектирования и менеджмента. Не лучше ситуация и с кадрами рабочих специальностей.

Сегодня можно поставить вопрос более категорично: или сохранение рабочих мест и старых технологий, или сохранение рыночной перспективы... Выбор теперь придется делать между очень плохим и плохим решением” [65].

Крайне негативной тенденцией в белорусской экономике является увеличение *внешнего долга*. Как отмечает белорусский экономист Леонид Злотников, “итого во второй половине 2007 г. необходимо выплатить внешнему миру 2,4–2,7 млрд. долларов”. Эта величина немного превышает ожидаемое отрицательное сальдо в торговле товарами и услугами. При этом в данной сумме прирост платежей внешнему миру из-за роста цен на энергоносители составляет менее половины, т.е. примерно 1 млрд. долларов, а остальные 1,4–1,7 млрд. – это плата за жизнь займы, которая активизировалась еще до введения Россией новых условий расчета [66].

По расчетам специалистов Всемирного банка, объем ВВП на душу населения в Беларуси, рассчитанный по паритету покупательской способности (ППС), в 2005 г. составил 8,541 тыс. долларов (66-е место в мире). В то же время в текущих ценах он едва превысил 3,000 тыс. долларов (70-е место). Однако поскольку экономический рост в Беларуси продолжался до мирового финансового кризиса, эта ситуация изменилась. В 2007 г. в расчете на душу населения ВВП (рассчитанный по ППС) достиг рекордных 11,416 тыс. долларов, вплотную приблизившись к казахстанскому, у которого вторая позиция среди экономик СНГ (в текущих ценах данный показатель ниже и составляет 5,700 тыс. долларов). Лидирует же среди стран этой группы по-прежнему Россия с показателем в 15,694 тыс. долларов (ППС) [67].

Экономический рост позволил повысить *среднюю зарплату*. По итогам 2007 г. она составила 326 долларов. Для сравнения в России средняя зарплата равняется 529 долларам, в Казахстане – 434 долларам, Польше – 1300 долларам. В странах Балтии превышает 1000 долларов. Белорусские власти любят говорить о том, что благодаря их усилиям в стране существенно сократилось количество людей, живущих ниже *черты бедности*.

Однако, как справедливо отмечает Злотников, до кризиса “55–60% белорусов имели месячный располагаемый доход (т.е. с учетом натуральных доходов от приусадебных участков и социальных льгот в натуральном выражении) в размере 400 и менее тысяч белорусских рублей (примерно 200 долларов) на одного человека. Меньший доход у семей с двумя детьми: среднедушевой располагаемый доход на члена семьи менее 300 тыс. бел. рублей (150 долларов) имели каждые две семьи из трех и 86% семей с тремя детьми... За чертой бедности, в качестве которой принят бюджет прожиточного минимума (около 190 тыс. белорусских рублей), находилось 10% населения. На самом деле несколько больше, поскольку по сравнению с 2001 г. 18% своего дохода семья тратит дополнительно на услуги ЖКХ, транспорт и другие услуги. И это неплохой показатель, если учесть, что в 2001 г. за чертой бедности находился 41% населения. Но мы видим, что более половины населения далеко над этой границей не поднялись, и в случае развития кризисной ситуации они вновь опустятся за черту бедности” [68].

В последнее время у многих растет понимание того, что ресурсы **белорусской экономической модели** являются ограниченными и что без определенной реформации и создания более благоприятных условий для привлечения прямых иностранных инвестиций она может оказаться в кризисе (см. вставку 16.3.). Это нашло свое выражение в таких решениях властей, как отмена правила *золотой акции*, подписание Лукашенко декрета о создании полномасштабного фондового рынка к 2011 г. Некоторые эксперты в Беларуси и за рубежом поспешили назвать эти действия *новой экономической политикой*,

которая в конечном итоге приведет нашу страну к полноценной рыночной экономике.

ВСТАВКА 16.3

Влияние мирового финансового кризиса на белорусскую экономику

“Международный валютный фонд прогнозирует, что в 2009 г. Беларусь ожидает рецессия. Между тем спад производства происходит в Беларуси уже более двух кварталов подряд с сентября 2008 г. С учетом нарастания других негативных факторов – увеличение отрицательного сальдо, снижения прибыльности предприятий – можно говорить о том, что экономика страны уже находится в рецессии... За первый квартал 2009 г. спад объемов промышленного производства по сравнению с первым кварталом 2008 г. составил 4,5%. Чтобы оценить происходящее, отметим, что первый квартал 2008 г. закончился по отношению к аналогичному периоду 2007 г. ростом в 15,8%. К этому необходимо добавить, что спад внешней торговли (по отношению к предыдущему месяцу) отмечается уже два квартала подряд – с октября 2008 г. Тенденция снижения прибыли предприятий и увеличение чистого убытка также отмечается с этого времени и продолжает нарастать” [69].

Как отмечает финансовый аналитик Чалый, “Международный валютный фонд резко ухудшил прогнозные показатели, касающиеся состояния экономики Беларуси в 2009 г. В соответствии с опубликованным обзором мировой экономики в этом году Беларусь ждет падение ВВП на 4,3%. Еще в конце прошлого года, четыре месяца назад ММФ и белорусские власти подписали меморандум, в котором согласились с более оптимистическим прогнозом – ростом на 1,4%... У экспертов ММФ есть такой термин “неожиданная остановка”. По сути, у нас экономика стала на рубеже года: январь – февраль вообще были катастрофическими. Если судить по тенденциям, то я в 4% не верю: поэтому хорошо, если мы в 10 если не больше процентов падения впишемся в этом году” [70].

По мнению немецкого политолога Александра Рара, “кризис повлиял на экономику Беларуси, как и на экономику всех восточноевропейских стран. Но не так сильно, как, например, на украинскую или прибалтийскую. Потому что белорусская экономика по-прежнему закрыта, а Беларусь еще не интегрировалась в глобальную финансовую систему. Больших кредитов так называемые белорусские олигархи с Запада не получали. У них совсем другие проблемы. Экономике Беларуси нужна ликвидность, нужны деньги, которых в стране нет. И это главная проблема на сегодня... До сих пор еще не началась полноценная приватизация, потому что у властей еще есть опасения, что государство потеряет контроль над главными рычагами экономики. Хотя рано или поздно кризис заставит власти идти на меры, которые предпринимают другие государства. Оставаться вне глобализационных процессов Беларуси будет очень сложно. Вопрос будет звучать следующим образом: получать кредиты от Международного валютного фонда или получать их от России? Но и в том, и в другом случае это связано с политическими интересами, которые Беларусь будет вынуждена соблюдать” [71].

По нашему мнению, эта точка зрения не учитывает то обстоятельство, что в Беларуси экономика оказалась заложницей политики. В стране могут проводиться только те экономические преобразования, которые укрепляют, а не ослабляют авторитарную власть. Конечно, многие формы политического авторитаризма совместимы с рыночной экономикой. Но белорусский режим является достаточно редкой разновидностью, сочетающей персоналистское господство с популистской его легитимацией. Подлинные рыночные реформы не могут не подорвать социал-популизм – этот важнейший фундамент диктатуры личной власти в Беларуси. Поэтому белорусские власти будут делать все для того, чтобы отсрочить судный день, несмотря на нарастание проблем, связанных с падением эффективности экономики.

4. Демографическая ситуация и этно-конфессиональная структура населения Беларуси

По данным за 2007 г. в Беларуси проживало 9,724 тыс. чел. Численность населения неуклонно сокращается (по сравнению с 1999 г. оно уменьшилось на 321 тыс. чел.). К середине века население может сократиться вдвое, если не принять срочные меры для предотвращения депопуляции. Белорусские власти любят объяснять сложившуюся в этой сфере ситуацию действием общих демографических тенденций, характерных для индустриально развитых стран мира. Однако, как отмечают независимые эксперты, “показатель естественной убыли населения у нас (5,3 промилле) намного выше, чем в западноевропейских странах главным образом из-за нетипичной для развитых стран высокой смертности... По мнению специалистов, современная демографическая ситуация, с одной стороны, закономерный результат тенденций послевоенного развития страны, с другой – реакция населения на кризис в экономике и снижение уровня жизни, выразившаяся в сокращении рождаемости и средней продолжительности жизни, существенных изменениях в формировании и стабильности семьи, в ухудшении состояния здоровья. Почти половина белорусских мужчин не доживает до пенсии (средняя продолжительность их жизни составляет 63 года). Среднестатистический “женский век” – чуть больше 74 лет” [72].

В нашей стране наблюдается старение населения. В 2007 г. 69% жителей относились к возрастной категории от 14 до 64 лет; 16% не достигло 14-летнего возраста, а 14% было старше 65 лет. Средний возраст составил 37 лет. Если современные тенденции сохранятся, то в 2050 г. средний возраст жителя Беларуси достигнет 51 года. Старение населения ведет к сокращению трудовых ресурсов и увеличению нагрузки на пенсионный фонд.

В 2007 г. Лукашенко поставил задачу довести средние показатели количества детей на одну семью до 3 человек. Но ее невозможно выполнить даже самым “патриотично настроенным” белорусским мужчинам и женщинам без кардинального улучшения экономической ситуации. Кризис, охвативший страну в 2009 г., безусловно, самым негативным образом отразится и на демографической ситуации. Власти пытаются компенсировать естественную убыль населения за счет иммиграции, которая у нас слегка превышает эмиграцию. Основной миграционный обмен Беларуси по-прежнему происходит с Россией, Украиной и Казахстаном. Иммигранты из этих государств составляют 85 % в общем числе прибывших в Беларусь из стран Балтии и СНГ [73].

Беларусь относится к относительно урбанизированным странам мира: 71,7% ее населения живет в городах. При этом большая часть городского населения сконцентрирована в Минске, количество жителей которого составляет 1,740 тыс. чел. По данным переписи населения 1999 г. наша страна является мононациональной: 81,2% жителей являются белорусами. На втором месте находятся русские – 11,4%, на третьем – поляки – 3,9%, на четвертом – украинцы – 2,4%. Согласно этой же статистике, 73,7% жителей заявили, что белорусский язык является их родным языком, 24,1% назвали таким языком русский. Только 36,7% регулярно общаются на белорусском языке в быту, русский язык использует для этих целей 62,8% от общего количества жителей [74].

Белорусский язык, как отмечает японский исследователь Го Косино, выполняет роль *лингвистического символа*, но не *средства коммуникации*, которым, как и в советские времена, остается русский язык. Это оказало крайне негативное воздействие на развитие белорусской нации и уровень национального самосознания белорусов. Они волею судеб оказались в своем независимом государстве, но как и прежде, подвергаются воздействию ассимиляторской политики России.

Ситуация с белорусским языком в Беларуси будет выглядеть еще более трагично, если учесть, что значительная часть белорусскоязычных жителей страны говорят не на литературном белорусском языке, а на так называемой *трасянке* (смеси белорусского и русского языков). Как выяснил японский ученый, на русском языке предпочитает говорить 40,3%, на двух языках – 21,9%, на *трасянке* – 32,4%, белорусском – 4,5%. Носители *трасянки* – это в основном пожилые люди, жители сел и небольших городов. В Минске на русском языке предпочитает говорить 60,6%, двух языках – 23,4%, *трасянке* – 11,8%, белорусском – 3,4% [75]. В 2009 г. в Беларуси будет проводиться новая перепись населения, но, по нашему мнению, ситуация с националь-

ной идентичностью белорусов вряд ли серьезно изменится в лучшую сторону из-за поддержки Лукашенко политики русификации белорусского общества (табл. 16.1).

Таблица 16.1. Язык повседневного общения в Беларуси [76]

	Русский язык	Оба языка	«Трасянка»	Белорусский литературный	Считают белорусский язык родным
ВСЕГО	40,3	21,9	32,4	4,5	73,7
Минск	60,6	23,4	11,8	3,4	61,9
Областные центры	66,0	15,7	16,2	1,3	66,9*
Средние города	50,5	21,8	24,8	2,7	–
Небольшие города	35,4	26,5	34,1	3,5	–
Деревни	16,8	21,3	52,5	8,1	89,2**

* Показатель для городского населения в целом.

** Показатель для сельского населения в целом.

Республика Беларусь имеет поликонфессиональную структуру населения. Несмотря на то, что подавляющее большинство жителей Беларуси относится к Русской православной церкви, верующих этой конфессии отличает наибольшая пассивность. Более 10% белорусов являются католиками (их доля выше в западных областях). Остановился рост количества верующих разных протестантских церквей (они сохраняют относительно сильные позиции в Брестской области и Минске). Около 1% верующих составляют униаты, менее 1% – представители иудаизма. Как и в других посткоммунистических странах, многие граждане Беларуси являются неверующими. Как указывает белорусский политолог Наталья Василевич, “на 2008 г., согласно официальным данным, количество религиозных людей в Беларуси остается стабильным в течение последнего десятилетия и составляет 50% жителей страны. В то же время, согласно исследованию *Gallup* о важности религии в повседневной жизни, Беларусь занимает 11-е место среди наименее религиозных государств мира с уровнем религиозности в соответствии с данным параметром – 27% населения. Кроме социологических исследований по выборке в Беларуси не ведется учета верующих или лиц, относящихся к определенной конфессии, исследования же не имеют унифицированных критериев религиозности, ее уровня, степени и других характеристик, что приводит к многочисленным спекуляциям данными” [77].

В нашей стране высок престиж образования. В соответствии со статистикой ООН Республика Беларусь опережает Российскую Федерацию и страны Балтии по такому важному показателю, как расходы

на образование в процентном отношении от ВВП. Правда, балтийским странам мы уступаем по государственной поддержке высшего образования. Беларусь входит в группу наиболее развитых государств по уровню грамотности населения и доступности высшего образования. По показателю **индекс человеческого развития**, который является наиболее обобщающим критерием для сравнения разных государств, Беларусь в 2007–2008 гг. занимала 64-е место, опережая Россию, Казахстан, Украину, но уступая Латвии, Эстонии, Литве, Польше [78].

Однако и в этой области существуют большие проблемы. В 2008 г. Беларусь была вынуждена отказаться от реформы средней школы и перехода на 12-летнее обучение. Как справедливо отмечает эксперт Агентства гуманитарных технологий Светлана Мацкевич, “учителя к новому учебному 2008/09 году должны были в срочном порядке изменить учебные программы, вписаться в новые штатные расписания, факультативы, делая вид, что безработица им не грозит... Вузы столкнулись с последствиями контрреформы в 2009 г. в виде недоученных абитуриентов, изменений правил приема и повышенного конкурса. Учащиеся двух последних классов окончили школу в этом году одновременно... В итоге получается, что государство само себе заказало музыку (приказало делать реформу в 1994 г.), само ее сочинило (*Концепция и Программа реформы общеобразовательной школы, Стандарты* и т.д.), само ее играло на протяжении 15 лет, само оценило (кампания по мониторингу качества образования, совещание у президента), само себя высекло (имеется в виду отказ от реформы – замеч. авт.). Заложниками при этом оказались белорусские граждане... Используемые методы авторитарного управления, технологическая и программная безграмотность государственных чиновников, а также гражданская несостоятельность субъектов образовательной сферы и потребителей образовательных услуг являются главными причинами неэффективности ранее задуманной реформы” [79].

С каждым годом нарастают проблемы с качеством белорусского высшего образования. Наша страна остается практически единственной на постсоветском пространстве, которая до сих пор не присоединилась к так называемому *Болонскому процессу*, что лишает белорусских студентов и преподавателей многих важных преимуществ. “Сохранение архаичных организационных и правовых форм, полностью противоречащих Болонским стандартам, ведет к отставанию белорусских высших учебных заведений от аналогичных в соседних странах... Вопрос доступности образования – это не вопрос массовости, а вопрос предоставления возможностей всем категориям населения продолжать обучение и выбирать образовательные услуги на протяжении всей жизни. К сожалению, такая система практически не выстроена в Беларуси... Превентивные меры по идеологической чистке, введению запрета на профессию в вузах, регулирование обменов и выездов стали уже привычным делом. Масштабы и последствия данного явления практически никем еще не оценены. Но вместе с тем

именно такие “незаметные” и бдительные процедуры формируют устойчивую тенденцию утраты и контроля над свободным мышлением, а также соответствующую культуру взаимоотношений как внутри преподавательского состава, так и в студенческой среде” [80]. Идеологизация высшего образования в Беларуси лишь усиливает изоляцию белорусской высшей школы от цивилизованного мира.

Таким образом, относительно высокий уровень экономического развития, гомогенный в культурном отношении состав населения, а также высокий уровень урбанизации и развития образования являются объективными факторами, делающими возможной демократизацию политической системы общества и европейскую интеграцию Беларуси. С другой стороны, серьезные проблемы с национальной идентичностью ведут к атомизации социума, которому не хватает осознания общности интересов и солидарных действий, чем и пользуется авторитарная власть в ее небезуспешных усилиях, направленных на увековечение собственного господства.

Примечания

1. Шыбека З., *Нарыс гісторыі Беларусі 1795–2002*. Мінск: Энцыклапедыкс, 2003. С. 400.
2. Начиная с XV в. и вплоть до полного поглощения белорусских земель Россией, между ВКЛ и Речью Посполитой и Великим княжеством Московским, позже Россией шли непрекращающиеся кровопролитные войны. В ходе так называемого “освободительного похода” царя Алексея Михайловича в Беларусь и Литву в 1654–1667 гг. погиб каждый второй ее житель, были уничтожены и разграблены десятки белорусских городов, сотни христианских храмов. После этой войны белорусы на столетия превратились в преимущественно сельское население. Война российского императора Петра I против шведского короля Карла XII в начале XVIII в. на территории Беларуси привела к сокращению количества жителей на треть, бессмысленному сожжению российскими союзниками Витебска и Могилева, разграблению Гродно и других городов. Сельское хозяйство, ремесло, торговля оказались после войны в глубочайшем упадке. См.: Сагановіч Г. *Нарысы гісторыі Беларусі*. Мінск: Энцыклапедыкс, 2001. С. 286, 314–315.
3. См.: Довнар-Запольский М., *История Белоруссии*. Минск: Беларусь, 2005.
4. Булгакаў В., *Гісторыя беларускага нацыяналізму*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. С. 134–135.
5. Шыбека З., Тамсама. С. 400.
6. Ёффа Г., “Беларусь: дзяржава, але яшчэ не нацыя” // *ARCHE*. 2007, № 4.
7. Лукашенко А., “О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию” // *Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов*. Минск: Академия управления при Президенте РБ, 2003. С. 12–14.

8. See: Smith A., *Nationalism in the Twentieth Century*. Oxford: Blackwell Publishers, 1979.
9. Ёффэ Г., Тамсама. С. 204.
10. См.: Дугин А., *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством* / изд. 3-е, доп. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999.
11. Шыбека З., Тамсама. С. 445–446.
12. *Гісторыя Беларусі ў шасці тамах*. Т. 4. *Беларусь у складзе Расійскай імперыі*. Мінск: Современная школа, 2007. С. 53, 68
13. Созданный по приказу Александра I Виленский университет пришел на смену основанному еще иезуитами в 1579 г. высшему учебному заведению с преподаванием предметов на латинском языке.
14. Шыбека З., Тамсама. С. 99.
15. Тамсама. С. 151.
16. Тамсама. С. 280.
17. Тамсама. С. 296.
18. See for more details: Gomulka K., “Polityka rządów polskich wobec mniejszości białoruskiej w latach 1918–1939” // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 1995. #4, S. 112; Мірановіч Я., *Найноўшая гісторыя Беларусі*. СПб.: Неўскі прасцяг, 2003. С. 77–104.
19. Гл.: Шыбека З., Тамсама. С. 200–261.
20. See: Chackiewicz A., “Aresztowania i deportacje społeczeństwa zachodnich obwodów Białorusi (1939–1941)” // *Spoleczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941*. Warszawa, 1995. S. 137.
21. Туронак Ю., *Беларусь пад нямецкай акупацыяй*. Мінск: Беларусь, 1993. С. 47.
22. Гл.: Шыбека З., Тамсама. С. 312.
23. Мірановіч Я., Тамсама. С. 140–141.
24. Гл.: Шыбека З., Тамсама. С. 318–319.
25. Мірановіч Я., Тамсама. С. 149.
26. Цит. Акудович В., *Код отсутствия*. Вильнюс: Versus aureus, 2008. С. 78–79.
27. Гл.: Мірановіч Я., Тамсама. С. 151–153.
28. Тамсама. С. 136.
29. Гл.: Шыбека З., Тамсама. С. 313–314, 331.
30. Гл.: Мірановіч Я., Тамсама. С. 153–157.
31. Гл.: Шыбека З., Тамсама. С. 336.
32. Бумажкова Т., “Моего отца ненавидели гитлеровцы, теперь его ненавидят белорусские власти” // <http://www.charter97.org>.
33. Навумчык С., *Сем гадоў Адраджэньня, альбо Фрагмэнты найноўшай беларускай гісторыі (1988–1995)*. Варшава: Беларуская ведамасці, 2006. С. 15.
34. Huntington S., *The Clash of Civilization and the Remaking of World Order*. N.Y: Simon & Schuster, 1997. P. 69–71.
35. Ibid. P. 164.

36. Сагановіч Г., Тамсама.
37. Акудович В., Указ. соч. С. 105–106.
38. Лукашенко А., “Демократия в Беларуси такая же, как и в Австрии, почти один к одному” // *Навіны дня*. 20.03.2008. <http://news.tut.by/politics/105584.html>.
39. Лукашенко А., “О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию”. С. 21.
40. Trenin D., “Moscow’s Relations with Belarus: An Awkward Ally” // *Chaillot Paper. Changing Belarus*. November 2005, no 85. P. 68–69.
41. См.: Нартов Н., *Геополитика*. М.: Юнити, 2002. С. 176–179.
42. Дугин А., Указ. соч. С. 376–377.
43. Zurawski vel Grajewski P., “Belarus: The Unrecognized Challenge” // *Chaillot Paper. Changing Belarus*. November 2005, no 85. P. 88.
44. Davidonis R., “The Challenge of Belarus, and European Responses” // *Occasional Papers*, July 2001, no 29. P. 2. На наш взгляд, перевод термина European Security Community как *европейское пространство безопасности*, а не *сообщество безопасности*, точнее передает смысл данного явления.
45. Ibid. P. 26.
46. Goujon A., “A nationalisme et identite en Bielorussie” // *Chaillot Paper*. November 2005, no 85. P. 17.
47. Huisman S., “Relations with European Union” // *The Paradoxes of Belarus. Regional Security with a Transformation in Limbo (Executive Summary)* / ed. by G. Vitkus. Vilnius: Lietuvos karo akademija, 2004. P. 197–198.
48. Ibid. P. 199–203.
49. Залескі М., “Фармаванне Беларускай эканомікі як часткі агульнаспадарчага комплексу” // *Беларуска-расійская інтэграцыя. Аналітычныя артыкулы*. Мінск: Энцыклапедыкс, 2002. С. 8.
50. Тамсама. С. 11.
51. Мацяс А., “Афіцыйная палітыка Масквы і Менску ў галіне эканамічных узаемаадносінаў” // *Беларуска-расійская інтэграцыя. Аналітычныя артыкулы*. Мінск: Энцыклапедыкс, 2002. С. 19.
52. *Страновый экономический меморандум для Республики Беларусь. Беларусь: окно возможностей для повышения конкурентоспособности и обеспечения устойчивых темпов экономического роста*. Нью-Йорк: Всемирный банк, 2005. С. 16.
53. Новожилова Е., “Сколько весит белорусская экономика” // *Белорусские новости*. <http://news.tut.by/economics/105797.html>.
54. *Страновый экономический меморандум для Республики Беларусь*. С. 25.
55. Сіліцкі В., “Эканамічная палітыка Лукашэнкі” // *Беларуска-расійская інтэграцыя. Аналітычныя артыкулы*. Мінск: Энцыклапедыкс, 2002. С. 64–65.
56. Богданкевич С., “Трансформация политической и экономической системы” // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демокра-*

тии к неограниченному авторитаризму (1994–2006) / под ред. О. Манаева. Новосибирск: Водолей, 2006. С. 28.

57. Там же. С. 28–29.

58. *Страновой экономический меморандум для Республики Беларусь*. С. 6–7.

59. Там же. С. 30.

60. Там же. С. 21–23.

61. <http://www.belaruspartizan.org>.

62. *Страновой экономический меморандум для Республики Беларусь*. С. 56.

63. Белорусская газета. 4 февраля 2008 г., № 5 (626).

64. См.: *Страновой экономический меморандум для Республики Беларусь*. С. 43–44.

65. Амбалов В., “Формула процветания. Как преуспеть в эпоху разрыва” // *Белорусы и рынок*. <http://www.br.minsk.by>.

66. Злотников Л., “Игра в цейтноте” // *Белорусы и рынок*. <http://www.br.minsk.by>.

67. Новожилова Е., “Сколько весит белорусская экономика?” // *Белорусские новости*. <http://news.tut.by/economics/105797.html>.

68. Злотников Л., “Советы посторонних” // *Белорусы и рынок*. <http://www.br.minsk.by>.

69. Орлова И., “Экономика Беларуси уже находится в рецессии”. 25.04.09. <http://news.tut.by/economics/135539.html>.

70. “Крызіс да Беларусі дайшоў пазьней, але і стукнуў мацней”. 24.04.09. <http://svaboda.org/content/transcript/1615297.html>.

71. Цит. по: “Александр Пар: Беларусь не сможет остаться вне глобализационных процессов”. 15.04.09. <http://www.belaruspartizan.org>.

72. Загорская М., “1991–2006. Итоги. Демографическая ситуация” // Салідарнасць. 27.03.07. <http://gazetaby.com>.

73. Там же.

74. См.: *Итоги переписи населения в Республике Беларусь. 1999 г.* Т. 1. Минск, 2000. С. 214–219.

75. Koshino Go, *The Representation of the Belarusian Language in Contemporary Belarusian Literature // Emerging Meso-Areas in the Former Socialist Countries. Histories Revived or Improvised?* Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2005. Эти данные получены в результате обобщения исследований, которые проводились НИСЭПИ с ноября 1997 по июль 2000 г.

76. Данная таблица заимствована из статьи японского исследователя Go Koshino, “The Representation of the Belarusian Language in Contemporary Belarusian Literature”. P. 179.

77. Васілевіч Н., “Рэлігія ў Беларусі ў год 1020-годдзя хрышчэння Русі” // *Белорусский ежегодник*. 2008. Минск: БИСИ, БФПП, 2009. С. 177; Grabtree P., “What Alabamians and Iranians have in Common” // <http://www.gallup.com/poll/114211/Alabamians-Iranians-Common.aspx>.

78. See: *Human Development Report 2007/2008. Human Development Indicators*. N.Y.: UNDP, 2008. P. 265–266, 229–230.

79. Мацкевич С., “Образование: развитие или стагнация?” // *Белорусский ежегодник*. 2008. Минск: БИСИ, БФПП, 2009. С. 192–195.
80. Там же. С. 196–198.

Літэратура

- Акудовіч В., *Код адсутствія*. Вільнюс: *Versus aureus*, 2008.
- Беларуска-расійская інтэграцыя. Аналітычныя артыкулы. Мінск: Энцыклапедыкс, 2002.
- Булгакаў В., *Гісторыя беларускага нацыяналізму*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006.
- Довнар-Запольскі М., *Історыя Беларусіі*. Мінск: Беларусь, 2005.
- Ёффе Г., “Беларусь: дзяржава, але яшчэ не нацыя” // *ARCHE*. 2007, № 4.
- Ітогі перепісу населення в Рэспубліке Беларусь*. 1999 г. Т. 1.
- Лукашенко А., “О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию” // *Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов*. Мінск: Академия управления при Президенте РБ, 2003.
- Мірановіч Я., *Найноўшая гісторыя Беларусі*. СПб.: Неўскі прасцяг, 2003.
- Навумчык С., *Сем гадоў Адраджэння, альбо Фрагмэнты найноўшай беларускай гісторыі (1988–1995)*. Варшава: Беларускія ведамасці, 2006.
- Сагановіч Г., *Нарысы гісторыі Беларусі*. Мінск: Энцыклапедыкс, 2001.
- Страновы эканамічны меморандум для Рэспублікі Беларусь*. Беларусь: *окно возможностей для повышения конкурентоспособности и обеспечения устойчивых темпов экономического роста*. Нью-Йорк: Всемирный банк, 2005.
- Шыбека З., *Нарыс гісторыі Беларусі 1795–2002*. Мінск: Энцыклапедыкс, 2003.
- Davidonis R., “The Challenge of Belarus, and European Responses” // *Occasional Papers*, July 2001, no 29.
- Goujon A., “A nationalisme et identite en Bielorussie” // *Chaillot Paper*. November 2005, no 85.
- Human Development Report 2007/2008. Human Development Indicators*. N.Y.: UNDP, 2008.
- Huntington S., *The Clash of Civilization and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster, 1997.
- Koshino Go, “The Representation of the Belarusian Language in Contemporary Belarusian Literature” // *Emerging Meso-Areas in the Former Socialist Countries. Histories Revived or Improvised?* Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2005.
- The Paradoxes of Belarus. Regional Security with a Transformation in Limbo (Executive Summary)* / ed. by G. Vitkus. Vilnius: Lietuvos karo akademija, 2004.
- Trenin D., “Moscow’s Relations with Belarus: An Awkward Ally” // *Chaillot Paper. Changing Belarus*. November 2005, no 85.
- Zaprudnik J., *Belarus at a Crossroads in History*. N.Y.: Westview Press, 1993.

Zurawski vel Grajewski P., "Belarus: The Unrecognized Challenge" // *Chaillot Paper. Changing Belarus*. November 2005, no 85.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

1. Когда возникла государственность на территории Беларуси?
2. Что вы знаете об исторических традициях белорусского народа?
3. Какие вы знаете теории цивилизационной принадлежности Беларуси?
4. Каким является геополитическое положение Республики Беларусь?
5. Сравните отношение европейских и российских политиков и ученых к выстраиванию отношений с Республикой Беларусь.
6. Какое влияние на экономическую и политическую ситуацию в Республике Беларусь может иметь ее участие в программе ЕС *Восточное партнерство*?
7. Как развивалась экономика Республики Беларусь после обретения независимости в 1991 г.?
8. Чем объясняется "белорусский экономический парадокс"?
9. Какое влияние оказывает мировой экономический кризис, начавшийся в 2009 г., на экономическое и социальное положение Республики Беларусь?
10. Что представляют собой демографические проблемы современной Республики Беларусь?
11. Продолжается ли политика русификации в белорусском независимом государстве?

ТЕМА 17. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

1. Основные подходы к пониманию белорусского режима.
2. Причины прихода Лукашенко к власти.
3. Черты политического режима Лукашенко.
4. Причины стабильности белорусского режима и перспективы его трансформации.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ:

- демагогическая демократия (*Demagogical Democracy*);
- некоммунистическая диктатура (*Neo-communist Dictatorship*);
- олигархический режим (*Oligarchy*);
- популистский режим (*Populist Regime*);
- консервативная народная революция;
- электоральная демократия (*Electoral Democracy*);
- делегативная демократия (*Delegative Democracy*);
- соревновательно-авторитарный режим (*Competitive Authoritarianism*);
- гегемонистский электоральный авторитарный режим (*Hegemonic Electoral Authoritarian Regime*);
- индустриальный радикальный авторитарный режим;
- популистский авторитарный режим (*Populist Authoritarianism*);
- неопатримониализм (*Neopatrimonialism*);
- монополистическая клановая политика;
- султанизм (*Sultanism*);
- политическая рационализация;
- силовая рационализация;
- бюрократический неопатримониализм (*Bureaucratic Neopatrimonialism*);
- государственная идеология;
- авторитарно-султанистский гибридный режим.

1. Основные подходы к пониманию белорусского режима

В научной литературе существуют различные мнения относительно характера белорусского политического режима. Полярные позиции в этой дискуссии занимают две точки зрения. С одной стороны, некоторые политологи настаивают на том, что политическая система, сложившаяся после прихода к власти Лукашенко, не является автократией в чистом виде, что она содержит в себе многие черты, присущие демократии. Официальная белорусская политическая наука утверждает, что в полном соответствии с действующей в

стране Конституцией политическую систему Республики Беларусь следует называть демократической (см. вставку 17.1) [1].

Некоторые западные ученые склонны считать политический режим Лукашенко чем-то средним *между диктатурой и демократией*. В книге с одноименным названием, изданной в Лондоне в 2003 г., ряд исследователей делают вывод о том, что белорусский режим – это *выборная диктатура* (Елена Коростелева, Чаппелл Лоусон, Дэвид Марш) или *диктатура, сосуществующая с демократически настроенным электоратом* (Харпфер) [2]. В своей более новой работе Коростелева назвала белорусский режим **демагогической демократией** (*Demagogic Democracy*), в которой “народный лидер” доминирует в политической сфере, а также в значительной мере в экономической области с помощью преследования оппозиции, фаворитизма, поддержки получателей ренты, контроля над средствами массовой информации и популистской пропаганды [3]. Многие исследователи на Западе используют вошедший в моду термин *фасадная демократия* также и применительно к политическому режиму Лукашенко [4]. Данные концепции относятся к школе так называемых гибридных теорий политического режима, которые подробно рассматриваются ниже.

С другой стороны, в публицистической литературе и выступлениях политиков ряд авторов делают вывод о *тоталитарном характере* современного политического режима Беларуси или о его сильных “тоталитарных тенденциях”. В “Послании Объединенной гражданской партии гражданину, бизнесу и государству”, принятом на съезде в марте 2008 г., Беларусь называется “тоталитарным государством в центре Европы”. Менее категоричен в своих оценках бывший спикер белорусского парламента С. Шушкевич, который считает, что при А. Лукашенко наша страна вернулась к **неокоммунистической диктатуре**. Однако, в отличие от классических примеров, тоталитаризм в Беларуси является ограниченным: ему приходится терпеть элементы гражданского общества; хотя властям и удалось эффективно минимизировать его роль [5].

На наш взгляд, эта точка зрения является преувеличением опасений того, что белорусский режим деградирует до стадии классического тоталитаризма. Подобная эволюция политической системы нашей страны имеет объективные ограничители: Республика Беларусь – это небольшое государство с недостаточными ресурсами и ограниченным военным потенциалом; оно могло бы позволить себе данную форму диктатуры только в случае значительной помощи извне. Однако расчеты на политическую победу “краснокоричневых” союзников Лукашенко в современных России и Украине являются прозрачными. К тому же чисто ментально белорусский

народ не готов к тоталитарной мобилизации – неустанной борьбе за воплощение в жизнь очередной утопической идеологии (см. тему 19). Наконец, в нашей стране так и не были восстановлены *идеократия* и *партократия* – важнейшие атрибуты тоталитарной системы, а власть, несмотря на непрекращающиеся гонения против оппозиции, не рискует превращать их в *массовые репрессии*.

Теории гибридных режимов. Распространенным в политической науке подходом к анализу постсоветских политических систем является рассмотрение их в качестве определенной разновидности *гибридных режимов*. Он использует две хорошо известные концепции демократии: Даля, предложившего необходимый набор институтов современной *либеральной демократии*, которую автор назвал *полиархией*, и Шумпетера, сформулировавшего требования к так называемой *электоральной* или *минимальной демократии*.

В соответствии с подходом Даля современная демократия, функционирующая в развитых странах Запада, требует наличия двух взаимосвязанных процессов: соревнования разнообразных элит и политического участия масс. В тех случаях, когда конкуренция элит доминирует над участием граждан, которое сводится к пустой формальности, возникают **олигархические режимы** (*Oligarchy*). В тех же странах, где участие преобладает над конкуренцией, препятствуя эффективной работе институтов политической системы, формируются **популистские режимы** (*Populist Regimes*), очень быстро вырождающиеся в автократии. Отсутствие и конкуренции, и участия характерно для *авторитарных режимов*. Такая ситуация была свойственна целому ряду традиционных государств, не вступивших на путь экономической и политической модернизации.

В современных странах Запада были созданы и усовершенствованы институты и процедуры *либеральной демократии*, обеспечивающие развитие политического участия граждан и конкуренции разнообразных элит в рамках устоявшихся правовых конституционных норм. Согласно Далю, а также Шмиттеру, Карл, О’Доннелу, Лейпхарту к ним можно отнести следующие нормы:

- “Власть в этих странах принадлежит тем индивидам, которые приобретают ее посредством легитимных, свободных и честных выборов (принцип вертикальной подотчетности).
- Исполнительная власть ограничена конституционно и де-факто независимыми от нее законодательной и судебной ветвями власти (горизонтальная подотчетность).
- Любая политическая группа, которая действует в соответствии с Конституцией, может создавать оппозиционную партию и приходить к власти с помощью выборов (организованное

- политическое состязание).
- Этнические, культурные, религиозные меньшинства не лишены возможностей выражать свои интересы в политическом процессе, говорить на родном языке и придерживаться своей культуры (консенсус).
 - Помимо партий и выборов, граждане обладают многочисленными каналами для выражения и представительства своих интересов и ценностей, включая различные независимые ассоциации и движения, которые они вправе свободно создавать и свободно к ним присоединяться (гражданское общество).
 - Существуют альтернативные источники информации, к которым граждане имеют беспрепятственный доступ (независимость средств массовой информации).
 - Индивиды также обладают фундаментальными свободами вероисповедания, выражения мнений, обсуждения, слова, печати, собраний, демонстраций и подачи петиций (права и свободы).
 - Граждане являются политически равными перед законом, несмотря на их неравенство в обладании политическими ресурсами (правовое равенство).
 - Индивидуальные и групповые свободы эффективным образом защищены независимыми судебными органами, решения которых являются обязательными для других ветвей власти (справедливость).
 - Правление закона защищает граждан от незаконных задержаний, высылки, террора, пыток и неправомерного вторжения в их частную жизнь не только со стороны государства, но и со стороны организованных негосударственных или антигосударственных сил (законность)” [6].

Сопоставление этих принципов с белорусской политической реальностью позволяет найти ответ на вопрос: чем же отличается белорусская политическая система от существующей в странах ЕС? А. Лукашенко в своем интервью австрийским журналистам в марте 2008 г. высказал сомнение в наличии таких отличий (см. вставку 17.1). По нашему мнению, ни одна из вышеназванных характеристик либеральной демократии не присутствует в Беларуси, но их можно легко обнаружить не только в Австрии, но и в других странах Евросоюза, а также в США, Канаде, Австралии, Японии и целом ряде других развитых государств. Данное утверждение подтверждается результатами многолетних исследований состояния гражданских прав и политических свобод в мире, которые проводит авторитетная международная организация *Freedom House*. Начиная с 1996 г., Бела-

русь получает невысокие баллы в этой сфере, что роднит ее с самыми одиозными режимами планеты.

ВСТАВКА 17.1

Является ли “белорусская демократия” похожей на австрийскую?

Демократические ценности в Беларуси не менее высокого уровня, чем в любой другой европейской стране. Об этом заявил президент Беларуси Александр Лукашенко сегодня в интервью Австрийскому агентству прессы (АПА). Демократия в Беларуси такая же, как и в Австрии, почти один к одному. Демократические ценности в Беларуси не менее высокого уровня, чем в любой другой европейской стране, – сказал глава государства. “Так чего же еще не хватает в демократическом портрете Беларуси? Что еще надо Европе от Беларуси?” – добавил президент [7].

Таким образом, Беларусь не может претендовать на статус либеральной демократии, что бы по этому поводу ни говорил белорусский президент. Его приход к власти в 1994 г. был *консервативной народной революцией* (в терминологии американского ученого Иоффе), популистской мобилизацией масс, направленной против олигархической системы, расцветшей пышным цветом во времена премьерства В. Кебича [8]. Однако, несмотря на постоянные апелляции А. Лукашенко к воле народа – важному легитимирующему принципу его правления, – белорусский народ фактически оказался отчужден от власти. Уже в середине 90-х гг. в стране сложилась система, которая не позволяла ему изменить свое мнение и переизбрать главу государства. Не организованное сверху политическое участие граждан стало крайне ограниченным; слабой и невыразительной была и конкуренция элит. Тем самым завершилось превращение белорусского популистского режима в чистую автократию.

В подавляющем большинстве случаев авторы многочисленных теорий гибридных режимов опираются не на идеи Даля, а на представления о демократии Шумпетера, его минималистский подход. Австро-американский политолог утверждал, что главную роль в демократическом процессе играют *выборы*, а политические режимы следует разграничивать в зависимости от степени их приближения к критериям *свободных и справедливых выборов*, с одной стороны, и степени их *соревновательности*, с другой.

В **электоральных демократиях** (*Electoral Democracy*) проводятся свободные и справедливые выборы, здесь также действует сильная оппозиция, которая обеспечивает высокую степень политической конкурентной борьбы. Вместе с тем в этих политических системах могут существовать значительные проблемы с соблюдением прав человека и гражданских свобод. Из государств СНГ к электоральным

демократиям, на наш взгляд, относятся только современные Украина и Молдова. Но после обретения независимости в 1991 г. многие постсоветские страны, в том числе и Беларусь в 1994 г., принадлежали к этой разновидности гибридных режимов.

Известный аргентинский политолог О’Доннелл предложил называть политические системы, в которых проходят честные и справедливые выборы, но ограничивается сверху политическая конкуренция, **делегативными демократиями** (*Delegative Democracy*). Он разработал свою теорию на основе анализа политического процесса в целом ряде латиноамериканских государств. В этих странах общество склонно отдавать всю полноту власти одному институту – главе государства. Это ведет к разбалансированности политической системы, значительному усилению исполнительной власти в ущерб законодательной, разрушению механизмов сдержек и противовесов. Поэтому существует очень высокая опасность авторитарного перерождения таких режимов [9]. Наиболее яркими примерами делегативных демократий среди стран СНГ является режим Саакашвили в Грузии и Путина в России (в начале 2000-х гг.).

В 1994 г. в Беларуси Лукашенко одержал победу на относительно свободных президентских выборах в условиях острой конкурентной борьбы. Но, став главой государства, он тут же посягнул на права своих политических оппонентов (избиение депутатов оппозиции БНФ в стенах парламента в 1995 г.) и уже во время референдума о государственном языке и символике публично продемонстрировал, что уважение прав меньшинства для белорусских властей является пустым звуком. Другими словами, делегативная демократия в нашей стране умерла в момент своего рождения. Уже в 1996 г., когда президент одержал “окончательную победу” над парламентом, лишив депутатов полномочий ту часть парламентариев, которые не признали законными итоги так называемого конституционного референдума, это стало свершившимся фактом.

В тех случаях, когда исполнительная власть серьезно нарушает принципы свободных и справедливых выборов, но мирится с политической конкуренцией, которая исходит от оппозиции, возникают *псевдодемократические системы*. Американские политологи Стивен Левицки и Лукан Вэй назвали их **соревновательно-авторитарными режимами** (*Competitive Authoritarianism*). Несмотря на существенное ограничение прав оппозиции, данная политическая система не отказывается полностью от элементов состязательности и плюрализма. Оппоненты режима допускаются к участию в несвободных выборах; сохраняется относительная автономия парламента и судебных органов власти, хотя их полномочия и снижаются по сравнению с полномочиями исполнительной власти; существуют влиятельные

независимые медиа, несмотря на то, что журналисты, которые там работают, попадают под жесткое преследование со стороны правительства [10]. Соревновательно-авторитарные режимы достаточно широко распространены в мире. Примерами подобных систем среди стран СНГ являются режимы Кучмы в Украине и Ельцина в последние годы его правления в России.

Согласно Левицки и Вэю, а также Даймонду, к этой разновидности гибридных режимов можно отнести и политическую систему, установленную Лукашенко [11]. Однако, по нашему мнению, ситуация в Беларуси качественным образом изменилась после так называемого конституционного референдума 1996 г. Данное событие повлекло за собой очень быстрое уничтожение президентом любых элементов политической состоятельности и плюрализма.

Несмотря на то, что в Беларуси при Лукашенко, как и в Украине при Кучме, оппозиция не запрещено выдвигать своих кандидатов во время *выборов*, масштаб фальсификаций и незаконного “снятия с дистанции” политических противников режима во время выборов у нас значительно превосходит украинский показатель. Перед президентскими выборами 2001 г. в Беларуси “бесследно исчезли” наиболее опасные для Лукашенко лидеры оппозиции, которые могли завоевать симпатии многих простых людей. Начиная с так называемых парламентских выборов 2004 г., в нашей стране действует, наверно, уникальная в современной Европе система, когда президентская администрация доводит до Центральной избирательной комиссии, а та до нижестоящих комиссий задание: какой процент голосов должен получить соответствующий кандидат, кто может попасть в парламент и местные советы, а кто нет. Во время выборов вся вертикаль власти, все чиновники государственных органов работают над выполнением этого плана. Фактически реальный подсчет голосов уже не ведется, потому что руководители комиссий делают все возможное и невозможное для выполнения плана, так как от этого зависит их карьера и дальнейшая судьба.

Во время президентских выборов 2006 г. местные комиссии перестарались. Они “вбросили” за Лукашенко 93,5% бюллетеней, хотя и получили задание не превышать показатель в 83% (что, по мнению руководителя белорусского государства, соответствует средним показателям поддержки лидеров для Европы). Как он признался сам, Центризбиркому пришлось поправлять допущенную ошибку и перераспределять голоса, отданные за действующего президента, между его оппонентами (!) [12].

“В течение всего постсоветского периода, – отмечает Вэй, – украинский *парламент* был основным плацдармом для деятельности оппозиции, предоставляя депутатам относительно легкий доступ к СМИ, а также иммунитет от преследований” [13]. В отличие от Украины при Кучме, в Беларуси при Лукашенко из парламента очень быстро была удалена политическая оппозиция. Уже в 1996 г. президент сохранил полномочия депутатов только за теми парламентариями, которые поддержали его во время конституционного переворота. Следующие выборы в высший законодательный орган власти белорусская оппозиция бойкотировала. Тем не менее, незначительная часть вновь избранных независимых депутатов смогла объединиться в оппозиционную структуру – группу

Республика. В 2004 г. по приказу Лукашенко ни один представитель оппозиции в Национальное собрание уже не был пропущен. К этому следует добавить, что постоянно происходит процесс сокращения полномочий депутатов.

Известно, что во время Оранжевой революции очень важную роль сыграла относительная независимость Верховного суда от исполнительной власти Украины. В Беларуси также во время политического кризиса 1996 г. Конституционный суд пробовал действовать самостоятельно, пытаясь остановить управление страной с помощью декретов. “Но, как справедливо подчеркивают французские политологи Ляльман и Шиманец, ни одно решение Конституционного суда о признании восемнадцати указов президента незаконными не вступило в силу. Перед властью Лукашенко суд оказался таким же беспомощным, как и парламент. Это отчетливо было продемонстрировано осенью 1996 г. во время попытки вынесения импичмента президенту накануне очередного референдума” [14]. Новая редакция Конституции Беларуси фактически ликвидировала *независимость всей системы судебной власти* в стране.

Несмотря на то, что в Украине во время правления Кучмы власть активно боролась с *независимыми медиа*, а *кучмагейт* возник из раскрытия причастности президента к убийству независимого журналиста Гонгадзе, в этой стране все время у оппонентов режима сохранялась возможность доносить свои идеи до граждан через влиятельные СМИ. Как подчеркивает Вэй, “оппозиция имела доступ к высокотиражным газетам подобным *Сельські Віснї* Социалистической партии. И, что является гораздо более важным, накануне президентских выборов она контролировала *5-й канал*, который в конце 2004 г. занимал 5% от национального информационного рынка и хорошо принимался во многих городах по всей Украине. Кроме того, оппозиция использовала Интернет как форум для политических дискуссий. Короче говоря, несмотря на то, что оппозиция находилась в намного худших условиях по сравнению с властью, последняя была не в силах заставить ее замолчать” [15].

Ничего подобного уже не существовало в Беларуси во время президентских выборов 2006 г. Лукашенко сразу же после своего прихода к власти взял курс на ликвидацию независимых СМИ. Реализация этой стратегии началась с установления полного государственного контроля над телевидением и радио. Перед выборами 2001 г. был закрыт целый ряд популярных независимых газет. В результате перед новыми выборами 2006 г. в государственной системе распространения газет остались только три малотиражных общенациональных независимых еженедельника и несколько региональных. Некоторая схожесть с Украиной существовала только в том, что белорусская оппозиция, как и ее украинские коллеги, активно использовали Интернет, но с гораздо меньшим эффектом.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в Беларуси, несмотря на сохранение регулярных выборов, сами они не являются ни соревновательными, ни свободными и справедливыми. Это означает, что политическая система Беларуси при Лукашенко деградировала до уровня **гегемонистских электоральных авторитарных режимов** (*Hegemonic Electoral Authoritarian Regimes*) в соответствии с концепцией Дайамонда [16]. Такой тип гибридных политических режимов характерен также Азербайджану, Казахстану, Таджикистану, Узбекистану и Туркмении (после смерти

президента С. Ниязова). Он мало чем отличается от *политически закрытых авторитарных режимов*, в которых выборы не проводятся. Это означает, что политическая система Беларуси не проходит теста на ее демократичность даже в случае применения самых минималистских стандартов.

Концепция гибридных режимов, основанная на идеях Шумпетера, носит ограниченный характер. Она позволяет провести типологию режимов только на основании одного критерия – выборов, игнорируя другие, не менее важные переменные, которые нужны для понимания особенностей функционирования политической системы. Поэтому данный подход к анализу политического режима Беларуси должен быть дополнен другими.

Теории авторитаризма. Большая часть исследователей считает, что белорусский режим, установленный Лукашенко, следует рассматривать в качестве одной из разновидностей *авторитарных политических режимов*. Например, известные американские политологи Алмонд и Пауэлл, Стром и Далтон относят политическую систему Беларуси к **радикальной версии индустриального авторитаризма**. “Антизападные группировки... здесь достаточно жизнеспособны, чтобы восстановить репрессивную политику и основные черты командно-административной экономики, какой она была до 1989 г.” [17].

Существуют различные типологии авторитарных режимов. Одним из наиболее распространенных подходов в сравнительных политических исследованиях является классификация современных недемократических систем, основанная на концепции известного американского политолога Адама Пшеворского, который предложил использовать две переменные для этой цели: степень *мобилизации поддержки* правительства, *формальное разделение власти* между различными институтами. Все недемократические режимы, таким образом, можно разделить на *мобилизационные (mobilizing)* и *элитистские*, а также на *монолитные (monolithic)* и *расколотые (divided)* [18].

Тоталитарные режимы (например, бывший советский) отличаются высокой степенью мобилизации масс и монолитным характером власти. **Популистские режимы** (Poulist Regime) также ориентированы на мобилизацию населения для обеспечения поддержки правительства. Структура власти здесь является более сложной, чем в предыдущем случае: исполнительные органы доминируют над законодательными, однако последние избираются гражданами и обладают ограниченными возможностями сдерживать исполнительную ветвь власти. **Военные режимы** не ориентированы на мобилизацию массовой поддержки и представляют собой структуры с высокой концентрацией полномочий в одних руках. Наконец, некоторые

националистические режимы ориентированы на создание исключительных условий для узкой этнической группы и часто сосуществуют с достаточно хорошим разделением властей. Примером таких политических систем была ЮАР во времена апартеида.

По мнению авторов доклада Института открытой экономики, которые использовали подход Пшеворского для своего анализа, белорусский режим относится к популистскому типу вместе с Бразилией, Венесуэлой и Эквадором. “В них можно обнаружить формальное разделение властей и ориентацию правительства на получение поддержки со стороны народа взамен на нереалистичные обещания его обеспечить” [19]. Можно в целом согласиться с отнесением белорусского политического режима к популистским разновидностям авторитарных режимов. Вместе с тем следует сделать и некоторые замечания.

Во-первых, политическая мобилизация в тоталитарных режимах и популистских автократиях существенным образом отличается по степени интенсивности. Белорусский режим, например, удовлетворяется пассивной поддержкой со стороны большинства населения и не требует ее активной и каждодневной демонстрации подданными.

Во-вторых, Беларусь значительно уступает вышеназванным латиноамериканским государствам по уровню формального разделения властей. В нашей стране вся власть сконцентрирована в руках президента, парламент лишен серьезных возможностей для сдерживания исполнительной власти. Как уже отмечалось выше, в Беларуси отсутствует и независимая судебная власть.

Неопатримониальные теории. Весьма плодотворным подходом к изучению политических режимов постсоветских стран вообще и Беларуси в частности является концепция **неопатримониализма** (*Neopatrimonialism*). Она берет свое начало из противопоставления Вебером *легально-рационального* (бюрократического) господства *патримониальному*, основанному на частном присвоении важнейших функций государства. Вебер считал, что патримониальный способ осуществления власти может иметь место внутри самых разных политических систем. “Патримониальным институтам, прежде всего, недостает бюрократического разделения частной и публичной сферы. Политическое управление рассматривается правителем в качестве исключительно персонального предприятия, а политические полномочия существуют как часть его личной собственности, которая может принести доход в виде налогов и дани” [20].

Адаптацию этих идей Вебера к анализу современной политической и экономической реальности проделали Михаэль Рот и Шмуэль Эйзенштадт. Первый обратил внимание на то, что в новых постколониальных государствах отсутствуют важные легально-рациональные

элементы современного государства, и даже после исчезновения традиционных форм легитимности продолжается воспроизводство некоторых прежних форм административной практики. Второй связал современный патримониализм не только с персональным правлением и различными формами личной власти, но и с отношениями между центром и периферией политической системы.

Эйзенштадт считает, что неопатримониальное господство опирается на три базовых принципа: 1) политический центр отделен и независим от периферии, он концентрирует политические, экономические и символические ресурсы власти, одновременно закрывая доступ всем остальным группам и слоям общества к этим ресурсам и позициям контроля за ними; 2) государство управляется как частное владение (патримониум) – правящих групп – носителей государственной власти, которые приватизируют различные общественные функции и институты, делая их источником собственных частных доходов; 3) этнические, клановые, региональные и семейно-родственные связи не исчезают, а воспроизводятся в современных политических и экономических отношениях [21].

Неопатримониальные системы также теснейшим образом связаны с *патрон-клиентельной зависимостью*, пронизывающей собой все общество. Патрон защищает своих клиентов, взамен последние оказывают ему всевозможные услуги. Экономические и властные ресурсы первых обмениваются на политическую и электоральную лояльность вторых. Не менее важное значение для осуществления неопатримониального господства имеет та или иная степень *персонализации власти*. Глава государства в таком обществе неизбежно становится воплощением политической системы, ее символическим центром и основным нервом, стягивающим формальные и неформальные нити правления в единое целое. Все другие политические институты становятся лишь средством, инструментом реализации его политической стратегии.

Неопатримониальные системы весьма широко распространены в современном мире. В первую очередь их можно обнаружить в развивающихся странах Азии и Африки. Однако не только там. Как отмечает украинский политолог Александр Фисун, “успешная демократизация... в Западной Европе и Латинской Америке, как правило, происходила уже после *процессов рациональной бюрократизации и строительства национального государства*. Так, успешным переходам *третьей волны* предшествовал сначала длительный период олигархических демократий XIX столетия, потом авторитарного развития 1920–1930 гг. Напротив, в большинстве постсоветских государств демократизация не предшествовала весьма сложным и драматичным процессам рационально-бюрократической модернизации государства и национальной консолидации... Это привело к тому, что в большинстве случаев инверсионные траектории постсоветского политического развития после распада Советского Союза повели не к установлению демократии, а к утверждению системы

неопатримониального господства... Основными характеристиками неопатримониальной модели в постсоветских условиях являются:

- формирование класса рентоориентированных (*rent-seeking*) политических предпринимателей, которые для достижения своих экономических целей используют политические возможности слияния власти и собственности;
- частное – в той или иной степени – использование государственно-административных ресурсов, в первую очередь, силовой и фискальной функций государства, которые применяются главным образом для подавления политического сопротивления и устранения экономических конкурентов;
- ключевая роль клиентарно-патронажных отношений и связей в структурировании политико-экономического процесса.

В этой связи процессы перестройки и крушения коммунизма... следует рассматривать, с одной стороны, как определенную качественно новую ступень рационализации, связанной с переходом к новым, демократическим способам легитимации и формальным установлением легально-бюрократических форм господства, с другой же стороны – как процесс прямой патримониальной апроприации правящими элитами (партийно-хозяйственной номенклатурой второго и третьего эшелона и региональными республиканскими субэлитами) государственной машины управления. Демократизация и экономические реформы 1990-х гг. модернизировали и усилили механизмы административно-политического рынка, а также клиентарного обмена ресурсами между различными сегментами центра и периферии, что трансформировало существовавшие в недрах советского строя элементы патримониального господства полутрадиционного типа в систему обновленного, осовремененного неопатримониализма... Такая трансформация становится предпосылкой формирования системы политического капитализма (по Веберу; по современной терминологии – “капитализма родственников и друзей” (*crony capitalism*), основанного на той или иной степени патримониального государства, общества и экономики” [22].

Данное описание хорошо подходит для объяснения политических процессов в Беларуси. Низкий уровень национальной идентичности породил большие проблемы с формированием здесь нации-государства. Провинциализм господствующей номенклатуры привел ее к поражению в политическом противостоянии с популистским лидером, представителем региональной элиты, который быстро научился использовать государственную машину как принадлежащую ему собственность для обеспечения политических и экономических интересов нового правящего класса во главе с президентом.

Как отмечает японский политолог Кимитака Мацузато, “если российский, украинский и даже центрально-азиатские режимы демонстрировали определенный уровень плюралистической конкуренции между кланами, белорусскую **клановую политику** можно назвать **монополистической**... Лукашенко содействует развитию только собственного клана и собственной избирательной машины, не допуская в этом плане никакой конкуренции со стороны фракций элиты. Лукашенко добился успеха в подавлении любого заметного развития

элитных кланов – парламентских, бюрократических, финансово-олигархических, промышленных или региональных. С этой целью Лукашенко всегда апеллировал к массам, стремясь вызвать у них антиэлитные настроения и атаковать элиты и сверху, и снизу. Лукашенковская монополистическая клановая политика нашла свое оправдание в популистском образе политики, в которой участвуют только два действующих лица: *лидер и народ*” [23].

Все посткоммунистические системы, по мнению Мацузато, можно разделить на два типа: *западные* (страны Центрально-Восточной Европы и Балтии) и *восточные* (страны СНГ). В первых преобладают парламентские или слабые президентские формы правления, во вторых действуют сильные президентские системы, часто становящиеся суперпрезидентскими республиками. В западных посткоммунистических странах происходит частая смена левоцентристских и правоцентристских коалиционных правительств. В восточных посткоммунистических странах власть навсегда попадает в руки к одной монополюющей центристской партии. В странах ЦВЕ и Балтии произошло официальное закрепление роли партий в качестве важнейшего инструмента политики. В странах СНГ даже за фасадом сильных правящих партий всегда скрываются клиентельные отношения. Итоги выборов на западе зависят от изменения общественного мнения, на востоке они являются результатом применения политических технологий. В первой группе стран централизованная партийная система сочетается с пропорциональной избирательной системой. Во второй группе государств партийная система является фрагментированной, а избирательная система контролируется правительством. Для стран ЦВЕ и Балтии характерна унитарная форма государственного устройства; для стран СНГ – деконцентрация власти и большое влияние региональных боссов. Западные посткоммунистические страны искренне относятся к требованиям Европейского Союза. Восточные посткоммунистические страны лишь упоминают их, но не стремятся выполнять. Странам первого типа свойственна чисто неоконсервативная рыночная экономика, открытая зарубежному капиталу. Странам второго типа присущ патримониальный капитализм и поддержка национального капитала. Жизненный уровень является неожиданно низким в государствах ЦВЕ и Балтии и неожиданно высоким в государствах СНГ.

Формально режим Лукашенко относится ко второму типу, однако целый ряд особенностей делает политическую систему Беларуси не похожей на клановую модель, доминирующую в других странах СНГ. Помимо уже упоминавшегося выше отсутствия плюралистической конкуренции между кланами, в современной Беларуси *популизм и антиэлитизм политики* президента, которые сыграли очень важную роль в приходе Лукашенко к власти, *приобрели системный и перманентный характер*. Как подчеркивает Мацузато, “благодаря постоянным показательным судебным процессам (против “своих” – замеч. авт.), удалось... запугать элиту, предотвратить ее превращение в олигархию”.

Крайний централизм в отношениях между центром и регионами помимо Беларуси существует в Центральной Азии, Татарстане и Башкирии. Многие его элементы были введены и в Украине при Кучме. “Однако, – как обращает внимание японский политолог, – более существенная разница между Беларусью и другими странами наблюдается в отборе кандидатур на должности руководи-

телей региональной исполнительной власти... Лукашенко предпочитает *переводить местное руководство из одной области в другую*, а не опираться на местных боссов, чтобы предотвратить формирование региональных кланов. Если взять критерий "отношение к нормам, принятым в ЕС", то и в этом вопросе Беларусь выделяется среди стран СНГ. "В отличие от Кучмы, Лукашенко не считал необходимым улучшать свой имидж на Западе (до недавнего времени, по крайней мере, пока не начали портиться союзнические отношения с Россией – замеч. авт.) и даже на словах не принимал такие *европейские ценности*, как местное самоуправление и отмена смертной казни".

"...Лукашенко фактически повернул вспять процесс номенклатурной приватизации, инициированной бывшим премьер-министром Кебичем, и тем самым *разрушил экономический фундамент для постсоветского клиентелизма*, т.е. сращивания власти и собственности... Парадокс лукашенковского псевдосоциализма заключается в том, что государственная собственность не гарантирует предприятиям инвестиций, покупателей и поставщиков. Вышестоящие экономические органы открыто предлагают руководству предприятий находить их самостоятельно... Большая часть белорусской экономики остается в руках государства (фактически только с 2008 г. стали разрабатываться планы акционирования и приватизации крупных объектов республиканской собственности под жестким контролем президента – замеч. авт.)" [24].

Любовь к популизму "народного президента" не позволила Беларуси провести важные рыночные реформы, рационализировать бюрократию и несколько модернизировать неопатримониальную систему, что сделали многие восточные посткоммунистические страны.

Большая часть исследователей относит неопатримониальные режимы к авторитарным политическим образованиям. Немецкие исследователи Геро Эрдман и Ульф Энгел утверждают, что следует выделять два вида авторитарных систем. Один *бюрократический*, который существовал в Европе, например в Германии во второй половине XIX в., и второй *неопатримониальный*, характерный для многих не западных государств. И в том, и в другом случае правление носит личный характер, однако существенно отличается бюрократия. В Кайзеровской Германии она, например, действовала на основе легально-рациональных принципов своей организации. В то время как во многих развивающихся странах поведение этой группы все еще подчинено логике современного патримониального господства. Демократии, в отличие от авторитарных систем, опираются и на правление закона, и на деятельность легально-рациональной бюрократии. Между этими полюсами расположено большое количество гибридных режимов [25].

К разновидности неопатримониальных теорий относится и концепция **султанистских режимов**. Она стала активно разрабатываться многими учеными после выдвижения в середине 90-х гг. американскими политологами Линцем и Степаном известной идеи о

существовании четырех самостоятельных типов недемократических режимов: авторитаризма, тоталитаризма, посттоталитаризма, султанизма. Известно, что Вебер рассматривал султанизм как крайнюю форму патримониализма, которая основывается на “свободном от традиционных ограничений произволе правителя”.

Согласно американским политологам Стивену Эйку и Тарасу Кузьо, белорусский авторитарный режим за годы правления Лукашенко стал многими своими чертами походить на султанизм, функционирующий в некоторых развивающихся странах. Режим Лукашенко демонстрирует крайний патримониализм, проявляющийся в слиянии публичной и частной сфер жизни общества. Вместо разработанной господствующей идеологии власти Беларуси заимствовали вульгарный панславизм у своих восточных соседей, а также советский белорусский патриотизм правящего класса. Государство не является правовым, а его лидер, не сдерживаемый никакими нормами и институтами, вторгается в сферу политического плюрализма, представляющего угрозу для его правления. Правящая элита здесь всецело зависит от руководителя государства, а попытки некоторых ее представителей действовать самостоятельно, как в 1996 г., заканчиваются вытеснением их в ряды оппозиции или исчезновением [26].

С этой точкой зрения категорически не согласен американский специалист по Беларуси Иоффе. При этом его критика отнесения Эйком и Кузьо лукашенковского режима к султанистским является весьма оригинальной. Иоффе не опроверг ни одного аргумента своих оппонентов, но заострил свое внимание на том, что в нашей стране в гораздо меньшей степени нарушаются права человека, чем в странах Центральной Азии, которые, наверное, можно называть подобным образом: *sultanate*.

“Например, если в Беларуси оппозиция является только объектом давления со стороны властей, то в Узбекистане или Туркменистане она сидит в тюрьмах, и с ней не церемонятся. В Беларуси являются доступными российские телеканалы и медиа, регулярно высмеивающие и унижающие Лукашенко. Конечно, некоторое вещание из России было ограничено, но не газеты, печатающие антилукашенковские материалы. Белорусские оппозиционные СМИ свободны и доступны; любой может посмотреть на сайте *БДГ* почти ежедневную критику Лукашенко или прочитать ее в газете *Літаратура і мастацтва* – официальном органе Союза писателей. В апреле 2002 г. репрезентативный опрос НИСЭПИ обнаружил, что 32% белорусов не боится открыто высказывать свои политические взгляды, только 26% заявили, что они иногда опасаются делать это... Редкие опросы граждан любой центрально-азиатской страны, направленные на выяснение их мнения о правительстве и руководителя, дадут нам совершенно иные результаты” [27].

Нужно сказать, что за четыре года, которые прошли с момента публикации этой статьи, Лукашенко попытался наверстать упущен-

ное и догнать своих коллег-президентов из центрально-азиатских государств (об этом свидетельствуют и данные *Freedom House* [28]). Уже перед выборами 2006 г. ему удалось добиться того, чтобы ни один российский телеканал, вещающий на Беларусь, не использовал критические материалы о деятельности президента. Конечно, Лукашенко еще не успел посадить всю оппозицию за решетку. Да это ему и не нужно, достаточно изолировать от общества наиболее “опасных смутьянов” (бывшего кандидата в президенты А. Козулина, например, который находился в заключении более двух лет). Изменилось положение и независимых СМИ. Редактора известной даже в США газеты *Літаратура і мастацтва* отстранили от работы после чисток и перестановок в руководстве Союза писателей. *БДГ* пока что выходит в электронной версии, но не будем забывать, что еще несколько лет назад ее можно было купить в киосках Союзпечати, как большое число других независимых изданий.

После введения в Беларуси так называемой контрактной системы на государственных предприятиях и в учреждениях многое изменилось и со свободой выражения мнения, свободой критики высшего руководства. Атмосфера страха и истерии нагнетается самими властями, и иногда она переходит границы разумного. Так случилось с известным предупреждением всем минчанам и гостям столицы не появляться на Октябрьской площади 19 марта 2006 г. после 19.00, чтобы не быть обвиненными в участии в террористических действиях, направленных на свержение государственного строя и законно избранного президента. Трудно сказать, в какой степени эти меры были копированием тактики борьбы с оппозицией режимов Узбекистана и Туркменистана или же являлись оригинальными *know how* спецслужб Беларуси. Но главное даже не это, а то, что и в государствах Центральной Азии, и в Беларуси общество оказалось лишено любых сдерживающих механизмов, с помощью которых можно поставить на место зарвавшуюся власть: электоральных, парламентских, судебных, конституционных и т.п. И там, и здесь государство фактически приватизировано президентами и связанными с ними узкими клановыми группировками. Чиновники из слуг закона превратились в клиентов первых лиц государства.

По мнению Фисуна, все постсоветские политические системы можно классифицировать в зависимости от соотношения сил между неопатримониальной бюрократией, политическими рендоориентированными предпринимателями и главами государств, контролирующими использование силовых ресурсов. “В том случае, когда глава государства устанавливает персоналистский контроль над политической и бизнесом с помощью как полутрадиционных, так и современных стимулов и вознаграждений, можно говорить о формировании

султанистских режимов (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркменистан, Беларусь). Там, где произошел “захват государства” рентоориентированными экономическими игроками в союзе с неопатримониальной бюрократией, сформировались *олигархическо-патримониальные режимы* (Россия, Украина, Молдова, Грузия, Армения)” [29].

Фисун выделил и важнейшие тенденции развития неопатримониальных систем в постсоветском мире. “Расширение позиций рентоориентированных акторов (что наиболее ярко проявилось в их роли в президентских выборах в России и Украине во второй половине 1990-х гг. или в силовых захватах власти в закавказских республиках) приводит к усилению конкуренции различных фракций неопатримониальной бюрократии и плюрализации экономического и политического поля этих государств – процессам, затронувшим и ряд просвещенных султанистских режимов Центральной Азии и Закавказья (Казахстан, Киргизию и Азербайджан). В большинстве олигархическо-патримониальных режимов наиболее влиятельные экономические игроки ставят вопрос о частичном изменении правил игры и снижении роли главы государства как основного вето-игрока и доминирующего элемента неопатримониальной вертикали... Возникла потребность не в иерархической, а скорее, в горизонтальной самоорганизации экономических игроков... что получило свое политическое выражение в проектах парламентаризации политической системы и породило запрос на “слабого президента”. Так возникла первая стратегия трансформации постсоветского неопатримониализма, которую можно назвать **политической рационализацией**: политическая система должна быть преобразована так, чтобы быстро и эффективно откликаться на запросы различных групп экономических интересов, т.е. быть прозрачной и нейтральной (кульминацией этой стратегии стали так называемые цветные революции снизу).

В ответ на это неопатримониальная бюрократия, используя подконтрольность силовых ресурсов главе государства, попробовала поставить под свой контроль или прямо ликвидировать все усиливавшиеся независимые центры силы (олигархические бизнес-интересы, политические партии, СМИ, парламент, негосударственные организации гражданского общества, культурные и региональные элиты. “Олигархический поворот” 1993/94–1999/2000 гг. сменился новым ключевым трендом 2000/01–2004/06 гг., который состоит, с одной стороны, в формальной рационализации/бюрократизации политико-экономических центров власти и восстановлении позиций государства в экономической сфере, с другой – в попытках ограничения и контроля политической конкуренции, что вызывает развитие авторитарных тенденций и постепенное “закрытие” политической сферы. Данную стратегию можно назвать путем **силовой рационализации**... Успешная силовая рационализация является формой бюрократической революции сверху, которая приводит также к существенной трансформации режима в некую разновидность **бюрократического неопатримониализма** (где доминирующим слоем становится силовая бюрократия)... Именно в этом направлении бюрократической революции сверху (и пока относительно успешной контрреволюционной стабилизации) развивается Россия, Беларусь, Казахстан и Азербайджан” [30].

На наш взгляд, следует согласиться с этим анализом эволюции неопатримониальных постсоветских режимов. Есть только одно небольшое замечание, касающееся места Беларуси в данной схеме. У нас с середины 90-х гг. не было заметно никаких серьезных плюралистических тенденций, точнее, тогда они все были взяты под жесткий контроль главой государства. С тех пор в Беларуси волнами проходят кампании борьбы президента с отдельными элементами этого “пагубного явления”: мелким бизнесом, независимыми СМИ, партиями, неправительственными организациями и др. Иногда они сопровождаются чистками и гонениями против некоторых чиновников государственных органов управления и экономических предприятий – в этом проявляется популистская природа белорусского режима. Лукашенко всегда опирался на силовые структуры, предусмотрительно меняя их руководящий состав, справедливо опасаясь большей угрозы своей власти с их стороны, нежели со стороны слабой и расколотой оппозиции.

Если следовать логике рассматриваемой концепции, Беларусь, на наш взгляд, не прошла весь путь от султанизма к бюрократическому неопатримониализму, хотя Лукашенко и реализовал силовой вариант рационализации (контрреволюционной стабилизации) режима гораздо раньше Путина.

Таким образом, концепция неопатримониализма внесла важный вклад в понимание постсоветских политических режимов. Она позволила по-новому взглянуть на взаимоотношения между властью и обществом, выделить важнейших акторов политических и экономических процессов в странах, образовавшихся после распада СССР, определить тенденции эволюции политических систем этого региона планеты. Вместе с тем неопатримониальная парадигма не свободна от недостатков. Важнейшим, по мнению немецких ученых Эрдмана и Энгела, является ее претензия на универсальность объяснений. На наш взгляд, неопатримониализм должен восприниматься как важное дополнение к другим подходам к изучению современных политических режимов, а не как их полное замещение.

В своем дальнейшем анализе белорусской политической системы мы будем опираться на концепцию Линца и Степана. Анализ степени плюрализма, роли идеологии и мобилизации, особенностей руководства (лидерства) позволил этим авторам выделить пять самостоятельных типов современных политических режимов: тоталитаризм, авторитаризм, посттоталитаризм, султанизм и демократия [31]. К вышеназванным критериям мы добавили еще один, присутствующий у большинства авторов, рассматривающих политические режимы, – состояние прав человека (более подробный анализ кон-

цепции Линца и Степана содержится в кн.: Ровдо В., *Сравнительная политология*. Т. 1. Вильнюс – Москва: ЕГУ – Вариант, 2007. С. 76–81).

2. Причины прихода Лукашенко к власти

Существует две точки зрения относительно закономерности утверждения режима личной власти в Беларуси в середине 90-х гг. С одной стороны, многие авторы, разделяющие самые разные политические позиции, утверждают, что иное развитие событий в тот период времени было практически невозможным. С другой стороны, некоторые исследователи говорят о “девиантности” и неожиданности прихода А. Лукашенко к власти.

Парадигма закономерности. По мнению белорусского политолога Валерия Карбалевича, которого можно отнести к первой группе исследователей, для понимания произошедшего в Республике Беларусь не обойтись без анализа глубинных социальных процессов, предшествовавших президентским выборам 1994 г.

“Если в СССР в целом, как и во всех европейских странах советского блока, в середине 80-х гг. общественная система исчерпала себя и оказалась в состоянии кризиса, то в Беларуси ситуация была иная. Здесь существовавшая система к этому времени не выработала свои ресурсы и имела еще определенный запас прочности и могла какое-то время сравнительно эффективно функционировать... Поэтому демократизация и реформирование начались здесь не естественно, не органически, на собственной основе, а были привнесены извне, из Москвы. Произошел импорт реформ... В Беларуси общество всячески сопротивлялось изменениям из Центра... С самого начала реформ Беларусь оказалась “антиперестроечной Вандеей”, одним из центров оппозиции политике Горбачева.

Независимость свалилась на Беларусь как снег на голову... На референдуме 17 марта 1991 г. 82,6% населения республики проголосовало за сохранение СССР. В силу стечения исторических обстоятельств Беларусь оказалась вытолкнутой в независимое плавание вопреки желанию, как большинства населения, так и правящей элиты. Без руководящего центра в Москве руководство республики испытывало сильный психологический дискомфорт. Независимость оказалась для него тяжелой, непосильной ношей.

Если во многих посттоталитарных странах прежняя правящая элита была сметена демократической волной, то в Беларуси власть осталась в руках старой номенклатуры, которая, отказавшись от коммунистической идеологии, подчинила себе механизмы рынка и политической демократии в качестве новых способов самосохранения и воспроизводства. В результате имитации рыночных реформ, “прихватизации” произошло обуржуазивание номенклатуры, в значительной мере слияние чиновничества с предпринимательством на фоне резкого обострения кризиса, обнищания народа. Поэтому накопленный в обществе и не нашедший до сих пор выхода антиноменклатурный потенциал оказался направленным одновременно и против нарождающегося предпринимательского слоя. В результате в Беларуси *народная революция* носила одновременно антиноменклатурный и антибуржуазный характер. Победил кандидат, наиболее страстно и последовательно выступавший как про-

тив номенклатуры, так и против бизнесменов. Таким образом, мы получили маленькую социалистическую революцию периода позднего индустриального общества, находящегося на пороге перехода к постиндустриальному. Лукашенко оказался ярким представителем этой общественной тенденции, своеобразным “зеркалом белорусской революции”. И нечего удивляться, что “зеркало” оказалось отражением как народной мудрости, так и общественных мифов, предрассудков, того хаоса в головах людей от непонимания происходящего, который возник после краха старой системы. Будущий президент адекватно отразил доминирующие настроения масс... По данным лаборатории *Новак*, полученным в ходе опроса между двумя турами президентских выборов, среди наиболее важных задач, стоящих перед страной, на первое место населением была поставлена борьба с коррупцией и мафией, на второе и третье – борьба с инфляцией и повышением цен, на четвертое – наведение порядка и т.д. В целом первые десять задач предусматривали усиление административно-командных методов управления со стороны государства и развитие интеграции в рамках СНГ. Задача поддержки бизнеса и предпринимательства оказалась лишь на двенадцатом месте, а обеспечение свободы слова и печати – лишь на шестнадцатом... [32].

Большинство населения Беларуси идейно-психологически продолжает жить в СССР. И результаты обоих референдумов, и социологические опросы свидетельствуют не столько о стремлении людей объединиться с Россией (как это трактуют власти), сколько о желании вернуться в Советский Союз, в прежний советский социализм. То есть за идеологемой о интеграции с Россией скрыт миф о возможности реанимировать СССР. В этой связи более понятной является историческая миссия нашего президента. Как заметил известный польский политолог Михник, “Лукашенко – это вовсе не московская марионетка; он советская кукла” [33]. Мы получили не просто консервативные настроения, т.е. стремление сохранить статус-кво, а ностальгический консерватизм, т.е. желание вернуться назад в прошлое. Это уже консервативный радикализм, экстремизм и фундаментализм. По-другому это можно назвать консервативной революцией или консервативной реакцией, как кому больше нравится...

Феномен Беларуси состоит в том, что различные слои населения живут как бы в различных исторических эпохах... По уровню научно-производственного потенциала, образования, социальной структуре наша страна находится на стадии позднего индустриального общества. А массовое сознание в какой-то мере осталось патриархальным, законсервировалось на уровне начального периода индустриализации. Переход к машинному производству произошел слишком поздно, на протяжении жизни одного поколения. Здесь мы наблюдаем классический пример отставания общественного сознания от бытия... И Лукашенко нашел свою социальную опору именно в среде людей с доминированием патриархального сознания, люмпенизированной части общества, пенсионеров, социальных иждивенцев... Сыграло роль накопившееся недовольство политикой правительства Кебича и открытое давление на население властных структур. То есть эта категория граждан во втором туре голосовала во многом не столько “за” Лукашенко, сколько “против” надоевшего премьера. Часть демократов рассматривала “борца с коррупцией” как таран, способный вытеснить старую номенклатуру, сдвинуть страну с мертвой точки и начать какое-то движение...

Огромную роль в победе Лукашенко сыграли иррациональные факторы общественного сознания... В обществе, где около 80% собственности принадлежит

государству, количество собственников ничтожно. Значительная часть населения люмпенизирована. Общество не структурировано и, значит, не дифференцировано в социально-политическом плане... Большинство населения не осознало своих интересов и руководствуется преимущественно политическими инстинктами и идеологическими пристрастиями... Глобальные общественные катаклизмы последних лет вызвали хаос не только в экономической и политической системе, но и головах людей... В такой атмосфере рационально мыслящие и логически рассуждающие люди часто вызывают отторжение и неприятие, так как разрушают иллюзии, заставляют трезво взглянуть на окружающий мир. Одним из показателей кризиса сознания является его мифологизация... Все мифы оседлал Лукашенко, превратив их в ядро своей предвыборной борьбы.

Первые демократические выборы пришлось на период более глубокого экономического кризиса, чем в соседних государствах, где они проходили в сравнительно благоприятной обстановке. Поэтому там популистская тенденция в политической жизни не получила полной реализации... Одной из основных идей предвыборной кампании Лукашенко был культ народа и противопоставление его номенклатурной власти...

Будущий президент эффективно использовал еще один стереотип обыденного сознания. Уже давно среди политологов утвердилось мнение, что белорусы – самый советский народ. В основном это относится к проблеме национального самосознания. Однако это утверждение правильно и в другом смысле. Значительная часть населения стихийно и очень прочно усвоила ленинскую идею о кухне, могущей управлять государством... Президентские выборы и последующие события дают основание переосмыслить устоявшееся мнение о толерантности белорусского социума. По большому счету, можно утверждать, что степень толерантности общества в какой-то мере является показателем его способности жить в условиях демократии” [34].

Следует согласиться с большей частью аргументов Карбалевича. Они позволяют нам найти ответ на вопрос, почему Республика Беларусь не смогла обеспечить демократический вектор своего развития, и не пошла по пути балтийских стран. Вместе с тем эти аргументы не объясняют, почему из всех форм авторитаризма расположенная в Европе страна, достигшая стадии позднего индустриального общества, выбрала почти “азиатскую модель”, отличающуюся высокой степенью концентрации политической и экономической власти в руках президента. По нашему мнению, трудно признать “железную закономерность” победы именно такой версии авторитаризма в Беларуси.

Парадигма девиантности. Согласно точке зрения российского политолога Кирилла Коктыша, относящегося ко второй группе исследователей, приход А. Лукашенко к власти в середине 90-х гг. и связанное с этим резкое понижение уровня развития политической системы Беларуси не было неизбежным событием и, скорее, представляло собой отклонение от обычной логики развития ситуации в большинстве постсоветских стран. Одной из важнейших проблем белорусского общества, которая требовала своего незамедлительного

решения, было противоречие между нереформированной социалистической экономикой, оказавшейся к середине 90-х гг. в состоянии глубокого кризиса, и относительно развитой политической структурой, получившей свое закрепление в Конституции 1994 г. Наиболее вероятным и благоприятным для страны путем выхода из данной ситуации была бы глубокая рыночная реформа экономики. К этому сценарию склонялись не только демократические элиты, представленные на президентских выборах командами реформаторов в лице З. Позняка и С. Шушкевича, но и премьер-министр В. Кебич, видевший необходимость заимствования многих элементов российской экономической модели.

“Неожиданное и девиантное, с точки зрения большинства политических акторов, разрешение кризиса дисбаланса более развитой политической надстройки и нереформированного экономического базиса в пользу упрощения последней происходило постепенно, приняв открытую форму лишь во время конституционного кризиса осени 1996 г.

От президентских выборов интеллектуальная элита ожидала импульса к реальным политическим преобразованиям, крестьянский социум – воплощения мифа восстановления СССР (которое автоматически должно было нормализовать жизнь и восстановить по крайней мере прежние жизненные стандарты), а промышленный электорат ожидал и того и другого, испытывая, впрочем, изрядный скептицизм в отношении осуществимости обоих этих путей... Мифологизированное, т.е. упрощенное и избавленное от рационалистических противоречий понимание действительности всегда оказывается более эффективным... Правительство Кебича, своими же стараниями столкнувшееся в полной мере с *тем же* советским вызовом, т.е. проблемой неэффективности экономики, переживая на локальном белорусском уровне тот же кризис, в свою очередь в качестве инструмента для удержания контроля над ситуацией и компенсации собственной экономической несостоятельности использовало миф о восстановлении союза (с Россией – замеч. авт.). Восприятие идеи восстановления союза как самоценной, которая, реализовавшись, автоматически поставит на свои места все остальное, продемонстрированное Лукашенко, опять же оказалось более конкурентоспособным в силу простоты и выбивало у Кебича из рук его же оружие. В довершение аналогии (Кебича и Горбачева – замеч. авт.) белорусский премьер своими же руками превратил практически никому неизвестного депутата Лукашенко во всенародного героя, после отставки Шушкевича, распустив за ненадобностью возглавлявшуюся Лукашенко антикоррупционную парламентскую комиссию, обеспечив последнему устойчивый имидж борца за справедливость...

Лукашенко, революционизировав крестьянский социум и, соответственно, взяв обязательство воплотить его упрощенное, мифологизированное осознание действительности, изначально оказался в онтологической оппозиции к элите и, в чуть меньшей степени, к промышленному социуму, и в силу этого в конкретной форме осуществления политики изначально был обречен оставаться популистом... Вновь победила самая простая некорректная трактовка действительности, и действовавшие до сих пор на сцене политические акторы отныне были просто обречены на свое политическое исчезновение... В бело-

русском политическом поле остался единственный игрок, воплощавший чаяния революционизировавшегося крестьянского населения, – президент Александр Григорьевич Лукашенко...

Уже на этом (начальном этапе – замеч. авт.) на заднем плане политической жизни происходит интенсивное и первоначально малоафишируемое создание “опричных”, т.е., по сути, *надсистемных органов власти*, чье существование ни в коей мере не предопределялось действующей Конституцией, а именно Администрации президента и Управления делами президента. Администрация становится вершиной назначаемой президентской “вертикали”, и достаточно быстро, уже в начале осени 1994 г., заменяет собой местные выборные Советы, которые были распущены под предлогом экономии госсредств... Управление делами президента, чья функция должна была сводиться к хозяйственному обеспечению президентского аппарата, в самом начале своего существования также расширяет “зону своей компетенции” и наносит удар по парламенту: Верховный Совет в одночасье лишился изъятых у него транспортных средств, равно как и существенной части остальной собственности... Вскоре подотчетное Верховному Совету полномочное правительство оказалось подотчетным и подконтрольным разрастающейся Администрации президента...

Одновременно с постепенной концентрацией власти в своих руках Лукашенко интенсивно, однако первоначально малоуспешно, пытается перейти к *разыгрыванию* оставленной в наследство Кебичем “российской карты”, т.е. решить проблему ресурсообеспечения системы... Пытается он это сделать очень простым путем, демонстрируя готовность пойти на любые политические формы союза, совершенно при этом упуская экономическую составляющую интеграции... Натолкнувшись на изначально жесткую позицию российского правительства, белорусский президент апеллирует к “справедливой толпе”, в этом случае вынесенной за пределы белорусской системы, т.е. ко всему российскому обществу в целом. Его объединительная риторика весьма быстро находит ему союзников как в широких социальных слоях, так и среди оппозиционных политических сил России... В итоге не Лукашенко, а российское руководство под давлением изнутри российского общества оказывается вынужденным пересмотреть свою позицию и пойти на некоторые уступки, которые впоследствии, по мере экспансии “фактора Лукашенко” в Россию, неизбежно вылились в “особые” отношения (в январе 1995 г. подписывается выгодный для Беларуси договор о заключении таможенного союза между двумя странами – замеч. авт.)...

Президент Беларуси становится единственным гарантом и источником какого ни есть экономического благосостояния (за счет России), и при таком развитии ситуации все элементы многофакторности развития, т.е. гражданское общество, конкурентная экономика, парламент и т.д. *на самом деле* становятся несистемными, развитие их, предполагающее по крайней мере существование независимых центров влияния, становится излишним, не обусловленным насущными нуждами новой, фундаменталистской системы, и, собственно, антагонистичным ей. Управлять государством в такой ситуации действительно становится возможным “не сложнее, чем колхозом”...

Конфликт (с парламентом в 1996 г. – замеч. авт.) ни в малейшей степени не был чем-то нелогичным, вытекающим из личных особенностей характера Лукашенко и определяющимся конкретной ситуацией... Конфликт, напротив, был совершенно логичным и прямо вытекающим из осуществлявшейся бело-

русским президентом “миссии”, т.е. совершенно системным в этом контексте: президенту он был необходим, в первую очередь, для сохранения “толпы” как “субъекта политики” и возможности вновь эту “толпу” мобилизовать [35].

Точка зрения Коктыша нам кажется более аргументированной, нежели позиция Карбалевича. Действительно, неспособность белорусской номенклатуры пойти по пути рыночных реформ, ее желание отложить преобразования в долгий ящик, упование только на помощь со стороны России обернулись острым экономическим кризисом и стремительным падением жизненного уровня населения. Этим не преминул воспользоваться маргинальный политик, который в других обстоятельствах вряд ли бы имел хоть какие-либо шансы на успех.

В Беларуси сложилась тогда уникальная ситуация. Население после нескольких месяцев ожидания “чуда” от реформ Е. Гайдара в России и поддержки курса на “строительство капитализма” и укрепление независимости (см. данные многочисленных опросов общественного мнения в конце 1991 – начале 1992 гг.) резко изменило свое мнение о реформах и реформаторах. Быстро сформировался и стал доминировать *антидемократический тренд в общественном сознании*. Подлинная причина данной метаморфозы заключалась не в объективных трудностях начального этапа перехода к рыночной экономике, как было в России или Украине. В Беларуси кризис был результатом отсутствия преобразований социалистической экономики. Однако простые люди понимали все иначе. Власть в нашей стране никогда не находилась в руках демократов, но и З. Позняку, и С. Шушкевичу было непросто объяснять это своим избирателям. Одна только принадлежность к демократическому лагерю делала их непопулярными, а в глазах некоторых – и ответственными за те тяготы, которые выпали на долю миллионов простых людей. Конечно же, срабатывала и кампания клеветы в их адрес со стороны контролируемых правительством средств массовой информации (см. вставку 17.2).

Вторая не менее важная особенность Беларуси, которая объясняет приход к власти Лукашенко и “упрощение” им политической системы, связана с *отношением правящей элиты к независимости*. Как и другие страны СНГ, Республика Беларусь получила государственный суверенитет после распада СССР без долгой и мучительной борьбы народа за данный статус. Это породило парадоксальную ситуацию: политическая власть в Беларуси в августе 1991 г. оказалась в руках наиболее решительных противников независимости. С другой стороны, Белорусский народный фронт (БНФ), созданный двумя годами ранее с целью ведения трудной и продолжительной борьбы за национальное освобождение, оказался в оппозиции к правительству

суверенной Беларуси, которое полностью контролировалось консервативными экс-коммунистами.

ВСТАВКА 17.2

Политический портрет С. Шушкевича

Станислав Шушкевич родился в 1934 г. в Минске в семье писателей. Через два года после этого события его отца – известного белорусского поэта арестовали по ложному доносу за антисоветскую деятельность и выслали в Сибирь. Матери, которая в то время работала учителем языка и литературы в одной из минских школ, пришлось воспитывать сына одной. Благодаря родителям, белорусский язык с детства стал родным для будущего политика. В 1956 г. С. Шушкевич окончил физический факультет Белорусского государственного университета (БГУ), а вскоре аспирантуру Института физики АН БССР. В 1970 г. он защитил докторскую диссертацию. Параллельно с научной карьерой Шушкевич довольно успешно занимался административной работой, став проректором по науке Минского радиотехнического института (1969–1971 гг.), заведующим кафедрой ядерной физики БГУ (1973–1990 гг.), проректором по науке БГУ (1986–1990 гг.).

Политика перестройки в СССР открыла новые возможности для талантливых и активных людей, одним из которых, безусловно, был С. Шушкевич. Он внес значительный личный вклад в то, чтобы правда о последствиях Чернобыльской катастрофы для жителей Беларуси стала достоянием гласности. Воспользовавшись поддержкой БНФ, С. Шушкевич стал народным депутатом СССР (1989–1991 гг.), а потом депутатом Верховного Совета БССР (1990 г.). На первой сессии этого представительного органа Шушкевич был избран первым заместителем председателя, а после подавления августовского путча в Москве – председателем Верховного Совета (1991–1994 гг.).

Люди проявляют свои лучшие и худшие качества во времена испытаний. Таким временем для Беларуси и ряда других субъектов советской федерации стала вторая половина 1991 г. В значительной степени благодаря последовательной позиции руководителя Верховного Совета РБ удалось добиться мирного развода бывших советских республик. С. Шушкевич был инициатором проведения в Вискулях (Беловежская пуца) 8 декабря 1991 г. заседания руководства России, Украины и Беларуси, которое поставило крест на Советском Союзе как субъекте международного права и геополитической реальности. Он смог также добиться ратификации Беловежских соглашений значительным большинством депутатов Верховного Совета. До сих пор С. Шушкевич гордится тем, что поставил свою подпись под документом, который фактически сделал Беларусь независимым государством. Другим своим достижением он справедливо считает вывод с территории РБ ядерного оружия без предварительных условий и компенсаций. Вскоре Беларусь подписала Лиссабонский протокол, который запрещает размещать подобное оружие в будущем (протокол, кстати, очень не нравится нынешнему российскому руководству, которое хотело бы, как во времена СССР, превратить нашу страну в арсенал наступательного ядерного оружия – мишень № 1 для ракет НАТО).

Безусловно, С. Шушкевич допускал и ошибки. Самой большой, на наш взгляд, стало его негативное отношение к проведению референдума о роспуске Верховного Совета и проведении досрочных парламентских выборов по смешанной мажоритарно-пропорциональной системе (за его проведение было собрано почти 500 тыс. подписей граждан Беларуси). Как отмечает З. Позняк, «потеря позиций (силами, выступающими за независимость – замеч. авт.) началась именно в 1992 г., когда был упущен отличный шанс на обеспечение хорошего национального будущего. Решение о референдуме – заключение ЦИК, было принято в конце апреля 1992 г. Как раз в это время шла сессия Верховного Совета, оставалось только определить дату референдума, и судьба Беларуси пошла бы другим путем. Вместо этого, под давлением номенклатуры, С. Шушкевич распустил депутатов и в течение полугода не собирал Верховный Совет... Потом референдум запретили, и советская номенклатура укрепила свою власть в Беларуси». Тот выбор С. Шушкевича на определенное время превратил его в «своего среди чужих и в чужого среди своих». Лишившись поддержки оппозиции БНФ в Верховном Совете, он был отправлен в отставку с должности спикера парламента номенклатурным большинством в начале 1994 г. Были и другие недостатки: и в кадровой политике, и в стратегическом планировании (ориентация на согласие в стране с расколотой политической культурой), и при проведении кампании по выборам первого президента. Но, как говорится, не ошибается тот, кто ничего не делает. С. Шушкевич в течение всей своей политической карьеры находится на национальных и демократических позициях. С 1998 г. он возглавляет партию Белорусская социал-демократическая грамада [36].

Существовали два варианта преодоления этой аномалии. Первый был связан с замещением правящей элиты при помощи мобилизации населения на ненасильственные массовые действия и обеспечение победы национал-демократических сил на свободных и справедливых выборах. Данный сценарий был в то время успешно реализован в станах Балтии; предпринимались попытки для его осуществления в Грузии, Азербайджане, Армении, Молдове. Вторым вариантом была быстрая трансформация вчерашней коммунистической элиты в националистическую. Таким путем пошли Украина и страны Центральной Азии.

Интересно отметить, что ни первый, ни второй сценарий так и не стали реальностью в Беларуси. Главная сила демократической оппозиции – БНФ, которая к тому времени еще не превратилась в «партию одного лидера», как считает Коктыш, не располагала необходимым политическим опытом, чтобы оказаться у власти. Фронт добился определенного прогресса в привлечении на свою сторону значительного количества сторонников с помощью проведения ряда акций под антикоммунистическими и социальными лозунгами. Он пытался донести до людей правду о последствиях катастрофы на Чернобыльской АЭС, правду о Куропатах (урочище под Минском, где в 30-е гг. во времена сталинских репрессий были расстреляны десятки тысяч

невинных граждан). Фракция БНФ в парламенте, несмотря на свою малочисленность, была инициатором практически всех основных законопроектов, ставших правовым фундаментом государственной независимости.

Вместе с тем эта организация допускала и крупные просчеты, которые не позволили ей стать действительно массовым общенациональным движением. Прежде всего это относится к сфере культурной политики: руководство БНФ с упорством, достойным лучшего применения, делало ставку на белорусизацию общества без завоевания политической власти. Лидеры Фронта не отдавали себе отчета в том, что любая массовая ресоциализация (сама по себе крайне важная и необходимая) будет обречена на неудачу, если она не осуществляется государством. Данный просчет позволил и коммунистам, и Лукашенко обвинить БНФ в культурном экстремизме, в том, что БНФ якобы сводит решение всех сложных проблем страны к изучению белорусского языка и истории.

Фронт недооценил политического значения лозунга борьбы с коррупцией. Являясь главной оппозиционной силой, он позволил перехватить инициативу критики режима в столь болезненной сфере мало кому известному депутату А. Лукашенко, использовавшему антикоррупционный доклад как грозное личное оружие в борьбе с правительством и оппозицией. Доклад С. Антончика от фракции БНФ о злоупотреблениях властью в структурах администрации президента прозвучал с большим опозданием (декабрь 1994 г.), когда вопрос о власти был решен, и поэтому он не вызвал ожидаемого политического эффекта. Вполне вероятно, что своевременная инициатива Фронта в этом вопросе предотвратила бы быструю трансформацию антикоммунистических популистских настроений в общественном сознании в антиноменклатурный и антидемократический популизм, ментальную основу лукашенковской власти.

Очень часто руководство БНФ не отдавало себе отчета в том, что существует довольно большой разрыв между идеями, артикулированными Фронтом, рассматривающим себя в качестве авангарда белорусского народа, и сознанием обычных граждан. Как отмечает американский исследователь Кателин Михалиско, «та же самая моральная сила, которая превращала З. Позняка в самого храброго оппонента режима, делала его и слишком резким и крайним для белорусского вкуса» [37]. Эта особенность организации объективно выталкивала ее в радикальную нишу, несмотря на все усилия избирательного штаба лидера партии и движения по репозиционированию БНФ в центристскую силу.

Наконец, отсутствие единства в стане демократов на выборах 1994 г., безусловно, не содействовало мобилизации протестного элек-

тората и решению вопроса о власти в пользу сторонников проведения подлинных экономических и политических реформ в Беларуси. Этот факт стал своеобразным подарком премьеру В. Кебичу, растерявшему свою былую поддержку в ходе кампании. С еще большим энтузиазмом он был воспринят популистом А. Лукашенко, у которого повысились шансы на прохождение во второй тур и на окончательную победу. Таким образом, ошибки оппозиции и факторы субъективного характера сыграли, по нашему мнению, гораздо более важную роль в том, что власть в суверенном белорусском государстве так и не перешла в руки национально-демократических сил в середине 90-х гг., чем действие некоей объективной “железной” закономерности, помешавшей этому процессу.

В то же время белорусская номенклатура была слишком реакционной и провинциальной, чтобы воспринимать независимость всерьез. Коммунистический правящий класс выжил и сохранил себя после краха СССР. Республика Беларусь была единственной постсоветской страной, в которой до 1995 г. действовал парламент, избранный еще в советскую эпоху. Для того чтобы консолидировать свое положение, бывшая советская номенклатура должна была быстро превратить государственную власть в частную собственность. Однако, несмотря на то, что Верховный Совет одобрил закон о приватизации, а также некоторые другие рыночные законы, Беларусь существенно отставала от соседних стран по темпам проведения экономических реформ. Вместо этого белорусские чиновники, как в добрые старые советские времена, использовали общественную (государственную) собственность для удовлетворения личных интересов. В результате коррупция превратилась в одну из острейших проблем молодого белорусского государства.

Для удовлетворения своих стратегических интересов белорусская правящая элита должна была укреплять институты независимого государства. Вместо этого она прилагала все усилия к тому, чтобы подороже продать суверенитет России. Хорошо известно, что программа Кебича во время президентских выборов 1994 г. была направлена на “восстановление разрушенных хозяйственных связей” и вступление Беларуси в рублевую зону Российской Федерации (см. вставку 17.3). Острый экономический кризис середины 90-х гг. свидетельствовал о полной неспособности премьера справиться с ситуацией. Белорусская бюрократия в целом не была готова к тому, чтобы действовать самостоятельно и ответственно. Она опасалась открытой конкуренции, привыкла к монополизму и зависимости. Ее поведение невозможно описать с помощью веберовской концепции легально-рационального господства.

ВСТАВКА 17.3

Политический портрет В. Кебича

Вячеслав Кебич родился в 1936 г. в крестьянской семье в Новогрудском воеводстве Польши (ныне Воложинский район Минской области). Несмотря на отсутствие достатка, родители Вячеслава стремились дать сыну хорошее образование. Он окончил школу с золотой медалью и поступил в Белорусский политехнический институт, который с отличием закончил в 1958 г.

Хорошие способности и талант организатора позволили В. Кебичу довольно быстро продвигаться по службе: в 1970-е гг. он становится заместителем главного инженера Минского завода автоматических линий, позже – директором и генеральным директором Минского станкостроительного завода им. Кирова. В 80-е гг. начинается успешная партийная карьера. В. Кебич окончил Высшую партийную школу и работал в должности второго секретаря Минского горкома и Минского обкома КПБ. В 1980–1985 гг. В. Кебич возглавлял очень важный отдел промышленности ЦК КПБ, а перестройку встретил на посту председателя Госплана БССР (1985–1990 гг.). В 1990 г. В. Кебич становится председателем Совета Министров Республики Беларусь. Это его последняя высшая государственная должность, потому что в 1994 г. В. Кебич проиграл президентские выборы Лукашенко.

Особенности биографии отразились на взглядах и позиции этого белорусского политика. С одной стороны, В. Кебич – человек советской социалистической системы, о преданности которой он заявлял неоднократно. С другой стороны, он во многом самостоятельно, благодаря талантам и трудолюбию, восходил по ступеням служебной лестницы. Будучи умным человеком, он не мог не видеть слабости и недостатки той системы, защитником которой ему приходилось выступать. В отличие от подавляющего большинства номенклатурного руководства Беларуси, В. Кебич искренне выступал за рыночные преобразования экономики страны. Правда, делать реформы, по его мнению, необходимо было постепенно и вместе с Россией.

Отмеченное противоречие наложило глубокий отпечаток на политическую позицию экс-премьера по всем ключевым вопросам повестки дня. В. Кебич вместе с С. Шушкевичем принимал участие во встрече в Вискулях 8 декабря 1991 г. и поставил свою подпись под текстом документа, положившего конец СССР. Но, в отличие от бывшего спикера белорусского парламента, который не устает заявлять, что гордится этим шагом, тогдашний глава правительства РБ продолжает считать, что “Советский Союз в новом виде можно было сохранить, если бы М. Горбачев желал принять новую конституцию и если бы так быстро не отказались от руководящей роли КПСС”. Вместе с тем в книге *Искушение властью* он пишет о том, что одна, главная часть его жизни “была насыщена вдохновенным трудом на благо Отечества”, что он “стал непосредственным участником рождения суверенного государства – Республики Беларусь. В той большой жизни я чувствовал себя счастливым человеком, нужным своей стране”.

В интервью *Европейскому Радио* на вопрос корреспондента, какой самый острый момент в книге, В. Кебич ответил: “Мое противостояние, и правительства, против националистических сил Беларуси. Против Белорусского народного фронта. Если припомните, после развала Союза националистические силы решили взять реванш, и кое-где это закончилось большой кровью.

У нас этого не произошло". На риторический вопрос корреспондента, не кажется ли экс-премьеру, что в результате произошел откат от национальной культуры и традиций, Кебич не нашел что ответить. И опять же, в книге *Искушение властью* экс-премьер утверждает: "Понадобятся целые научные коллективы и многие годы для того, чтобы понять, когда и почему мы потеряли свою национальную идею... Да простят меня за фивольное сравнение, но ребенка пальцем не сделаешь! Даже если этот палец – указательный. Так и национальная идея не рождается по приказу или декрету. Она вызревает в душе народной и проявляется только тогда, когда власть угадает мысли и чаяния народа".

В. Кебич считает, что в 1994 г. он вполне мог не проиграть Лукашенко, если бы пошел на использование административного ресурса, "как это делается теперь у нас, в России, других странах". Перед ним все же стоял моральный барьер, и он не поддался на "искушение властью". "Все зло в мире имеет в своей основе жажду власти, которая, в свою очередь, открывает дорогу и к деньгам, и к владению женщинами". Перед Лукашенко и его командой такая проблема, по большому счету, никогда не вставала, потому что для действующего главы государства власть – это высшая ценность. Ради ее сохранения в своих руках он идет на нарушение законов и моральных норм, не говоря уже о правилах проведения честных и конкурентных выборов. Электоральные состязания 1994 г., которые организовывал В. Кебич, были первыми президентскими и последними относительно свободными выборами в Беларуси.

По мнению В. Кебича, "даже рьяные критики существующей власти соглашались: президент знает, что делает. И то, что он делает, не укладывается ни в одну экономическую модель, противоречит всем политическим концепциям. Не мне судить, хорошо это или плохо. Сбились ли мы со столбовой дороги цивилизации? Или, наоборот, сознательно ступили на целину, прокладывая новый путь?" [38].

Таким образом, неспособность демократической оппозиции предложить народу популярную альтернативу, с одной стороны, и полная непригодность бывшей коммунистической номенклатуры к тому, чтобы и дальше управлять государством, с другой, породили острый политический кризис. Деконструкция старой посттоталитарной политической системы и очень медленное создание новых демократических институтов, лишь декларированных в Конституции, создали очень благоприятные условия для популистски настроенных маргинальных политиков, одним из которых и стал Лукашенко. Используя неразвитость белорусской бюрократии, ее ориентацию на патрон-клиентельную зависимость и монополизм, а также эффект устрашения мобилизованной толпой, Лукашенко с помощью России соорудил крайне неразвитую по европейским меркам, но относительно устойчивую политическую систему, в которой все властные связи и отношения завязаны на главу государства.

3. Черты политического режима Лукашенко

Для того чтобы ответить на вопрос, какой характер носит политический режим в Республике Беларусь, попытаемся использовать такие параметры для анализа, как *характер руководства, состояние плюрализма, роль идеологии, роль политической мобилизации, состояние прав человека*. Как уже отмечалось выше, они были выделены в середине 90-х гг. американскими политологами Линцем и Степаном для описания всех современных политических режимов, важнейшими разновидностями которых являются: авторитаризм, тоталитаризм, посттоталитаризм, султанизм и демократия.

Во-первых, преимуществом этого подхода является его глубина. Линц и Степан фиксируют внимание исследователей на анализе важнейших параметров функционирования политических систем, что позволяет определить качественные различия между ними.

Во-вторых, выделенные характеристики режимов понимаются как идеальные типы, в веберовском смысле этого термина, побуждающие ученых, занимающихся сравнительными исследованиями или изучающих отдельные случаи, искать в политической реальности, как то, что приближается к идеальному типу, так и то, что от него отделяется. Это позволяет дальше разрабатывать концепции гибридных режимов, которые возникают не только между демократией и авторитаризмом, но и между различными вариантами недемократических систем.

В-третьих, данный подход является наиболее интегральным, включающим в себя в переработанном виде большую часть уже рассмотренных теорий: от концепций гибридных режимов до неопатриониализма.

Характер руководства. А. Лукашенко сконцентрировал в своих руках основные полномочия высшей исполнительной, законодательной и судебной власти. Формально, по Конституции, президент является только главой государства, но фактически он *узурпировал роль руководителя правительства*. Премьер-министр и члены Совета Министров являются не политиками, а хозяйственниками в современной Беларуси. Глава государства вмешивается во все, даже второстепенные и частные проблемы деятельности правительства. Он решает все кадровые вопросы, регулярно заслушивает отчеты министров и дает им задания, проводит селекторные совещания, на которых публично критикует и отстраняет от должности “провинившихся” членов Совета Министров и глав регионов. Правительство исполняет роль “громоотвода”, на него списывают все неудачи и просчеты во внутренней и внешней политике.

Взаимоотношения между главой государства и правительством являются наглядной демонстрацией популистски-плебисцитарного

стиля управления Лукашенко. Как отмечает в этой связи белорусский политолог Анатолий Лысюк, “плебисцитарность предполагает противопоставление авторитарным лидером государственной элиты народу, артикуляцию им (лидером) идеи антинародности совокупного “начальства”, а также постоянное использование его отдельных представителей в роли жертвенных агнцев” [39].

Указы Лукашенко по-прежнему имеют большую юридическую силу, чем акты Национального собрания – так называемого высшего законодательного органа власти. Персональный состав парламента фактически формируется Администрацией президента и утверждается избирателями на несвободных и несправедливых выборах. Начиная с 2004 г. и нижняя, и верхняя палата Национального собрания не имели ни одного представителя оппозиции. *Парламент* в его нынешнем положении *не в состоянии контролировать деятельность правительства и президента*. Депутаты лишь формально утверждают в должности премьера и основных членов Совета Министров. Они обладают также правом вынесения вотума недоверия правительству. Однако с 1996 г. не было ни одного примера, когда бы белорусские парламентарии не то чтобы воспользовались этим правом, но хотя бы предъявили серьезные претензии правительству. И дело здесь не только в том, что у президента в соответствии с Конституцией есть право роспуска Палаты представителей в случае вынесения вотума недоверия правительству, а также право, действуя через Конституционный суд, досрочного прекращения полномочий обеих палат “в случае систематического или грубого нарушения ими Конституции” [40]. У депутатов выработалась привычка не заходить на “чужую территорию”. Они в подавляющем большинстве своем понимают, что в современной Беларуси только президент обладает правом критики и отстранения своих министров. Белорусский парламент лишен большинства важнейших полномочий, которые бы давали ему возможность активно влиять на политический курс и сдерживать чрезмерные властные амбиции президента.

Президент в Республике Беларусь *контролирует* не только исполнительную и законодательную *ветви власти*, но также и *судебную*. Он имеет право назначать на должность и *отстранять от должности* председателей Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, назначает шесть судей Конституционного Суда (шесть других дает верхняя палата парламента) иных судей Республики Беларусь. Он также назначает и *снимает* Генерального прокурора, председателя Комитета государственного контроля. Политическая система Беларуси при Лукашенко деградировала почти до уровня деспотического режима, описанного в XVIII в. Монтескье, в котором суверен единолично принимал законы, претворял их в жизнь, судил и карал подданных за их нарушение.

Президентская вертикаль заменила собой систему местного самоуправления. Статья 14 Закона Республики Беларусь *О местном самоуправлении и местном хозяйстве* от 9 февраля 1995 г. ввела практику фактического назначения председателей облисполкомов президентом страны. Те, в свою очередь, назначают председателей райисполкомов. После этих изменений исполкомы фактически вышли из-под контроля местных представительных органов (Советов) и стали придатком государственной администрации. Из 22 пунктов исключительных полномочий, которыми располагали местные Советы по закону 1991 г., по Конституции 1996 г. за ними было оставлено всего пять. В Беларуси произошло полное огосударствление органов местного самоуправления.

Все основные кадровые назначения/отставки в нашей стране осуществляются на основании единственного критерия: личной преданности/измены А. Лукашенко (см. вставку 17.4).

ВСТАВКА 17.4

Особенности кадровой политики в Республике Беларусь

Интересно сравнить, например, судьбу двух должностных лиц: Александра Козулина и Галины Журавковой. А. Козулин был назначен президентом на должность ректора Белорусского государственного университета и уволен с нее, когда был заподозрен в политической нелояльности (на выборах 2001 г. студенты этого крупнейшего высшего учебного заведения страны в подавляющем большинстве проголосовали за оппозиционного кандидата – В. Гончарика). После выборов 2006 г. Лукашенко еще раз жестоко отомстил А. Козулину за личную измену – его выдвижение в качестве кандидата на должность главы государства. За “мелкое хулиганство”, которое якобы совершил политик во время кампании, он получил пять с половиной лет тюремного заключения.

Г. Журавкова, назначенная на должность руководителя делами президента, была посажена за решетку за доказанное преступление: растрату государственных средств в особо крупных размерах. Однако Лукашенко подписал специальный указ о помиловании этого должностного лица, потому что она лично попросила у него прощения и обязалась компенсировать материальный ущерб государству за счет собственных средств. Г. Журавкова не понесла должного наказания только потому, что у Лукашенко никогда не возникало сомнений насчет ее личной преданности президенту [41].

Широко распространена в Беларуси практика назначения президентом на высшие государственные должности людей из так называемого шкловско-могилевского клана, представителей которого он хорошо знает как земляков. В 2007 г. Лукашенко неожиданно для многих выдвинул на должность члена Совета Безопасности (очень узкой и влиятельной структуры) своего старшего сына Виктора, не обращая внимания на то, что у последнего не было никаких формальных оснований для вхождения в этот элитный клуб страны. До

этого назначения он исполнял обязанности обычного советника президента.

Белорусские чиновники оказались низведенными почти до положения *личных слуг президента*. Это их бесправное положение наиболее ярко и красочно демонстрируется рядовым гражданам во время всевозможных политических кампаний. Бюрократия обязана обеспечивать высокую явку избирателей и гарантировать нужный процент голосов за Лукашенко во время выборов и референдумов; активно внедрять в сознание масс государственную идеологию; любой ценой противодействовать оппозиции и срывать ее политические планы.

Таким образом, по критерию *характер руководства* Беларусь не может быть отнесена к демократиям, хотя бы на том основании, что в демократических странах правит закон, а не личности, а власть не является монолитной и сконцентрированной в одних руках. Поскольку в нашей стране важнейшей правящей структурой выступает не монопартия, а президент, ее нельзя относить к тоталитарным или посттоталитарным системам. Характер руководства в Беларуси в наибольшей степени напоминает авторитаризм (понимаемый в узком смысле слова) и султанизм.

С одной стороны, в белорусской политической системе лидер и небольшая группа лиц осуществляют власть в государстве. С течением времени их поведение становится все менее и менее предсказуемым для окружения и общества (“предсказуемость власти” – это важный показатель классического авторитаризма). В нашей стране уже давно была реализована “кооптация групп прежней элиты” (бывшей коммунистической номенклатуры) в состав нового правящего класса, что обычно свойственно авторитаризму. Вместе с тем в Беларуси крайне слабо выражена присущая таким режимам относительная “автономия государственных служащих и военных” [42].

С другой стороны, такие черты султанизма, как “в высшей степени персоналистское и основанное на произволе правление; отсутствие автономии государственных служащих; подчинение руководителю, опирающееся на страх и личные вознаграждения; формирование окружения руководителя из друзей, коллег по работе, людей из службы безопасности; получение должностей вследствие сугубо личного подчинения”, можно с легкостью обнаружить в политическом устройстве современной Беларуси [43].

В нашей стране еще сохраняются некоторые формальные “рационально-легальные ограничения” власти президента (их роль с каждым годом снижается). До недавнего времени в Беларуси отсутствовали и “сильные династические тенденции”, но после референдума 2004 г., который был призван содействовать установлению пожизненного правления А. Лукашенко, а также после стремитель-

ного карьерного взлета старшего сына президента, и в этой сфере намелилась трансформация белорусской политической системы в направлении классических неопатримониальных образцов. Беларусь, правда, все еще не догнала страны Центральной Азии по наличию в обществе “ярко выраженного культа личности” президента. Таким образом, по показателю *характер руководства* современная Республика Беларусь больше напоминает режимы султанства, нежели классические авторитарные режимы.

Состояние плюрализма. Недемократическое руководство, по мнению Макридиса и Бурга, в своей деятельности сталкивается с двумя противоречащими друг другу задачами. “С одной стороны, оно намерено избавиться от конфликтов в обществе и подавить оппозицию. С другой стороны, оно должно обеспечить хотя бы минимальное согласие населения с проводимой политикой, если не ощутимую поддержку ей”. Поэтому власть должна выстраивать определенную систему взаимоотношений с различными социальными силами и группами интересов. “Она обеспечивает удовлетворение материальных потребностей тех групп, на которые опирается, ухудшает положение других, на поддержку которых не может рассчитывать. Для населения политическое участие ограничивается только теми формами, которые способствуют повышению эффективности режима и сохранению общественного порядка” [44]. Во всех формах диктатуры, кроме тоталитаризма, это обычно приводит к сохранению *экономического и социального плюрализма* при существенном ограничении *плюрализма политического*. Как же обстоят дела в этой сфере в Беларуси?

В течение семнадцати лет независимости наша страна почти не сдвинулась с мертвой точки в проведении глубоких рыночных реформ. По-прежнему доминирующие позиции в экономике занимает государственная собственность. В отличие от Украины, где Кучма пытался получать дивиденды от патронажа над конкурирующими группировками олигархов и тем самым был заинтересован в ограниченном плюрализме, в Беларуси Лукашенко с самого начала сделал ставку на уничтожение независимого крупного и среднего бизнеса как опасного конкурента своей власти.

Как указывает Коктыш, “еще в 1995 г. Управление делами президента, чья деятельность не предусматривалась Конституцией и не ограничивалась ни одним законом... приступила к взятию под президентский контроль всей приносящей прибыль республиканской собственности (речь идет о переводе ее в “опричную” президентскую собственность, обеспечивая президента своим, никем не учтенным бюджетом). Бюджет президента интенсивно формировался также и за счет внешних источников: при патронаже Управления делами “обманутыми вкладчиками финансовых пирамид” была учреждена компания *Торгэкспо*, которая указом президента была освобождена от уплаты всех нало-

гов и пошлин и таким образом в полной мере извлекла выгоды из Таможенного союза с Россией (только в 1996 г. прямые потери России составили около 400 тыс. долларов)... Де-факто наиболее эффективным белорусским экспортером стал президент, который один в состоянии не соблюдать им же установленные экспортные “правила игры”. Так он взял под свой контроль приносящий валюту экспорт в дальнее зарубежье калийных солей, леса и некоторых других продуктов (в настоящее время – нефтепродуктов – замеч. авт.). Само собой разумеется, что и в отношении российского экспорта Лукашенко оказался наиболее эффективным субъектом хозяйствования, так как вряд ли кто-то лучше него может договориться с Россией о “выгодной” продаже ей белорусских товаров... На этом фоне наглядным становится водораздел между собственно экономикой и президентской “опричниной”: относящиеся к ней структуры интенсивно развиваются... за счет остальных субъектов хозяйствования” [45].

Экономический и социальный плюрализм в нашей стране остался, но никто не гарантирует их субъектов от совершенно произвольного интервенционизма со стороны структур власти. Вэй и Левицки в своем описании Беларуси привели высказывания нескольких респондентов, которые довольно удачно охарактеризовали нынешнюю ситуацию: “Это – контролируемая государством корпорация, Belarus Inc., – многоуровневый конгломерат с доходами около 25 млрд. долларов США... На нее работает более четырех миллионов работников, она контролирует сферу услуг, сектора здравоохранения и образования”. Но Лукашенко контролирует не только государственный сектор экономики, который по-прежнему достигает 80%, но и всех частных предпринимателей. “Данный контроль практически лишил оппозицию возможностей получать помощь от бизнеса... В 2006 г. вероятность присоединения кого-нибудь из высокопоставленных руководителей экономической сферы к оппозиции равнялась нулю. Такой широкий государственный охват дает Лукашенко огромные возможности задуть оппозицию раньше, чем та сможет набрать силу” [46].

На протяжении 2007–2008 гг. президент пошел на осуществление нескольких важных проектов, направленных на приватизацию государственной собственности. Эти шаги были вынужденными, связанными с необходимостью нахождения дополнительных средств для оплаты значительно подорожавших российских энергоресурсов. Приватизация по-белорусски осуществляется под жестким контролем главы государства, с минимальной гласностью и, как правило, без проведения открытых тендеров. Но, тем не менее, сам этот процесс объективно содействует сохранению и расширению экономического и социального плюрализма.

Средства массовой информации в Беларуси строго контролируются правительством. Радио и телевидение полностью монополизированы государством. Недавно созданная независимая компания

Белсат, вещающая из-за границы, пока не может конкурировать с БТ, ОНТ, СТВ или Лад в силу целого ряда причин. Независимые газеты из-за экономического давления со стороны властей и открытых репрессий, направленных против журналистов, там работающих, вынуждены сокращать тиражи своих изданий. Многие популярные газеты были закрыты за острую критику Лукашенко или лишились доступа к государственной системе распространения периодических изданий. Как отмечает политический обозреватель независимого издания *Белорусы и рынок* Павлюк Быковский, “некоторые СМИ имеют негласный запрет на печать в белорусских типографиях и вынуждены печататься за границей, что делает издание газет более дорогостоящим процессом и не гарантирует доставку каждого конкретного номера” [47].

В Беларуси в 2009 г. действует около 2500 *неправительственных организаций*. Однако и они поставлены в такие условия, что или должны полностью подчиняться режиму, или сталкиваться с регулярными проверками, платить огромные штрафы, прекращать свою деятельность. Кампания так называемой перерегистрации неправительственных организаций, партий и профсоюзов, которая проводилась в 1999 г., привела к сокращению количества НПО примерно на 1200 организаций, и до 2009 г. их численность не достигла того уровня, который был перед началом кампании. Белорусскими властями был введен разрешительный принцип регистрации вместо уведомительного, создана неконституционная структура – Комиссия по регистрации и перерегистрации при президенте РБ, которая угрожает жестким преследованием тем организациям и инициативам, которые продолжают свою активность после получения отказа в регистрации или перерегистрации от правительства. Перед президентскими выборами 2006 г. административная ответственность за подобную деятельность была заменена уголовной. Все это грубейшим образом нарушает право граждан на объединение и создание ассоциаций, зафиксированное во Всеобщей декларации прав человека.

Белорусские *политические партии*, лишённые возможностей ведения нормальной конкурентной борьбы в парламенте и местных органах власти, агитировать своих избирателей с помощью средств массовой информации, в том числе электронных, оказались в изоляции от общества. Большая их часть мало чем отличается от политических клубов и неправительственных организаций. Некоторые партии пытались заполнить возникший вакуум “уличной политикой”. Но ее возможности оказались ограниченными из-за драконовского законодательства, принятого в Беларуси против организаторов несанкционированных демонстраций и митингов, а также из-за ошибок самих организаторов этих акций. Слабость белорусских

политических партий объясняется “антипартийной ментальностью” многих слоев населения, особенностями избирательной системы, крайней узостью социальной базы, на которую могут опереться партии. Однако самая главная причина – это принцип, которым руководствуются действующие власти нашей страны: “В белорусской политике должен быть только один субъект – сама власть” [48].

Сравнивая *степень развития плюрализма* в Беларуси как важнейшего индикатора оформления интересов с идеальными чертами современных политических режимов, мы можем констатировать промежуточное положение белорусского режима между авторитаризмом и султанизмом. Если говорить о том, что роднит режим Лукашенко с классическим авторитаризмом, то это то, что политической системе Беларуси присущи “некоторые элементы социального и экономического плюрализма”, правда, “не существовавшие в обществе до утверждения действующего режима”. Однако почти не ощущается “ограниченный и неответственный политический плюрализм”, хотя в стране и действует “полуоппозиция” [49].

В то же время, как при султанизме, в Беларуси элементы экономического и социального плюрализма являются объектами часто “непредсказуемого и деспотического вмешательства” со стороны главы государства. У нас “не существует ни одной группы или индивида в гражданском обществе, политическом обществе или государстве, которые были бы гарантированы от применения против них деспотической власти” президента. В современной Беларуси “отсутствует правовое государство, низок уровень институционализации, высока степень переплетения сфер частного и публичного” [50].

Роль идеологии. Режим личной власти в Беларуси не является жестко идеологизированным, что отличает его от тоталитарного. В то же время общественному сознанию прививаются откровенно антидемократические и антизападные идеи. Широко пропагандируется *панславизм*. Республика Беларусь изображается как форпост, который препятствует распространению “тлетворных” либеральных ценностей и взглядов, а ее президент позиционирует себя в качестве лидера тех сил на постсоветском пространстве, которые активно противостоят империалистическому заговору стран Запада против государств бывшего СССР. В этом же духе выдержан и текст так называемой **государственной идеологии**, с которым Лукашенко выступил на постоянно действующем семинаре руководящих работников в марте 2003 г.

Создание государственной идеологии в Беларуси дало основание некоторым политологам и оппозиционным политикам говорить о тоталитарной трансформации политического режима Лукашенко. На наш взгляд, такая трансформация носит ярко выраженный султа-

нистский характер. Линц и Степан обратили внимание на значительные отличия роли идеологии при тоталитаризме и неопатримониальном режиме. Для первого идеология является важнейшим источником легитимации власти; система ценностей здесь часто даже ограничивает политическое руководство, ее создавшее. Султанистское руководство обычно не имеет хорошо разработанной господствующей идеологии, но оно может использовать декларации лидеров, которые претендуют на статус идеологии. “Она носит крайне манипулятивный характер и, что еще более важно, она не рассматривается как что-то, что может сдерживать руководителя, и сохраняет свою релевантность только до того момента, пока ее использует лидер” [51]. Такую ментальную конструкцию американские политики назвали *псевдоидеологией*.

Нам кажется, что что-то подобное и соорудили советники белорусского президента. Идеология носит поверхностный характер. Мировоззренческая часть включает в себя эклектический набор некоторых марксистско-ленинских, либеральных и консервативных позиций (!). Эта система идей и взглядов никак не ограничивает действующую власть, но, наоборот, служит для обеспечения достижения прагматичных целей Лукашенко: усиления его личного контроля над государственным аппаратом, системой образования и СМИ. Наконец, в эту идеологию “не верит ни окружение лидера, ни подданные, ни внешний мир”, что, согласно Линцу и Степану, свойственно именно султанизму (см. вставку 17.4).

ВСТАВКА 17.4

Есть ли мировоззренческая основа у белорусской государственной идеологии?

“Три идеологии на сегодня являются общемировыми: марксизм, консерватизм, либерализм... Самая понятная (и близкая, естественно) для сидящих в этом зале идеология – коммунистическая... Разве для суверенной Беларуси не подходят такие принципы из нашей прежней коммунистической идеологии, как коллективизм, патриотизм, социальная справедливость? Высокий престиж образования, общественно полезный труд без расчета на материальное вознаграждение, формы морального поощрения людей и многое другое, что стало частью нашей жизни? Думаю, все это должно органично входить в идеологический фундамент современного белорусского общества... Вторая идеология, консерватизм, знакома нашим людям гораздо меньше. Хотя отдельные его элементы от природы присущи белорусам в таких традиционных для нас чертах, как *добразычлівасць, памяркоўнасць, талерантнасць, разважлівасць*. Это уже в кровь вошло. Наше поколение этого не знает, это не помнит, но прежние поколения жили, видимо, в условиях господства вот этого консервативного подхода в идеологии. И многие понятия сегодня не теряют своей актуальности. Надо быть хорошими консерваторами в хорошем смысле слова.

Доминирующей и исключительно агрессивной является сегодня идеология либерализма. Либерализм (или точнее – неолиберализм) коротко можно определить как идеологию социального неравенства людей, наживы и индивидуализма... Хочу сразу оговориться, хотя этого в тексте доклада и нет: черты либерализма в какой-то степени должны быть присущи и нам. Я думаю, ничего нет плохого в признании жесткой конкуренции. Все равно мир развивается в этом направлении, конкуренция порождает высочайшие образцы творчества и результатов труда. Нет ничего порочного и в том, мы можем эту идею приписать либерализму, что человек должен, прежде всего, рассчитывать сам на себя, чтобы получить средства существования, одеть себя, накормить свою семью и защитить ее. Что касается защиты, тут, наверное, больше должно сделать государство. Но и человек должен об этом думать.

Таким образом, марксистско-ленинская, консервативная и либеральная идеология в разной степени, в разных, скажем, количествах должны быть присущи и нам. Да и в некоторой степени были присущи. Чего-то больше, чего-то меньше...

Белорусская идеология должна иметь ориентацию на традиционные для нашей цивилизации ценности: способность трудиться не только ради наживы, но и для блага общества, коллектива других людей... По сути, в восточнославянском (а если учесть проживание на наших просторах и других народов) в восточноевропейском мире мы остались единственной страной, открыто проповедующей верность нашим традиционным цивилизационным ценностям. Все это позволяет говорить, что временем, судьбой, ситуацией Беларусь выдвинулась на, наверное, великую роль духовного лидера восточноевропейской цивилизации" [52].

Таким образом, и по показателю *роль идеологии* Беларусь не может претендовать на принадлежность к демократическим политическим системам, которые опираются на идеологический плюрализм, а не на некую государственную идеологию, как считает Лукашенко. Разработка и внедрение последней свидетельствует о том, что руководство РБ отбросило многие важные принципы классического авторитаризма, предпочтя заменить их принципами крайнего неопатримониализма.

Роль политической мобилизации. Ситуация с мобилизацией населения на оказание политической поддержки правительству выглядит неоднозначно. С одной стороны, как при авторитаризме, белорусский режим не заинтересован в существенной политизации общества и делает все, чтобы с помощью адресных репрессий, государственных СМИ, спортивных и развлекательных мероприятий деполитизировать общественное сознание, вселить в подданных убеждение, что политика – это дело “всенародно избранного президента”, который сам решит все проблемы простого человека: “запустит заводы”, разберется с коррупцией, стабилизирует цены. Обычные люди взамен должны отвечать полным послушанием и радоваться жизни, которую обеспечил им глава государства.

С другой стороны, очень часто власти используют элементы политической мобилизации, напоминающие султанские, но не тоталитарные образцы. Лукашенко получает наслаждение от организации различных торжеств: “дожинок”, “славянских базаров”, религиозных и советских праздников. Они представляют собой “мероприятия манипулятивного и церемониального типа”, которые, по мнению Линца и Степана, как раз и свойственны султанизму. Поэтому в Беларуси и отсутствует *партия власти*, необходимая для мобилизации населения к подлинному участию в политической жизни, как в некоторых однопартийно-авторитарных или посттоталитарных государствах. Попытка некоторых белорусских чиновников создать такую политическую организацию в нашей стране в 2007 г. не была поддержана президентом. Поэтому *Белая Русь* (такое название получила эта структура) была зарегистрирована как общественное объединение, а не политическая партия, чего добивались ее инициаторы.

К подобному же типу мероприятий, по нашему мнению, нужно относить также выборы и референдумы. Дело в том, что с 2004 г. они почти перестали выполнять функцию легитимации существующей власти, что свойственно гибридным авторитарно-демократическим режимам. У нас выборы превратились в ритуал, который служит для демонстрации единства народа и его руководителя. Если раньше белорусская “вертикаль” действовала в строгом соответствии с хорошо известной формулой “не важно, как они голосуют, важно, как мы считаем голоса”, то теперь никто не утруждает себя даже подсчетом. Главное – это выполнить заранее поставленное задание президента.

Например, перед парламентскими выборами 2004 г. Лукашенко приказал не допустить в Национальное собрание оппозицию, заполнить все депутатские вакансии в нижней палате с первой попытки и довести представительство женщин в Палате представителей хотя бы до 1/3 от ее общего состава. Его инструкция была выполнена почти буквально. Центральная избирательная комиссия в своем отчете об итогах выборов докладывала, что 108 из 110 депутатов были избраны уже в первом туре, никто из них не принадлежал к оппозиции, в нижнюю палату попала 31 женщина, что составляет 29% от ее общего состава. О том, как проходило соревнование между чиновниками, чтобы перевыполнить план Лукашенко во время президентской кампании 2006 г., речь шла выше.

Хорошо известно также, что перед выборами 2001 г. лукашенковский режим использовал подчиненную ему лично парамилитарную структуру для похищения популярных оппозиционных политиков Гончара и Захаренко, бизнесмена Красовского и журналиста Завадского. Но, поскольку этот инцидент вызвал крайне негативную реак-

цию зарубежной и белорусской общественности, подобная форма мобилизации, связанная с внедрением страха в сознание противников режима и общества в целом, больше не использовалась властями. Белорусские “эскадроны смерти”, как их называли журналисты, пока что не стали реальностью политической жизни, какой они были в некоторых странах Латинской Америки, Африки и Азии. Это обстоятельство отдаляет политический режим Беларуси от чистого султанизма.

Таким образом, по показателю *роль политической мобилизации* наша страна занимает промежуточное положение между авторитаризмом и султанизмом. “Политическая система не осуществляет экстенсивную или интенсивную мобилизацию, за исключением лишь некоторых этапов в своем развитии”, что, согласно Линцу и Степану, является характерным признаком авторитаризма [53]. Вместе с тем такие черты султанизма, как применение “манипулятивной мобилизации церемониального типа с использованием клиентелистских методов и без создания постоянно действующей организации”, безусловно, присутствуют в политической жизни современной Беларуси [54].

Состояние прав человека. Макридис и Бург, рассматривая власть в современных тираниях (неопатримониальных системах), подчеркивают, что индивиды здесь являются не просто подданными, но становятся в буквальном смысле слова рабами такой системы. “Жизнь и собственность человека полностью зависят от воли правителя” [55]. На наш взгляд, эти черты султанизма – крайней формы диктатуры личной власти – все еще не свойственны белорусскому режиму, который ограничивается авторитарной рутинной нарушения прав человека.

Отсутствие массовой мобилизации поддержки режиму Лукашенко, характерной для тоталитаризма, компенсируется гипертрофированным развитием карательных органов и сил безопасности. Беларусь в этом плане является подлинным *полициейским государством*. На менее чем 10 млн населения у нас приходится 180 тыс. сотрудников милиции и солдат внутренних войск. Главная их обязанность – это не борьба с преступностью, а обеспечение безопасности президента, разгон уличных манифестаций и митингов оппозиции, поддержание атмосферы страха в обществе.

Карательная машина режима действует выборочно. За два года до президентских выборов 2001 г. в Беларуси без вести пропали наиболее опасные для А. Лукашенко политические конкуренты. После переизбрания Лукашенко на второй срок усилились репрессии против известных хозяйственных руководителей, которые не достаточно усердно поддерживали главу государства во время выборов.

Карающий меч белорусской фемиды ударил по руководству белорусской железной дороги, завода *Атлант*, МТЗ и некоторых других предприятий. В стране было учреждено более 20 государственных проверяющих структур, которые собирали компромат на чиновников и хозяйственных руководителей. Многие из них действуют и по сей день.

Перед президентскими выборами 2006 г. Палата представителей Национального собрания внесла поправки в Уголовный кодекс, которые расширили сферу уголовной ответственности, распространив ее на такие правонарушения, как “действия, связанные с продолжением деятельности ликвидированных судом неправительственных организаций”, “клеветнические заявления, дискредитирующие государство”, “призывы к зарубежным странам”. Это давало возможность правительству возбуждать уголовные дела практически против любого активиста неправительственной организации, независимого журналиста или оппозиционного политика. Данные поправки получили название “антиреволюционного законодательства”, так как они были призваны предотвратить развитие событий в Беларуси по украинскому сценарию.

Уже в феврале 2006 г. новое законодательство было использовано против руководителей незарегистрированной организации *Партнерство*, которая занималась подготовкой к мониторингу президентских выборов. Затем поправки в Уголовный кодекс были применены против руководителя и наиболее активных членов незарегистрированной молодежной организации *Молодой фронт*. Был также арестован один из демократических экс-кандидатов – А. Козулин. Этого оказалось достаточно, чтобы сбить волну уличных протестов в 2006 г.

В настоящее время белорусские власти ограничиваются тем, что бросают за решетку наиболее опасных противников Лукашенко, возбуждают большое количество административных дел, но не идут на значительное увеличение количества политических заключенных. Это означает, что по такому параметру, как *состояние прав человека*, нынешний белорусский режим остается авторитарным. Несмотря на наличие политических репрессий, они не приобрели характера массовых, как в условиях тоталитаризма. Вместе с тем использование парамилитарных структур против оппонентов власти, что, согласно Линцу и Степану, представляет собой важнейшую отличительную особенность султанизма, было разовой мерой в Беларуси [56].

Таким образом, анализ черт белорусского политического режима позволяет сделать вывод о том, что он в наибольшей степени приближается к авторитаризму и султанизму, понимаемым в качестве идеальных типов политических систем. Он занимает промежуточное

положение между ними (рис. 17.1). Это означает, что политическая система в Беларуси может рассматриваться как гибридная. Однако она представляет собой не гибрид демократии и авторитаризма, как ошибочно полагают многие западные эксперты, но, скорее, является ярким примером **авторитарно-султанистских гибридных** политических устройств.

	Более авторитарный	Более султанистский
1. Руководство		√
2. Плюрализм	√	
3. Идеология		√
4. Мобилизация	√	
5. Права человека	√	

Рис. 17.1. Черты современного белорусского политического режима.

4. Причины стабильности белорусского режима и перспективы его трансформации

Выживание лукашенковского режима в течение относительно длительного отрезка времени объясняется не только активным использованием силовых методов, но и поддержкой, или, по крайней мере, терпимым отношением к авторитарному правлению большинства населения. Другими словами, белорусский режим продемонстрировал свою *относительную стабильность и консолидированность*. В политической науке существует несколько точек зрения на причины этого явления. Арис Трэнтидис предложил сгруппировать все существующие объяснения в несколько смысловых конструкций, которые серьезно расходятся между собой в понимании ситуации.

Во-первых, многие авторы для объяснения провала демократизации в Беларуси подчеркивают *роль элит* и их сознательное решение не проводить реформы; такая позиция не встретила серьезного противодействия со стороны слабой и расколотой контрэлиты. Нелиберальное государство с зависимыми судебными органами власти и недостаточно развитыми свободными СМИ только усугубили положение дел и углубили недемократическую колею движения Беларуси [57]. По мнению Трэнтидиса, данный подход страдает рядом недостатков. Правящие элиты в Словакии и Румынии тоже запаздывали с реформированием своих стран, но после определенного периода колебаний они все же приступили к его осуществлению.

Кроме того, трудно понять, “почему Беларусь является единственной страной в Центральной и Восточной Европе, где не развиты элитные группировки, не связанные с государственным аппаратом и настроенные в пользу реформ” [58].

Во-вторых, существует несколько *актороцентристских* подходов (*agency-based approaches*), подчеркивающих удачное политическое маневрирование Лукашенко и некомпетентность оппозиции. Белорусский президент оказался непревзойденным демагогом, который смог привлечь на свою сторону большое количество простых людей, потому что был им понятен, говорил на том же языке, что и обычные жители страны. Используя политику кнута и пряника, а также изменения в тексте Конституции, он полностью подчинил своему контролю государственный аппарат. Лукашенко окружил себя узкой группой преданных людей, которых он постоянно меняет на других, чтобы обезопасить себя от возникновения неконформистской группировки в составе административной и экономической элиты [59].

С другой стороны, фрагментированная оппозиция оказалась не в состоянии создать сильные партийные структуры, которые зачастую выбирали элитистскую манеру поведения, что вело их к изоляции от общества. Застарелой болезнью белорусской оппозиции является и отсутствие сильного и умелого лидерства [60]. По мнению Трэнтидиса, такого объяснения не достаточно. Оно не отвечает на вопрос, почему за столь длительный период времени не нашлось такого оппозиционного политика, который предложил бы обществу популистскую повестку дня, не менее популярную, чем курс Лукашенко. Политика ведь не является полем борьбы добра со злом, но включает в себя игру акторов со сталкивающимися амбициями. Почему же тогда все это время Лукашенко сохранял свою монополию на популизм [61]?

В-третьих, многие белорусские и зарубежные исследователи используют *структурный подход* для объяснения укрепления авторитарных тенденций в Беларуси. Например, достаточно часто можно прочитать, что причины коллапса демократии в нашей стране связаны со слабыми демократическими традициями, неразвитым гражданским обществом или преобладанием недемократической политической культуры. Трэнтидис считает, что при таком перечислении факторов очень часто причины смешиваются со следствием. Например, слабое гражданское общество не может служить объяснением победы авторитаризма в Беларуси, потому что само это его состояние нуждается в объяснении. Кроме того, демократические традиции и культура не были развитыми и в Румынии, и в Болгарии, и в Балтийских странах, что не помешало им стать демократиями [62].

В-четвертых, и актороцентристские, и структурные подходы нуждаются в дополнении другими концепциями, которые раскрывали бы

важные контекстуальные особенности развития политической ситуации. В этой связи исследователи чаще всего обращают внимание на *слабую национальную идентичность белорусов*. В Беларуси сложились два культурных сообщества: русскоязычное и белорусскоязычное; последнее подвергалось многовековой дискриминации. Все это привело к тому, что политика национального возрождения, провозглашенная национал-демократической оппозицией, не встретила поддержки у большинства населения. Оно с симпатией отнеслось к курсу президента, направленному на установление тесных союзнических отношений с Россией, вплоть до объединения в единое государство [63].

По мнению Трэнтидиса, слабость национальной идентичности белорусов не в состоянии объяснить провал ненациональной демократической оппозиции в ее попытках сформулировать популярную альтернативу авторитарному руководству. Кроме того, отсутствуют доказательства, свидетельствовавшие в пользу того, что существует четкая позитивная корреляция между приверженностью населения национальным ценностям и демократическим развитием определенной страны. Необходимым, но не достаточным условием для возникновения стабильных демократических политических институтов является независимое государство и сильная идентификация граждан с подобным политическим образованием [64].

Можно полностью согласиться со вторым утверждением политолога, но не с первым. Известно, что основным принципом демократии является принцип народного суверенитета, который означает, что правительство может быть легитимировано только волей тех, кем оно управляет. Народный суверенитет претворяется в жизнь через набор рациональных правил (законов) и процедур, свободно избранных самими гражданами. В дополнение к правилам, как справедливо отмечает грузинский политолог Гия Нудия, необходимо иметь согласие по вопросу о том, кто входит в понятие “народ” и на какую территорию распространяется действие демократических законов. Решение последней проблемы выходит за рамки чисто рациональных процедур либералов. Нигде в мире не было такого случая, чтобы свободные, ни с чем не связанные, абстрактные граждане собирались вместе для выработки и заключения демократического общественного договора из ничего. Хочет этого кто-либо или нет, но именно национальная идея – это та историческая сила, которая создает политическое пространство для демократического управления [65].

С другой стороны, народ или этнокультурное образование для реализации своего потенциала должен превратиться в нацию, стать на уровень понимания необходимости использования политических методов для утверждения своего суверенитета. Только демократи-

ческая политика в состоянии удовлетворить эту потребность в полном объеме в рамках национального государства, самой оптимальной формы для претворения в жизнь национальных чаяний, в том числе и чаяний национальных меньшинств. Вот почему во многих современных становящихся демократиях движение за народовластие и движение за независимость часто представляют собой одно и то же. “Оба движения действуют во имя самоопределения: мы народ (нация) должны сами определять свою судьбу; мы будем уважать только те законы, которые мы сами учредили; мы никому не позволим – ни абсолютному монарху, узурпатору, или иностранному государству – управлять нами без нашего согласия”, – справедливо отмечает Нодия [66].

Низкий уровень национального самосознания жителей Беларуси породил целый ряд проблем с демократизацией государства. Провинциализм элиты, отчетливо проявившийся в период политического кризиса середины 90-х гг., сделал ее приверженной “простым” и “легким” авторитарным методам правления. Незрелость гражданского общества во многом объясняется тем, что в посттоталитарный период первоначальной формой его артикуляции выступает национальная идея. Ее слабость в Беларуси объясняет элитарный характер структур гражданского общества и их раскол по языковому принципу. Проблемы с национальной идентичностью нашли свое отражение в низком уровне солидарности в обществе и остром дефиците социального капитала, которые, несомненно, внесли свою лепту в стабилизацию режима Лукашенко.

В-пятых, Трэнтидис считает своей заслугой выделение еще одного структурного фактора, который, в конечном итоге, и объясняет консолидацию авторитаризма в Беларуси: взаимосвязь между *отсутствием экономической либерализации и политической демократизации*. С этим выводом трудно не согласиться. Действительно, в отличие от других посткоммунистических государств, наша страна уже более чем десять лет обходится без проведения глубоких рыночных реформ. Эта ситуация породила невиданную в современной Европе зависимость людей от правительства: 55–60% занятого населения в 1995–2007 гг. работали на государственных предприятиях и учреждениях [67]. Кроме того, незначительный частный сектор в экономике Беларуси также оказался под жестким контролем государства и его главы. Все это крайне негативным образом отражается на развитии неправительственных организаций, политических партий, свободных СМИ. Экономическая зависимость граждан от правительства делает их весьма сдержанными в своей критике властей и в поддержке политической оппозиции [68].

В-шестых, белорусская нереформированная экономика не стагнировала, как можно было предположить, но развивалась достаточно быстрыми темпами, что давало Лукашенко возможность делиться частью прибыли с населением и тем самым обеспечивать еще большую его зависимость и склонность к послушанию. Данная ситуация опять же является уникальной, потому что нигде в современном мире государственная экономика подобных “чудес” уже не демонстрирует. Причины этого кроются в колоссальной поддержке, которая оказывалась и продолжает оказываться Беларуси со стороны России, стремящейся к обеспечению здесь своего полного экономического, политического и военного контроля. *Зависимость от России* является, по моему мнению, еще одной фундаментальной причиной устойчивости авторитарного режима Лукашенко.

Как отмечает Трэнтидис, в отличие от стран Центрально-Восточной Европы, для которых возможное будущее процветание было связано с интеграцией в ЕС, что побуждало их правительства к проведению серии структурных реформ в экономике и адаптации к либерально-демократическим нормам в политике, Беларусь избрала противоположный путь развития. Она оказалась в экономической и политической зависимости от России. Нежелание властей проводить реформы здесь не обернулось кризисом экономической структуры из-за привилегированного доступа на обширный постсоветский рынок [69].

Таким образом, три взаимосвязанные причины: ***низкий уровень артикулированной национальной идентичности, отсутствие либеральных реформ в экономике и зависимость от России*** сыграли важнейшую роль в обеспечении относительной консолидации авторитарно-султанистского режима Лукашенко.

Стабильность белорусского режима не следует преувеличивать. Ему свойственно большое количество *слабостей и недостатков*, которые оппозиция так и не научилась эффективно использовать в свою пользу. Но, прежде чем остановиться на них подробнее, хотелось бы возразить тем авторам, которые за неудачами демократизации в Беларуси последних лет видят “железную закономерность” чуть ли не окончательной победы авторитаризма.

По мнению Силицкого, “цветные революции возродили надежду на демократизацию всего постсоветского региона... Но революционный запал и надежды на то, что через механизмы *передачи инфекции и диффузии* демократия победоносно пойдет дальше, очень быстро исчезли... Дальнейшее распространение “демократической заразы” во всех странах региона эффективно душилось превентивными репрессиями против демократической оппозиции и гражданского общества. В результате следующие выборы в странах, где ожидалась возможные демократические революции, прошли рутинно: обладатели власти в Таджикистане, Азербайджане, Казахстане (2005 г.) и Беларуси (2006 г.)

легко одолели оппозицию и подтвердили свои полномочия в привычной для себя манере и с предсказуемыми результатами.

Почему же волна электоральных революций остановилась там, где остановилась? Почему она стала относительно коротким эпизодом в общем процессе усиления авторитаризма на просторах бывшего СССР? Каким образом перспективы демократизации региона только ухудшились после волны революций? Я попытаюсь обосновывать свою аргументацию так называемым *эффектом Дарвина* в связи с распространением “демократической заразы”. В ответ на ряд электоральных революций остальные постсоветские автократы предприняли *опережающие шаги*, чтобы ликвидировать угрозу своей власти еще в зародыше. Они укрепили в своих странах отчетливо авторитарные тенденции. Если “эффект Дарвина” объясняет внутреннюю контрреакцию автократии (т.е. внутригосударственные меры по недопущению изменения режима), то внешние препятствия распространению “демократической заразы” описываются *региональным эффектом*. С одной стороны, когда волна революции достигла до малоподходящего для смены власти региона, автократии начали объединяться. Эта *конвергенция авторитаризма* проявилась в общих предложениях сотрудничества и формирования союзов между режимами и государствами, заинтересованных в остановке и откате волны демократизации. С другой стороны, волна революций ускорила возвращение России к выполнению роли *регионального гегемона*. Причина заключается в том, что Кремль, во-первых, боится распространения демократической заразы на Россию и, во-вторых, обеспокоен тем, что демократизация подорвет его доминирование на пространстве бывшего Советского Союза. Зависимость постреволюционных стран (как и постсоветских автократий) от России в ряде сфер помогает России в реализации ее амбиций. С одной стороны, российская политика ослабила шансы на закрепление достижений демократизации, с другой – предоставила авторитарному интернационалу надежную опору...

Волна демократических электоральных революций в Центральной и Восточной Европе завершила переход к демократии в западном поясе бывшей коммунистической империи. Когда эта волна нахлынула на страны бывшего Советского Союза, произошло только короткое отступление от общей тенденции к авторитаризму в регионе. По иронии судьбы *цветные революции* во многом содействовали ее укреплению. Опорой имеющимся автократиям стал авторитарный реванш, и перспективы демократизации стали еще более туманными и отдаленными, чем были раньше” [70].

Прежде всего, вызывает сомнение методология Силицкого, который попытался проанализировать современные политические процессы в государствах СНГ. Я разделяю точку зрения Бжезинского и Нодиа, которые указывают на то, что очень уж разными в культурном плане являются страны бывшего Советского Союза и та аргументация, которая подходит для объяснения тенденций политического развития Центральной Азии или Кавказа, вряд ли годится для Молдовы и Беларуси [71]. Ниже проанализируем аргументацию Силицкого применительно к белорусской ситуации.

Во-первых, “эффект Дарвина”, который автор усматривает в умелом опережении режимом Лукашенко усилий оппозиции по демокра-

тизации Беларуси в период выборов, на наш взгляд, является большей “заслугой” оппозиции и гражданского общества, нежели самого режима. Например, оппозиция в течение двенадцати лет так и не научилась заблаговременно выдвигать единого кандидата и умело его “раскручивать”, чтобы обезопасить от “исчезновения с политической сцены” накануне голосования. За это же время так и не была создана эффективная альтернативная система распространения независимых газет, чтобы предотвратить вполне прогнозируемые действия властей по блокированию их издания и доставки в период обострения политического противостояния. Вместо укрепления узкого круга организаций гражданского общества – хорошей мишени для режима, следовало акцентировать внимание на мероприятиях с участием демократических активистов и неангажированного в партии и НПО населения. Наконец, стремление власти подстраховываться и нарушать свои же правила игры во время выборов можно было превратить в эффективные PR кампании, сделав рядовых граждан свидетелями массовых нарушений в ходе голосования (см. [59]). Другими словами, “эффект Дарвина” действительно работает, но с точностью до наоборот в среде белорусской оппозиции: там выживают и приспособляются к ситуации слабейшие. Это не может не использовать авторитарный режим для своей консолидации.

Во-вторых, я согласен с мнением Силицкого о том, что “география, а точнее, отдаление от демократической Европы делала работу энтузиастов революции в новых государствах более сложной, если не вообще бесперспективной” [72]. Это автор и называет термином “региональный эффект”. Но сразу же напрашивается вопрос: при чем здесь Беларусь? Самая западная из всех республик бывшего СССР, с индустриально-развитой экономикой, урбанизированным населением, образованным обществом, страна, давно занимающая одно из первых мест в СНГ по индексу человеческого развития и географически расположенная в Европе. Не кажется ли автору, который еще в 2003 г. справедливо называл Беларусь “государством с предпосылками (имеются в виду структурные), но без демократии”, что наша страна не меньше, чем Грузия и Украина, готова к демократическому управлению собой и постепенному возвращению в Европу? По моему мнению, “региональный эффект” для Беларуси объективно работает на вышеназванную перспективу, реализовать же ее не удастся из-за субъективного фактора: не готовности контрэлиты внутри страны и восприятию Беларуси как зоны особых интересов России некоторыми влиятельными политиками за рубежом.

В-третьих, недоумение вызывает мнение Силицкого о том, что *цветные революции* только отдалили перспективу демократизации стран региона, в том числе и Беларуси. Странная логика получается:

если бы не победила украинская оппозиция на Майдане, то белорусские “борцы за свободу” давно бы решили вопрос о власти в свою пользу, а тут незадача. На наш взгляд, такое утверждение выглядит некорректным. Победа *цветных революций*, и особенно украинской, сыграла колоссальную роль для развития демократического процесса в Беларуси, потому что наглядно продемонстрировала, что близкий белорусам народ может взять решение судьбы своей страны в собственные руки. Данное событие развеяло миф о непререкаемости российской гегемонии в регионе и чуть ли не праве Москвы назначать своих наместников в столицы суверенных государств.

Слабости сильной власти. Стабильный экономический рост и относительно высокий уровень жизни белорусских граждан – это не заслуга авторитарной системы и пресловутой *белорусской модели*, на которую так любят ссылаться апологеты сильной власти в нашей стране. Благодаря своим культурным особенностям, Беларусь превратилась в одну из наиболее развитых республик бывшего Советского Союза. Лукашенко смог сохранить здесь индустриальный потенциал и обеспечить, начиная с 1996 г., рост производства с помощью эксплуатации трудолюбивого и образованного населения. Этот процесс стал в определенной степени и результатом хорошо известных предпочтений со стороны России. В конце концов, стратегия Лукашенко привела к укреплению авторитарного режима.

В то же время хорошо известно, что высокий экономический потенциал, развитый индустриальный сектор народного хозяйства – это очень важные показатели зрелости структурных предпосылок демократизации. С ними также связана урбанизация населения (она превышает в Беларуси 70%), высокий уровень и доступность образования. Эти факты свидетельствуют о том, что в нашей стране существует современная социальная структура общества. У людей здесь формируются более сложные потребности, чем у жителей стран Центральной Азии, которые уже теперь тяжело удовлетворить с помощью чисто авторитарных методов управления. Дальнейший экономический рост и особенно развитие постиндустриальных отраслей народного хозяйства неизбежно приведут не к дальнейшей стабилизации авторитарного режима, а к тому, что большинство жителей Беларуси культурно будут превосходить примитивный уровень власти, которая “подорвется на своей собственной петарде”, как назвал этот феномен американский философ Фукуяма.

Наиболее серьезной проблемой лукашенковского авторитаризма, которая с каждым годом только обостряется, является ***противоречие между относительно экономически и социально развитым обществом и самой примитивной в Европе политической системой***, основанной на персоналистской диктатуре. Она уже породила

острую культурную проблему в обществе: наиболее талантливая и образованная его часть не в состоянии приспособиться к власти и к ее примитивным образцам “высокой культуры”. Это ведет к очень быстрой негативной селекции правящей элиты; происходит и депрофессионализация руководства целых отраслей экономики, образования, культуры, здравоохранения и т.д. Данный процесс очень опасен, потому что он превращает Беларусь из государства в духовную провинцию – этакий “колхоз” в географическом центре Европы. Но одновременно культурные противоречия вызывают и моральный протест, свидетелями которого мы стали в 2006 г. во время пятидневной обороны “площади Калиновского” в Минске.

До недавнего времени Лукашенко обеспечивал себе поддержку со стороны наименее образованной и ориентированной на материальное благосостояние части электората с помощью *политики социализма*. Но сама по себе она содержит внутренние противоречия и в долговременной перспективе наносит вред обществу. Популизм не позволяет правительству проводить необходимые, но не популярные реформы; он развращает простых людей, которые теряют способность к самоинициативе и все время ждут милости от власть предержащих. Политика популизма имеет жесткие ограничения, его ресурсы весьма ограничены.

Ресурсы, которые все эти годы обеспечивали лукашенковский популизм, находились в Москве. Создание преференций авторитарному режиму в Минске за обещания последнего заключить союзный договор и фактически “сдать” суверенитет государства помогало Лукашенко поддерживать на плаву свою неэффективную и не реформированную экономику, обеспечивать реализацию социальных проектов, регулярно давать *чарку* и *шкварку* электорату, получать от него взамен участие и голоса на выборах. Как признал Путин, прямая и косвенная поддержка Беларуси только в 2007 г. из-за занижения цен на энергоносители составляла 5,8 млрд. долларов, что составляло 41% от белорусского бюджета (14 млрд. долларов). Российский президент назвал это “ценой России за спокойный, мягкий, союзнический способ перехода к рыночным отношениям и поддержкой братского белорусского народа”, но пообещал ее каждый год сокращать [73].

После кризиса в российско-белорусских отношениях в начале 2007 г. ситуация начала меняться в худшую для Минска сторону. Ликвидация целого ряда льгот и привилегий в 2008 г. волнует около 90% жителей нашей страны, согласно данным опросов независимых социологов. Ближайшие несколько лет, скорее всего, будут критическими для Республики Беларусь. Ее руководству придется решать дилемму: или делать важные шаги в сторону инкорпорации в состав России, или же радикально менять политику, проводить непопуляр-

ные реформы, которые не могут не отразиться негативно на рейтинге доверия населения президенту. В перспективе это может спровоцировать политический кризис. В ситуации экономического кризиса, который больно ударил и по России, и по Беларуси в 2009 г., существенно сократились возможности российского руководства дотировать белорусский режим в прежнем объеме, что вынудило Лукашенко искать помощь и поддержку у Евросоюза.

Белорусский режим имеет и проблемы, связанные с *могуществом авторитарной системы*. Я разделяю позицию Левицки и Вэя, которые обратили внимание на то, что “хотя в Украине при Кучме охват общества аппаратом принуждения был относительно высоким, режиму не хватало основы для высокой сплоченности, которая позволила бы ему задушить широкомасштабные протесты. В Беларуси же наблюдается очень широкий охват, но только средняя сплоченность аппарата. Государство имеет разветвленную службу безопасности и, в отличие от других стран, контролирует более 80% экономики. Вместе с тем, как и в Украине, основания для сплоченности аппарата являются сравнительно слабыми. Это означает, что в отличие от Армении, режим в Беларуси, вероятно, падет, столкнувшись с серьезными вызовами со стороны оппозиции” [74].

Эта точка зрения опирается на несколько аргументов. У белорусской номенклатуры есть опыт “измены” высшему руководству страны и перехода на сторону ее противника в период кризиса. Именно таким образом значительная ее часть вела себя во время президентских выборов 1994 г. Несмотря на постоянные чистки высших эшелонов власти, которые регулярно проводит Лукашенко, он *так и не добился полной лояльности со стороны чиновничества*. Многие представители номенклатуры недовольны отсутствием широкомасштабной приватизации, популизмом политики высшего руководства, персоналистским характером режима. Вместе с тем, по нашему мнению, эта группа в своей основе не является и продемократической. Подавляющее большинство ее представителей боится, что не выдержит жесткой конкуренции в условиях свободной рыночной экономики и демократической политической системы. Поэтому основная масса белорусского чиновничества не идет на контакты с оппозицией.

Таким образом, белорусский режим, несмотря на его кажущуюся монолитность и стабильность, является достаточно хрупким образованием. Его основная слабость – персоналистский характер, не позволяющий развивать современные политические институты и процедуры, обеспечивать поддержку со стороны обширного правящего класса, опирающегося на власть и собственность. Уязвимость режима, безусловно, возрастет в случае углубления экономического

кризиса. В новой ситуации еще больше усилится значение субъективного фактора политики: готовности контрэлиты и ее лидеров перейти от борьбы за ресурсы между собой к совместной борьбе за власть с режимом. В случае если оппозиция все-таки окажется не способной к обновлению и использованию стихийных протестов трудящихся, которые, скорее всего, произойдут в пик кризиса, ситуацией может воспользоваться Кремль, который хочет навязать белорусскому руководству кабальные условия нового договора, ставящие крест на белорусском государственном суверенитете. Однако такое развитие ситуации уже не является безальтернативным.

Примечания

1. См.: *Конституция Республики Беларусь*. Минск: Беларусь, 2007. Статья 1. С. 3.
2. See: *Contemporary Belarus: Between Democracy and Dictatorship* / ed. by E. Korosteleva, C. Lawson, and R. Marsh. London: Routledge Curzon, 2003. P. 14–15. Коростелева, Белова и Кривошеев делают акцент на предпосылках демократии, установленной в посткоммунистической Беларуси, таких как конституция, президентские и парламентские выборы и многопартийная система. Эту позицию не разделяют Силицкий и Мэрплз, справедливо, на наш взгляд, обращающие внимание на способность Лукашенко манипулировать демократическими институтами. В то же время “все авторы пришли к консенсусу по вопросу о том, что Беларусь не является полной диктатурой, поскольку она сохраняет некоторые черты демократического государства, а ее следует называть *выборной диктатурой*”, или, в терминологии Силицкого, “государством с предпосылками, но без демократии”. Концепция Харпфера изложена в разделе: “Electoral Politics of Belarus Compared” // *Contemporary Belarus. Between Democracy and Dictatorship*. P. 85–100.
3. Korosteleva E., “Is Belarus a Demagogical Democracy?” // *Cambridge Review of International Affairs*. 2003, vol. 16 (3). P. 528; Korosteleva E., “The Quality of Democracy in Belarus and Ukraine” // *J. of Communist Studies and Transition Politics*. 2004, vol. 20 (1). P. 139.
4. Gill G., “Nationalism and the Transition to Democracy. The Post-Soviet Experience” // *Demokratizatsiya*. 2006, vol.14 (4). P. 613.
5. См.: Шушкевич С., *Неокоммунизм в Беларуси*. Смоленск: Скиф, 2002. С. 113, 132; Чернов В., “Нищета идеологии или идеология нищеты” // *Белорусский рынок*. 2003, № 19–21. В другой своей работе на основании такого критерия, как “носитель власти”, Чернов определяет политический режим в Беларуси как “реакционную, консервативно-советскую персоналистскую диктатуру с сильными тоталитаристскими тенденциями”. См.: Чернов В., “Характер политического режима” // *Беларусь. Сценарии реформ*. Варшава: Фонд им. Стефана Батория, 2004. С. 27.

6. *Regime Typologies and the Russian Political System* by Institute for Open Economy. Department of Political Economy. <http://openecon.good4me.ru>.
7. Лукашенко А., “Демократия в Беларуси такая же, как и в Австрии, почти один к одному” // *Навіны дня*. 20.03.2008. <http://news.tut.by/politics/105584.html>.
8. See: Ioffe G., “Understanding Belarus: Economy and Political Landscape” // *Europe-Asia Studies*. 2004. Vol. 56 (1).
9. See: O'Donnell G., “Delegative Democracy” // *J. of Democracy*. 1994, vol. 5. P. 56–69.
10. See: Levitsky S. and Way L., “The Rise of Competitive Authoritarianism” // *J. of Democracy*. 2002, vol. 13 (2). P. 51–65.
11. See: Levitsky S. and Way L., *Op. cit.*; Diamond L., “Thinking About Hybrid Regimes” // *J. of Democracy*. 2002, vol. 13 (2). P. 21–35.
12. Потемкин Ю., “ЦИК: итоги президентских выборов отражают реальное волеизъявление народа” // http://www.naviny.by/rubrics/politic/2006/11/24/ic_articles_112_148773.
13. Way L., “The Sources and Dynamics of Competitive Authoritarianism in Ukraine” // *J. of Communist Studies and Transition Politics*. 2004, vol. 20 (1). P. 145.
14. Акопаў К., “Тегелеўская ідэя беларускай дыктатуры” // *ARCHE*. 2007, № 9. С. 81–82.
15. Way L., *Op. cit.* P. 144.
16. See: Diamond L., *Op. cit.*
17. Алмонд Г., Пауэлл Дж.Б., Стром К., Далтон Р., *Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор*. М.: Аспект-пресс, 2002. С. 276.
18. See: Przeworski A., *Democracy and Development: Political Institutions and Wellbeing in the World 1950–1990*. Cambridge: University Press, 2000.
19. *Regime Typologies and the Russian Political System*. P. 6.
20. Weber M., *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 1029.
21. Эйзенштадт Ш., *Революция и преобразование обществ*. М.: Аспект-пресс, 1999. С. 327.
22. Фисун А., “Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типологии” // *Отечественные записки*. 2007, № 6 (40). <http://www.strana-oz.ru/print>.
23. Мацузата К., “Рэжым Лукашэнка як выспа папулізму ў акіяне кланавай палітыкі” // *ARCHE*. 2005, № 4. С. 92.
24. Гл.: Тамсама. С. 89–112.
25. Erdmann G. and Engel U., “Neopartimonalism Revisited – Beyond a Catch – All Concept” // *GIGA Working Papers*. February 2006. Vol. 16. P. 30. <http://www.giga-hamburg.de/workingpapers>.
26. Eke S. and Kuzio T., “Sultanism in Eastern Europe: The Socio-Political Roots of Authoritarian Populism in Belarus” // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 50 (3) <http://www.fidarticles.com>.
27. Ioffe G., *Op. cit.* P. 100.

28. See: *J. of Democracy*. January 25. Vol. 16, no 1. P. 106–107.
29. Фисун А., Указ. соч.
30. Там же.
31. Linz J. and Stepan A., *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 1996. P. 44–45.
32. *Первые президентские выборы в Республике Беларусь: основные итоги*. Минск: НЦСИ Восток-Запад, 1994. С. 50.
33. *Gazeta Wyborcza*, 1996, # 279.
34. Карбалевич В., “Путь Лукашенко к власти” // *Белоруссия и Россия: общество и государство*. М.: Права человека, 1998. С. 246–251.
35. Коктыш К., *Трансформация политического режима в Республике Беларусь 1990–1999*. М.: Общественный научный фонд, 2000. С. 80–85.
36. Гл.: “Хто ёсць хто ў Беларусі”. Вільня, 2007. С. 229–230; “Беларусь. 1991–2006. Итоги”. Минск, 2008. С. 468–477; Шушкевич С., “Улада мяне не разбэсціла”. 13.12.2004. <http://www.svaboda.org>; Пазыняк З., “Незалежнасці можна дамагацца малымі сіламі, але ўтрымаць незалежнасць малымі сіламі цяжка”. <http://www.zianonpazniak.de/victory/interview/interview25.8.2005.htm>.
37. Mihalisko K., “Belarus: Retreat to Authoritarianism” // Dawisha K. and Parrott V. eds. *Democratic Change and Authoritarian Reaction in Russia, Ukraine, Belarus and Moldova*. Cambridge: University Press, 1998. P. 240.
38. См.: Кебич В., *Искушение властью*. Минск: Парадокс, 2008; Кебич В., “Если бы моя книга никого не обидела, ее не надо было бы писать” // *Еврорадио*. 2008.01.30. <http://www.euroradio.fm/ru/374/reports/12790/>; *Кто есть кто в Беларуси* 2007. Вильнюс, 2007. С. 100.
39. Лысюк А., “Беларуская дзяржаўная эліта і праблема трансфармацыі беларускага грамадства” // *Грамадзянская альтэрнатыва*. 1999. № 11. С. 16.
40. *Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь*. Мінск: Полымя, 2002. С. 28.
41. <http://www.afn.by/news/i/60946>.
42. Linz J. and Stepan A., *Op. cit.* P. 45.
43. *Ibid.*
44. Macridis R. and Burg S., *Introduction to Comparative Politics*. 2-nd ed. N.Y.: Harper Collins, 1991. P. 123.
45. Коктыш К., Указ. соч. С. 104, 128–129, 132.
46. Уэй Л., Лявіцкі С., “Динаміка прымусу пры аўтарытарных рэжымах” // *ARCHE*. 2005, № 5. С. 104.
47. Быковский П., “Средства массовой информации” // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму (1994–2006)* / под ред. О. Манаева. Новосибирск: Водолей, 2006. С. 299.
48. *Политические партии: Беларусь и современный мир*. Минск: Тесей, 2002. С. 141.
49. Linz J. and Stepan A., *Op. cit.* P. 45.
50. *Ibid.*

51. Ibid. P. 53.
52. Лукашенко А., “О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию” // *Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов*. Минск: Академия управления при президенте РБ, 2003. С. 17–21.
53. Linz J. and Stepan A., Op. cit. P. 45.
54. Ibid.
55. Macridis R. and Burg S., Op. cit. P. 127.
56. Linz J. and Stepan A., Op. cit. P. 53.
57. *Contemporary Belarus* // Korosteleva E., Korosteleva, Lawson and Marsh (eds.) P. 7, 19.
58. Trantidis A., “The Economic Understanding of Semi-Authoritarianism. Explaining Preferences and Power Relations in the Case of Belarus” // *EU-Consent. Constructing European Network*. 2007. P. 3.
59. See: Belova-Gille O., “Difficulties in Elite Formation in Belarus after 1991” // Korosteleva, Lawson and Marsh (eds.) Op. cit. P. 53–67. Силицкий считает, что белорусские власти все время опережают оппозицию с помощью применения *превентивных мер*, которые призваны предотвратить угрозу демократических перемен во время выборов. Данные меры включают в себя: “удаление из политической сферы даже тех оппозиционных лидеров, которые вряд ли представляют серьезную угрозу на предстоящих выборах; давление на независимые издания, даже если они в состоянии достичь лишь незначительных сегментов населения; разрушение организаций гражданского общества даже в том случае, если они выражают интересы небольших городских субкультур; нарушения избирательного законодательства даже в том случае, когда занимающий должность политик может победить с помощью честных выборов”. См.: Silitski V., “Preempting Democracy: The Case of Belarus” // *J. of Democracy*. 2005, vol.16 (4). P. 84.
60. See: Brzozovska A., “Discourses of Empowerment: Understanding Belarus’ International Orientation” // E. Rindzeviciute (ed.) *Contemporary Change in Belarus. Baltic and East European Studies*. 2004. P. 73–108.
61. Trantidis A., Op. cit. P. 4.
62. Ibid.
63. See: Marples D., “The Prospects for Democracy in Belarus” // *Problems of Post-Communism* 2004, vol. 51 (1). P. 31–42; Zaprudnik J., “Belarus. In Search of National Identity Between 1986 and 2000” // Korosteleva, Lawson and Marsh (eds.) Op. cit. 2003; Brzozovska A., Op. cit.
64. Trantidis A., Op. cit. P. 5.
65. Nodia G., “Nationalism and Democracy” // L. Diamond and M. Plattner (eds.) *Nationalism, Ethnic Conflict and Democracy*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1994. P. 7.
66. Ibid. P. 9.
67. <http://www.worldbank.org/ecspf/PSD-Yearbook/XLS/Belarus1.xls>.
68. Trantidis A., Op. cit. P. 5–12.
69. Ibid. P. 9–10.

70. Сіліцкі В., “Выжывае мацнейшы. Аўтарытарная рэакцыя пасля каляровых рэвалюцыяў у краінах былога СССР: унутрыпалітычныя і міжнародныя аспекты” // *ARCHE*. 2007, № 7–8. С. 41–42, 73.
71. See: Brzezinski Z., “The Primacy of History and Culture” // M. Plattner and L. Diamond (eds.) *Democracy after Communism*. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2002. P. 194–200; Nodia G., “The Impact of Nationalism” // *Democracy after Communism*. P. 201–208.
72. Сіліцкі В., Тамсама. С. 51.
73. Putins’ meeting with the members of the government of Russian Federation (stenographic report) // *Naviny by*. 2007, January 15. http://www.naviny.by/rubrics/politic/2007/01/15/ic_articles_112_149358.
74. Уэй Л., Лявіцкі С., “Дынаміка прымусу пры аўтарытарных рэжымах”. С. 100–101.

Літаратура

- Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь*. Мінск: Польша, 2002.
- Карбалеви́ч В., “Путь Лукашенко к власти” // *Белоруссия и Россия: общество и государство*. М.: Права человека, 1998.
- Коктыш К., *Трансформация политического режима в Республике Беларусь 1990–1999*. М.: Общественный научный фонд, 2000.
- Лукашенко А., “О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию” // *Материалы постоянно действующего семинара руководителей работников республиканских и местных государственных органов*. Минск: Академия управления при президенте РБ, 2003.
- Мацузата К., “Рэжым Лукашэнкі як выспа папулізму ў акіяне кланавай палітыкі” // *ARCHE*. 2005, № 4.
- Сіліцкі В., “Выжывае мацнейшы. Аўтарытарная рэакцыя пасля каляровых рэвалюцыяў у краінах былога СССР: унутрыпалітычныя і міжнародныя аспекты” // *ARCHE*. 2007, № 7–8.
- Фисун А., “Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типологии” // *Отечественные записки*. 2007, № 6 (40). <http://www.strana-oz.ru>.
- Уэй Л., Лявіцкі С., “Дынаміка прымусу пры аўтарытарных рэжымах” // *ARCHE*. 2005, № 5.
- Brzezinski Z., “The Primacy of History and Culture” // M. Plattner and L. Diamond (eds.) *Democracy after Communism*. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2002.
- Contemporary Belarus: Between Democracy and Dictatorship* / ed. by E. Korosteleva, C. Lawson, and R. Marsh. L.: Routledge Curzon, 2003.
- Diamond L., “Thinking About Hybrid Regimes” // *J. of Democracy*. 2002, vol. 13 (2).
- Eke S. and Kuzio T., “Sultanism in Eastern Europe: The Socio-Political Roots of Authoritarian Populism in Belarus” // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 50 (3) <http://www.fidarticles.com>.
- Ioffe G., “Understanding Belarus: Economy and Political Landscape” // *Europe-Asia Studies*. 2004. Vol. 56 (1).

- Korosteleva E., "Is Belarus a Demagogical Democracy?" // *Cambridge Review of International Affairs*. 2003, vol. 16 (3).
- Korosteleva E., "The Quality of Democracy in Belarus and Ukraine" // *J. of Communist Studies and Transition Politics*. 2004.
- Levitsky S. and Way L., "The Rise of Competitive Authoritarianism" // *J. of Democracy*. 2002, vol. 13 (2).
- Linz J. and Stepan A., *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 1996.
- Marples D., "The Prospects for Democracy in Belarus" // *Problems of Post-Communism* 2004, vol. 51 (1).
- Mihalisko K., "Belarus: Retreat to Authoritarianism" // Dawisha K. and Parrott B. eds. *Democratic Change and Authoritarian Reaction in Russia, Ukraine, Belarus and Moldova*. Cambridge: University Press, 1998. P. 240.
- Nodia G., "Nationalism and Democracy" // L. Diamond and M. Plattner (eds.) *Nationalism, Ethnic Conflict and Democracy*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1994.
- Silitski V., "Preempting Democracy: The Case of Belarus" // *J. of Democracy*. 2005, vol. 16 (4). P. 84.
- Trantidis A., "The Economic Understanding of Semi-Authoritarianism. Explaining Preferences and Power Relations in the Case of Belarus" // *EU-Consent. Constructing European Network*. 2007.
- Zaprudnik J., "Belarus. In Search of National Identity Between 1986 and 2000" // Korosteleva, Lawson and Marsh (eds.) *Contemporary Belarus. Between Democracy and Dictatorship*. L.: Routledge Curzon, 2003.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

1. Какие существуют подходы к пониманию политического режима в Беларуси в современной политической науке?
2. Какой из этих подходов вам кажется наиболее убедительным и почему?
3. Какие существуют точки зрения по вопросу о причинах прихода Лукашенко к власти в середине 90-х гг.?
4. Что представляет собой политическое руководство (лидерство) в Беларуси?
5. Насколько в Республике Беларусь развит политический плюрализм?
6. К какому типу идеологий вы бы отнесли государственную идеологию, предложенную Лукашенко?
7. Что представляет собой политическая мобилизация в Беларуси?
8. Что вы знаете о соблюдении прав человека в Беларуси?
9. Назовите причины стабильности белорусского политического режима.
10. В чем заключаются слабости "сильной власти" в Беларуси?

ТЕМА 18. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

1. Изменения конституционных правил принятия политических решений.
2. Президент и его место в политической системе.
3. Особенности белорусского парламентаризма.
4. Роль судебных органов власти в политической системе Беларуси.
5. Местное управление в Беларуси.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ:

- Декларация о суверенитете 27 июля 1990 г.;
- Верховный Совет;
- Союзный договор;
- квазипарламентская советско-премьерская республика;
- премьерская диктатура;
- Конституция Республики Беларусь 1994 г.;
- президентская республика;
- Конституция Республики Беларусь 1996 г.;
- суперпрезидентская республика;
- президент;
- Администрация президента;
- Совет Безопасности;
- премьер-министр;
- Совет Министров (правительство);
- Палата представителей Национального собрания;
- Совет Республики Национального собрания;
- депутатские объединения;
- депутатская группа *Республика*;
- постоянные комиссии Палаты представителей и Совета Республики;
- Всебелорусское народное собрание;
- Конституционный суд Республики Беларусь;
- исполнительная *вертикаль*;
- местные Советы депутатов;
- местные исполнительные комитеты;
- режим слияния властей в разделения властей.

1. Изменения конституционных правил принятия политических решений

За относительно непродолжительное время, прошедшее с начала политики перестройки и гласности в бывшем СССР (1985 г.), в Беларуси несколько раз менялись основные конституционные

правила принятия решений. За каждым из таких изменений стояло стремление господствующей элиты гарантировать сохранение и упрочение власти в своих руках, а также ее попытки адаптироваться к внешним вызовам, связанным с распадом Советского Союза и необходимостью создания суверенного государства.

Переходная эпоха. В эпоху перестройки в середине 1980 г. Белорусская ССР вступила с Конституцией 1978 г., закреплявшей руководящую и направляющую роль КПСС, которая осуществлялась через систему Советов народных депутатов. Отношения власти не претерпели существенных изменений в республике и после того, как под давлением Москвы Минск вынужден был пойти на принятие **Декларации о суверенитете** 27 июля 1990 г. Никто в белорусском руководстве не собирался ее выполнять, а свое участие в “параде суверенитетов”, который в это время прокатился по всем советским республикам, оно объясняло необходимостью скорейшей подготовки нового союзного договора. Он должен был быть заключен между большинством бывших республик СССР, которые из “социалистических” становились формально “суверенными”. Текст Декларации был в основном подготовлен фракцией оппозиции БНФ в парламенте. У белорусских коммунистов, испытывавших ненависть к государственной независимости в то время, не оказалось альтернативного проекта этого документа, и они были вынуждены проголосовать за вариант, предложенный их оппонентами, полагая, что все равно он так и останется на бумаге.

Декларация о суверенитете, в частности, утверждала, что “любые насильственные действия против национальной государственности со стороны политических партий, общественных объединений или личностей преследуются по закону. Выступать от имени народа может только Верховный Совет БССР. На территории Беларуси Декларация устанавливала верховенство Конституции и законов БССР. В документе подтверждался приоритет белорусского языка в качестве государственного. Декларация предоставляла право правительству создавать национальную армию, республиканскую милицию и службу безопасности. Коммунисты проголосовали также за пункт о необходимости подписания нового союзного договора между республиками, входящими в состав Советского Союза. Депутаты от оппозиции БНФ, которые выступали против любых новых союзов с Россией, не участвовали в этой части заседания” [1].

Декларация была принята **Верховным Советом БССР**, избранным на первых в истории страны относительно конкурентных парламентских выборах, которые состоялись 4 марта 1990 г. Они проводились по старому, лишь слегка модифицированному советскому законодательству, с использованием мажоритарной системы абсолютного большинства. И при выдвижении кандидатов (от трудовых коллективов или собраний граждан по месту жительства), и при проведении агитационной кампании (при неравном доступе кандидатов к

СМИ, находившимся в собственности у государства) коммунистическая партия обеспечила себе важные преимущества. Это обстоятельство, а также то, что в республике развернулась яростная пропагандистская кампания против приверженцев независимости и подлинной демократизации (БССР справедливо называли “Вандеей перестройки”), содействовало тому, что КПБ получила порядка 86% депутатских мандатов, в то время как у представителей БНФ – главной оппозиционной силы, оказалось только примерно 11% мест в Верховном Совете [2]. Конечно, в таких условиях парламентская оппозиция мало что могла сделать. Ей не хватало политического опыта и знаний (Белорусский народный фронт в поддержку перестройки был основан на учредительном съезде в Вильнюсе только за год до выборов в Верховный Совет). Таким образом, в конце 1980-х гг. Беларусь оказалась под полным контролем консервативных сил из руководства КПБ-КПСС, которое привычно руководило системой советов, почти как в доперестроечные времена.

Политическая ситуация в Беларуси резко изменилась после подавления августовского путча и приостановления деятельности КПСС как преступной организации, участвовавшей в организации антиконституционного переворота в СССР. Под запрет попала и республиканская коммунистическая организация, активно поддерживавшая ГКЧП в дни путча, несмотря на ее запоздалое заявление о выходе из союзной структуры. Внеочередная сессия Верховного Совета в Минске 24 августа 1991 г. приостановила деятельность КПБ. В тот же день сессия переизбрала спикера белорусского парламента: на место коммунистического функционера Н. Дементя был избран известный политик демократических убеждений С. Шушкевич. Наконец, 25 августа 1991 г. депутаты парламента проголосовали за то, чтобы придать Декларации о суверенитете статус Конституционного Закона.

С этого момента начался *новый этап* в развитии политических институтов независимого белорусского государства, который продолжался вплоть до принятия Конституции 15 марта 1994 г. Вначале возник компромисс между бывшими коммунистами и национально-демократической оппозицией. Стремясь отгородиться от рыночных экономических реформ, которые проводились в России, консервативное большинство в парламенте поддержало оппозицию в ее усилиях по превращению Республики Беларусь в настоящее независимое государство. Парламентом была утверждена историческая символика в качестве государственной, принят *Закон о гражданстве*, ратифицированы *Беловежские соглашения*, которые положили конец существованию СССР. Взамен белорусская номенклатура хотела получить гарантии сохранения экономической и политической власти в ее руках. Очень быстро осуществился процесс перехода мно-

гих бывших коммунистических функционеров в структуры правительства В. Кебича. Депутаты-экс-коммунисты в Верховном Совете заблокировали важные рыночные реформы, а также предложения БНФ по проведению новых парламентских выборов [3].

Выходом из сложившейся ситуации мог стать референдум по досрочному роспуску Верховного Совета и проведению парламентских выборов по новому законодательству, предусматривавшему избрание 50% депутатов по системе партийных списков и 50% по мажоритарной избирательной системе. С такой инициативой выступил БНФ, собравший к апрелю 1992 г. более 450 тысяч подписей граждан в поддержку референдума. Однако данное предложение было отвергнуто Верховным Советом, который стремился к удержанию власти во что бы то ни стало. К сожалению, нарушение *Закона о референдуме* депутатами было поддержано спикером парламента С. Шушкевичем, а также некоторыми парламентариями-демократами, не входившими в оппозицию БНФ. На сессии Верховного Совета осенью 1992 г. было дано обещание провести досрочные выборы в 1994 г., но и оно не было выполнено.

К этому времени становится понятным, что в стране мало что изменилось, кроме названия и символики. Старая номенклатура контролировала экономику через сохранение монополии государства на собственность. Она же господствовала в министерствах и ведомствах, в парламенте, в местных структурах власти. Постепенно премьер В. Кебич обеспечил себе абсолютный контроль над Верховным Советом. Летом 1992 г. была зарегистрирована Партия коммунистов белорусская (ПКБ), а вскоре была легализована ранее запрещенная КПБ, члены которой объединились с ПКБ. Коммунистические депутаты, объединенные в двух фракциях *Союз и Беларусь*, располагали почти 90% мандатов и стали мощной политической опорой Кебича. Правительство взяло на себя выполнение и некоторых законодательных функций. В частности, был принят ряд декретов и распоряжений, которые сделали правительство совладельцем почти 80% газет, а также обеспечили его полный контроль над радио и телевидением [4].

Форма правления Республики Беларусь представляла собой на этом этапе развития, по мнению белорусского политолога Виктора Чернова, **квазипарламентскую, советско-премьерскую республику** [5]. Сам Верховный Совет, избранный в советское время и по советскому законодательству, не располагал очень многими механизмами для реального контроля над правительством, которое лишь формально являлось подотчетным депутатам. Не были должным образом прописаны и полномочия спикера, который, фактически, будучи главой государства, не мог проводить самостоятельную поли-

тику. Как неоднократно заявлял Шушкевич, его полномочия не простирались дальше стен Верховного Совета. Непрофессиональный состав первого белорусского депутатского корпуса, большая часть которого еще и работала на руководящих должностях в структурах правительства или на предприятиях народного хозяйства, делал его зависимым от премьер-министра, который часто вмешивался в компетенцию парламента. Это создавало многочисленные коллизии в отношениях между спикером и премьером. Можно утверждать, что к 1994 г. в Беларуси сложилась **премьерская диктатура**, многими своими чертами напоминавшая аналогичный политический режим в Словакии, установленный во времена правления В. Мечьяра (1994–1998 гг.). Отстранение от власти С. Шушкевича в январе 1994 г. стало лишь символическим подтверждением такого развития событий.

Однако премьерская диктатура не стала стабильной политической формой, не получила она и закрепления в тексте Конституции, несмотря на то, что такие попытки предпринимались (в одном из проектов Основного Закона). Дело в том, что отсутствие рыночных реформ вызвало острый экономический кризис в 1990–1995 гг. Росло недовольство политикой правительства и положением дел в парламенте у простых граждан. Приближался и срок очередных выборов в Верховный Совет. В сложившейся ситуации правящий класс решил изменить правила политической игры, ввести пост президента, который мог бы стать важным инструментом для обеспечения продолжения экономического и политического господства номенклатуры.

Идея перехода к президентской республике появилась сразу же после приобретения РБ государственной независимости. Она, например, присутствовала в первом проекте Основного Закона, который был опубликован для всенародного обсуждения еще в конце 1991 г. Затем эта идея надолго исчезла из поля зрения, потому что застопорился сам процесс принятия Конституции. В белорусском обществе не было единства по этому вопросу. “Партия власти” склонилась к необходимости введения поста “сильного президента” только под влиянием Кебича и после изучения опыта России. Однако и в ее рядах не было единодушия, потому что ортодоксальные коммунисты считали президентуру одним из пагубных “буржуазных изобретений”.

Оппозиция также была расколота по этому вопросу. Если, например, для лидера БНФ З. Позняка переход к президентской республике был чреват угрозой установления открытой некоммунистической диктатуры, то для ОДПБ (белорусских либералов) ситуация выглядела совсем по-другому. Например, еще в январе 1992 г. они указывали, “что выходом из тупика... может стать создание в республике института президентской власти. Для этого необходимо ввести соответствующие изменения в старую Конституцию или как можно

быстрее принять новую. Нужно провести выборы президента, который сформирует правительство, относительно независимое от консервативного Верховного Совета, и начнет проводить решительные реформы, не дожидаясь перевыборов парламента” [6].

Президентская республика. 15 марта 1994 г. депутаты белорусского парламента проголосовали за текст **Конституции Республики Беларусь**, предусматривавший пост президента, который одновременно являлся главой государства и руководителем исполнительной власти. Основной Закон был подписан новым спикером парламента М. Грибом. Президент и парламента избирались на пять лет гражданами на всеобщих выборах. Парламент утверждал основных назначенцев президента в структуры правительства и избирал судебную власть. У депутатов отсутствовало право вынесения вотума недоверия Кабинету министров и премьеру. У президента отсутствовало право роспуска парламента. Белорусские парламентарии обладали существенными легислативными полномочиями и могли преодолеть вето президента на принятый закон 2/3 голосов. Они могли также возбуждать процедуру импичмента против главы государства в случае серьезного нарушения им Конституции страны. Конституционный суд при этом должен был рассмотреть заявление как минимум 70 народных избранников, чтобы сделать соответствующее заключение. Само же политическое решение по этому вопросу принималось парламентом 2/3 голосов. Кроме того, Конституционный суд располагал и рядом других прерогатив: у него, например, было право судебного пересмотра (*judicial review*). Таким образом, Конституция 1994 г. вводила институты почти классической **президентской республики**, которые, однако, подверглись очень быстрой эрозии и не выдержали испытания на практике.

Существуют разные оценки белорусского Основного Закона 1994 г. и его политических последствий. По мнению российского политолога Коктыша, “апогеем и логическим завершением “конструктивного” периода, который начался в 1991 г. с инкорпорирования С. Шушкевича во власть и с создания “суррогатного” рынка и завершился с отставкой С. Шушкевича с поста спикера в начале 1994 г. и с крахом в том же году “псевдорынка” правительства, было создание новой Конституции Республики Беларусь. Конституция закрепляла вполне европейский статус Республики Беларусь с президентской формой правления. В. Кебич, имея полный контроль над почти развалившейся экономической системой и в отсутствие весомого экономического базиса у явных политических конкурентов, не сомневался в своей победе и хотел зарезервировать “под себя” существенные полномочия для возможного союза с Россией. Тем не менее, эти полномочия вовсе не имели подавляющего характера – Конституция не предполагала суперпрезидентской формы правления, она сохраняла достаточно большие права для законодательной власти и вводила во властную систему институт Конституционного суда с пожизненно назначаемыми

Верховным Советом судьями и, в общем, достаточно четко и последовательно проводила принцип разделения властей” [7].

Согласно белорусскому политологу и журналисту Александру Лукашуку, глава Конституции, посвященная правам человека, соответствует Всеобщей Декларации, однако “ее легкое и почти единодушное одобрение в Верховном Совете означало, что отцы белорусской Конституции в действительности не рассматривали ее чем-то важным. Большинство из них воспринимает права человека как часть необходимой риторики, *comme il faut*, язык нового времени”. Концепция прав человека не имела практического значения, так как не могла навязываться через суды. То же самое касается и большинства социально-экономических прав, перекочевавших из старой советской Конституции. Трудно сказать, каким образом их можно было гарантировать [8].

По мнению Михалиско, существенным недостатком первого белорусского парламента было то, что большинство депутатов совмещали свою законодательскую деятельность с руководящей работой на предприятиях народного хозяйства, а также в государственной администрации (только 70 депутатов Верховного Совета из 345 работали на профессиональной основе). Такое положение вещей фактически получило закрепление в Конституции 1994 г. Статья 92 предусматривала, что “депутат Верховного Совета осуществляет свои полномочия в Верховном Совете на профессиональной основе или по его желанию не порывая с производственной или служебной деятельностью. Депутатами Верховного Совета не могут быть президент, члены Кабинета Министров, судьи, а также иные лица, назначенные на должность президентом или по согласованию с ним” [9]. Вторая часть этой статьи свидетельствует о том, что белорусские законодатели осознали важность принципа *различный персонал* (*distinct personnel*) для президентской республики, но ее первая часть фактически делала народных избранников людьми, зависимыми от исполнительной власти.

Белорусский юрист Валерий Фадеев обращает внимание на то, что отдельные положения Конституции 1994 г., например пункт 1 статьи 100, согласно которой “президент принимает меры по охране суверенитета, национальной безопасности и территориальной целостности Республики Беларусь, обеспечению политической и экономической стабильности, соблюдению прав и свобод граждан”, давали основание для расширительного толкования и возникновения конфликтов между ветвями власти [10].

На наш взгляд, не недостатки Конституции 1994 г. сыграли решающую роль в том, что президентская республика, основанная на разделении властей, оказалась столь недолговечной. (Она просуществовала только до ноября 1996 г.) Гораздо более важную роль сыграло отсутствие в обществе политических сил, которые были в состоянии защитить Основной Закон. В условиях острого экономического кризиса востребованным стало не разделение властей, а сильная власть, которая может навести порядок. Эта потребность в наибольшей степени была присуща наименее защищенным группам населения, которые и поддержали на президентских выборах 1994 г. Лукашенко (см. тему 19).

Курс на концентрацию всей полноты власти в руках главы государства не был неожиданностью. Еще в 1995 г., в своем известном интервью немецким журналистам из *Handelsblatt*, Лукашенко заявил, что считает правление Гитлера в довоенной Германии примером для подражания (см. вставку 18.1). По мнению белорусского политического аналитика Александра Федуты, “очень часто о своих будущих планах Лукашенко вначале “проговаривается”, как бы нечаянно выдавая намерение, которое хочет реализовать в ближайшем будущем... Никакой ошибки не было. Лукашенко иногда только делает вид, что он “простодушный сельский парень”, который по своей политической неопытности допускает публичные оплошности. Слова о Гитлере адресованы не тем, кто возмутится, и уж тем более не тем, кто увидит в них оговорку. Похвала Гитлеру рассчитана на тех, кто будет аплодировать высказанным идеям, на тех, кто надеется, что только “сильная рука” их президента, вождя, фюрера, дуче обеспечит и порядок, и минимальное благополучие” [11].

ВСТАВКА 18.1

Не все плохое связано с Гитлером?

В интервью А. Лукашенко корреспонденту немецкой газеты *Handelsblatt* в ноябре 1995 г. было сказано следующее:

“История Германии – это слепок истории в какой-то степени Беларуси на определенных этапах. В свое время Германия была поднята из руин благодаря очень жестокой власти. И не все только было плохое связано в Германии и с известным Адольфом Гитлером. Он перечеркнул все хорошее, что он сделал в Германии, всей внешней политикой и развязал Вторую мировую войну, ну а все остальное уже вытекало из этого. Это гибель людей массовая, в том числе и немецкого народа. Но вспомните его власть в Германии. Нас с вами тогда не было, но по истории мы это знаем. Ведь немецкий порядок формировался веками. При Гитлере это формирование достигло наивысшей точки. Это то, что соответствует нашему пониманию президентской республики и роли в ней президента.

То есть я хочу конкретизировать, чтобы вы не подумали, что я приверженец Гитлера. Нет, я подчеркиваю, что не может быть в каком-то процессе или в каком-то человеке все черное или белое. Есть и положительное. Гитлер формировал мощную Германию благодаря сильной президентской власти. Это были 30-е годы, время сильного кризиса в Европе, а Германия поднялась благодаря сильной власти, благодаря тому, что вся нация сумела консолидироваться и объединиться вокруг лидера” [12].

Хорошо известно, что Гитлер учредил в Германии не президентскую республику, а так называемое **фюрерское государство**. За очень непродолжительный отрезок времени, после 30 января 1933 г., он сконцентрировал в своих руках все полномочия высшей партийной власти, являясь вождем (фюрером) Национал-социалистической рабочей партии (NSDAP), исполнительной власти как канцлер (глава правительства) рейха и символической власти как президент (глава государства).

Полномочия рейхспрезидента Гитлер получил после смерти маршала Гинденбурга в июле 1934 г.

“Новый порядок”, установленный национал-социалистами, опирался на репрессии против оппонентов режима и лиц неарийской расы (прежде всего евреев). В марте 1933 г. в рейхстаге были приняты так называемые *чрезвычайные законы*. Как отмечает известный немецкий историк Иоахим Фест, “каждая из пяти статей закона разбивала один за другим основополагающие компоненты немецкой конституции... Заключительная статья ограничивала срок действия данного нормативного акта четырьмя годами и связывала его с осуществлением нынешнего правительства (на самом деле закон действовал вплоть до краха третьего рейха в 1945 г. – замеч. авт.)... Принятием *Закона об устранении бедственного положения народа и государства* – так официально назывался этот документ – рейхстаг (парламент) был исключен из политики, а правительству была предоставлена неограниченная свобода действий” [13].

Экономический рост начался в Германии только в 1934 г., после того, как мировой экономический кризис 1929–1933 гг. завершился. Интересно, что у Гитлера фактически не было собственной экономической программы. Многие мероприятия, которые проводились в сфере народного хозяйства в те годы, были предложены еще демократическими правительствами, не успевшими их осуществить (строительство знаменитых автобанов, например). После того как Германия вышла из договора по разоружению, мотором экономического роста становятся военные заказы предприятиям и милитаризация страны. Другими словами, подготовка к новой войне и экономический рост в 30-е гг. при Гитлере – это две стороны одной и той же медали.

По мнению Феста, “есть некоторые основания для того, чтобы охарактеризовать третий рейх как *авторитарно управляемую анархию*. Министры, комиссары, чрезвычайные уполномоченные, руководители администраций, наместники, губернаторы и т.д. с частотой познательно неясно сформулированными задачами создавали клубок полномочий, распутать который было невозможно, единственно только сам Гитлер с его как бы габсбургским искусством управления разбирался в нем, поддерживал баланс и заправлял им. В этом ведомственном хаосе следует также искать причину того, что режим столь экстремально был “завязан” на персоне Гитлера и до конца войны знал схватки не по идеологическим вопросам, а только борьбу за проявление благосклонности фюрера, которая, правда, по своей ожесточенности и разрушительности была похлеще споров ортодоксов. Вступая самым резким образом в противоречие с популярным воззрением, согласно которому авторитарные системы выгодно отличаются решительностью и энергичностью в реализации принятых решений, надо отметить, что от других форм государственной организации их отличает как раз большая предрасположенность к хаосу; все рассуждения о строжайшем порядке представляли собой не в последнюю очередь попытку скрыть путаницу, мотивированную соображениями техники господства, за грандиозными фасадами” [14].

Переход к суперпрезидентской республике. В уничтожении демократии в Беларуси при Лукашенко и в Германии при Гитлере просматривается много общего: одинаковые цели, похожие методы,

общие враги в лице независимых СМИ, местного самоуправления, оппозиции, парламента, конституционного строя. Правда, в Беларуси правящий режим отличается большей провинциальностью, а государство не является настолько милитаризованным. Как говорится, любая копия по определению хуже своего оригинала.

Подражая своему кумиру, Лукашенко прежде всего решил расправиться с независимыми средствами массовой информации. Уже в конце 1994 г. в Беларуси был дан старт длительной кампании борьбы “народного президента” с независимыми журналистами и органами печати. 20 декабря 1994 г. крупнейшие газеты страны вышли с белыми пятнами вместо доклада депутата от фракции БНФ С. Антончика о коррупции в структурах президентской администрации, запрещенного властями к публикации. После этого случая новое правительство принудило государственные типографии разорвать договоры с восемью наиболее популярными независимыми газетами, что привело к приостановке их выхода в свет.

В 1994–1995 гг. в Беларуси были предприняты меры по ликвидации системы местного самоуправления. Ряд указов президента в этой сфере привел к фактическому назначению глав исполкомов местных советов руководителями вышестоящих исполнительных комитетов: возникла знаменитая **президентская исполнительная вертикаль**. Был также ликвидирован целый ряд Советов низового уровня. В результате исполкомы перестали быть подотчетными местным представительным органам власти, избираемым гражданами.

В Республике Беларусь само слово *оппозиция* приобрело резко отрицательный смысл. С ней надо было вести непримиримую войну, а не заключать компромиссы. В ночь с 12 на 13 апреля 1995 г. спецслужбы по приказу президента избili в здании парламента депутатов оппозиции БНФ, которые в знак протеста против подготовки референдума о государственном языке и символике объявили голодовку. В том же году Лукашенко жестко подавил забастовку минских метростроевцев и транспортников, запретил деятельность Свободного профсоюза, который ее активно поддерживал. Однако нетерпимость президента распространялась не только на национальную и демократическую оппозицию. Как указывает белорусский аналитик Андрей Екадумов, “политическое поле оказалось реструктурированным не по идеологическому делению (так, как это было в *допрезидентскую эпоху*), а в соответствии с принципом: “за” или “против” самого Лукашенко” [15]. Это наблюдение объясняет нам наличие острых противоречий между белорусским президентом и идеологически близкими ему коммунистами и аграриями, начавшие проявляться уже в 1995 г. Здесь также просматривается параллель между Республикой Беларусь и третьим рейхом. В Германии конфликт

между национал-социалистами и правыми партиями не нацистской ориентации обострился после того, как стало ясно, что Гитлер стремится к обладанию абсолютной властью.

Сходным было и отношение двух режимов к парламенту. В Беларуси Лукашенко вначале установил экономический контроль над Верховным Советом, его собственность была переведена на баланс Управления делами президента. Председатель Верховного Совета М. Гриб охарактеризовал эти действия как “разбойное нападение”. Затем последовала попытка срыва новых парламентских выборов, которые растянулись в Беларуси на несколько месяцев: с мая по декабрь 1995 г. “Неоднократно выступая по поводу выборов, А. Лукашенко заявлял, что “он лично на выборы депутатов не пойдет”, что, по оценке М. Гриба, “можно было вполне расценивать как призыв к срыву выборов депутатов Верховного Совета” [16].

В результате двух туров голосования и повторных выборов было избрано 197 парламентариев из 260. Победу одержали левые партии. Это дало им возможность избрать С. Шарецкого – лидера АП спикером парламента. В Верховный Совет прошли также социал-демократы и члены Объединенной гражданской партии. Большая часть депутатского корпуса совмещала свою парламентскую деятельность с работой в структурах исполнительной власти. Позже депутаты из этой группы сформировали пропрезидентскую фракцию *Согласие*.

Итоги выборов были вполне благоприятными для главы государства, однако этот факт не удержал его от дальнейшего давления на депутатов Верховного Совета. Как отмечает Екадумов, “вновь созданный институт президентской власти, умноженный на политическую реальность начала 1994 г., означал зарождение режима А. Лукашенко. Одновременно парламент приобрел для себя принципиально новую роль: из главного элемента системы власти он превратился, говоря словами Лукашенко, в “гнездо оппозиции”. Дело было вовсе не в политических ориентациях депутатов – после июля 1994 г. они моментально утратили определяющую роль в поведении Верховного Совета... Стремление Лукашенко приобрести абсолютную власть привело к переходу в оппозицию многих тогдашних политических игроков, включая и значительную часть лукашенковских соратников. Исключением стали только те, кто был доволен перспективой полного подчинения президентской воле или не видел для себя никакой другой возможности” [17]. После так называемого конституционного референдума 1996 г. и назначения депутатов Палаты представителей Лукашенко из лично преданных ему народных избранников институт парламентаризма в РБ был сильно ослаблен.

В нацистской Германии Гитлер вывел из употребления Веймарскую Конституцию принятием чрезвычайных законов 1933 г., но формально она продолжала существовать вплоть до 1945 г. (см. вставку 18.1). Что-то подобное попытался сделать и Лукашенко, подготовив свой проект поправок к Основному Закону 1994 г., которые в действительности камня на камне не оставляли от сути прежней Конституции. Для придания легитимности своим усилиям Лукашенко вынес текст “дополнений и изменений” на конституционный референдум. Народные плебисциты, как известно, были излюбленным “демократическим средством” Гитлера в его борьбе с демократией.

Белорусский плебисцит проходил с 9 по 23 ноября 1996 г. и сопровождался невиданными прежде нарушениями закона. Голосование началось без наличия президентского и парламентского текстов поправок к Конституции. Государственные средства массовой информации агитировали только за президентский вариант. Заявления председателя Центризбиркома В. Гончара о том, что он не подписывает итоговый протокол из-за огромного количества нарушений, привело к его незаконному отстранению от должности. По действовавшей в то время Конституции, председателя Центризбиркома избирал парламент, а не президент. Попытка 73 депутатов Верховного Совета обратиться в Конституционный суд с ходатайством о возбуждении дела против главы государства и начать процедуру импичмента, ни к чему не привела. Под давлением властей 10 депутатов отозвали свои подписи из-под текста обращения, что дало формальные основания председателю Конституционного суда и большинству его членов отложить это дело.

Крайне негативную роль в судьбе белорусского конституционализма сыграл визит делегации из России в ноябре 1996 г. с посреднической миссией в составе Е. Строева (спикера верхней палаты), Г. Селезнева (спикера нижней палаты) и В. Черномырдина (премьер-министра). С одной стороны, российские политики добились того, что голосование по поправкам к Конституции на референдуме должно было носить рекомендательный, а не обязательный характер (это определение попало даже в текст бюллетеней). Взамен депутаты парламента обязались отозвать свое обращение в Конституционный суд с требованием начать процедуру импичмента против президента. Но, когда пропрезидентская фракция *Согласие* сорвала голосование за достигнутый компромисс в Верховном Совете, что дало основание Лукашенко снова говорить об обязательном характере конституционного волеизъявления, российское руководство не предприняло никаких конкретных мер давления на белорусского президента. Это означало, что Россия де-факто стала на сторону главы государства в

его конфликте с парламентом и поддержала конституционный переворот в нашей стране.

“Результаты ноябрьского референдума, – как отмечает российский политолог Коктыш, – не были признаны никем, кроме России. Тем не менее, для Лукашенко это было более чем достаточно: основываясь на его результатах, он фактически ликвидировал принцип разделения властей, сведя роль остальных ее ветвей к марионеточной. Так, представительная власть трансформировалась в двухпалатный парламент, избираемый по мажоритарной системе, и соответственно полупрофессиональный. Более того, верхняя палата, частично назначаемая президентом, не только в состоянии заблокировать сколь-нибудь принципиальные решения нижней, но и утверждает все кадровые назначения с формулировкой “дает согласие”... Судебная власть, равно как и любая другая, перестала существовать в неподконтрольном президенту виде... На этом этапе полной ликвидации, вернее, полного поглощения заложенных в первый период независимости Беларуси основ независимости властей президентским центром и своеобразной “международной легитимации” этого *единственного всеконтролирующего* и при этом *фактически неподконтрольного никому президентского центра власти* и заканчивается трансформация политической системы, переставшей быть сколь-нибудь “реалистичной” и приобретшей ярко выраженный фундаменталистский характер” [18].

Таким образом, действующие конституционные правила принятия политических решений в Республике Беларусь оказались в полном соответствии с персоналистским характером авторитарного режима (авторитарно-султанистской диктатурой). По *форме правления* наша страна после принятия Конституции 1996 г. превратилась в ярко выраженную **суперпрезидентскую республику**, без подлинного разделения властей, с концентрацией всех основных полномочий в руках главы государства и без наличия каких-либо существенных контрольных механизмов у общества, с помощью которых оно могло бы сдерживать ничем не ограниченную власть президента.

2. Президент и его место в политической системе

Функции президента. По форме Конституция 1996 г. выглядит как Основной Закон смешанной (президентско-парламентской) республики. **Президент** является главой государства и гарантом Конституции, избираемым гражданами на всеобщих выборах сроком на пять лет. Он, с одобрения парламента, назначает премьер-министра и основных членов Совета Министров (последняя структура осуществляет исполнительную власть). У президента Республики Беларусь есть право роспуска парламента. У депутатов Палаты представителей (нижней палаты парламента) есть право вынесения вотумов недоверия правительству.

Более того, статья 6 Конституции утверждает, что “государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Государ-

ственные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравновешивают друг друга” [19]. Нам представляется, что и буква, и дух Основного Закона 1996 г., а также реальная политико-правовая практика в нашей стране в гораздо большей степени соответствуют не данной конституционной норме, а хорошо всем известному высказыванию А. Лукашенко о том, что “президентская власть в Беларуси – это ствол”, другие же властные структуры – это “ветки, из него растущие” (см. рис. 18.1) [20].

Как подчеркивает известный белорусский юрист, бывший заместитель председателя Конституционного суда Фадеев, “Конституция Беларуси в редакции 1996 г. основательно изменила компетенцию органов власти, при этом произошел “сильный крен” в сторону исполнительной власти. Были *существенно расширены полномочия президента*. Он получил, в частности, **право назначать**: республиканские референдумы, всех судей (судей и председателей высших судов – с согласия Совета Республики); назначать половину членов Центризбиркома, шесть судей Конституционного суда; **освобождать от должности** председателя и судей Конституционного суда, председателя и судей Верховного суда, председателя и судей Высшего Хозяйственного суда, председателя и членов Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов, Генерального прокурора, председателя и членов Правления Национального банка по основаниям, предусмотренным законом, с уведомлением Совета Республики.

Однако самое главное, что самым прямым образом сказалось на реализации принципа разделения властей, заключалось в том, что **президент получил законодательные полномочия**, и в стране формально образовалось два центра с высшими законодательными полномочиями. Статья 101 Конституции предусматривает возможность *издания президентом декретов*, имеющих силу закона. При этом если согласно части первой этой статьи полномочия на издание декрета могут быть делегированы парламентом (за весь период действия Конституции 1996 г. такого не случилось), то согласно части третьей в силу особой необходимости президент может издавать временные декреты [21]. По настоящее время (2006 г.) президент издал 258 декретов, и все они изданы на основании части третьей ст. 101, т.е. как временные. Временные декреты должны быть в трехдневный срок представлены для последующего рассмотрения Палатой представителей, а затем Советом Республики. Эти декреты сохраняют силу, если они не отменены большинством не менее 2/3 голосов от полного состава каждой из палат... За прошедшее время ни один, даже самый спорный декрет, парламентом не был отменен. С другой стороны, парламент часто оказывается в своеобразной “ловушке”: когда он хочет в законе изменить некоторые нормы по-своему, он не может это сделать, поскольку существует не отмененный акт президента, в котором эти нормы даны в определенной редакции. Так было, например, при принятии *Закона о потребительской кооперации*, в котором депутаты попытались по-иному, чем в президентском указе, изложить нормы о порядке избрания председателей районных потребительских обществ. В результате редакция депутатов не прошла, и норма была принята в редакции президента.

Есть и еще одна проблема, которая, как представляется, недостаточно обсуждается и принимается во внимание. Дело в том, что согласно части второй ст. 101 Конституции 1996 г., “не допускается делегирование полномочий президенту на издание декретов, предусматривающих изменение и дополнение Конституции, ее толкование; изменение и дополнение программных законов; утверждение республиканского бюджета и отчета о его исполнении; изменение порядка выборов президента и парламента; ограничение конституционных прав и свобод граждан” [22]. Закон о делегировании законодательных полномочий президенту не может разрешать ему изменение этого закона, а также предоставлять право принимать нормы, имеющие обратную силу. Представляется, что если даже парламент не может делегировать президенту полномочия на издание декретов по указанным вопросам, то тем более он не может издавать их по своей инициативе. На самом же деле *президент издал целый ряд временных декретов, ограничивающих права и свободы граждан*. Обосновывая необходимость издания президентом декретов, апологеты всегда приводят опыт Франции. Однако при этом “стыдливо” опускают тот факт, что там декреты требуют контрассигнации (подписи) соответствующего министра либо премьера, а, учитывая политический расклад в эшелонах власти Франции, получить такое согласие не просто.

Наряду с приданием высшей законодательной силы декретам, “в законодательство страны введена также норма о том, что *указы президента* могут рассматриваться на предмет соответствия Конституции, а на соответствие законам – только в случае, когда полномочия на их издание были делегированы законом. В сущности, это означает, что в ряде случаев указы даже выше декретов, поскольку декрет хотя бы формально может быть отменен палатами парламента”. Принцип разделения властей нарушен и в отношении судебной системы. Многие специалисты считают, что формально провозглашенные *принципы независимости судов нарушаются*, на самом деле – они находятся в сильной зависимости от других ветвей государственной власти. Так, к примеру, бывший судья Конституционного суда Республики Беларусь профессор Михаил Пастухов пришел к следующему выводу: “Суды фактически утратили остатки своей независимости, превратились в аппарат по обслуживанию интересов исполнительной власти. Они выносят решения, которые красноречиво свидетельствуют об их ангажированности и политической пристрастности” [23]... Есть и еще одна крайне серьезная в последнее время проблема, связанная с **прямым вторжением исполнительной власти в сферу судебной компетенции**. Уже существуют два указа президента, согласно которым он имеет право освобождать за отдельные преступления от уголовной ответственности (указ от 12 сентября 2005 г. № 426) и освобождать от экономической ответственности (указ от 17 октября 2005 г. № 481), даже если уже состоялось судебное решение. Полагаем, наличие таких норм – яркое доказательство того, что судебная система пока на деле не стала независимой властью в стране” [24].

Важным институтом, обеспечивающим фактическую монополию президента в законотворческой деятельности, является **Центр законопроектной деятельности** при президенте Республики Беларусь. Он наделен правом рассмотрения всех предложений, которые исходят от субъектов, обладающих правом законодательной инициативы, и таким образом выступает в качестве важного фильтра, не пропускающего не выгодные высшей власти проекты нормативных актов.

Другие структуры исполнительной власти. Согласно Конституции 1996 г., президент не является главой исполнительной власти в Беларуси. Для реализации таких полномочий создается **Совет Министров (правительство)**, ответственное перед президентом и парламентом. Его **председателя (премьер-министра)** определяет президент и утверждает нижняя палата парламента. Глава государства назначает всех министров. Более того, у президента есть право отправить премьера или отдельных министров в отставку в любое время, не дожидаясь вынесения вотума недоверия депутатами Палаты представителей.

В действительности, в нарушение Основного Закона, подлинным *главой исполнительной власти в Беларуси является президент*. В отличие от других государств со смешанной формой правления, в нашей стране так и не сложился так называемый *двуглавый исполнительный орган*, предполагающий определенное “разделение властей” между главой государства и главой правительства. Белорусский президент часто председательствует на заседаниях Совета Министров, дает задания отдельным членам правительства, отчитывает их за невыполнение программных показателей, устраивает публичные разносы и отправляет в отставку провинившихся.

В сложившейся ситуации белорусское правительство перестало быть политической структурой и превратилось в *хозяйственно-административный орган при главе государства*. Инициирование новой политики – задача президента, задача же министров и премьера – это безукоризненное выполнение поставленных главой государства заданий. Ответственность правительства перед депутатами Национального Собрания, начиная с 1996 г., приобрела абсолютно формальный характер. С тех пор не было ни одного случая, когда бы Палата представителей набралась мужества и проголосовала вотум недоверия правительству. Снятие с должности отдельных министров и премьеров превратилось в сугубо президентскую прерогативу. Как правило, он идет на эти шаги, когда обостряются экономические проблемы государства. Тогда важнейшей функцией правительства становится роль “козла отпущения”, на которого глава государства с удовольствием перекладывает ответственность за собственные ошибки. На рубеже 2000-х гг. в нашей стране довольно часто происходила смена руководителей правительства и министров, однако с 2003 г. пост премьер-министра прочно удерживает в своих руках С. Сидорский.

Правительство Республики Беларусь, равно как и парламент, по своим полномочиям существенно уступают таким властным структурам, как **Администрация президента** и **Совет Безопасности**. Они получили конституционное закрепление в Основном Законе

1996 г. Согласно ст. 84, п. 5, “президент образует, упраздняет и реорганизует Администрацию президента Республики Беларусь, другие органы государственного управления, а также консультативно-совещательные и иные органы при президенте”. Пункт 27 той же статьи говорит о том, что “президент формирует и возглавляет Совет Безопасности Республики Беларусь; назначает на должность и освобождает от должности Государственного секретаря Совета Безопасности” [25].

Администрация президента является важнейшим резервуаром кадров для высших подразделений государственного управления в центре и в регионах. Его многочисленные отделы дублируют работу министерств и ведомств правительства, задавая им определенный вектор развития, как в свое время это делали отделы ЦК КПБ по отношению к советскому правительству. Кроме того, в Администрации сосредоточены силы, которые обеспечивают “руководящую и направляющую” роль президента в его взаимодействии с органами законодательной и судебной власти. Это, в частности, находит свое выражение в разработке в стенах Администрации основных законопроектов, которые потом спускаются депутатам парламента для утверждения. В 2008 г. руководителем Администрации президента был назначен В. Макей, долгое время исполнявший обязанности первого помощника президента.

Совет Безопасности включает в свой состав “силовых министров”, руководителя Администрации президента, председателя Совета Министров, руководителя Службы охраны президента, председателей палат Национального Собрания, а также других лиц по распоряжению президента. В начале 2007 г. на должность члена Совета Безопасности неожиданно был назначен старший сын Александра Лукашенко Виктор, до этого исполнявший обязанности обычного помощника президента. В Беларуси термин “безопасность” понимается весьма расширительно: от продовольственной до военной. Это дает основание данной структуре выступать в роли одного из самых влиятельных центров силы и привлекать под свою деятельность большие ресурсы. Значение Совета Безопасности заметно выросло, когда ее возглавлял В. Шейман (1994–2000 гг., 2006–2008 гг.). В 2008 г. на должность государственного секретаря Совета Безопасности был назначен бывший шеф КГБ Ю. Жадобин.

ВСТАВКА 18.2

Эпоха поздней тирании, или Заметки на полях политической биографии А. Лукашенко

В ходе кампании по выборам президента 1994 г. Центризбирком распространил официальную биографию Лукашенко. Карбалевиц в своей статье *Путь Лукашенко к власти* приводит ее целиком:

“Год рождения – 1954. Белорус. Окончил Могилевский педагогический институт и Белорусскую сельскохозяйственную академию. Народный депутат Республики Беларусь.

Трудовая деятельность:

1971–1975 гг. – студент Могилевского пединститута.

1975 г. – секретарь комитета комсомола СШ № 1 г. Шклова.

1975–1977 гг. – инструктор политотдела Западного пограничного округа.

1977 г. – секретарь комитета комсомола Могилевского горпищеторга.

1977–1978 гг. – инструктор Октябрьского райисполкома.

1978–1980 гг. – ответственный секретарь общества “Знание” г. Шклова.

1980–1982 гг. – заместитель командира роты по политчасти, в/ч 04104.

1982–1983 гг. – заместитель председателя колхоза “Ударник” Шкловского района.

1983–1985 гг. – заместитель директора комбината стройматериалов г. Шклов.

1985–1987 гг. – секретарь парткома колхоза им. Ленина Шкловского района.

1987–1994 гг. – директор совхоза “Городец” Шкловского района [26].

К ней можно сделать только одно дополнение:

1994–н/в. – президент Республики Беларусь.

Бывают эпохи расцвета и застоя, “бури и натиска”, упадка морали и “исправления имен”. Бывают эпохи безвременья, когда кажется, что жизнь остановилась, и не может сдвинуться с места. Такие времена предвещают социальные потрясения. Затхлая атмосфера, нестерпимая духота, свинцовое небо над головой требуют урагана, ударов молний и потопа... Лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Но “подлые эпохи” могут длиться долго. Агония одряхлевшей Римской империи растянулась почти на целое столетие. Крайнего упадка абсолютистская Франция достигла к 1774 г., когда умер Людовик XV. Лорд Честерфилд, описывая состояние страны в год смерти короля, прозванного в народе Возлюбленным, утверждал: “Все признаки, которые я когда-либо встречал в истории и которые обычно предшествуют государственному перевороту и революции, существуют теперь во Франции и умножаются с каждым днем”. Прошло, однако, пятнадцать лет, прежде чем грянула великая, грозная революция... Перед землетрясением обычно стоит прекрасная погода. Нового короля Людовика XVI и его супругу, гильотинированных в 1793 г., простые французы приняли тогда с восторгом, как надежду на спасение и обновление. Однако те, в кого верят слишком сильно, рискуют превратиться в объект не меньшей народной ненависти.

В современную эпоху происходит сжатие исторического времени. Социальные процессы, которые прежде вызревали бы постепенно, в течение столетий и десятилетий, в наше время завершаются за годы и месяцы.

Это относится и к эволюции определенной формы господства, называемой в политической литературе “диктатурой личной власти” или “современной тиранией”. Нынешний белорусский режим, с полным на то основанием, может быть причислен к данной категории политических устройств, которые считались и считаются “худшими”, “извращенными” формами правления.

Читая описания тираний, сделанные Платоном и Аристотелем две с половиной тысячи лет назад, невольно поражаешься актуальности многих характеристик, оценок и выводов, которые почти полностью подходят для анализа политического устройства лукашенковской Беларуси. Аристотель, например, подчеркивал, что “тирания соединяет в себе крайнюю олигархию и демократию (охлократического типа – замеч. авт.). Поэтому тирания – самый вредный для подданных государственный строй, так как она есть соединение двух зол и заключает в себе все отклонения и ошибки, какие свойственны тому и другому строю”.

Олигархическое начало современного белорусского режима представлено официальной политикой, направленной на предотвращение попыток создания автономных кланов представителями элит, будь то парламентариями, бюрократией, финансовыми группами, руководством отраслей промышленности или руководством регионов. Лукашенко позволяет существовать и процветать только своему собственному клану. В Беларуси сформировалась монополистическая олигархическая группировка в единственном числе, во главе с президентом. Она оправдывает свое существование искусно сконструированным и внедряемым в сознание людей популистским имиджем стратегии подавления конкурентов: глава государства якобы радует за интересы простых граждан, народа и ставит на место зарвавшихся чиновников и коррупционеров.

Платон выделял особую породу людей – “трутней”, у которых вождения преобладают над разумом, а зависть к преуспевающим является основным мотивом поведения. Они ответственны за возникновение тираний в первую очередь, так как возбуждают простых людей против богатых, стремятся поживиться за их счет. К данной категории можно отнести и А. Лукашенко, заработавшего себе главный политический капитал на “разоблачениях” злоупотреблений властью должностными лицами, на борьбе с коррупцией. “А разве народ не привык особенно отличать кого-то одного, ухаживать за ним и возвеличивать? – Конечно, привык. Значит, уж это-то ясно, – делает вывод древнегреческий философ, – что, когда появляется тиран, он вырастает именно из этого корня, то есть как ставленник народа”. Из этого корня выросло огромное множество современных диктатур, испытывающих потребность в легитимации абсолютного господства ссылками на то, что они выражают “волю народа”. Поэтому не следует заблуждаться и видеть проявления демократии в использовании такими режимами выборов, референдумов и некоторых других атрибутов народовластия. Они используются здесь для иных целей, нежели те, которые стоят перед демократическими государствами. Их задача – не смена власти, а политическая социализация (воспитание) общества, мобилизация его на поддержку режима, консолидация “народа” вокруг правительства. К тому же подобные псевдодемократические процедуры не являются свободными и справедливыми.

В первое время своего правления “тиран приветливо улыбается всем... дает много обещаний частным лицам и обществу... притворяется милостивым ко всем и кротким”, – пишет Платон. Это необходимо, говоря современным языком, для легитимации режима, консолидации личной власти, подавления оппозиции. “Когда же он примиряется кое с кем из своих врагов, а иных уничтожает, так что они перестанут его беспокоить, первой его задачей будет постоянно вовлекать граждан в какие-то войны, чтобы народ испытывал нужду в предводителе”.

В современную эпоху развязывать войны – дорогое удовольствие для диктатуры: можно и проиграть. Аргентинская хунта потеряла сокрушительное поражение в войне за Фолкленды (1982), а авантюра греческих “черных полковников” с переворотом на Кипре и попыткой присоединения острова к Греции (1974) закончилась полным провалом. Поэтому используются другие методы для того, чтобы у простых людей постоянно присутствовала “потребность в предводителе”. В Беларуси, в частности, апробированы такие приемы, как борьба с “внутренними врагами”, которые “мешают президенту”; укоренение в общественное сознание мифа “осажденной крепости” (страна окружена со всех сторон врагами).

Не менее важным для укрепления власти тирана является и то, чтобы “из-за налогов люди обеднели и *перебивались со дня на день, меньше злоумышляя против него*”. В современной Беларуси эта черта тирании проявляется в полном объеме. Кроме того, высшее руководство государства заинтересовано в искусственном занижении уровня потребностей людей, сведении их к примитивному минимуму: “чарки и шварки” среди материальных и “славянских базаров” и “дожинок” среди духовных. Отсутствие свободного времени у большинства трудоспособных граждан, вынужденных работать на нескольких работах, чтобы обеспечить более-менее сносный уровень жизни себе и своим близким, ставит их вне политики. Государство у нас остается основным работодателем и привязывает почти рабскими узлами трудящихся к предприятиям и учреждениям (контрактная система). Последние безропотно выполняют волю начальства, потому что дорожат своим местом, не ввязываются в оппозиционную деятельность, так как боятся увольнений.

Важнейшим средством укрепления тирании является борьба со свободолюбивыми людьми. “Таких людей тиран уничтожает под предлогом, будто они предались неприятелю”, – указывает Платон. “Способствует возможному сохранению тирании и то, чтобы *“подрезывать” всех чем-либо выдающихся людей*”, – конкретизирует Аристотель. “Тирану надо зорко следить за тем, кто мужественен, кто великодушен, кто разумен, кто богат. Велико же счастье тирана: он поневоле враждебен всем этим людям и строит против них козни, пока не очистит от них государство”, – делает вывод Платон. Эта мера, в конце концов, приводит тому, что рядом “не останется никого ни из друзей, ни из врагов, кто бы на что-то годился”... У тирана не остается иного выбора, кроме как “обитать вместе с толпой негодяев, притом тех, кто его ненавидит”. Политическая наука в наши дни называет эту проблему “нарушением процесса циркуляции элит”. Последний, согласно итальянскому социологу Парето, означает обновление правящей элиты за счет выходцев из низших слоев общества, приносящих с собой энергию и волю для удержания власти.

Правящая элита также восстанавливается и благодаря тому, что теряет своих наиболее деградировавших членов. Любой персоналистский режим в большей степени, чем другие, сталкивается с такой проблемой. Остановка же циркуляции элит или наличие значительных препятствий для нее приводит со временем к катастрофическим для господствующей группировки последствиям. Поскольку положение управленцев в структурах власти в Беларуси не зависит от их профессионализма и компетентности, но целиком определяется личной преданностью президенту, а их инициатива сковывается из-за боязни допустить непоправимую ошибку (не угодить “всенародно избранному”), в нашей стране происходит быстрое накопление “не элитных элементов” в господствующем классе, а “элитных” – среди управляемых. У тиранов *в почете люди, держащие себя униженно*, а это свойство льстецов. Вследствие этого тирания любит все дурное; ведь тираны рады, когда им льстят, а этого не станет делать ни один свободный человек, обладающий разумом”. К этой блестящей характеристике тирании, сделанной Аристотелем, нечего добавить. В современную эпоху диктатуры личной власти опираются на те же “традиционные” приемы удержания абсолютного господства, сделав их, правда, более изощренными, благодаря развитию технических средств насилия и массового “промыывания мозгов”.

Вектор развития современной цивилизации делает тиранию, по крайней мере в Европе, диковинным и извращенным отклонением от демократической нормы. Слабыми местами тираний всегда были “ненависть” и “презрение” к ним со стороны граждан. Платон сравнивал тиранов с “отцеубийцами и плохими кормильцами”. Народ – отец тирании. В силу своего невежества он “из подчинения свободным людям попадает в услужение к деспотической власти и свою неумеренную свободу меняет на самое тяжкое и горькое рабство – *рабство у рабов*”. Сам тиран – заложник своих дурных наклонностей, которые загоняют его в тюрьму, ограничивают передвижение, делают затворником... “Тираны за всю жизнь свою ни разу ни с кем не были друзьями; они вечно либо господствуют, либо находятся в рабстве: тиранические натуры никогда не отведывали ни свободы, ни подлинной дружбы”. Когда же такая натура оказывается у руля государства, “в рабстве у него будет содержаться и воспитываться некогда милая ему родина-мать, то есть отечество. Вот конечная цель вожделий такого человека”. Это объясняет, почему во все времена и у всех народов борьба с тираниями была благим, патриотическим делом граждан.

Древнекитайский философ Шэнь Дао утверждал, что “мудрость недостаточна для приведения к покорности порочных, но влиятельное положение достаточно, чтобы согнуть мудрых... Поэтому, когда мудрый подчиняется порочному, это указывает на слабость власти”. *Слабой является власть белорусского президента*, который пытается учить уму-разуму всех и вся в этой стране. Он лучше агрономов знает, когда сеять, а когда убирать; лучше директоров предприятий разбирается в том, как наладить производство; лучше врачей – как лечить болезни; лучше режиссеров и артистов – какие спектакли ставить и почему; лучше докторов наук и академиков понимает актуальные вопросы общественных наук.

Разработка государственной идеологии президентом является ярчайшей иллюстрацией своеобразного понимания высшим должностным лицом белорусского государства модели взаимоотношений между экспертами, специалистами, интеллектуалами и политической властью. Первые предстают в виде этаких недоумков, зацикленных на абстрактных теоретических схемах, неспособных разглядеть за ними нужды и чаяния простых людей. Кажется, что времена *воинствующего антиинтеллектуализма* эпохи ранней большевистской диктатуры, когда слово “интеллигенция” ассоциировалось только со “смачным” ленинским определением, возвращаются в нашу страну.

Лукашенко любит апеллировать к правде жизни, доступной только ему, – народному президенту. Эразм Роттердамский в *Похвальном слове глупости* (эту книгу стоило бы сделать настольной у главы нашего государства) по этому поводу писал: “Если рассудительность прежде всего сказывается в деловой сноровке, то кто... имеет право притязать на почетное звание человека рассудительного – мудрец ли, который частью по излишней совестливости, частью по душевной робости ничего не решается предпринимать, или *на все дерзающий дурак, не сдерживаемый ни стыдом, которого не имеет, ни опасностью, которой не сознает?* Мудрец обращается к древним писаниям и выискивает в них разные бесполезные тонкости. Дурак, напротив того, постоянно вращаясь в самой гуще жизни, тем самым доказывает истинную свою рассудительность”.

Воинствующий характер антиинтеллектуализма проявляется в том, что глава белорусского государства получает истинное наслаждение от унижения любого человека, который больше знает, лучше образован, более талантлив, чем Александр Григорьевич. Иногда возникает ощущение, что он сознательно лукавит: перегибает палку, говорит явные глупости, чтобы добиться полного согласия с его точкой зрения высокопоставленных, облаченных должностями и титулами экспертов. Но бог с ними, они сами сделали свой выбор.

Существует мнение, что Лукашенко постепенно, под влиянием внутренних и внешних процессов должен измениться в лучшую сторону. Хотелось бы верить, но это возможно только в том случае, если наша высшая власть вдруг *научится учиться, а не поучать*. Пока же все происходит с точностью наоборот [27].

Мать бедного генерала-диктатора в романе Маркеса *Осень патриарха* как-то воскликнула на дипломатическом приеме: “Если бы я только знала, что мой сын станет президентом республики, я бы выучила его грамоте, сеньоры!”... Но, получив высшую власть, генерал так и не научился читать и писать. Окруженный сонмищем дипломированных политиканов, наглых пройдох и подхалимов, он решил, что не стоит портить себе кровь крючкотворными писаными законами, требующими щепетильности, “и *стал править страной как бог на душу положит*, и стал вездесущ и *непререкаем*”. Эта непререкаемость власть предрежащих автократов, наверно, является общей закономерностью, а не особенностью отдельных стран, которым не повезло с политическими лидерами. Монополия на абсолютное господство развращает и очень скоро приводит к выводу: раз я получил высшую власть, значит я лучше других, лучше несчастных “умников” и у меня есть право их учить и ими поучать.

Конечно, не следует преувеличивать угрозу. Лукашенко – это не Гитлер и не Сталин, хотя он и стремится походить на них. О полной моральной деградации власть предержащих граждане Беларуси смогли воочию убедиться 25 июня 2003 г., в день похорон Василя Быкова. Трагическая смерть этого великого человека на мгновение приоткрыла пропагандистскую завесу лжи и лицемерия, за которой белорусский президент и его окружение прятали от доверчивых сограждан чрезвычайно простую истину: интересы белорусского народа и интересы той группировки, которая его именем управляет страной с 1994 г. коренным образом расходятся. Если, как заявил А. Лукашенко, узнав о смерти писателя, “мы по-разному понимаем суверенитет и независимость, но нельзя отказать этому человеку в жажде страстной борьбы за свободу нашей страны”, то за чей же суверенитет так страстно борется всенародно избранный президент Беларуси? За свой личный или вверенного ему в управление государства? Вопрос риторический.

Быков никогда не обладал и не стремился обладать даже толикой власти. Он всегда занимал бескомпромиссную, неудобную для него лично позицию, писал и говорил правду, какой бы горькой и неудобной и для властей, и для народа она ни была. Быков имел право сказать: “Особенно теперь я начинаю думать, что пока мы старались для народа, клялись именем народа – у нас его украли... Теперь крестьянства нет... Город, урбанизированное население городов, – боюсь, это уже не белорусский народ; оно с Беларусью ничего общего не имеет, разве что территории проживания. Минск – город “белорусский” только потому, что он находится на территории Беларуси, а в остальном – каково его отличие, скажем, от Смоленска, Твери, Москвы? Чем он от них отличается?”. У Быкова было право говорить эти горькие слова белорусам, потому что нравственный долг людей его масштаба не лстыть народу, а говорить правду, поднимать острые, кричащие проблемы. Потому что кто другой, если не он, мог бы это сделать? Не может быть двух резко отличающихся друг от друга понятий независимости и свободы, как не может быть двух противоположных, но одинаково верных ответов на один и тот же вопрос. Правда всегда одна, только пути к ней ведут разные. 25 июня продемонстрировало, что лучшая, совестливая часть народа была с Быковым, а не с Лукашенко. Значит, есть надежда на то, что блуждания в лабиринтах лжи и самообмана не вечно и белорусы обязательно выберутся на свою дорогу к правде.

(См.: Аристотель, *Политика*. М.: Мысль, 1997; Платон, “Государство” // *Филеб, Государство, Тимей, Критий*. М.: Мысль, 1999; *История китайской философии*. М.: Прогресс, 1989; Роттердамский Э., *Похвальное слово глупости*. М.: Мысль, 2001).

Таким образом, президент в политической системе Беларуси является главным действующим лицом в сферах законодательной и исполнительной власти; он также косвенно влияет на осуществление важнейших судебных функций. Политическая власть выступает в высшей степени централизованном и сконцентрированном в одних руках виде, что делает белорусскую политическую систему крайне неразвитой по сравнению даже с другими менее персоналистскими авторитарными режимами. Такая чрезмерная концентрация

полномочий в “президентском стволе” ведет к атрофии других государственных институтов: в первую очередь парламента и судебной системы. Причины подобной ситуации связаны и с особенностями личности главы белорусского государства (см. вставку 18.2).

3. Особенности белорусского парламентаризма

Как это ни парадоксально, но именно Верховный Совет двенадцатого и тринадцатого созывов, несмотря на всю критику в его адрес, был институтом зарождающегося в Беларуси парламентаризма. Созданные после референдума 1996 г. “органы представительной и законодательной власти” в виде двух палат Национального собрания серьезно уступают своим предшественникам и, по мнению многих независимых аналитиков, являются “карманными” структурами президента, не располагающими целым рядом полномочий, необходимых для того, чтобы претендовать на статус полноправного парламента.

В соответствии с Конституцией 1996 г. белорусский парламента состоит из двух палат – **Палаты представителей** и **Совета Республики**. На первый взгляд, кажется нонсенсом наличие **бикамеральной структуры** представительного собрания в небольшой стране с гомогенным в национальном плане составом населения и унитарным устройством государства. Ниже мы увидим, что верхняя палата в Беларуси служит дополнительным институциональным механизмом в руках президента для обеспечения его полного контроля над законодательным процессом и кадровой политикой.

Палата представителей состоит из 110 депутатов, которые избираются по мажоритарной системе абсолютного большинства (*Majority System*). Как указывается в Конституции 1996 г., “Совет Республики является палатой территориального представительства. От каждой области и города Минска тайным голосованием избираются на заседаниях депутатов местных Советов депутатов базового уровня каждой области и города Минска по восемь членов Совета Республики. Восемь членов Совета Республики назначаются президентом Республики Беларусь” [28]. Таким образом, общая численность верхней палаты парламента составляет 64 члена. Срок полномочий парламента – четыре года.

Бросается в глаза нарушение принципа прямых выборов при формировании верхней палаты парламента. Однако этот недостаток является прощительным, потому что во многих демократических странах с бикамеральной структурой легислатуры верхние палаты не избираются населением непосредственно. Гораздо более важную роль в обеспечении контроля президента над Советом Республики имеет то обстоятельство, что депутаты местных советов находятся

под тотальным контролем “президентской вертикали”. Конституция указывает, что депутат верхней палаты не может быть одновременно членом нижней палаты, членом правительства, судьей или президентом, но ничего не говорится о работе в исполкомах местных Советов [29]. Отсутствие подобного ограничения привело к тому, что белорусские “сенаторы” сплошь и рядом являются представителями областной и минской “вертикали”, назначаемой на свои посты главой государства.

Функции парламента. Важнейшей функцией любого парламента является *легислативная*, связанная с разработкой и принятием законов. В зависимости от того, как парламента справляются с данной деятельностью, их относят к сильным либо слабым, эффективным или неэффективным. Несмотря на то, что белорусские депутаты также занимаются законотворчеством, в этой сфере они сталкиваются с большим количеством барьеров, преодолеть которые рискуют лишь единицы народных избранников.

Как отмечает Фадеев, “ряд ограничений для парламента предусмотрен *процедурой принятия законов*. Дело в том, что согласно ч. 2–4 ст. 99 Конституции 1996 г., “законопроекты, следствием принятия которых может быть сокращение государственных средств, создание или увеличение расходов, могут вноситься в Палату представителей лишь с согласия президента либо по его поручению правительством.

Президент либо по его поручению правительство имеют право вносить предложения в Палату представителей и Совет Республики об объявлении рассмотрения проекта закона срочным. Палата представителей и Совет Республики в этом случае должны рассмотреть данный законопроект в течение десяти дней со дня внесения его на рассмотрение.

По требованию президента либо с его согласия правительства Палата представителей, Совет Республики на своих заседаниях принимают решения, голосуя в целом за весь внесенный президентом или правительством проект или его часть, сохранив лишь те поправки, которые предложены или приняты президентом или правительством” [30].

Формально любой депутат парламента обладает правом законодательной инициативы. Однако он обязан согласовать законопроект с соответствующими органами исполнительной власти и, кроме того, практически к любому проекту можно применить часть вторую ст. 99 Конституции 1996 г. Поэтому в настоящее время практически отсутствуют законы Беларуси, подготовленные депутатами” [31].

Точнее будет сказать, что такие законы носят единичный характер. Не только процедурные барьеры, отмеченные выше, препятствуют законодательной деятельности белорусских парламентариев. Даже если предположить, что отдельный депутат или группа народных избранников сможет их преодолеть, у них на пути встанут другие препятствия. Одобренный большинством голосов в нижней палате законопроект попадает в верхнюю палату. В случае несогласия

с ним членов Совета Республики Палате представителей для принятия решения по этому вопросу уже необходимо не простое большинство, а квалифицированное (в 2/3 от общего количества членов). Наконец, законопроект может стать действующей правовой нормой только после его подписания президентом. Для преодоления президентского вето требуется 2/3 голосов депутатов обеих палат. Все здесь перечисленные меры носят чисто теоретический характер в современной Беларуси, хотя они широко применяются на практике в целом ряде демократических стран, в которых законодательная функция парламента не превратилась в *пустую формальность* одобрения спущенных сверху законопроектов, как это происходит в нашей стране при Лукашенко.

Не менее важную роль в деятельности парламента играет и функция **рекрутирования**, связанная с избранием, утверждением либо снятием депутатами должностных лиц в структурах исполнительной и судебной власти. Верховный Совет двенадцатого и тринадцатого созывов был главной рекрутирующей структурой в Беларуси, но положение дел стало иным после конституционного переворота 1996 г.

Как отмечают независимые эксперты, Палата представителей принимает лишь небольшую часть кадровых решений: она формально *дает согласие президенту на назначение премьер-министра* (снимать с должности главу правительства и отдельных министров глава государства может самостоятельно, без одобрения своих действий нижней палатой); *принимает отставку президента* (в Беларуси еще не было таких прецедентов); *инициирует процедуру импичмента против президента* (поскольку разбирательство этого дела – прерогатива верхней палаты, зависимой от главы государства, а для положительного решения, которые депутаты должны принять в течение месяца, требуется 2/3 голосов членов обеих палат, импичмент в Беларуси стал практически невозможным); *выражает вотум доверия или недоверия правительству*. После 1996 г. в стране еще не было таких примеров, и дело заключается не только в том, что депутаты Палаты представителей не идут на выражение вотума недоверия Совету Министров, потому что предвидят ответные шаги президента: роспуск парламента и назначение досрочных выборов (мотив поведения депутатского корпуса целого ряда демократических стран).

В нашей стране действуют несколько иные резоны. Многие народные избранники совмещают свою работу в правительстве с заседаниями в нижней палате. Статья 92 Конституции 1996 г. им это разрешает делать. Кроме того, от слишком самостоятельных депутатов избавляются на выборах, так как они не попадают в “президентский список”, который, благодаря усилиям Центризбиркома, в обязатель-

ном порядке проходит в парламент. В Беларуси происходит постоянная чистка депутатского корпуса. В нем сохраняют свои места только лояльные исполнительной власти люди.

Совет Республики обладает гораздо более широкими полномочиями в сфере кадровой политики, нежели Палата представителей. Это объясняется большей зависимостью верхней палаты от президента. Так, “Совет Республики дает согласие на назначение президентом председателя Конституционного суда, председателя и судей Высшего Хозяйственного суда, председателя Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов, Генерального прокурора, председателя и членов правления Национального банка; избирает шесть судей Конституционного суда; избирает шесть членов Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов” [32]. Вместе с тем, как замечает белорусский политолог Чернов, “Конституция не позволяет верхней палате влиять на решения президента об их освобождении от занимаемой должности. Кроме того, на практике президент представляет Совету Республики не кандидатов на должности, а уже назначенных своим указом руководителей. Фактически роль Совета Республики в этих случаях сводится к безусловному подтверждению уже состоявшихся кадровых назначений. Начиная с 1996 г. Совет Республики ни разу не отклонил предложенное президентом назначение, даже тогда, когда для этого были определенные основания” [33]. Лукашенко самому приходится исправлять свои кадровые ошибки, не допуская к этой деятельности парламент.

Традиционно существенную роль в деятельности любого парламента играет реализация им *контрольной функции* за деятельностью правительства и главы государства. Ситуация в Беларуси далека от нормы. Еще в 1995 г. президент ликвидировал Контрольную палату Верховного Совета. Созданный ей взамен Комитет государственного контроля подотчетен только главе государства. Правда, у белорусских депутатов еще сохраняется такая форма контроля, как утверждение государственного бюджета и отчетов по его исполнению, а также – программ правительства, но они носят очень формальный характер.

Поскольку разработка политического курса Республики Беларусь зависит не от Национального Собрания, оно не является и объектом давления со стороны влиятельных лоббистов, как национальных, так и зарубежных. Это означает, что наш парламент лишь минимально причастен к осуществлению такой очень важной функции политической системы, какой является *артикуляция интересов*.

В любом настоящем парламенте мира депутаты проводят дебаты по политическому курсу, которые привлекают к себе пристальное

внимание средств массовой информации, что влияет на **политическую социализацию** граждан. Парламентские дебаты в чистом виде в Республике Беларусь не проводятся. Их замещает *обсуждение депутатами программы работы правительства*, а также *рассмотрение ими ежегодных посланий президента к Национальному Собранию*. Во время подобных мероприятий народные избранники имеют право задавать вопросы главе правительства, отдельным министрам и главе государства. Однако такие встречи обходятся без дискуссий, а выступления президента в парламенте часто сопровождаются неумным славословием в его адрес со стороны депутатов, а не критикой. Поэтому белорусский парламент не является популярным у независимых журналистов. Лестные же отчеты о работе Национального Собрания в государственных СМИ уже давно надоели публике. Другими словами, наши депутаты не справляются не только с политической социализацией, но и с **политической коммуникацией**. Белорусский парламент не пользуется доверием у большого числа граждан страны (см. тему 19).

Внутренняя организация парламента. От многих современных парламентов мира Национальное Собрание Республики Беларусь отличается и своей внутренней организацией, которая бывает *партийной* и *формальной*. Хорошо известно, что и в нижней, и в верхней палате нашего парламента **отсутствуют партийные фракции**. Защитники режима Лукашенко объясняют это слабостью политических партий, особенно оппозиционных, которым население якобы не доверяет выполнять представительские функции в Национальном Собрании. Однако слабость партий – это следствие дискриминационной политики по отношению к ним со стороны властей, которая всегда ужесточается во время избирательных кампаний. Причем очень часто эта политика бьет и по лояльным по отношению к Лукашенко политическим организациям, поскольку глава государства предпочитает иметь дело с беспартийным парламентом (см. тему 21).

Вместо партийных фракций в белорусском парламенте действовали гораздо менее влиятельные **депутатские объединения** с весьма расплывчатыми полномочиями. В Совете Республики депутатские объединения никогда не создавались. В Палате представителей второго созыва было семь таких образований: от *Друзей Болгарии* до *Народного депутата*. Наиболее известными являлись ЗУБР (За союз Украины, Беларуси и России). Председателем его был А. Малофеев – бывший первый секретарь ЦК КПБ. Эта структура декларировала панславистские лозунги и выступала за создание союза трех славянских государств. Депутатское объединение *Содействие экономическому развитию* (СЭР) состояло из умеренных реформаторов пророссийской ориентации. Первоначально его возглавлял В. Хрол,

потом его сменил К. Хлопик. В гораздо большей степени преуспела в отстаивании самостоятельной позиции депутатская группа *Республика*.

ВСТАВКА 18.3

Состав Палаты представителей по итогам парламентских выборов 2008 г.

Новая Палата представителей была избрана с первой попытки 28 сентября 2008 г. Явка в целом по стране составила 75,3%, около трети избирателей проголосовали досрочно. В состав депутатского корпуса не прошел ни один представитель оппозиции. По мнению главы Центризбиркома, данное положение вещей является закономерным, так как представители оппозиции получили немного голосов по сравнению с победителями. Новый состав сохранил преемственность со старым парламентом, как того и требовал А. Лукашенко. На очередной срок был переизбран 31 человек из 110. Депутатов-женщин в новом парламенте будет ровно 30%, опять же в полном соответствии с заранее озвученными прогнозными показателями главы государства. Избиратели, как видим, не подводят президента даже в мелочах!

Больше всего в Палате представителей чиновников. Эта группа состоит из почти 30 народных избранников. Из топ-чиновников депутатские удостоверения получили заместитель главы Администрации президента А. Попков, а также председатель Витебского облисполкома В. Андрейченко. Соответственно, им придется покинуть свои насиженные места в связи с переходом в парламент, что можно назвать своеобразной "почетной ссылкой". То же самое следует сказать и о главах райисполкомов. Например, в Гомельской, Витебской и Гродненской областях они завоевали половину от общего количества мест в регионах. В Могилевской области в парламент прошло 5 представителей *вертикали власти*, в Минской – 2, а в Минске – 1 (заместитель главы администрации Фрунзенского района).

Следующая по численности группа в новом парламенте – это представители государственного директорского корпуса (10 человек). К ней, например, относится руководитель Белорусской железной дороги В. Жерко, а также представители разных отраслей народного хозяйства: от промышленности до жилищно-коммунального хозяйства. Будут представлены в парламенте и руководители среднего звена крупных государственных предприятий: главный инженер *Белшины*, заместитель начальника одного из рудоуправлений *Беларуськалия*, начальники отделов по идеологической работе *Могилевхимволокна*, заместитель директора по работе с персоналом завода *Интеграл*, заместитель директора *Нафтана*, начальник цеха Белорусского металлургического завода. Интересно отметить, что на этих парламентских выборах в Палату представителей не прошел ни один представитель частного бизнеса, хотя пытались многие: от индивидуальных предпринимателей до руководителей некоторых коммерческих банков. Надежды некоторых предпринимательских объединений на то, что депутаты нового состава Палаты представителей будут лучше отстаивать их интересы, оказались призрачными.

По 9 депутатов в нижней палате парламента имеют две следующие группы: директора школ, профтехучилищ и колледжей, а также главврачи больниц и поликлиник. “Если не считать не попавшую в парламент оппозицию, то дальнейшее распределение кандидатов можно назвать принципом “всем сестрам по серьгам”. Места получили представители судейского корпуса, профсоюзов, военных, Академии наук, СМИ и даже театра-студии киноактера.

Не обойдется парламент и без преданного президенту *Белорусского республиканского союза молодежи* (БРСМ). Депутатские удостоверения вновь получили 2 представителя официального молодежного движения, которые призваны помочь переизбранному на второй срок бывшему руководителю этой организации М. Орде. Попали в парламент и представители *Белой Руси*, но не в статусе представителей *партии власти*, а всего лишь одного из многих общественных объединений, которые не устают повторять о своей преданности политике президента.

Таким образом, и сам характер выборов, и состав парламента, лишенного хоть каких-либо серьезных властных полномочий, заставляет сделать вывод о том, что Лукашенко остался верен советскому принципу подбора и расстановки депутатских кадров. Главное, чтобы они послушно голосовали за спускаемые исполнительной властью проекты законов, не отклонялись от генеральной линии президента, не устраивали никому не нужные дебаты и дискуссии, чтобы “царила там тишь да гладь, да божья благодать”. С этим мнением хорошо согласуется тот факт, что значительная часть депутатов Палаты представителей – это люди пенсионного и предпенсионного возраста. Популярный сайт *Белорусский партизан* назвал даже белорусский парламент – “палатой пенсионеров” [34].

“В состав объединения *Республика* первоначально входило 10 депутатов. К окончанию работы Палаты представителей второго созыва в группе оказалось только 5 депутатов. Руководителем *Республики* вначале был генерал В. Фролов, затем в порядке ротации его сменил В. Парфенович, а его, в свою очередь, С. Скребец. Первоначально объединение рассматривалось экспертами как умеренная парламентская фронда, однако в 2003 г. *Республика* начала быстро трансформироваться в жесткую оппозицию. Депутаты *Республики* в 2003 и 2004 гг. провели ряд уличных акций протеста. В июне депутаты Фролов, Парфенович и Скребец провели голодовку, пытаясь добиться внесения изменений в Избирательный кодекс. В результате парламентских выборов в октябре 2004 г. никто из членов группы *Республика* (причем даже те, кто в разное время вышел из нее) не был переизбран... Депутатские группы в Палате представителей третьего (и четвертого – замеч. авт.) созывов так и не были сформированы” [35].

В Палате представителей действуют так называемые **постоянные комиссии**. Наиболее влиятельными являются: комиссия по законодательству и судебно-правовым вопросам; по национальной безопасности; по государственному строительству, местному самоуправлению и регламенту; по международным делам и связям с СНГ; по бюджету, финансам и налоговой политике и др. Председателем Палаты

представителей был избран В. Попов, сменивший в 2008 г. на этом посту попавшего в опалу В. Коноплева. Спикером нижней палаты нового созыва стал бывший председатель Витебского облисполкома В. Андрейченко.

В Совете Республики также работают комиссии: по законодательству и государственному строительству, по региональной политике и местному самоуправлению, по социальным вопросам, по экономике, бюджету и финансам, по международным делам и национальной безопасности. Председателем Совета Республики с 2003 г. являлся Г. Новицкий. После парламентских выборов 2008 г. его сменил Б. Батуру, долгое время руководивший могилевским облисполкомом.

В нашей стране существует и еще один квазипредставительный орган – Всебелорусское народное собрание, который вообще не упоминается в действующей Конституции (см. вставку 18.4). По мнению Юрия Шевцова, задача этого учреждения заключается в том, чтобы обеспечить “легитимность” удержания личной власти президентом.

ВСТАВКА 18.4

Всебелорусское народное собрание

По мнению белорусского политолога Шевцова, “основным институтом, обеспечивающим использование президентом своей популярности в политических целях, является **Всебелорусское народное собрание**. Оно включает в себя около 2500 делегатов, избираемых по всей стране. Механизм делегирования таков, что в состав собрания входят: директора всех крупнейших предприятий, они же, как правило, градообразующие для большинства городов Беларуси, руководители местных администраций, руководители национального и областного уровней всех основных ведомств, бизнесмены, доросшие до уровня областей и республики, наиболее известные персоны из сферы государственных СМИ и культуры, руководство православной и католической церквей. Фактически, проходя в Собрание по разным линиям, в него входит руководство Администрации президента и вплоть до уровня крупных районных центров, почти весь состав парламента обеих палат, Совет Министров. Выборы в Собрание проходят незадолго до президентских выборов, а само собрание собирается за месяц до президентских выборов. А. Лукашенко выступает перед ним со своей пятилетней предвыборной программой. Собрание утверждает эту программу. Создается очень мощное психологическое поле единства политического класса, которое разбегавшиеся делегаты транслируют в свои трудовые коллективы. Для Беларуси 2500 человек – это очень большая цифра. Собрание реально является съездом политических формальных и часто неформальных лидеров республики, особенно – регионов. Собрание также громадное по значению шоу для населения, особенно населения регионов.

Остальные институты власти президент выстраивает в зависимости от задач момента. Ни одна ветвь власти реально не может выступать опорой в борьбе с президентской властью потому, что реального разделения властей при наличии института Собрания нет.

Собрание может быть созвано президентом в любой момент и в случае превращения, например, Верховного суда или парламента в центр оппозиции власти, Лукашенко имеет легитимную возможность, обратившись к народу, посредством Собрания устранить любую бюрократическую фронду. В реальности до таких эксцессов почти не доходило. Лукашенко, как правило, справлялся с текущими проблемами чисто административными мерами. В рамках текущей политики “первое лицо” обеспечивает почти полное недопущение возможности заметной самостоятельной публичности для любого политика или организации. Система СМИ и общественной мобилизации находится под постоянным контролем первого лица и постоянно используется им в ходе постоянно текущих политических кампаний” [36].

Таким образом, Национальное Собрание Республики Беларусь не выполняет целый ряд важнейших функций, характерных для парламентов современных государств, что позволяет усомниться в том, что его нижняя и верхняя палаты представляют собой “орган законодательной власти”, о чем громогласно заявлено в Конституции 1996 г. Президент сознательно сдерживает развитие парламентаризма в нашей стране, потому что справедливо усматривает в данном процессе угрозу своей монополии на власть.

4. Роль судебных органов власти в политической системе Беларуси

Независимость судей? В соответствии со статьей 110 Конституции 1996 г. “судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону. Какое-либо вмешательство в деятельность судей по отправлению правосудия недопустимо и влечет ответственность по закону” [37].

К большому сожалению, реальная правовая практика в нашей стране сильно отличается от этой конституционной нормы. Суды в Республике Беларусь при Лукашенко утратили свою независимость, попав под полный контроль исполнительной власти. Как отмечает бывший судья Конституционного суда Пастухов, такое положение дел не должно вызывать удивления: “Финансовое, материально-техническое и иное обеспечение судов стало делом органов исполнительной власти. Вопросы подбора кадров, назначения судей на должность и освобождения от должности – тоже прерогатива органов управления. Доходит до того, что размер выплаты премий судьям определяется по согласованию с начальником управления юстиции облисполкома (Мингорисполкома)” [38].

Эту точку зрения разделяет и Фадеев, обращая внимание на несовершенство Закона *О судопроизводстве и статусе судей в Республике Беларусь*. В соответствии с ним “судьи могут быть лишены своих полномочий за умышленное нарушение законности или соверше-

ние порочащего поступка, несовместимого с их высоким званием, не иначе как *по решению президента*, а также в связи с вступившим в силу обвинительным приговором суда в отношении их. При этом если речь идет об освобождении судей всех высших судов, то с уведомлением Совета Республики. Указанная статья содержит перечень и других оснований для освобождения от исполнения обязанностей. Заметим, что снова же решение зависит от воли одного человека. Правда, решение об освобождении судьи от исполнения обязанностей принимается президентом Республики Беларусь практически во всех случаях с учетом заключения соответствующей квалификационной коллегии судей, но это заключение имеет формальное значение. В Кодексе же перечень оснований для прекращения полномочий судьи расширен в два раза” [39].

Роль Конституционного суда. Судебная власть в нашей стране осуществляется общими, хозяйственными судами и Конституционным судом Республики Беларусь. К общим судам относятся: Верховный суд, областные суды, Минский городской, районные (городские), а также военные суды. Систему хозяйственных судов составляют: Высший Хозяйственный суд, хозяйственные суды областей, хозяйственный суд г. Минска, а также специализированные хозяйственные суды (по банкротству, земельные, налоговые и иные).

В функционировании политической системы очень важную роль играет Конституционный суд Республики Беларусь, учрежденный в соответствии со специальным законом 30 марта 1994 г. В тексте Конституции 1996 г. положение о данном учреждении уже не фигурирует в качестве самостоятельного раздела, как было прежде, но отнесено к главе 6 Суд.

Однако изменилось не только местоположение раздела в тексте Конституции. Как указывают бывшие члены Конституционного суда Пастухов и Вашкевич, “новая редакция Основного Закона, а также принятая на ее основе новая версия Закона *О Конституционном суде* кардинальным образом изменили статус суда и его членов” [40].

“Если прежде весь состав суда избирался парламентом, то теперь, в соответствии с частью 3 статьи 116 Конституции Республики Беларусь, шесть судей назначаются президентом, а шесть избираются верхней палатой парламента – Советом Республики.

Интересно, что, несмотря на предписание Конституции избирать шесть судей, в действительности никаких выборов не проводилось, альтернативные кандидатуры парламенту не предлагались и на заседании, на котором утверждали судей, они не обсуждались. И еще, в Регламенте Совета Республики, который официально не публиковался, есть положение, согласно которому все кандидаты на должность судей Конституционного суда могут вноситься на рассмотрение верхней палаты только по предложению председателя Конституционного суда. Другими словами, возможность назначения нежелательных по той или иной причине для президента судей полностью исключена.

В новой редакции Конституции и соответственно в новой редакции Закона *О Конституционном суде* изменились требования к претендентам на должность судьи. Предельный возраст членов суда был повышен до 70 лет. Теперь претенденты должны, “как правило”, иметь ученую степень в области юриспруденции. Известно, что в Конституции ничего не говорится про то, кто принимает решение: можно или нельзя выдвинуть на должность судьи лицо, которое не обладает такой степенью.

В новой редакции Конституции и Закона *О Конституционном суде* понижены гарантии независимости судей. Теперь полномочия судьи могут приостанавливаться, он может быть арестован или привлечен к ответственности “с согласия президента”. Кроме того, президент может в любой момент отстранить председателя суда и любого судью (в том числе и назначенного им самим на должность) в случаях, предусмотренных ст. 18 Закона *О Конституционном суде*. Понижены и материальные гарантии независимости судей. Теперь они в материальном обеспечении приравниваются к судьям общих судов...

Существенные изменения произошли в перечне субъектов, наделенных правом инициирования судебного разбирательства в Конституционном суде. Из их числа были исключены те субъекты, которые ранее проявляли наибольшую активность в подаче исковых заявлений. Согласно новым условиям, Конституционный суд не может начинать дело по собственной инициативе. Теперь правом обращаться в суд обладают президент, обе палаты парламента, Верховный и Высший Хозяйственный суды (назначенные президентом) и Совет Министров Республики Беларусь (премьер-министр назначается на должность президентом с дальнейшим утверждением нижней палаты парламента, остальные члены правительства назначаются президентом).

Из новой редакции Конституции исчезло право Конституционного суда давать заключение о нарушении Конституции президентом (!). Вместо этого появилась норма о необходимости по предложению президента давать заключение о наличии фактов систематического или грубого нарушения Конституции палатами парламента. Из Основного Закона исчезло положение о том, что постановления Конституционного суда являются окончательными и не могут быть опротестованы, а также норма о том, что прямое или опосредованное воздействие на Конституционный суд и его членов в связи с деятельностью по осуществлению конституционного контроля недопустимо и влечет за собой ответственность по закону.

Таким образом, изменения, внесенные в законодательство, касающиеся института конституционного контроля после проведения референдума 1996 г., не носят прогрессивного характера, сужая гарантии независимости судей и ставя Конституционный суд и его членов в жесткую зависимость от воли одного человека” [41].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что Беларусь при Лукашенко отказалась от очень важного принципа, не только декларированного в прежней Конституции, но и эффективно работавшего. Речь идет о так называемом *судебном пересмотре* (*judicial review*), т.е. праве определенных институтов судебной системы провозглашать не соответствующими Основному Закону те или иные нормативные акты парламента или президента. Данный принцип содействовал стабилизации политической системы и ее демократи-

зации, так как был барьером от сосредоточения всей полноты власти в руках любого политического института; он был призван сформировать уважительное отношение к Конституции у главных акторов политического процесса и общества в целом.

Современный Конституционный суд из влиятельного учреждения политической системы превратился в незаметную и малоинициативную организацию, не имеющую самостоятельной позиции. Конечно, и в период после 1996 г. данная структура рассматривала дела и выносила решения, но ни один декрет или указ президента уже не был объявлен не соответствующим Основному Закону, несмотря на то, что таких нормативных актов было более чем достаточно. В некоторых случаях сам Конституционный суд оказался замешан в нарушениях Основного Закона. Это касается участия его членов, как признавал А. Лукашенко, в предварительной экспертизе законопроектов, а также в их разработке. Данное учреждение не стоит и на страже прав человека, которые, в обход Конституции, постоянно нарушаются исполнительной властью.

Таким образом, можно только присоединиться к выводам Пастухова и Вашкевича, которые отметили, что “в результате политической и правовой трансформации статус Конституционного суда в системе органов государственной власти резко понизился. Он, скорее, исполняет роль декорации, чем реального органа конституционного контроля” [42]. Такой же вывод можно сделать и о судебной системе в целом, утратившей свою самостоятельность и фактически превратившейся в карательный инструмент в руках президента в его борьбе с оппозицией и всеми теми, кто выступает против увековечения режима личной власти в Беларуси.

5. Местное управление в Беларуси

Отсутствие самоуправления. Согласно ст. 117 Конституции 1996 г., “местное управление и самоуправление осуществляется гражданами через местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы, собрания и другие формы прямого участия в государственных и общественных делах” [43]. Однако уже ст. 119 Основного Закона заставляет усомниться в том, что в Республике Беларусь существует подлинное местное самоуправление. Она гласит: “Руководители местных исполнительных и распорядительных органов назначаются на должность и освобождаются от должности президентом Республики Беларусь или в установленном им порядке и утверждаются в должности соответствующими местными Советами депутатов” [44].

Данная норма закрепила существование назначаемой президентом и подотчетной главе государства *исполнительной вертикали*,

пронизывающей собой всю систему публичной администрации в центре и на местах и просто не оставляющей места для самоуправления локальных сообществ. Поэтому, на наш взгляд, правильнее использовать термин “местное управление” применительно к современной Беларуси, вместо понятия “местное самоуправление”, которое превратилось в чистую декорацию в нашей стране при Лукашенко.

По мнению белорусского юриста Александра Карамышева, “в зарубежной научной литературе и законодательстве понятие *местное управление (local government)* используется как синоним *самоуправления (self-government)*. Оно практически не применяется для обозначения формируемой в централизованном порядке местной государственной администрации. В этом случае администрация решает не задачи местного значения, являющиеся прерогативой выборных органов и их исполнительного аппарата, а задачи государственного управления, т.е. функции, зарезервированные за государством. В странах с развитой (многоуровневой) системой самоуправления государственная администрация на местах, как правило, не создается. Там же, где такие структуры формируются, они занимаются, в основном, надзором и контролем за местными органами управления, могут выполнять и какие-либо иные задачи (полиция, природоохранный контроль и др.)...

Местные исполнительные органы за рубежом не выделяются в обособленную систему, тем более входящую в механизм *государственной исполнительной вертикали*. Они формируются представительными органами (есть модели, где мэр, бургомистр, президент города избираются населением) и действуют в пределах ведения единиц самоуправления, реализуют полномочия, определенные в законе о местном самоуправлении или предоставленные Советом, если речь идет о собственных задачах самоуправления. Некоторые задачи государственного управления им могут поручаться напрямую.

В белорусском законодательстве выражен иной подход. Местные исполнительные органы, как и Советы депутатов, являются *государственными органами*, но обеспечивают вместе с ними решение вопросов “местного значения”. При этом они организационно и функционально обособлены от представительных органов, не несут ответственности перед ними, ни перед населением. Такое положение становится более понятным, если иметь в виду, что категория “вопросы местного значения” в экономическом, политическом и организационно-функциональном плане лишена в Беларуси реального содержания. Скорее, речь идет о пространственном, географическом аспекте. Предметом “неусыпной заботы” государства в лице его центральных органов являются практически все вопросы внутреннего управления вплоть до низового уровня.

Например, в ноябре 1998 г. президиум Совета Министров Республики Беларусь принял решение *О совершенствовании работы органов управления, предприятий, учреждений и организаций г. Витебска в интересах населения*. Выполняя указания правительства, городские власти с учетом пожеланий населения изменили график работы организаций, обслуживающих население (торговля, бытовое обслуживание, связь, медицина, дошкольные учреждения, загсы и др.). Данная ситуация весьма симптоматична и во многом отражает реальное положение дел в механизме управления в Беларуси” [45].

В наибольшей степени к идеям местного самоуправления, закрепленным в *Европейской хартии территориального и местного самоуправления*, приближался союзный модельный закон 1990 г. Однако в Беларуси еще во времена существования СССР решили идти другим путем. В феврале 1991 г. был принят закон *О местном самоуправлении и местном хозяйстве*, который сохранял централизацию государственного управления и расширял полномочия исполнительных органов власти на местах в ущерб представительным органам. Тем не менее, в то время исполнительные комитеты еще оставались в подчинении местным Советам, а должность председателя Совета и председателя исполкома находилась в одних руках.

Резкий поворот к авторитаризму в сфере местного управления произошел сразу же после избрания Лукашенко президентом Беларуси. В октябре 1994 – сентябре 1995 г. в закон *О местном самоуправлении* был внесен ряд поправок, которые обособили исполнительные комитеты от Советов и сделали их частью единой исполнительной власти. Затем такое положение вещей было закреплено в Конституции 1996 г.

Компетенция исполкомов и местных Советов. Местные органы управления подразделяются на три структурных уровня: *первичный*, включающий в себя сельские, поселковые и городские (городов районного подчинения) исполкомы и Советы; *базовый*, состоящий из городских (городов областного подчинения) и районных исполкомов и Советов; *областной*, включающий в себя областные и минский городской исполкомы и Советы. Кроме того, существуют и местные администрации в районах городов областного подчинения и районах Минска (там нет собственных представительных органов). Все **Советы депутатов** избираются гражданами сроком на четыре года. Однако реальная власть сосредоточена не в них, а в **исполнительных комитетах**, не подотчетных Советам.

Как подчеркивает белорусский политолог Петр Натчик, «формально исполкомы и местные администрации в городах подчиняются местным Советам. Но в действительности можно говорить про наличие очень косвенных и слабых возможностей местных представительных органов контролировать деятельность формально подчиненных им исполкомов. Исполкомы являются органами местного управления, непосредственно зависимыми от органов центральной исполнительной власти и управления (президента и Совета Министров). Они состоят из председателя, его заместителей, управляющего делами и членов исполкома. *Функционеры* на всех этих должностях – политические чиновники, которые *прямо или косвенно назначаются президентом*. Председатель облисполкома назначается на должность и освобождается от должности непосредственно президентом или в порядке, установленном президентом. После этого соответствующий Совет открытым голосованием должен утвердить председателя, назначенного президентом...

Руководители нижестоящих исполкомов назначаются руководителями вышестоящих при согласовании с соответствующим Советом. Председатель исполкома определяет его членов. Положения *О председателе областного и Минского городского исполнительного комитета* и *О председателе районного и городского исполнительного комитета* позволяют Совету отвергнуть кандидатуру, предложенную президентом или вышестоящим исполкомом, только один раз. В случае повторного несогласия Совета с предложенной кандидатурой президент или председатель вышестоящего исполкома имеют право назначить председателя без согласования этого вопроса с Советом. В силу этих причин Совет фактически лишен возможности влиять на назначение или на увольнение председателя исполкома. Реальной функцией Совета является утверждение, или легитимация, кандидатуры, предложенной исполнительной властью. При этом назначение председателя представляет собой почти единственную ситуацию, когда Совет как представительный орган местной власти формально влияет на деятельность исполкома как исполнительного органа... Статья 9 Закона *О местном управлении и самоуправлении* предусматривает непосредственное *подчинение и подотчетность председателей исполкомов всех уровней президенту*. Кроме того, руководители областных исполкомов подчиняются Совету Министров в вопросах, которые входят в компетенцию правительства, а руководители исполкомов первичного и базового уровней подчиняются в этих вопросах вышестоящим исполнительным органам. Закон предусматривает только ответственность и в некоторых вопросах подконтрольность исполкомов всех уровней соответствующим Советам в вопросах, которые находятся в исключительной компетенции данных Советов...

Но механизмы ответственности исполкомов носят неопределенный характер: только *президент обладает исключительным правом увольнять* со своих постов *председателей исполкомов*, а также обладает еще одной очень важной контрольной функцией: в соответствии со ст. 50 Закона он может в случае нарушения должностными лицами исполкомов и местных администраций законодательства и невыполнения постановлений вышестоящих государственных органов *увольнять рядовых чиновников исполкомов*. Президент может также *аннулировать постановления исполкомов*, когда они противоречат законодательству. Закон не предусматривает возможности обжаловать действия президента в судебном порядке.

Таким образом, несмотря на двойное подчинение, местные исполкомы фактически подчиняются центральной власти – в первую очередь президенту... В реальной действительности местные Советы не могут самостоятельно влиять на исполком даже в пределах своей компетенции. Назначение, увольнение с должности и другие санкции по отношению к председателям исполкомов находятся в компетенции президента или исполкомов более высокого уровня (как было сказано выше, Совет только утверждает его в должности, но не может уволить или применить другие меры).

Постановления в границах своей компетенции принимаются исполкомом и утверждаются вышестоящим исполкомом. И только один раз в год исполком отчитывается о своей деятельности перед Советом, но *санкций* с его стороны в случае не соответствия деятельности исполкома закону *не предусмотрено*. Дисциплинарные взыскания на председателей исполкомов налагает председатель вышестоящего исполкома.

Совет не может воздействовать на исполком даже в *организационных вопросах*. Такие вопросы, как определение структуры, штатов исполкома, а также

формирование бюджета исполкома, решаются самим исполкомом при согласовании с вышестоящим исполкомами и соответствующими органами государственного управления. Местные Советы не могут самостоятельно формировать *местные бюджеты*, которые являются частью общегосударственного консолидированного бюджета...

Несмотря на *отсутствие функциональной власти*, депутаты местных Советов обладают *статусным влиянием*. Большинство тех прав, которыми располагает депутат в соответствии с Законом *О статусе депутатов местных Советов*, реализуется не через политические институты, а через механизмы публичного влияния. Главный ресурс депутата – это даже не влияние на процесс принятия решений в рамках Совета, а возможность благодаря своему статусу привлекать внимание к разрешению важных для избирателей проблем и наказывать виновных в том случае, когда эти проблемы не решаются. Возможности функционального политического влияния через нормотворческую и нормоприменительную деятельность ограничены недееспособным состоянием Совета как органа представительной власти. Так, ст. 15 Закона закрепляет за депутатами право вносить предложения и замечания, проекты постановлений и поправки к ним на сессии местного Совета, выдвигать кандидатуры в состав органов, которые создает Совет, предлагать заслушать на сессии отчет органов, подотчетных Совету, а также выдвигать кандидатуры в состав этих органов и т.д. Но большинство из этих функциональных прав лишено смысла в условиях отсутствия полноценного контроля Советов за деятельностью исполнительных органов” [46].

Модель взаимодействия между центром и регионами в Республике Беларусь почти не отличается от той, которая существовала в СССР доперестроечной эпохи. Натчик удачно назвал ее *провинциалистской*. В рамках данной модели “региональная власть приобрела значимость не благодаря социально-экономическому развитию своих регионов и не через борьбу за доверие местного населения, а с помощью санкции центра (назначение, личные или патрон-клиентельные связи). Значение и ценность региона определялись близостью его руководства к Минску и шансами, которые получала местная элита либо для повышения по службе и перевода в Минск, либо для нахождения в регионе, то есть в политической ссылке” [47].

Данная модель отношений, а также система местного управления в целом хорошо сочетаются с персоналистской природой авторитарного политического режима в Беларуси. Но в долгосрочной перспективе они не являются стабильными, так как побуждают центральную власть периодически менять руководство в регионах (“перетрахать кадры”, как назвал данный процесс Лукашенко), чтобы не допустить превращение его в относительно независимые от президента местные клановые группировки.

Таким образом, институциональная структура политической системы Республики Беларусь является крайне неразвитой. По форме правления наша страна является суперпрезидентской республикой, в которой основные полномочия законодательной и исполнительной

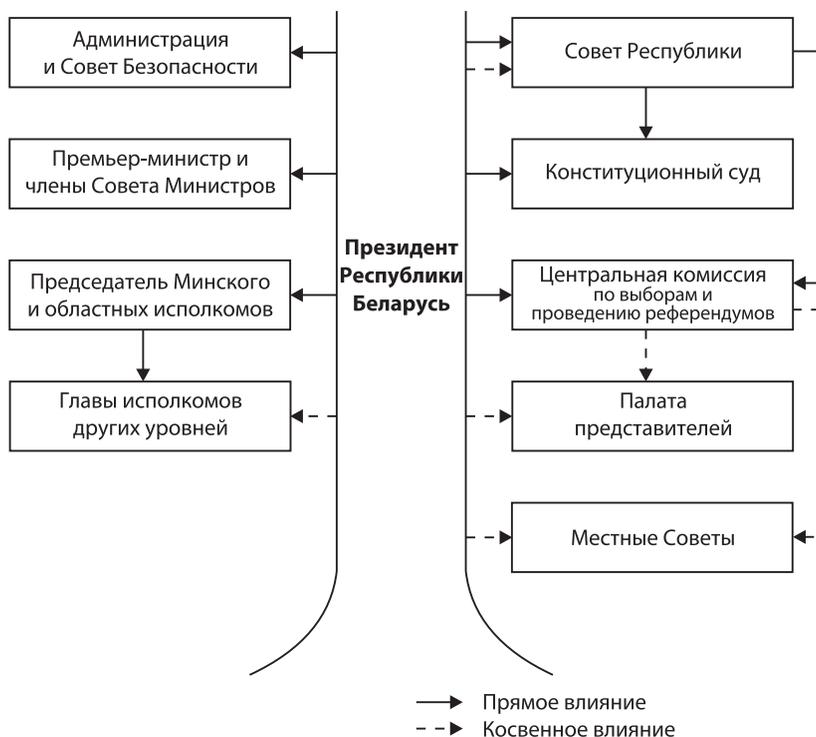

Рис. 18.1. Режимы слияния властей в Беларуси.

власти находятся в руках главы государства, а судебная власть попала под жесткий контроль исполнительных органов. Это, в свою очередь, привело к ослаблению значения парламентаризма и чрезмерной централизации системы местного управления. Как показано на рис. 18.1, президентский “ствол” занимает доминирующие позиции в системе власти и управления в Республике Беларусь, что позволяет говорить о том, что данная система, может быть отнесена к **режимам слияния властей**, если воспользоваться термином Дюверже. Президент обеспечил свое *прямое влияние* на формирование важнейших органов исполнительной власти и *косвенное влияние* на определение состава Совета Республики. Вместе с последней структурой он определяет состав Конституционного суда и Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов. Президент вместе с ЦИК, как свидетельствует практика последних лет, фактически определяет состав депутатского корпуса в Палате представителей и членов местных Советов областного уровня. Из рисунка также видно, что в Республике Беларусь отсутствует подотчетность президента и исполнительной вертикали представительным органам в центре и на местах.

Примечания

1. Мірановіч Я., *Найноўшая гісторыя Беларусі*. СПб.: Неўскі прасцяг, 2003. С. 212.
2. Словосочетание *Вандея перестройки* было впервые использовано известным белорусским писателем А. Адамовичем после жестокого разгона милицией митинга на *Дзяды* 30 октября 1988 г. в память о жертвах сталинских репрессий.
3. See: Mihalisko K., “Belarus: Retreat to Authoritarianism” // Dawisha K. and Parrott B. eds. *Democratic Change and Authoritarian Reaction in Russia, Ukraine, Belarus and Moldova*. Cambridge: University Press, 1998. P. 241–242.
4. Гл.: Шыбека З., *Нарыс гісторыі Беларусі 1795–2002*. Мінск: Энцыклапедыкс, 2003. С. 401–405.
5. Чернов В., “Структуры высшей исполнительной и законодательной власти” // *Беларусь. Сценарии реформ*. Варшава: Фонд им. Стефана Батория, 2004. С. 30.
6. “О необходимости института президентской власти в Республике Беларусь”. Заявление Совета ОДПБ. 15 января 1992 г. // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму (1994–2006)*. Новосибирск: Водолей, 2006. С. 482.
7. Коктыш К., *Трансформация политического режима в Республике Беларусь*. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 49–50. В действительности судьи Конституционного суда избирались на 11 лет и могли переизбираться на эту должность сколько угодно раз. Однако существовал возрастной потолок, который составлял 60 лет. См.: Вашкевич А., Пастухов М., “Канстытуцыйны суд і канстытуцыйны крызіс 1996 г.” // *Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. С. 148–151.
8. Lukashuk A., “Constitutionalism in Belarus: A False Start” // *Democratic Consolidation in Eastern Europe* / ed. by J. Zielonka, vol. 1. Oxford: University Press, 2000. P. 305–306.
9. Mihalisko K., Op. cit. P. 252; Статья 92 Конституции Республики Беларусь. Минск: Полямя, 1994. С. 17.
10. Фадеев В., “Трансформация правовой системы” // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму (1994–2006)*. Новосибирск: Водолей, 2006. С. 373.
11. Федута А., *Лукашенко. Политическая биография*. М.: Референдум, 2005. С. 378, 380.
12. “Лукашенко считает, что у Гитлера есть чему поучиться” // *Свабода*. 1995. 28 ноября.
13. Фест И., *Гитлер. Биография*. Т. 2. Пермь: Культурный центр “Алетейа”, 1993. С. 304–309.
14. Там же. С. 321–322.
15. Екадумаў А., “Роля парламенту” // *Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. С. 11.
16. Коктыш К., Указ. соч. С. 102.

17. Екадумаў А., Тамсама. С. 10–11.
18. Коктыш К., Указ. соч. С. 120–121.
19. Статья 6 Конституции Республики Беларусь 1996 года. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2007. С. 4.
20. См.: Балыкин С., “Демократия с президентским акцентом”. <http://nmnbe.eu/pub/0803/28j.html>.
21. Статья 101 Конституции Республики Беларусь 1996 года. С. 29–30.
22. Там же.
23. *Правовое государство. Судебно-правовая реформа. Нотариат* // Материалы международных семинаров. Минск, 2000. С. 5.
24. Фадеев В., Указ. соч. С. 380–385.
25. Статья 84 Конституции Республики Беларусь 1996 года. С. 19, 21.
26. Карбалевич В., “Путь Лукашенко к власти” // *Белоруссия и Россия: общества и государства*. М.: Права человека, 1998. С. 226.
27. По мнению белорусского философа Валентина Акудовича, А. Лукашенко уже хотя бы потому, что он более десяти лет удерживает в своих руках абсолютную власть, – политик незаурядный. Свой реальный масштаб он проявил, когда негласно объявил поход на Кремль. Однако когда он понял, что игра на российском поле окончена (после прихода В. Путина к власти), то тут же поспешил из великого интегратора превратиться в “националиста”... По своей интуиции, властным инстинктам и красноречию А. Лукашенко уступит мало кому из президентов. Он демагог от Бога и многие люди ему свято верят, о чем бы он ни говорил. Он лучше всего проявил инстинкт территории, когда стал позиционировать себя как преемника ценностей великой империи и советского образа жизни. Для Беларуси 90-х гг. не было иной формы власти, кроме диктатуры или, как минимум, жесткого авторитарного режима... Вместе с тем автор признает, что “Беларусь сама по себе (без персональной власти над Беларусью) Лукашенко, кажется, совершенно безразлична. Если бы ему хватило той самой воли к власти, то он давно уже сидел бы в Кремле и о своей оставленной без присмотра малой родине публично даже не упоминал бы – чтобы не портить сияние своего имиджа”. Лукашенко – это наша великая пауза. Его абсолютная власть предоставила белорусам время, чтобы придумать нацию, отличную и от коммунистических, и от национал-демократических проектов. Правда, паузой они воспользовались не слишком продуктивно“. См.: Акудович В., *Код отсутствия*. Vilnius: Versus aureus, 2008. С. 199–211.
28. Статья 91 Конституции Республики Беларусь 1996 года. С. 23.
29. Статья 92 Конституции Республики Беларусь 1996 года. С. 24.
30. Статья 99 Конституции Республики Беларусь 1996 года. С. 27–28.
31. Фадеев В., Указ. соч. С. 382.
32. Статья 98 Конституции Республики Беларусь 1996 года. С. 27.
33. Чернов В., Указ. соч. С. 37.
34. См.: Ермак Д., “В новом составе парламента тон будет задавать вертикаль власти”// *Белорусские новости*. <http://naviny.by/rubrics/politic/2008/09/29/>

“Палата пенсiонеров” // *Белорусский партизан*. <http://www.belaruspartisan.org>.

35. *Белорусский ежегодник-2004. Сборник обзорных и аналитических материалов по развитию ситуации в Республике Беларусь в 2004*. Вильнюс: Институт Беларуси, 2005. С. 44.
36. Шевцов Ю., “Авторитарная модернизация в Восточной Европе: Политическая система Беларуси”. 21.07.08. <http://www.regnum.ru/news/1030455.html>.
37. Статья 110 Конституции Республики Беларусь 1996 года. С. 34.
38. *Правовое государство. Судебно-правовая реформа. Нотариат*. С. 5.
39. Фадеев В., Указ. соч. С. 384.
40. Вашкевич А., Пастухов М., “Канстытуцыйны суд і канстытуцыйны крызіс 1996 г.” С. 159–160.
41. Тамсама. С. 160–161.
42. Тамсама. С. 162.
43. Статья 117 Конституции Республики Беларусь 1996 года. С. 35–36.
44. Статья 119 Конституции Республики Беларусь 1996 года. С. 36.
45. Карамышев А., *Комментарий к Закону Республики Беларусь О местном управлении и самоуправлении*. Минск: Тесей, 2004. С. 10–11.
46. Натчык П., “Структура мясцовай улады ў Рэспубліцы Беларусь” // *Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. С. 41–43.
47. Тамсама. С. 52.

Литература

- Акудович В., *Код отсутствия*. Vilnius: Versus aures, 2008.
- Белорусский ежегодник-2004. Сборник обзорных и аналитических материалов по развитию ситуации в Республике Беларусь в 2004*. Вильнюс: Институт Беларуси, 2005.
- Белорусский ежегодник-2008. Сборник обзорных и аналитических материалов по развитию ситуации в Республике Беларусь в 2008*. Минск: БИСИ, БФПП, 2009.
- Вашкевич А., Пастухов М., “Канстытуцыйны суд і канстытуцыйны крызіс 1996 г.” // *Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006.
- Екадумаў А., “Роля парламенту” // *Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006.
- Конституция Республики Беларусь. Минск: Польша, 1994.
- Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь. 1996*. Мінск: Польша, 2002.
- Карамышев А., *Комментарий к Закону Республики Беларусь О местном управлении и самоуправлении*. Минск: Тесей, 2004.
- Карбалевич В., “Путь Лукашенко к власти” // *Белоруссия и Россия: общества и государства*. М.: Права человека, 1998.
- Мірановіч Я., *Найноўшая гісторыя Беларусі*. СПб.: Неўскі прасцяг, 2003.

- Натчык П., “Структура мясцовай улады ў Рэспубліцы Беларусь” // *Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006.
- Фадеев В., “Трансформация правовой системы” // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму (1994–2006)*. Новосибирск: Водолей, 2006.
- Федута А., Лукашенко. *Политическая биография*. М.: Референдум, 2005.
- Чернов В., “Структуры высшей исполнительной и законодательной власти” // *Беларусь. Сценарии реформ*. Варшава: Фонд им. Стефана Батория, 2004.
- Шевцов Ю., “Авторитарная модернизация в Восточной Европе: Политическая система Беларуси”. 21.07.08. <http://www.regnum.ru/news/1030455.html>.
- Lukashuk A., “Constitutionalism in Belarus: A False Start” // *Democratic Consolidation in Eastern Europe* / ed. by J. Zielonka, vol. 1. Oxford: University Press, 2000. P. 305–306.
- Mihalisko K., “Belarus: Retreat to Authoritarianism” // Dawisha K. and Parrott B. eds. *Democratic Change and Authoritarian Reaction in Russia, Ukraine, Belarus and Moldova*. Cambridge: University Press, 1998.
- Zaprudnik J., *Belarus at a Crossroads in History*. N.Y.: Westview Press, 1993.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

1. Каким образом менялась форма правления независимого белорусского государства?
2. Назовите важнейшие особенности Конституции Республики Беларусь 1994 г.
3. Что представляют собой полномочия главы белорусского государства (в соответствии с Конституцией 1996 г. и в реальности)?
4. Кому в Республике Беларусь принадлежит исполнительная власть?
5. Сравните полномочия депутатов Палаты представителей Республики Беларусь с полномочиями депутатов парламента любой демократической страны мира.
6. Какую роль выполняет Совет Республики в политической системе Республики Беларусь?
7. Можно ли судебную власть в Беларуси считать независимой от исполнительной власти?
8. Какими полномочиями располагал Конституционный суд до 1996 г. и какими возможностями располагает этот орган в настоящее время?
9. Существует ли в Республике Беларусь местное самоуправление?
10. Сравните компетенцию местных Советов и исполкомов в Республике Беларусь.

ТЕМА 19. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛИЗАЦИЯ В БЕЛАРУСИ

1. Проблемы формирования национальной идентичности.
2. Степень легитимности политической власти.
3. Отношение граждан к политическому участию.
4. Уровень доверия основным политическим институтам.
5. Характер политических ценностей.
6. Особенности политической социализации.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ:

- национальная версия идентичности (*Nativist Pro-European*);
- советская идентичность (*Soviet Identity*);
- славянский национализм;
- креольский проект (*Creole Project*);
- проект *Московские либералы (Muscovite Liberal)*.
- персональная харизма президента;
- популизм;
- верность советским традициям;
- идеологическая легитимация режима;
- квазигражданская (*quasi-civic*) ориентация;
- ориентация *почтительных (deferentials)*;
- ориентация *недовольных (disaffected)*;
- *маргинальная (marginals)* ориентация;
- индекс доверия политических и общественных институтов;
- либерально-демократический (*liberal democracy*) дискурс;
- президентско-популистский (*president populism*) дискурс;
- нерасположенно-авторитарный (*reluctant authoritarianism*) дискурс;
- гражданское образование;
- государственная идеология;
- идеологическая индоктринация.

В данном разделе политическая культура в Республике Беларусь рассматривается сквозь призму тех параметров, которые были выделены Алмондом и Пауэллом в качестве индикаторов отношения граждан к политической системе, политическому процессу и политическому курсу [1]. Они также были детально проанализированы во второй части пособия, рассматривающей политические системы отдельных государств (см.: Ровдо В., *Сравнительная политология: учеб. пособие. В 3 ч. Ч. 2.* Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО “Вариант”, 2008).

1. Проблемы формирования национальной идентичности

Важнейшим индикатором политической культуры на уровне политической системы общества является уровень развития **национальной идентичности**. В современной политической науке отсутствует единство позиций исследователей по вопросу формирования белорусской национальной идентичности.

С одной стороны, политолог Дэвид Мэрплз (Канада) называет Беларусь “денационализированной нацией” [2]. Исследователь Григорий Иоффе (США) считает, что Беларусь является государством, но еще не нацией [3]. Известный американский политолог Хантингтон полагает, что проблема национальной идентичности играет несущественную роль в Беларуси, а в середине 90-х гг. XX в. наша страна “только своим названием отличалась от России” [4].

С другой стороны, известный белорусский историк, живущий в США, Янка Запрудник обращает внимание на продолжение процесса формирования национальной идентичности в Беларуси после обретения страной независимости, несмотря на наличие серьезных трудностей в этом деле [5]. Такую же позицию занимает и французский политолог Александра Гужон, которая указывает, что “политика ЕС по отношению к Беларуси должна освободиться от геостратегического подхода, включающего эту страну в сферу влияния России” [6]. По мнению исследователя Центра гражданского общества Лондонской школы экономики Натальи Лещенко, для современной Республики Беларусь характерным является “интенсивный процесс национального строительства”, который самым непосредственным образом отражается на политической ситуации. Здесь нация возникает в уже сложившемся государстве, т.е. осуществляется тот же самый процесс, который был характерен для “старых” европейских народов в эпоху модерна [7].

Вторая точка зрения нам представляется более аргументированной, нежели первая. Мы уже с 1991 г. живем в независимом государстве, само существование в котором не могло не наложить отпечаток на самоидентификацию граждан, какая бы антинациональная политика не проводилась властями в течение этого времени. То есть само движение Беларуси по пути укрепления суверенитета не может не актуализировать проблему национальной идентичности белорусов.

Очень важным моментом в национальном строительстве является сознательное отнесение человеком себя к определенному культурному сообществу, которое отличается от других сообществ. Известный британский специалист в области национальных исследований Эрнст Геллнер указывал, что “1) два человека принадлежат к одной и той же нации, если они разделяют общую культуру, если

культура, в свою очередь, означает систему идей, символов, ассоциаций, способов поведения и коммуникации; 2) два человека принадлежат к одной и той же нации тогда и только тогда, когда они признают друг друга в качестве принадлежащих к одной и той же нации” [8]. Как же обстоят дела с подобным образом понимаемой национальной идентичностью у белорусов? По мнению историка из Белостока (Польша) Олега Латышонка, не так плохо, как может показаться на первый взгляд.

“Есть ли в Беларуси белорусы? Конечно же есть. Вопрос про белорусскую идентичность возникает только тогда, когда мы пытаемся ответить на вопрос: что означает быть белорусом... Для одних “сознательный белорус” – это такой, который знает “подлинную” историю своего народа, считает Великое княжество Литовское своим государством и живет под символом Погони и бело-красно-белым флагом. Ну и говорит по-белорусски. Для других важным является славянское единство и братство с российским народом. Их флаг имеет красно-зеленый цвет, а русский язык признается вторым родным языком. Тем не менее, и одни и другие считают себя белорусами, а оценка, какая из этих позиций является более значимой, не имеет ничего общего с научным анализом.

Если отталкиваться от этой позиции, то белорусы – это очень молодой этнос и еще более молодая нация. Нам известно имя первого белоруса. Был это Соломон Рысинский, который назвал себя белорусом в 1586 г., вписав себя в книгу записей университета в Альтдорфе, что под Нюрнбергом. Рысинский был ученым-фольклористом и латиноязычным поэтом родом из-под Витебска... Наверно мы можем утверждать, что охарактеризовал он себя так в противопоставлении литовцам и русским, из чего следует, что его “белорусы” были для него таким же самым народом, как и эти два. Декларация Рысинского была чем-то очень личным, так что если в конце XVI в. и существовал белорусский народ, то он состоял из одного человека. Таким он оставался очень долгий период времени...

Понимание того, что белорусы – это особый народ, который обладает собственной историей и должен осуществлять собственную политику, пришло только во второй половине XIX в. ... Про полностью сформированную национальную идею можно говорить только в отношении издателей русскоязычного альманаха *Гомон*, которые действовали в начале 80-х гг. XIX в. В конце столетия уже были случаи, когда крестьяне называли себя белорусами. Все же более массовым это явление стало в начале XX в. В то время белорусские политики взяли на вооружение лозунг автономии, а также стала выходить первая регулярная газета *Наша Ніва*... Лозунг построения белорусского независимого государства впервые выдвинул в 1917 г. Вацлав Ластовский. Этот лозунг был реализован в 1991 г., когда Беларусь стала независимым государством с десятиmillionным населением, среди которого восемь миллионов составляют белорусы...

Непредубежденному наблюдателю история белорусского национального движения должна показаться просто-таки необычайно удачной. От осознания группкой белорусов себя в качестве отдельной нации прошло только 120 лет, а от выдвигания лозунга борьбы за независимость до ее получения – всего 74 года. Все фактически случилось в пределах жизни одного человека” [9].

Тем не менее, наличие двух, достаточно сильно отличающихся друг от друга дискурсов национальной идеи (*национальных проектов*, как их называют некоторые исследователи) не может не вызывать озабоченности. Это обстоятельство заставило Латышонка расположить белорусов в третьей группе европейских народов: они имеют собственные государства, но еще не решили языковую проблему. В эту немногочисленную группу входят не только белорусы, но также украинцы, норвежцы и ирландцы. Первую группу составляют народы, обладающие и национальной государственностью, и языком. Вторая группа состоит из народов, располагающих государством, население которого пользуется несколькими языками (швейцарцы, бельгийцы, люксембуржцы, черногорцы, испанцы, британцы). Четвертая группа включает народы без государственности, но лишь с правами территориальной автономии. Языки этих народов подвергаются большей либо меньшей дискриминации. Наконец, пятая группа состоит из народов, не располагающих автономией и сталкивающихся с серьезными проблемами в использовании родного языка (бретонцы, провансальцы, кашубы, силезцы, полешуки и др.) [10].

Отмеченный Латышонком дуализм белорусского национального дискурса подтверждают практически все ученые, занимающиеся Беларусью. Они по-разному называют его составные части, но суть от этого не меняется.

Национальная версия идентичности. Согласно Лещенко, которая удачно адаптировала гелнеровскую парадигму возникновения современных наций применительно к объяснению ситуации в Беларуси, национальная версия идентичности сложилась в первые годы независимости и мало чем отличалась от мероприятий по формированию идентичности у народов, недавно освободившихся от имперского владычества. Они сопровождались изменением государственной символики, внедрением языка титульной нации, новой интерпретацией истории. Главной политической силой, выступавшей за последовательную реализацию этой программы, был Белорусский народный фронт – тогда широкое гражданское движение за демократию и национальное возрождение [11].

Иоффе сделал важное уточнение, касающееся содержания национального проекта, который он назвал *нативистско-проевропейским* (*Nativist/pro-European*). Действительно, существенной составной частью усилий белорусских интеллектуалов, таких как В. Булгаков, И. Бобков, И. Дынько, В. Орлов, Г. Саганович, Я. Запрудник, В. Акудович, П. Садовский, был поиск подлинных европейских корней в белорусской истории и культурной традиции, что должно было служить основанием для борьбы за освобождение нации от последствий российского колониализма.

Иоффе выделил и существенные *преимущества* данного проекта: “Главное преимущество Проекта 1 – прежде всего в тесном, сплоченном сообществе, объединенном сознательным выбором белорусского языка, преданностью ему, антиколониальным национально-освободительным духом, т.е. борьбой против российского культурного колониализма. Верность языку – преимущество, потому что он позволяет отделить национально сознательных белорусов от русских. Если принять во внимание, что черт, с помощью которых можно отделить белорусов от русских вообще мало, то язык, в самом деле, можно рассматривать как существенный признак формирования нации. Эта точка зрения подтверждается и реальным опытом других европейских народов (например, чехов, словаков, литовцев, латышей, эстонцев, норвежцев), которые преодолели языковое влияние иностранцев, несмотря на очень большие препятствия. Они доказали, что языковой национализм может выходить победителем даже в самых неблагоприятных обстоятельствах и играть очень важную роль в процессе формирования наций” [12].

Однако, как отмечает Лещенко, “мероприятия БНФ, направленные на изменение политического окружения, не соответствовали уровню развития национального самосознания в стране. Оно носило советский характер, так как Беларусь вступила в эпоху модерна в условиях советской государственности. Во времена СССР Беларусь превратилась из безымянной провинции Российской империи, 97% коренного населения которого составляли крестьяне, в развитое индустриальное государство с всеобщим образованием. Ценой, заплаченной за быструю модернизацию, стала традиционная белорусская культура. Репрессии против национальной интеллигенции при Сталине, огромные потери, понесенные в годы Второй мировой войны, а также занятие русскоязычными профессионалами основных административных позиций в послевоенное время, все это внесло вклад в то, что советская идентичность стала восприниматься как естественное следствие модернизации. К началу 90-х гг. Беларусь превратилась в “витрину социализма”, республику с наиболее высоким уровнем жизни в СССР; она стала также “наиболее советской” из всех союзных республик. Это означало, что советские экономические и социальные принципы были наиболее полно воплощены в жизнь в БССР. Обществу с подобным *background* БНФ предложил “деревенскую” модель жизни и язык, на который “развитое” городское население посматривало свысока... Отбрасывая советский период истории как трагическую ошибку, БНФ как бы предлагал людям отказаться и от большей части их собственной жизни... Таким образом, политика по утверждению белорусской национальной идентичности стала восприниматься обществом как насилие над собой; оказались открытыми двери для совершенно иного курса, обещающего сохранить в неизыблемости советский образ жизни” [13].

В результате национальный проект столкнулся с серьезными трудностями. “Его *недостатки* стали продолжением его достоинств”, считает Иоффе. “Если национализм – это навязывание *высокой культуры* в обществе, можно сказать, учитывая неблагоприятный политический климат, что Проект 1 отлично справляется с этой функцией. *ARCHE* и *Наша Ніва* задают планку высокой культуры по-белорусски. Но проблема возрожденческой культурной элиты в том, что количество ее сторонников оставляет желать лучшего... Бескомпромиссность духовных вождей возрожденческого сообщества, их нежелание наводить мосты вызывает удивление как своей самозаклещенностью, так и потенциальной саморазрушительностью... Кроме того, против Проекта 1 работает тяже-

лый груз трех неудачных кампаний белорусизации, а также то, что его адепты огулом отрицают советское время – пока что самый продолжительный период существования белорусов как национально сознательного сообщества” [14]. Наконец, Мэрплз, который не согласен с мнением Иоффе о том, что “в Беларуси нет белорусов”, выделяет несколько объективных причин слабости национального проекта в нашей стране. “Во-первых, когда во время великой кампании индустриализации, которая началась в конце 20-х гг. XX в., сельские жители потянулись в города, они вливались там в советские, а не в белорусские массы. Националисты оказались вне закона и вне общества. Во-вторых, белорусы не имели своего национального центра, который сыграл бы для них ту же роль, которую сыграл Львов для украинцев. Больше всего его напоминал Вильно, но этот город рассматривали своим культурным центром и поляки, и евреи, так что для деревенских белорусов в Вильно почти не оставалось места. В-третьих, традицию независимого государства, хотя и созданную в 1918 г. во время немецкой оккупации, в определенной мере подорвало создание Белорусской ССР. После укрупнения территории сам факт ее существования гарантировал, что национальная республика будет ассоциироваться с советской властью. Лукашенко тоже признает историческое наследие белорусов только избирательно – исключительно в российском контексте... В-четвертых, и в России, и в Беларуси как в советскую, так и в постсоветскую эпоху поднимали и поднимают на уровень мифа Великую Отечественную войну... Сохранение на государственном уровне памяти про события войны – фактически ее пропаганда – помогает закалять режим Лукашенко и укреплять связи с Россией” [15].

Следует сделать несколько замечаний к вышеизложенной интерпретации белорусского национального проекта известными зарубежными экспертами.

Во-первых, консервация советской модели в Беларуси бывшим коммунистическим руководством породила острый экономический кризис середины 90-х гг., который и привел Лукашенко к власти. Однако, будучи популистом, он предложил не демонтаж доставшейся в наследство модели, а ее укрепление. Подобная политика вызвала не национальную катастрофу, как можно было ожидать, а рост экономики, начиная с 1996 г., и закрепление советского образа жизни в стране на долгие годы [16]. Все это стало возможным благодаря одному очень важному обстоятельству: колоссальной помощи “социалистической” и авторитарной Беларуси со стороны “капиталистической” и тогда еще демократической России. То есть сохранение советской идентичности в Республике Беларусь – это в гораздо большей степени следствие внешнего влияния, нежели серьезных внутренних резервов у данной модели.

Во-вторых, нельзя согласиться с утверждением Иоффе о том, что представители белорусской национальной интеллигенции отлично справляются с “навязыванием *высокой культуры* в обществе”. Если бы это было так, Беларусь бы ничем не отличалась от Литвы, Польши, Франции, Германии и целого ряда других государств, которые являются национальными. Дело в том, что Геллнер, который

ввел в научный оборот понятие *высокая культура*, понимал под ней не культуру творческой интеллигенции, а универсальную и стандартизированную культуру, служащую средством коммуникации в индустриальном обществе, опирающуюся на нормы литературного языка [17]. Национальная интеллигенция, которая в самых трудных условиях доказала свою способность создавать высококачественные образцы культуры на белорусском языке, оказалась отгороженной от белорусского народа. И это не вина интеллигенции, а вина государства, которое обязано с помощью системы образования, средств массовой информации, органов публичной администрации распространять *высокую культуру*. В нашем случае государство во главе с Лукашенко делало и продолжает делать все, чтобы отгородить белорусский народ от белорусскоязычной культуры, “навязывать в обществе” только русскоязычную культуру.

В-третьих, масштабная индустриализация и урбанизация в Беларуси проводилась только после Второй мировой войны (в 50–70-е гг.), однако ее последствия для белорусского языка и культуры оказались еще более пагубными, чем отметил Мэрплз. Эти процессы привели к быстрой ликвидации традиционной культуры в сельской местности и превращению белорусскоязычного населения в меньшинство в своей собственной стране. Городское же население быстро ассимилировалось в господствующую русскоязычную среду. Жители белорусских городов в большинстве своем остаются горожанами в первом поколении, которые сохранили многие предрассудки традиционного общественного сознания, в том числе стремление к покровительству со стороны сильной власти и поддержке авторитарных методов правления, на чем успешно спекулирует Лукашенко.

Советская идентичность. Советская версия идентичности была восстановлена почти в полном объеме после прихода Лукашенко к власти в середине 90-х гг. Реставрация включала в себя: превращение символики БССР в национальную, придание русскому языку статуса второго государственного (по мнению президента РБ, “белорусский язык является настолько бедным, что на нем невозможно выразить никакие великие мысли”). Оба эти события произошли в 1995 г. после проведения референдума, результаты которого не были признаны легитимными оппозицией и многими международными наблюдателями. Вскоре была предпринята попытка очередной ревизии истории Беларуси. Президентская интерпретация этого предмета, “освободившись от влияния национализма”, подавала в выгодном свете советскую эпоху и период нахождения нашей страны в составе Российской империи.

Как указывает Лещенко, “в отличие от БНФ, ясно декларируемого в качестве важнейшей цели создание независимого госу-

дарства, основанного на белорусском языке и культуре, Лукашенко никогда четко не формулировал свое видение развития РБ, которое колебалось: от членства в союзе славянских государств до сохранения суверенитета... В области внешней политики БНФ выступал за равные партнерские отношения со всеми странами, что влекло за собой ухудшение отношений с РФ, Лукашенко же выстроил особые отношения с Россией и странами СНГ, обещая восстановить старые экономические связи и обеспечить местных потребителей более дешевыми российскими энергоресурсами. Если БНФ рисовал перспективы “блестящего будущего”, то Лукашенко предлагал вернуть утраченный “золотой век” [18].

Концептуальным закреплением советской идентичности выступила так называемая **государственная идеология**, принятая в 2003 г. По мнению Гужон, она может рассматриваться в качестве особой разновидности **славянского национализма**, “который стремится вписать белорусскую идентичность в славянскую культуру, подчеркивая свое отличие от русской идентичности. Он пытается доказать, что политический режим Беларуси – это продукт традиционной культуры, которая является “духовным лидером восточнославянской цивилизации”, в то время как Россия утратила свои преимущества. Активизация православной церкви хорошо вписывается в эти представления... В 2002 г. были приняты поправки к Закону *О религии*, в которых обосновывается “определяющая роль православной церкви в историческом развитии и в росте духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа”. Это превосходство было еще раз подтверждено год спустя в подписанном конкордате между государством и православной церковью в ущерб другим конфессиям... Лукашенко пытается заклеить позором Запад и показать, что Беларусь не может следовать западному способу политического, экономического и социального развития: “Беларусь никогда не была частью западной цивилизации, и в особенности ей чужд сложившийся на Западе “стиль жизни”” [19].

По мнению большинства исследователей, советская идентичность в Республике Беларусь претерпела определенные изменения, связанные с *усилением значения государственного суверенитета* в ее содержании. Это было связано с ухудшением отношений с Россией, затягиванием процесса формирования реального союзного государства белорусской стороной, увеличением цен на поставки энергоресурсов российской стороной.

Еще в июне 2002 г. российское руководство устами президента Путина заявило: “Не должно быть никакой юридической шелухи и каши, с которыми мы потом не сможем разобраться. Нужно, чтобы наши партнеры поняли для себя, определились, чего они хотят. Мы часто слышим, что хотелось бы, допустим, что-то вроде Советского Союза. Но если что-то вроде Советского Союза, тогда зачем в проекте Конституционного акта писать, что это будет суверен-

ное государство, территориальная целостность, право вето на все решения и так далее?.. Да, возможно право вето, если народ так хочет, руководство так определилось... Но тогда право вето должно быть и у нас... Но тогда это уже не будет что-то вроде Советского Союза, это совсем другое. И нужно понять, чего мы хотим, чего хотят наши партнеры. Котлеты отдельно, мухи отдельно должны быть" [20]. Через месяц Путин конкретизировал российские предложения: "Всея Белоруссии можно объединиться с Россией только в соответствии с российской Конституцией. Зачем же нам распускать Российскую Федерацию, уничтожать нашу Конституцию, а потом все снова заново начинать".

В ответ Лукашенко заявил, что "Белоруссия никогда не станет 90-м субъектом России. Союз должен строиться только на равноправной основе. Мы всегда слышали, что Белоруссия будто бы является гирей на ногах России и хочет решить свои внутренние проблемы за счет РФ... Мы это услышали на самом высоком уровне". А в передаче Савика Шустера на НТВ в ноябре 2003 г. он даже пригрозил России возможным вооруженным конфликтом: "Путин не понимает, что говорит? Хочет на Западе получить вторую Чечню?!" [21].

Вместе с тем Лукашенко ни на йоту не отошел от прежнего курса в области национальной политики, направленного на сознательное или бессознательное стирание остающихся культурных различий между русским и белорусским народами. Для него "белорусы и русские – это люди абсолютно похожие, это просто неразличимые, наверно, даже на генном уровне существа"... "Белорусы и россияне – это практически один и тот же народ. Это один народ. Их трудно различать"... "Белорусы – это русские только со знаком качества" [22]. В этом вопросе белорусского президента полностью поддержал его российский коллега: "Ну чего греха таить – это этнически и исторически почти один и тот же народ. И конечно, при самобытности белорусского народа, при самобытности его культуры и так далее, но очень много общих элементов. Соглашусь с этим" [23].

После двух обострений межгосударственных отношений, вызванных повышением цен на российский газ в 2004 и 2007 г., президент Лукашенко заявлял: "Политика России все больше и больше уподобляется американской, которую они ежечасно осуждают. Без всяких на то оснований РФ уже записала себя в ведущие центры силы в мире. Появились некие имперские замашки. Чуть ли не в каждой точке мира присутствуют российские интересы, как они заявляют. Как будто в Беларуси присутствуют только российские интересы, к примеру, а белорусских интересов в самой Беларуси и быть не должно. В этой части позиция российского руководства очень опасна не только для Беларуси. Это беспокоит не только меня, но и руководство всех бывших советских республик. Россия нас, бывшие республики Советского Союза, пытается не замечать, мол, они все равно никуда не денутся и будут "пристегнуты" и дальше к Российской Федерации. Это – ошибочная позиция... Причина этому – огромные денежные ресурсы, которые поступают в Россию от продажи нефти, газа и других сырьевых ресурсов. Это в какой-то степени нивелирует нынешнюю политику нынешнего руководства России. Но так будет не всегда" [24].

Приведенные высказывания руководителей двух стран свидетельствуют, помимо всего прочего, об остром кризисе политики идентичности, которую с 1994 г. проводит в жизнь А. Лукашенко. Не выдержали испытания на практике два фундаментальных принципа этого курса.

Во-первых, стирание культурных различий между белорусским и русским народами, чем активно занимался наш президент, в обмен на дешевые российские энергоресурсы, оказалось не таким уж безобидным делом. В позиции Путина есть определенные резоны: раз “наши народы этнически и исторически представляют собой почти единое целое”, то для данного, в высшей степени культурно интегрированного сообщества, должна существовать и единая политическая организация. В качестве таковой лучше всего подходит российское федеративное государство. С другой стороны, РФ не обязана экономически и военно-политически обеспечивать суверенитет территории, на которой проживает “русское население”, но руководство которого упорно не желает подчиняться верховной российской власти.

Во-вторых, в противоречие всей антизападной риторике государственной идеологии оказалось, что не НАТО, США или ЕС представляют собой реальную угрозу государственной независимости Беларуси, а Россия, связанная с нашей страной “крепкими узами” союзного государства и пресловутым “славянским братством”. А. Лукашенко вынужден был почти дословно повторить слова З. Позняка, еще в 1994 г. предупреждавшего белорусов об угрозе со стороны возрождающегося российского империализма.

Кризис политики советской идентичности позволял надеяться на то, что правящая элита Беларуси предпримет неотложные меры, направленные либо на возрождение элементов национальной версии идентичности, либо хотя бы на радикальное реформирование существующей модели. Ничего подобного не произошло. Руководство страны, как всегда, ограничилось полумерами.

Лещенко считает, что Лукашенко начал видеть для себя “спасение в сохранении независимости государства” только после того, как осознал реальную угрозу ограничения своей личной власти в случае превращения Беларуси в обычный регион РФ. Противоречия с Россией по вопросам интеграции содействовали принятию некоторых мер, направленных на усиление позиций государственного суверенитета в рамках господствующей советской модели идентичности. Это нашло свое выражение в регулярном исполнении гимна (немного модернизированного гимна БССР. – замеч. авт.) на радио и телевидении, широком использовании термина *национальный*, очередном пересмотре учебников по истории, которые стали больше походить на те, которые выходили в свет в первые годы независимости, большем акцентировании внимания в выступлениях президента на понятиях: *государство, родина, народ и его традиции*. Были предприняты и некоторые новые шаги в области языковой политики. В 2002 г. Лукашенко поздравил граждан с Днем независимости на белорусском языке. В том же году одна из центральных школ Минска была преобразована в белорусскоязычный лицей. Наконец, Беларусь предприняла попытку проводить независимую от России внешнюю политику, активно развивая, например, отношения с Движением неприсоединения [25].

К сделанному Лещенко описанию можно добавить и некоторые новые факты, которые вписываются в ее концепцию. Самым важным, наверное, является проведение президентской избирательной кампании Лукашенко в 2006 г. под лозунгом “За Беларусь!”, а также активное использование официальными властями словосочетания “За суверенную, процветающую Беларусь!”, в том числе и вне контекста выборов. В 2007–2008 гг. глава государства дал серию громких интервью солидным международным изданиям, в которых пообещал улучшить отношения Республики Беларусь со странами Евросоюза, освободил из тюрем некоторых политзаключенных, что привело к снятию европейских санкций против президента и некоторых других должностных лиц.

Однако за всеми этими мерами не просматривается некая последовательная и продуманная линия поведения. Каждый шаг вперед сопровождается двумя если не тремя шагами назад. После попыток переосмысления роли БНР в создании белорусского независимого государства на страницах государственной *Советской Беларуси* последовал один из самых жестоких за последние годы разгон участников мирной акции *Дня Волі*, которые пытались достойно отметить 90-ю годовщину провозглашения Белорусской Народной Республики в 2008 г. Вслед за разрешением преобразовать одну из школ Минска в белорусскоязычный лицей последовало изгнание из страны старейшего белорусскоязычного гуманитарного Колосовского лицея (2004 г.) вместе с в основном русскоязычным Европейским гуманитарным университетом. Под давлением властей произошла смена руководства Союза писателей Беларуси, что привело к его расколу. После громогласных заявлений Лукашенко о том, что он собирается “дружить” с Европой и даже призывов к Евросоюзу вмешаться в ситуацию, в случае если Россия попытается воздействовать на Беларусь вооруженным путем, как она это сделала в Грузии в августе 2008 г., в начале 2009 г. наша страна включилась в реализацию ненужного для безопасности государства российского проекта по созданию сил быстрого реагирования в рамках ОДКБ. В июне 2009 г. белорусский президент отказался ехать на саммит этой организации в Москве в знак протеста против дискриминационной политики российского руководства в сфере торговых отношений, но не заявил о выходе Беларуси из данной структуры.

Во всем этом хаосе и метаниях из стороны в сторону неизменным остается только один элемент – личные интересы господина Лукашенко. Они у нас, к сожалению, давно уже превратились в подлинный критерий суверенитета, не государственного, а персонального, понимаемого как ничем не ограниченная власть президента над своими подданными. “Но, – как справедливо заметил Мэрплз, – тождествен-

ность государственной позиции и позиции президента представляет собой опасность для государства” [26].

Интересный анализ современной версии советской идентичности предпринял Иоффе. Он назвал ее Проектом 3 или **креольским проектом** (*Project 3: Creole*). Подобная нумерация объясняется тем, что в отличие от других исследователей, американский ученый выделяет три модели, в рамках которых идет процесс формирования белорусской нации (подробнее о проекте 2 будет сказано ниже). Название же заимствовано у украинского интеллектуала Миколы Рябчука и нижеуказанных белорусских авторов, которые полагают, что его подход может быть использован для объяснения культурной ситуации в современной Беларуси. Для Рябчука *креолы* – это те украинцы, которые с энтузиазмом поддерживают украинскую государственность, но при этом говорят на русском языке и дистанцируются от других аспектов “украинскости”. Для Абушенки, Булгакова, Дынько, Бобкова и некоторых других наши *креолы* представляют собой людей, говорящих на смеси русского и белорусского языка (*трасянке*), но настроенных довольно патриотично. Поскольку такие люди составляют большинство в белорусском обществе, они выступают в качестве культурной основы режима Лукашенко, которого можно смело называть “президентом всех *креолов*”.

Выразителями *креольской* идеи в Беларуси Иоффе называет П. Якубовича, Э. Скобелева, Л. Криштаповича и некоторых других разработчиков государственной идеологии, а духовным лидером – А. Лукашенко. Концептуально данный проект ориентирован на обоснование исторической близости народов Беларуси и России, дружба которых прошла проверку на прочность в годы Великой Отечественной войны, антипредпринимательский дух и своеобразный “антибелорусский национализм”, как назвал государственную идеологию А. Федута. В интерпретации истории доминирует редукционизм: подлинная история Беларуси началась только после 1917 г., то, что было до этого, не имеет значения. Наконец, в сфере внешней политики преобладает откровенный антизападный подход, хорошо выраженный Лукашенко во время его выступления в Брестском университете в 2004 г.: “Да, мы были и будем неотъемлемой частью панъевропейской цивилизации. Но к католической и протестантской цивилизации Беларусь и белорусы, которые являются преимущественно православными и в течение столетий жили вместе с русскими и Россией, относятся враждебно” [27].

“Очевидным *преимуществом* Проекта 3, – считает Иоффе, – является его более широкая социальная база, чем у двух других. Еще одно его преимущество заключается в том, что его поддерживает господствующий режим. Можно сказать, что экономические успехи Беларуси достигнуты за счет мобилизации нации в рамках так называемого *креольского* проекта, а также за счет лояльности профессиональных, дисциплинированных кадров белорусской бюрократии при ее относительно низкой коррумпированности. Очевидно, стиль управления Лукашенко, его харизма выходца из крестьянской среды нравится

многим белорусам. Как заметил Манаев, миллионы белорусов на культурном и психологическом уровне отождествляют себя с Лукашенко” [28].

Недостатков у этого проекта не так уж много. Тем не менее Иоффе отмечает, что “несомненным его преимуществом является ориентация на поддержание тесных связей с Россией, с которой ощущают себя соединенными такое большое количество белорусов, но эти связи не должны вести к утрате белорусской государственности. Наиболее слабым местом проекта является его невысокая популярность у наиболее квалифицированных и образованных белорусов... Остракизм лукашенковского режима со стороны Запада также можно рассматривать в качестве одного из его недостатков, хотя бы потому, что мнение Запада важно для наиболее образованной части жителей Восточной Европы” [29].

По мнению Мэрплза, “хотя Иоффе и хорошо аргументирует свои взгляды, однако они не во всем убедительны... Если говорить кратко, процесс становления современной белорусской нации происходит медленными темпами, но этого процесса невозможно не заметить. История не всегда оказывается на стороне победителей. И серьезно ошибаются те ученые, которые думают, что Лукашенко – это продукт современного мировоззрения белорусских граждан, который отвечает их потребностям” [30]. На наш взгляд, наиболее убедительная критика жизнеспособности современной версии советской идентичности (*креольской* модели в терминологии Иоффе) принадлежит Лещенко.

Автор отмечает то обстоятельство, что “в своем понимании *национального государства* Лукашенко акцентирует внимание на *государстве*. Одной из причин этого является то, что белорусская национальная идея уже давно эксплуатируется оппозицией, занимающейся “антипрезидентской пропагандой”. Вторая же причина состоит в том, что Лукашенко по-прежнему нуждается в поддержании советских ценностей и практики из-за настроений электората и своего собственного благополучия. Советская идентичность помогает поддерживать абсолютную власть руководства и преобладание государства во всех сферах социальной жизни... Дальнейшее проникновение государства в социальную область, поглощение им гражданского общества оправдывается задачами укрепления суверенитета. Таким образом, политика поддержания суверенитета используется для создания оборонной стены, отделяющей Беларусь от внешнего мира, а советская идентичность служит укреплению авторитаризма внутри страны...

Поскольку правительство не позволяет людям самостоятельно обеспечивать свое благополучие, оно должно о них заботиться. Но эти возможности зависят от экономических благ, получаемых из России (это – важнейшая причина экономического роста в Беларуси за последнее десятилетие, а не мифический мобилизационный

потенциал *креольской* модели. – замеч. авт.)... Российская Федерация остается ключевым фактором экономической стабильности лукашенковского режима и поэтому она может влиять на него. Возникает *порочный круг: укрепление суверенитета требует улучшения экономического положения, а это, в свою очередь, зависит от сдачи суверенитета России*. Поскольку инкорпорация Беларуси является дорогостоящим предприятием даже для РФ, она не может произойти в один момент времени. Более вероятным представляется, что российское руководство предпочтет получить Беларусь по частям, установив контроль над основными промышленными предприятиями и гарантировав соблюдение союзнических отношений белорусским правительством” [31].

Разорвать этот порочный круг можно было бы в случае перехода белорусского руководства к внедрению национальной модели идентичности в ее полном объеме, что и сделало подавляющее большинство постсоветских государств, ведь национализм вполне совместим с авторитаризмом. Однако Лукашенко на это вряд ли пойдет, потому что полностью поставит под удар советскую экономическую модель, спонсором которой является Россия. С другой стороны, сказанное объясняет, почему так медленно и половинчато идут в стране рыночные реформы и развиваются отношения с Западом. Ведь они создали бы иное общество, в котором положение людей не зависело бы в такой степени от главы государства, как теперь. Но и политика полумер, и сохранения верности основным идеалам *креольской* идентичности имеет весьма ограниченный запас прочности. Она в состоянии лишь на некоторое время отсрочить неизбежное превращение Республики Беларусь в часть Российской Федерации, потому что всемерно содействует превращению страны в духовную провинцию России.

Как указывалось выше, Иоффе выделил и еще один проект формирования белорусской идентичности, который назвал **Проектом 2: Московские либералы (Project 2: Muscovite Liberal)**. Под ним автор понимает русскоязычную часть общества, оппозиционно настроенную по отношению к Лукашенко. Людей русскоязычной культуры, но выступающих за независимость государства и его европейскую интеграцию. Среди лидеров этого направления он называет Ю. Драгохруста, Л. Заико, Л. Злотникова, А. Федуту и др. Между представителями нативистско-проевропейского и московского либерального течений существуют серьезные противоречия, которые не перерастают в культурные войны только из-за авторитарной политики режима. Но если власть Лукашенко падет, Беларусь может стать ареной настоящей культурной войны [32].

На наш взгляд, поскольку в вопросах государственного суверенитета и внешнеполитической ориентации Беларуси выделенные американским профессором географии оппозиционные группы полностью совпадают, их нельзя относить к самостоятельным проектам. Другими словами, Проект 2 является составной частью Проекта 1.

Различия связаны только с их отношением к языку. Но, как отмечает сам автор данной классификации, *нативистский проект* в Беларуси является *роевропейским*, т.е. предполагающим не этнический, а гражданский или политический национализм, полностью совместимый с правами человека, в том числе и с правом на национальное самоопределение и обеспечение гарантий от дискриминации по языковому, расовому и другим признакам. То есть вопрос об остром конфликте по культурным вопросам, раздирающим оппозиционное сообщество в Беларуси, является явно надуманным.

Вместе с тем следует согласиться с Иоффе в том, что в Республике Беларусь давно уже идет самая настоящая культурная война, но ведется она не между белорусскоязычными и русскоязычными противниками Лукашенко (см. вставку 19.1). Она была объявлена президентом против белорусской культуры. Вот только некоторые сводки с фронтов этой войны. “Народное образование на родном языке пало первой жертвой. Доля средних школ, в которых ведется преподавание на белорусском языке, снизилось с 75% в 1993–1994 гг. до 28% в 1997–1998 гг.” [33]. Правда, перед Лукашенко еще огромное поле деятельности: ведь в конце 80-х гг. в БССР только 0,2% школьников обучались на родном языке. Как и в советские времена, в Беларуси нет ни одного университета, в котором бы преподавание всех предметов осуществлялось на белорусском языке. За первую половину 90-х гг. соотношение книг, издаваемых на белорусском языке, сократилось с 21% до 13%. В то же время доля белорусскоязычных газет уменьшилась с 42% до 34% [34]. Положение дел не улучшилось в этой сфере и по сей день. На русский язык вещания были переведены фактически все основные телевизионные компании страны.

Перечень фактов культурной войны можно было бы и продолжить, но проблема заключается в другом – реальном отсутствии стимулов у людей для того, чтобы совершенствовать свои навыки владения родным языком. Что делать с такими навыками? Как применить язык, если на нем не говорят ни в государственных учреждениях, ни в высших учебных заведениях, ни на предприятиях с высокооплачиваемым трудом? Жертвой политики властей стала и высококачественная культура на русском языке, которая подменяется дешевыми поделками сервильных авторов.

Все это свидетельствует о явном неравенстве условий, которое обеспечивает чисто количественное и искусственное преимущество проекта советской идентичности над его оппонентом. В условиях сохраняющейся угрозы государственному суверенитету чрезвычайно важную роль играет национальное единство общества, готовность элиты и контрэлиты к компромиссу во имя обеспечения независимости государства. Отказ руководства Беларуси от войны

с белорусской культурой мог бы стать индикатором того, что власти в полной мере осознали эту угрозу и, наконец, поднялись в своем понимании суверенитета над узким и примитивным эгоизмом.

ВСТАВКА 19.1

Мы и Россия

Как отмечает белорусский философ Акудович, “милосердность культуры – это сказка для взрослых. Культуры агрессивнее, чем их носители – народы (этот тезис применим и к белорусской культуре). Если в войнах между народами хотя бы изредка случаются перемирия, то в войнах культур перемирий не бывает.

Так вот, если спросить – почему сегодня большинство белорусов не отождествляет себя с белорусской культурой, то ответ будет следующий: потому что на наших землях уже долгие годы ни на минуту не утихает война русской и белорусской культур, в результате которой последняя оказалась разгромлена на всех фронтах. И, пожалуй, самое трагичное в этом разгроме было поражение белорусского языка...

Отсюда, из победы русской культуры (на штыках и без штыков) и появилась манипулятивная выдумка о том, что белорусы очень похожи на русских – ну почти близнецы. Сходства с русскими, прежде всего, благодаря общей принадлежности к славянству, у нас, разумеется, хватает. К тому же существенную роль в уподоблении одного народа другому сыграло православие – последние два столетия господства русской церкви на наших землях основательно способствовали русификации белорусов... Но все это вместе взятое (как и многое другое) не дает нам права забывать, что мы два совсем разных народа с различными историческими путями и со своей уникальной судьбой у каждого – и будем такими до тех пор, пока будем” [35].

2. Степень легитимности политической власти

Не менее важную роль в понимании отношения граждан к политической системе в целом играет показатель **легитимности власти**. В нашей стране после установления президентского правления в 1994 г. и занятия А. Лукашенко высшего государственного поста уровень легитимности режима является достаточно высоким. Об этом свидетельствуют результаты выборов, а также данные опросов общественного мнения, регулярно проводимых независимыми исследовательскими центрами. Правда, выборы в Беларуси давно уже не являются свободными и справедливыми, а граждане, отвечая на вопросы социологов, часто утаивают свое подлинное отношение к главе государства. Тем не менее, можно согласиться с точкой зрения Иоффе, который, обобщив данные белорусских аналитиков, пришел к выводу, что реальный раскол электората во время выборов 2006 г. составлял, конечно же, не 1:6 и не 1:7 в пользу Лукашенко, как утверждали официальные источники, а где-то порядка 1:2. То есть без использования подтасовок президент мог бы получить около

2/3 голосов избирателей в свою поддержку [36]. В марте 2008 г., по данным НИСЭПИ, о своем доверии главе государства заявило 47,3% граждан, о недоверии 38% и затруднились дать ответ на этот вопрос 14,7% респондентов [37].

ВСТАВКА 19.2

Президентский электорат

За почти пятнадцать лет лукашенковского правления произошли определенные изменения в составе и мотивации поведения *президентского электората*. Согласно Олегу Манаеву, “моментальная социологическая фотография электората Лукашенко (во второй половине 90-х гг. – замеч. авт.) выявила вполне определенную группу населения Беларуси с весьма характерными ценностями. Эта группа характеризуется, во-первых, “перекосом” социально-демографической структуры в сторону “слабых” социальных групп – по возрасту, образованию, социальному статусу, материальному положению и экономической активности. Во-вторых, она характеризуется уравнительным, этатистским и антирыночным, антиреформаторским (или контрреформаторским) сознанием. В третьих, ей свойственна психология “осажденной крепости” (во всех бедах и неудачах обвиняющая разнообразных врагов – более удачливых сограждан или чужих, разделяющих другие ценности), которая порождает нетерпимость, антидемократизм и ксенофобию. Одним словом, мы имеем дело с классическим тоталитарным сознанием, правда, в отличие от “счастливого тоталитарного сознания” коммунистических времен, с “несчастливым тоталитарным сознанием” посткоммунистической эпохи, ностальгирующим по своему прошлому...

Анализ динамики белорусского электората за первые четыре года правления президента А. Лукашенко показал, что президентский электорат действительно трансформируется, причем в одном направлении. В среднем на 13–15% в нем увеличилось число пенсионеров, людей с низшим уровнем образования, отвергающих капитализм и рыночную экономику, в том числе частную собственность на землю. Отнюдь не улучшилось и его материальное положение: как минимум половина постоянно еле сводила концы с концами. Иными словами, происходила заметная консервация электората, первый из описанных выше типов вытеснял второй (более динамичный и ориентированный на реформы. – замеч. авт.). Причем этот процесс довольно эффективно “подпитывался” извне, прежде всего, с помощью контролируемых электронных СМИ...

По данным опросов НИСЭПИ, за два года после “обвала” в 2002 г. (тогда рейтинг Лукашенко упал до 27% – замеч. авт.) электоральный ресурс президента значительно вырос: осенью 2004 г. за него готовы были голосовать почти 48% (самый большой рейтинг после осени 1998 г.). Такой рост объясняется прежде всего огромной концентрацией государственных ресурсов – информационно-пропагандистских (от тотальной пропаганды “белорусской модели” до дискредитации оппозиции и Запада), организационно-политических (от организации парадов до “избирательной вертикали”), материально-экономических (от повышения пенсий, зарплат, стипендий до стабилизации цен), – предпринятой властями при подготовке к референдуму.

Политической основой такого масштабного “электорального поворота” стала переориентация А. Лукашенко с социально слабых слоев населения на те социально сильные слои, которые получают разнообразные дивиденды (доходы, собственность, социальный статус) в обмен на лояльность по отношению к действующей власти. Из президента обиженных, “сырых и убогих” он превратился в президента правящей бюрократии и обеспеченной элиты (бизнеса, культуры и др.). “Социальная радиолокация”, о которой говорилось выше, постепенно перефокусировалась именно на них. Экономической основой стал резкий рост доходов, получаемый прежде всего от переработки и реэкспорта нефтепродуктов из России... А социальной основой прежде всего стало введение весной 2003 г. контрактной (как правило, годовой) системы, на которую была переведена большая часть работников бюджетной сферы, т.е. миллионы белорусов” [38].

Источники легитимности. Источники легитимности президентской власти, а именно она является абсолютно главенствующей в политической системе Беларуси, весьма разнообразны, но основную роль играет все же **харизма главы государства**. Окружение Лукашенко, многочисленная бюрократия, государственные СМИ делают все возможное и невозможное для поддержания у рядовых белорусов веры в особый дар их президента.

Харизматическое господство в нашей стране опирается на доминирование *иррациональных начал* над рационализмом в сформированном образе Лукашенко. Как указывает белорусский политолог Лысюк, “с особой силой они проступали в начальный период президентства Лукашенко. С начала его политической карьеры были очевидны его суггестивные таланты. Безусловна и способность к психологическому заражению населения, заметен и дар убеждения. Кроме того, иррациональность проявлялась в императивности бессознательных призывов к власти, обладающих огромным энергетическим потенциалом, что отчетливо и определенно выступает в системе мотивов белорусского президента... Тотальность иррациональных призывов в его личности была столь велика, что касалась не только коммуникативного взаимодействия с народом, но даже экономической политики (см. приказ “вернуть цены назад”). Эффективность иррациональной политики была напрямую связана с неспособностью основной части населения Беларуси мыслить рационально-критически. Иррациональность может быть хорошим средством для достижения коммуникативных эффектов. Однако она не может быть хорошим строительным камнем для государственного строительства и эффективной социально-экономической политики. Как следствие этого, во второй половине президентского срока в политике Лукашенко наблюдалось существенное нарастание элементов рационализма: в отношениях с Россией, в построении системы государственной власти, в огосударствлении экономики, в создании достаточно действенной модели социальной защиты населения и т.д.” [39].

Еще одной особенностью властных отношений в Республике Беларусь, отчетливо демонстрирующих присутствие харизматического господства, является *преобладание онтологичности власти* над ее релятивизмом. “Онтологичность властного образа обычно обуславливается тремя элементами. Во-первых, политическая личность может заключать в себе божественную

природу, божественную истину. Во-вторых, она (онтологичность) может задаваться образом правителя как всезнающего главы патриархальной семьи. В-третьих, правом на артикуляцию истины обладают носители высших властных полномочий в силу изначально присущей им харизмы.

В современной Беларуси с самого начала президентской деятельности Лукашенко в его образе наблюдалось своеобразное доминирование онтологичности. Однако не в сакральном проявлении, а в традиционалистском. Очевидны претензии белорусского президента выступать в роли отца патриархальной семьи. Образ Отца обычно накрывает и покрывает все государство, включает в себя всех его граждан, даже тех, кто не считает себя ему кровным родственником. Как следствие этого, Отец оперирует исключительно понятиями народа, но ни в коем случае не социальных групп или классов.

Образ Отца обычно является олицетворением истины, абсолютной и относительной, воплощающей мудрость предыдущих поколений, знающей прошлое, настоящее и будущее, и создающей социальный проект, призванный привести к социальной нирване. Властный образ Отца, защищающий и оберегающий “своих детей”, не может не обладать героическим ореолом и практикой многочисленных побед над полчищами врагов. Являясь своеобразным Отцом нации, этот эталонный образ интегрирует в себя также образ Патриота, оказывающего спасительное (и исцеляющее) влияние на судьбу Отечества, родины-Матери, своего народа.

Не менее очевидно стремление белорусского президента выступать в роли креативного творца новой идеологической и социальной системы и вообще человека, “никогда не ошибающегося”, наподобие бывших лидеров стран бывшей мировой системы социализма. Кроме этого, при всей своей атеистичности, Лукашенко, во всяком случае, не отрицает то, что является носителем особой божественной благодати, о чем ему периодически напоминают политические соратники. Эту позицию усиливает сакральная поддержка со стороны РПЦ... Таким образом, рождается *homo magus (mag)*, который в свою очередь воссоздает “политиков-магов” на различных уровнях политической иерархии (*вертикали*). Как следствие этого, в представлении части массовой публики президент выступает как своего рода Помазанник Божий, призванный Им для выполнения определенной миссии... Атеистическая же составляющая белорусского президента постоянно прорывается для того, чтобы подчинить себе сакральное и поставить себя “выше Бога” [40].

Наконец, для харизматического господства обычно характерным является *преобладание инновационности* над традиционализмом. В Республике Беларусь сформировался синтез этих бинарных оппозиций. “Он сформировал образ довольно-таки инновационного политического лидера, сформировавшего оригинальное и своеобразное в европейском контексте государство. Важным элементом его деятельности является и составляющая традиционализма, выражающаяся в воспроизведении (творческом) советских образцов политического руководства. Следует отметить, что саму инновацию питает интенсивно пульсирующий мотив власти действующего президента, готового легко поступиться принципами ради сохранения власти” [41].

Тесно связан с харизматической легитимацией режима **популистский стиль политики**, осуществляемый Лукашенко. В отличие от большинства других государств СНГ, сформировавших клановые

отношения, для Беларуси свойственна монополизация власти и собственности в руках президентского клана и подавление всех его конкурентов из числа элиты и контрэлиты. Это дало основание японскому политологу Мацузато назвать Беларусь “островом популизма в океане клановой политики” (см. тему 17).

Политика популизма оказала и продолжает оказывать влияние на развитие многих стран Латинской Америки. “Несмотря на значительные исторические отличия, – подчеркивает Мацузато, – функциональные характеристики латиноамериканского популизма в значительной мере присущи и лукашенковской политике. Тем не менее, ей свойственны и существенные отличия. Во-первых, в постсоветской ситуации вряд ли является справедливым использовать понятие *революция растущих притязаний*... Лукашенковский популизм по своей сути является оборонительным; необходимый лидеру динамизм Лукашенко получает за счет раздувания борьбы с врагами. Во-вторых, лукашенковский популизм в большей степени носит антиэлитный характер, чем латиноамериканский. В-третьих, когда латиноамериканский популизм господствовал на континенте в течение жизни нескольких поколений, популизм Лукашенко развивается в очень неблагоприятном окружении: международное сообщество рассматривает его как печальное отклонение от нормальной посткоммунистической трансформации. Поэтому Лукашенко должен демонстрировать “успехи и рост” не только в диахронном, но и в синхронном плане, т.е. в сравнении с болезненной европеизацией Литвы и “грабительским капитализмом” России и Украины...

С 1996 г. начинает просматриваться значительное расхождение между клановыми политиками режимов в странах СНГ и популистским режимом в Беларуси. И для России, и для Украины этот год стал решающим в их переходе к клановой модели: Ельцину, чтобы выиграть выборы, потребовалась поддержка региональных элит (а также финансовых и медиа олигархов). В Украине создание кабинета Лозаренко стало сигналом *колонизации* национальной политики различными региональными и олигархическими кланами... В Беларуси же происходили события, совсем не похожие на российские и украинские: в 1996–1997 гг. Лукашенко начал ренационализацию ранее приватизированных предприятий... Он фактически повернул вспять процесс номенклатурной приватизации, который был инициирован бывшим премьер-министром Кебичем, и тем самым разрушил экономическое основание для постсоветского клиентелизма, т.е. для сращивания власти и собственности...

Из-за постоянных показательных судебных процессов (над “своими” – замеч. авт.) возник специфический союз правоохранительных органов и спецслужб, которые безостановочно “раскрывают” случаи коррупции. После своего запуска система функционирует по инерции, не обращая внимания на последствия своей деятельности за рубежом и внутри страны. Лукашенковская антиэлитная кампания фактически потеряла свой аутентичный популистский смысл. За последнее время обычные граждане “наелись” этими постоянными, бесконечными процессами, единственная функция которых – запугать элиту, предотвратить ее превращение в олигархию...

Значительная разница между Беларусью и другими странами СНГ наблюдается в отборе кандидатур на должность руководителей местной исполнительной власти. Когда Кучма и Шаймиев выбирали кандидатов на такие должности

из числа местных *боссов*, тогда Лукашенко передвигал местное руководство из одной области в другую, чтобы предотвратить формирование региональных кланов. Кроме того, если украинские губернаторы обладают значительной автономией в подборе собственной команды, то белорусские территориальные руководители обязаны согласовывать кандидатуры своих заместителей и заведующих отделами с вышестоящими органами власти...

В сфере экономики, белорусский режим, как и аналогичные популистские образования, ориентирован на увеличение валового внутреннего продукта и перераспределительную политику в пользу рабочих и социально "слабых" групп общества... Большая часть белорусской экономики остается в руках государства, а частный сектор ограничен даже в свободе определять цены и зарплату. Тем не менее, наиболее болезненно маниакальная любовь Лукашенко к всеобщей регламентации бьет по руководителям государственных предприятий. Лукашенко может посадить каждого из них в любой момент – просто потому, что выполнить все мелкие инструкции невозможно" [42].

Популистский курс в Беларуси содействовал формированию негласного *общественного договора* между властями и народом, смысл которого заключается в следующем: руководство сохраняет в неизменном виде основные элементы социальной политики, которые были свойственны Советскому Союзу, не допускает массовой безработицы и обеспечивает пусть медленный, но постоянный рост материального благосостояния; население, в свою очередь, платит политической лояльностью недемократическому режиму и отказом от активного участия в политической жизни страны, что на языке лукашенковских пропагандистов и называется *политической стабильностью*.

В качестве одного из основных источников легитимности власти в Беларуси выступает также ее **верность советским традициям**.

Как отмечает Лысюк, "правлящей элитой Беларуси в качестве образцовой принята советская модель политического устройства, созданная в соответствии с принципами идеологии марксизма-ленинизма, крах которой до сих пор ею оплакивается. Одной из задач, стоящих перед современной белорусской государственностью, по мнению президента, является максимально возможное воспроизведение характеристик советского общества, включая и его военно-политическую составляющую: (1) *белорусская модель* объявляется "наследницей по прямой" модели советской; (2) победы, герои, символы сегодняшней Беларуси являются производными от советской политической культуры; (3) по советским "лекалам" ("два мира – две системы") осуществляется идентификация внешнего противника: западное общество рассматривается как основная угроза Беларуси и утверждается, что оно находится в неоплатном долгу перед подвигом советского солдата; (4) несмотря на скудость ресурсов, артикулируется стремление к выполнению глобальной политической роли. "Правящая элита Беларуси идейно-психологически как бы продолжает жить в СССР и проводить внешнюю политику великой державы... А Лукашенко выступает от имени такой сверхдержавы, исчезнувшей много лет назад". На постсоветском пространстве А. Лукашенко является одним из немногих оставшихся солдат, до сих пор не покинувших окопы *холодной войны*" [43].

Разработка в 2003 г. *государственной идеологии* может рассматриваться в качестве попытки **идеологической легитимации** белорусского режима. Создатели данной духовной конструкции ставили перед собой следующую цель: дополнить обоснование личной власти Лукашенко популярным обоснованием созданной им системы. Республика Беларусь провозглашалась “духовным лидером восточноевропейской цивилизации”, который призван защитить этот регион планеты от угрозы “неолиберального террора”.

Как заявлял Лукашенко в тексте идеологического доклада, “ощущение этого предназначения может поднять наш народ на удивительные подвиги. Множество людей в России, в Украине и в других странах смотрят на Беларусь как на пример последовательной и самостоятельной политики... Надо выпрямиться, отказаться от позиции обороняющегося. Беларусь должна притягивать силы патриотической направленности со всего нашего Отечества, постсоветского пространства. Именно здесь люди должны получить трибуну, свободную от неолиберального террора и травли” [44].

Крайне незначительную роль в нашей стране играет *легально-рациональная легитимность*. Об этом свидетельствует отсутствие должной общественной реакции на фактические признания главы государства в фальсификации итогов последних президентских выборов. Правда, в 2008 г. администрация президента предприняла некоторые усилия для демонстрации европейским наблюдателям определенного прогресса в организации и проведении парламентских выборов и повышения степени внешней легитимности Палаты представителей. Но, как известно, за громкими заявлениями президента о демократизации избирательного процесса не последовало никаких реальных шагов в этом направлении.

Таким образом, несмотря на легитимность действующей власти, у нее могут появиться значительные проблемы в этой сфере уже в недалеком будущем. Наиболее слабыми нам представляются позиции идеологической легитимации режима. Дело в том, что советникам Лукашенко (Якубовичу, Скобелеву, Криштаповичу и др.) так и не удалось создать популярную идеологию, а то, что они соорудили, позволяет Республике Беларусь претендовать не на роль духовного лидера восточноевропейской цивилизации, но, скорее, на роль духовного изгоя. С каждым годом уменьшается количество тех людей, которые родились и выросли в СССР. Этот объективный демографический процесс не может не подрывать традиционную советскую легитимность. Наконец, как подчеркивает Мацузато, “единственной возможностью для политических изменений в Беларуси в ближайшем будущем будет, наверное, ухудшение экономической ситуации. Популистские режимы являются более зависимыми от последствий экономических трудностей, чем клановые... Популистские режимы

теряют легитимность, когда падает уровень жизни населения” [45]. Оспаривание все большим и большим числом граждан того, что власти соблюдают свою часть негласного *общественного договора*, не может не привести к подрыву веры людей в особый дар президента, размыванию и так не очень устойчивой харизматической легитимности главы государства.

Отношение к политической системе в целом. Попробуем теперь определить отношение белорусских граждан к политической системе в целом. Британские исследователи Стивен Уайт и Ян Макаллистер предложили для этих целей использовать оценку жителями Беларуси, а также Украины, России и стран Центрально-Восточной Европы своих прежних (коммунистических) политических устройств, нынешнего политического режима и его вероятного состояния через пять лет. В 2003 г. авторы попросили респондентов проставить баллы от +100, что означает наивысший показатель, до -100 – наихудшая оценка [46].

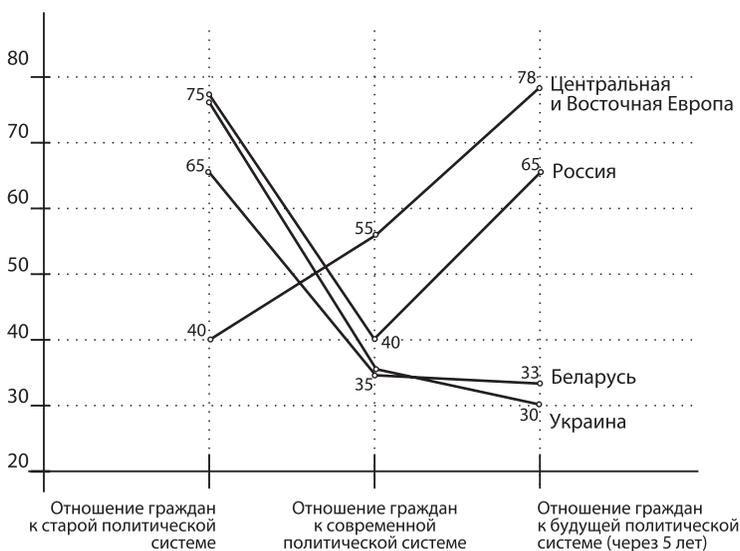

Рис. 19.1. Оценка политических систем гражданами некоторых посткоммунистических государств: прошлое, настоящее, будущее.

Как видно из рис. 19.1. белорусы поставили более низкие оценки советской системе, чем украинцы и россияне, что противоречит устоявшемуся мнению некоторых ученых, о том, что в советской Беларуси наиболее полно были воплощены в жизнь преимущества коммунистического строя. Конечно, отношение населения постсоветских стран к *старому порядку* является гораздо более позитив-

ным, чем отношение жителей стран Центрально-Восточной Европы в силу целого ряда причин: большей продолжительности существования советского строя, отсутствия у него здесь ярлыка “подарок оккупантов”, сложности и противоречивости процессов формирования новых рыночно-демократических отношений.

Настоящая политическая система получила гораздо более низкие баллы, чем советская, у граждан Беларуси, Украины и России. Однако если оценки белорусов и украинцев (до Оранжевой революции) действующему режиму совпали, то россияне поставили своему политическому устройству чуть большие баллы, что объясняется относительно более ранним выходом РФ из экономического кризиса и стабилизацией политической системы при Путине. Большинство граждан стран Центрально-Восточной Европы, несмотря на имеющиеся у них серьезные политические и экономические проблемы (трудности переходного периода), оценили нынешнее состояние своих политических систем, как значительно более развитое, чем то, которое существовало во времена коммунистического правления [47].

Что касается оценок гражданами возможного будущего состояния своих политических устройств, то они заметно различаются. По мнению большинства белорусов, в ближайшей перспективе в политической жизни нас ждет стагнация, если не ухудшение положения дел. Такой же прогноз делают и украинские респонденты. Правда, в данные британских исследователей по Украине не попали оценки гражданами Оранжевой революции, произошедшей в конце 2004 г., которые могли серьезно скорректировать этот прогноз. Известно, что в то время очень многие украинцы находились в состоянии эйфории и ожидали быстрых и позитивных перемен в связи с демократизацией политической системы [48]. Россияне оценили вероятное состояние своей политической системы через пять лет достаточно позитивно, на что повлияли отмеченные выше факторы. Однако выставленные ими баллы не превысили показателей советской системы. Граждане стран Центрально-Восточной Европы считают, что в ближайшей перспективе их политические устройства поднимутся еще на несколько ступеней вверх. На такой результат, несомненно, повлияло недавнее присоединение государств ЦВЕ к экономически развитому и демократическому Евросоюзу и НАТО.

Таким образом, как мы видим, объективная оценка белорусскими гражданами уровня развития своей политической системы и ее перспектив разительно отличается от весьма радужных отчетов официальных властей о преимуществах *белорусской модели*. Это означает, что в недалеком будущем Республика Беларусь может столкнуться не только с кризисом легитимности власти, но и с кризисом доверия основных институтов политической системы.

3. Отношение граждан к политическому участию

По мнению Алмонда и Пауэлла, важнейшим индикатором отношения граждан к политическому процессу является их *нацеленность или не нацеленность на политическое участие*.

Политическая эффективность. На желание граждан участвовать в политической жизни влияют те взаимоотношения, которые выстраиваются между ними и властями в рамках определенных политических режимов. Очень важно, чтобы правительство относилось к своим подданным справедливо, как к равным и заслуживающим уважения гражданам. Все постсоветские страны столкнулись с серьезными проблемами в этой сфере.

Как выяснили Уайт и Макаллистер, среди белорусских респондентов только 12% заявляло, что “правительство обращается с ними справедливо, как с равными людьми”. Но положение дел в Украине при Кучме выгядело еще печальнее, потому что положительные ответы на аналогичные вопросы там дали только 4% участников исследования. Таким же образом обстояло дело и с ответами на вопрос, “сложно ли для обычного человека обеспечить соблюдение своих прав, положенных по закону”. В Беларуси 77% опрошенных давали утвердительный ответ на этот вопрос. В Украине и России таких людей было по 88% соответственно. Белорусы были также в большей степени убеждены в эффективности избирательного механизма, чем украинцы и россияне. Британские политологи считают, что причиной этого является электоральная революция 1994 г., вследствие которой бывший директор совхоза Лукашенко оказался на посту президента. Большинство белорусских респондентов отметили, что выборы дают им определенное влияние на правительство и что с помощью избирательного процесса можно будет изменить ситуацию в стране в будущем.

Полученные ответы на эти и аналогичные вопросы позволили Уайту и Макаллистеру определить показатель *политической эффективности* (*political efficacy*) для Беларуси и некоторых других стран региона. Она, как известно, зависит от мнения избирателей (правильного или неправильного не имеет значения) о том, что рядовые граждане могут оказывать определенное влияние на правительство, управляющее от их имени. В Республике Беларусь в 2004 г. 51% респондентов заявили, что они могут оказывать некоторое влияние на правительство. В Украине таких людей было 40%, а в России – только 29%. В либеральных демократиях уровень политической эффективности является достаточно высоким, хотя и имеет тенденцию к снижению. В постсоветских странах он находится на гораздо более низком уровне, не достигнув даже показателей, существовавших в системах советского типа [49].

На наш взгляд, ситуация с *политической эффективностью* в Республике Беларусь не является такой “безоблачной”, как это кажется британским исследователям. Во-первых, хочется отметить явное противоречие между ответами белорусских респондентов на первые два вопроса и их мнением (пусть даже ложным) о способности влиять на правительство с помощью участия в выборах. Во-вторых, согласно данным белорусских независимых социологов из НИСЭПИ

за июнь 2008 г., “на вопрос: влияет ли мнение таких людей, как вы, на принятие политических и социально-экономических решений, положительный ответ дали только 28,6% респондентов, отрицательный – 66,0%, а 5,4% затруднились с ответом” [50].

Означает ли это, что за четыре года положение дел с *политической эффективностью* так сильно изменилась в худшую сторону, или же британскими учеными были допущены определенные погрешности в методике исследований? По моему мнению, имело место и то, и другое. Действительно, после референдума и парламентских выборов 2004 г. белорусские власти научились проводить выборы без реального подсчета голосов, что лишило рядовых граждан даже тех минимальных электоральных механизмов влияния на правительство, которыми они располагали раньше. Эта ситуация нашла свое отражение в результатах исследований НИСЭПИ, которые зафиксировали постоянное снижение показателей *политической эффективности*, начиная с 2006 г. Также следует отметить, что гораздо большую роль в том, что некоторые люди считают себя “политически эффективными”, играет не электоральный процесс в Беларуси, а популистский курс, проводимый авторитарным лидером. Любой популистский режим, в отличие от элитистского, стремится к тому, чтобы сформировать у подданных иллюзию их сопричастности к проводимой политике. Политические руководители в таких странах любят называть себя слугами народа и используют весь арсенал средств массовой информации для закрепления этого мнения в массовом сознании.

Типология политических ориентаций. На основании сопоставления таких параметров политической культуры, как уровень *политической эффективности* и *степени доверия граждан общественным институтам*, Уайт и Макаллистер предложили очень интересную классификацию политических ориентаций граждан нашей страны (табл. 19.1). В отличие от известной модели Алмонда и Пауэлла, она базируется на выделении не трех, а четырех идеальных типов ориентаций, которые, лучше подходят для классификации отношений граждан к участию в политическом процессе в постсоветском мире [51].

Таблица. 19.1. Типология политических ориентаций в Республике Беларусь [52].

		Эффективность электоральных институтов:	
		низкая	высокая
Доверие к институтам:	высокое	Квазигражданская (23%)	Почтительная (26%)
	низкое	Недовольная (17%)	Маргинальная (33%)

Первую ориентацию Уайт и Макаллистер назвали *гражданской* (*civic*). Чтобы не путать ее с *гражданской культурой*, существующей в наиболее развитых демократических странах, с которой эта разновидность отношений белорусских граждан к политическому участию имеет лишь внешнее сходство, предлагаем назвать подобную ориентацию *квазигражданской* (*quasi-civic*). Итак, представители данной группы испытывают значительное доверие к системе, к которой они принадлежат, и одновременно им присущи высокие показатели электоральной эффективности. Эта группа составляет порядка 23% всего электората. Она состоит главным образом из мужчин, имеющих достаточно высокий уровень доходов.

Вторая ориентация – *почтительные* (*deferentials*) – включает в свой состав тех жителей страны, которые доверяют институтам, но не имеют таких высоких показателей электоральной эффективности, как предыдущая группа. Люди, принадлежащие к ней, представляют около 26% электората. Среди ее членов большинство составляют женщины, пожилые люди и лица с недостаточно высоким уровнем образования.

Представители третьей ориентации – *недовольные* (*disaffected*) – не доверяют общественным институтам, но обладают уверенностью в том, что смогут изменить ситуацию с помощью активного участия в выборах. Группа располагает поддержкой порядка 17% всех избирателей. Ее представителями являются: более молодые граждане, в основном мужчины и лица с высшим образованием. Эта группа представляет собой наиболее последовательного сторонника быстрой трансформации Беларуси в плюралистическое общество.

Четвертая ориентация – это *маргиналы* (*marginals*), к которым Уайт и Макаллистер относят жителей Беларуси, не доверяющих существующим институтам, но настроенных весьма скептически относительно своих способностей оказывать влияние на ситуацию с помощью электорального механизма. Данная группа является самой многочисленной и составляет более 33% электората. В основном эта группа состоит из женщин, наименее образованных и обеспеченных граждан страны [53].

Применение метода анализа оценок прошлого, текущего и возможного будущего состояния политической и экономической системы Беларуси выделенными группами позволило британским исследователям четко связать их с определенными политическими ориентациями, существующими в нашей стране. Так, группа *квазиграждан* является наиболее лояльной по отношению к режиму Лукашенко. Они представляют собой единственную силу в стране, которая выступает за сохранение действующей политической системы (правда, даже они поставили отрицательный балл текущему состоя-

нию экономической системы). Этот вывод полностью совпадает с мнением белорусских независимых социологов о переориентации президента после 2004 г. на удовлетворение потребностей не наиболее социально “слабых” групп общества, но “сильных” и лояльных властям (см. вставку 19.1).

Недовольные представляют собой ту часть общества, которым свойственны сознательные протестные настроения. Эта группа наиболее динамична, и она хотела бы добиться глубоких перемен как политической, так и экономической системы. Она не совпадает полностью с партийной оппозицией режиму, так как с партиями себя ассоциирует очень небольшая прослойка белорусского общества (не более 9%, что значительно отличает Беларусь даже от постсоветских Украины и России). Проблема *недовольных* заключается в том, что они пока что не стали центром притяжения для других сил общества, также располагающих определенным протестным потенциалом.

Неосознанное критическое отношение к властям в большей степени характерно для *маргиналов* и в меньшей – для *почтительных* групп общества. Как отмечалось выше, их объединяет с *недовольными* негативная оценка нынешней политической системы. В целом, чуть более 1/3 (37%) граждан склонны рассматривать себя в качестве оппонентов действующей власти. Однако оппонентам из разных групп достаточно сложно найти общий язык, потому что их разделяет неодинаковое отношение к *старому порядку* и разное видение нового политического устройства, которое должно прийти на смену нынешнему политическому режиму [54].

Таким образом, можно согласиться с выводом Уайта и Макаллистера о том, что существующее состояние политических ориентаций белорусских граждан является достаточно удобным для правительства и сохранения власти в руках действующего авторитарного лидера в короткой исторической перспективе. Что касается долгосрочных прогнозов, сделать их очень сложно из-за достаточно большой неопределенности в тенденциях эволюции сформировавшихся разновидностей отношений граждан к участию в политическом процессе.

4. Уровень доверия основным политическим институтам

Важным показателем отношения граждан к политическому процессу является их доверие к институтам, другим людям и друг к другу. Крах советских политических институтов и формирование на их месте институтов новых независимых государств сопровождался падением уровня доверия граждан не только к политическим структурам, но и ко многим общественным учреждениям, а также к дру-

гим людям. Республика Беларусь не была исключением из общего правила.

Согласно данным американского политолога Маген Кнут, в 1990–1991 гг. только 30,8% опрошенных жителей Беларуси ответили утвердительно на вопрос, следует ли доверять таким же людям, как вы; 69,2% дали отрицательный ответ (среди граждан России склонных доверять друг другу было на 7% больше, в Украине такой опрос не проводился). В 1995–1997 гг. количество людей, которые с доверием относились к другим людям, в Беларуси сократилось до 24,1%. При этом количество “скептиков” выросло до 75,9%. Белорусы заняли предпоследнее место по этому показателю среди граждан славянских республик бывшего СССР [55]. Все это породило серьезные проблемы с формированием так называемого *социального капитала*, без которого в XXI в. крайне сложно рассчитывать на создание эффективной экономики и развитого гражданского общества.

Как отмечают Уайт и Макаллистер, в постсоветском регионе преобладали скептические настроения и в отношении доверия к социальным учреждениям. Белорусы и украинцы, как показывают результаты более ранних исследований, выражали наибольшее недоверие и к правительству, и ко многим социальным институтам. На рубеже веков такое состояние общественных настроений в целом сохранилось. Хотя, по сравнению с россиянами и украинцами, белорусы демонстрировали несколько меньший скептицизм в отношении общественных и социальных учреждений. Например, общий уровень доверия всех институтов в Беларуси в то время составлял 37%, тогда как в Украине, он равнялся 31%, а в России – 30%. Однако детальный анализ позволил сделать вывод, что белорусы превосходили своих украинских и российских коллег только в доверии религиозным учреждениям. Почти во всех остальных аспектах они оставались более скептически настроенной группой, достаточно сильно раздираемой несогласием относительно своего отношения к армии, суду, парламенту и (в меньшей степени) милиции. Важнейший институт представительной демократии – политические партии – получил наименьшую поддержку из всех остальных.

Низкий уровень доверия к основным социальным учреждениям, а также институтам представительной демократии является следствием разочарования граждан в уровне развития самой политической системы. Не больше чем 1/5 респондентов (22%) удовлетворены качеством работы демократического механизма в Беларуси; в 3 раза больше тех людей, которые заявляют о своей неудовлетворенности (65%). Если рассмотреть отношение жителей Беларуси к проблеме прав человека, то выяснится, что только 28% белорусских граждан считает, что они соблюдаются в некоторой степени, но 67% занимают противоположную позицию. Такие мнения белорусов, равно как и их позиция по вопросу о работе демократического механизма, являются все же более позитивными, нежели точка зрения большинства россиян и украинцев.

Сравнительные исследования показывают, что граждане Беларуси воспринимают коррупцию как не слишком серьезную угрозу, по сравнению с жителями других постсоветских государств. Это обстоятельство, а также большее доверие к судебной системе, избирательной системе и правительству в целом содействуют тому, что белорусские граждане рассматривают себя в качестве более “политически эффективных” по сравнению с россиянами и украинцами, – считают Уайт и Макаллистер [56].

Критический анализ точки зрения Уайта и Макаллистера о политической эффективности белорусских граждан содержится выше. Здесь же хотелось сказать несколько слов об их концепции доверия в целом. Большим недостатком данного подхода является не разграничение демократических и авторитарных политических систем. Доверие к правительству в условиях демократии является позитивной ценностью, потому что оно способствует политической стабильности, фиксирует временный политический консенсус: согласие общества с проводимым курсом, который был обеспечен большинством голосов граждан на свободных и справедливых выборах. Но консенсус в данном случае не является величиной постоянной и довольно быстро меняется в пользу иных политических сил, которые не становятся здесь “вечной оппозицией”. С помощью демократических процедур и электоральных механизмов оппозиция всегда может прийти к власти и сформировать общественное доверие уже к иному политическому курсу [57].

Ничего подобного не происходит в условиях авторитаризма. Здесь также высокий уровень доверия к правительству содействует стабильности, но стабильности совершенно иного рода, которая направлена на превращение обладателей власти в ее вечных обладателей, искоренение оппозиции из общественной жизни, ликвидацию даже малейших возможностей для изменения однажды установленного политического консенсуса. Электоральный механизм в таких условиях попадает под полный контроль правительства и превращается из канала, обеспечивающего политическую эффективность граждан, в средство в руках властей для повышения степени собственной легитимности и фактического отчуждения рядовых граждан от принятия политических решений на всех уровнях политической системы.

Другими словами, чем меньше уровень доверия авторитарному правительству, тем больше возможностей у рядовых граждан повысить свою политическую эффективность, и наоборот. За долгие годы правления Лукашенко в Беларуси сформировалось доверие общества к политическим институтам чисто авторитарного типа.

Как указывает директор НИСЭПИ Манаев, “изменение уровня доверия белорусов к различным государственным и общественным институтам, пожалуй, в большей степени характеризует само общество, чем институты. В тройке лидеров за последние годы неизменно находились институты православной церкви, армии и президента. О последнем как об институте можно говорить лишь условно, поскольку в Беларуси он редуцирован до конкретной личности. Такая структура первой тройки существовала не всегда. На рубеже 2002–2003 гг. рейтинги Лукашенко, как электоральный, так и доверия, существенно снизились, что опустило институт президента в середину списка.

Однако, несмотря на отдельные исключения, которые только подтверждают правила, наименьшим уровнем доверия у белорусов неизменно пользовались и пользуются такие важные для движения в современность институты, как парламент, местные органы власти и политические партии. Не доверяют белорусы и протестантской церкви, что для страны преимущественно православной выглядит вполне естественно...

Для анализа происходящих изменений НИСЭПИ обычно использует не уровень доверия или недоверия а **индекс доверия** (отношение разности доверяющих и не доверяющих к числу ответивших)... В таблице (см. табл. 19.2) даты опросов выбраны не случайно: март 2003 г. – время минимального рейтинга Лукашенко; апрель 2006 г. – первый опрос после завершения третьих президентских выборов; май 2007 г. – период белорусско-российского кризиса; июнь 2008 г. – последний имеющийся в распоряжении опрос.

Таблица 19.2. Динамика индексов доверия [58].

Институты	03.03	04.06	05.07	06.08
Православная церковь	+0,43	+0,53	+0,48	+0,43
Католическая церковь	-0,10	+0,07	-0,03	0
Протестантская церковь	-0,41	-0,45	-0,39	-0,32
Независимые исследовательские центры	+0,30	+0,17	+0,21	+0,23
Государственные исследовательские центры	+0,11	+0,14	+0,08	+0,05
Независимые СМИ	+0,10	-0,01	+0,15	+0,14
Государственные СМИ	+0,08	+0,16	+0,11	+0,05
Свободные профсоюзы	-0,04	-0,03	+0,04	-0,05
Официальные профсоюзы	-0,19	-0,07	-0,05	-0,13
Объединения предпринимателей	-0,06	-0,02	-0,07	-0,04
Международные организации	-0,09	+0,07	+0,04	+0,08
Правозащитные организации	-0,09	+0,02	+0,11	+0,06
Президент	-0,14	+0,26	+0,24	+0,08
Правительство	-0,3	+0,11	+0,11	+0,07
Суды	-0,16	+0,12	+0,03	+0,04
КГБ	-0,21	+0,11	-0,03	-0,03
Милиция	-0,32	+0,01	-0,08	-0,09
ЦИК	-0,20	+0,06	-0,01	-0,03
Национальное Собрание (парламент)	-0,27	-0,04	-0,06	-0,12
Местные советы	-0,30	-0,15	-0,14	-0,15
Местные исполкомы	-0,30	-0,10	-0,13	-0,18
Проправительственные партии	-0,37	-0,17	-0,22	-0,28
Оппозиционные партии	-0,34	-0,46	-0,43	-0,40

На выбранном временном отрезке индекс доверия (ИД) православной церкви прошел через пик в момент проведения президентских выборов, что еще раз подтверждает наличие тесной связи между государством и православной церковью (по мнению населения). Сегодня ИД православной церкви снизился до своего минимального значения, наблюдаемого в период кризиса легитимности Лукашенко. Причина аналогичного колебания ИД католической церкви не совсем понятна. Возможно, уровень ее огосударствления в глазах населения выше, чем принято считать в экспертном сообществе... Что касается протестан-

стантской церкви, то ее ИД за последние два года заметно вырос. Насколько устойчива данная тенденция, покажет ближайшее время.

Динамику ИД средств массовой информации можно смело отнести к разряду важнейших событий последних лет. В год “кризиса легитимности” ИД независимых СМИ был существенно выше, чем у их государственных конкурентов. Рост популярности Лукашенко до пикового значения в 2006 г. произвел своеобразную рокировку ИД независимых и государственных СМИ, однако белорусско-российский кризис восстановил былое соотношение. И хотя за последние полгода ИД независимых СМИ пусть незначительно, но уменьшился, разница ИД конкурирующих медийных институтов в очередной раз возросла...

Поразительно, но у свободных и независимых профсоюзов ИД выше, чем у профсоюзов, входящих в Федерацию. Возможно, ларчик открывается просто: первые весьма малочисленны, а поэтому высказать им недоверие в ходе опросов некому. Вторые же для большинства белорусов являются придатками администрации государственных предприятий. Поэтому и отношение к ним зависит от общего состояния экономики.

ИД объединения предпринимателей оказался самым стабильным. По всей видимости, населению трудно оценить влияние данных структур на свою жизнь. А вот доверие к международным и правозащитным организациям медленно, но неуклонно растет. Не исключено, что определенную роль в этом сыграло приближение ЕС непосредственно к границам Беларуси... Что касается правозащитных организаций, то, во-первых, на них также положительно сказываются происходящие перемены в информационном пространстве, а, во-вторых, официальная пропаганда, уделяющая достаточное внимание политической оппозиции, никогда не выделяла правозащитников в отдельную категорию “отморозков”.

Что касается динамики ИД президента, то... практическое выравнивание ИД правительства и ИД президента наблюдается впервые. Что это, случайная флуктуация или новая тенденция? Однозначно ответить пока нельзя. В условиях авторитарного режима личной власти, белорусское правительство источника собственной легитимности не имеет, потому его ИД всегда был ниже, чем ИД президента и изменялся параллельно ему.

Теряют свое доверие в глазах населения и силовые институты. В первую очередь милиция, с которой население сталкивается чаще всего. У суда ИД пока положителен, но до пересечения нулевого уровня осталось совсем немного... И замыкают список институты представительных органов власти и политических партий. Нахождение в этой “компании” институтов парламентаризма в преддверии выборов в Палату представителей говорит о той роли, которую он играет в жизни белорусского общества” [59].

Таким образом, следует согласиться с выводами Манаева, который обратил внимание на то, что будущий кризис доверия авторитарных институтов власти в Беларуси, скорее всего, возникнет из неудовлетворенности жителей страны состоянием социальной справедливости. “А. Лукашенко, ставший президентом на волне всенародного возмущения бюрократизмом и коррупцией... очень дорожит имиджем “борца за интересы простого человека с “зажравшимися чиновниками”. Но, как показал опрос 2006 г., сегодня он уже утратил этот имидж в глазах большинства граждан” [60].

5. Характер политических ценностей

Граждане различаются своими ожиданиями от проводимого *политического курса*. В свою очередь, ожидания зависят от приоритетности ориентаций на те или иные *политические ценности*. Последние обладают достаточно большой стабильностью и с трудом поддаются быстрой трансформации. Существует мнение, что демократические реформы во многих постсоветских странах, в том числе и в Беларуси, оказались неуспешными из-за того, что в них отсутствовали политические ценности, благоприятствующие демократии.

Анализ данной проблематики находится в центре внимания работы Кнут, которая представляет собой исследование влияния политических ценностей в России, Украине и Беларуси на процесс демократизации. Эти государства были выбраны в качестве объекта исследования из-за их значительной исторической и культурной близости.

Стремясь выяснить отношение граждан трех славянских республик бывшего СССР к авторитаризму и демократии, американским политологом были проанализированы ответы на вопросы, фиксирующие отношение респондентов к *“сильному руководству”*, не утруждающему себя проведением свободных выборов, и к *демократической системе* правления в целом. Открылась довольно противоречивая картина: в Беларуси 55,9% респондентов положительно относились к *“сильной руке”* (в Украине такие люди составили 54,4%, в России – 50,4%); но зато 79,8% белорусов заявили, что согласны с тем, что иметь демократическую форму правления является благом (с ними были согласны 80,2% украинцев, но только 57,7% россиян). По мнению Кнут, объяснением слишком большой разницы в восприятии демократии (на более чем 20%) гражданами России, с одной стороны, и Беларуси и Украины, с другой, следует искать в негативном опыте россиян, большинство из которых оказались разочарованы практикой так называемого демократического правления в 1990-е гг.

Чтобы уточнить ситуацию, автором исследования были рассмотрены ответы респондентов на вопрос об их отношении к тому мнению, что *“демократическая система не идеальна, но все равно превосходит все другие формы правления”*. Выяснилось, что только 58,9% российских респондентов разделяют эту точку зрения, в то время как она пользуется поддержкой 80,8% белорусских граждан и 76,3% украинских. Это означает, что политическая культура в России не является более демократической, чем в Беларуси и Украине, считает американский политолог [61].

Очень важным индикатором присутствия в обществе элементов демократической политической культуры является отношение населения к гипотетическому *выбору между ценностями свободы и порядка*. Данные опросов свидетельствуют, что белорусские респонденты в большинстве своем, как это ни кажется парадоксальным на первый взгляд, отдают приоритет свободе над порядком: 55,9% считает, что главной задачей государства является гарантирование индивидуальной свободы, против 44,1%, полагающих, что государство должно заниматься в первую очередь обеспечением порядка. В Украине и России преобладают позиции тех людей, которые порядок ставят выше свободы. Кнут считает, что это можно объяснить дефицитом свободы в нашей стране и дефицитом порядка у наших соседей [62].

Наконец, от уровня *толерантности* общества, в конечном итоге зависит степень его плюрализма и готовности защищать права политических и иных меньшинств. Результаты исследований продемонстрировали значительную разницу в уровне развития данной ценности в развитых демократических странах и в постсоветском мире. При этом оказалось, что и в Беларуси, и в Украине, и в России подавляющее большинство опрошенных были не готовы предоставить возможность “пользующейся наименьшим предпочтением” группе занимать места в государственных учреждениях и преподавать в школах. Тем не менее, чуть больше россиян, чем украинцев и белорусов заявили, что терпимо относятся к праву такой группы участвовать в публичных демонстрациях. Следовательно, по этому показателю на первом месте оказалась Россия, затем идет Беларусь и замыкает список Украина [63].

О невысокой толерантности современного белорусского общества заявляют и белорусские социологи. Вот что пишет по этому поводу Манаев: “Сложившиеся еще в перестроечные времена представления о пресловутой *памяркоўнасці і талерантнасці* белорусов стало столь же адекватным реальному положению, как и “добрососедские отношения” между жителями Грузии и Абхазии, Молдовы и Приднестровья. Разница, конечно, есть, но не столько в форме проявления этих противоречий (социальное напряжение еще не переросло в открытый конфликт, тем более с применением вооруженной силы), сколько в их содержании. Стало ясно, что раскол электората, и всего белорусского общества, чреватый серьезными конфликтами, имеет не столько национальную или религиозную, сколько социальную и идеологическую основу” [64].

Полученные результаты заставили Кнут отклонить ту гипотезу, которая была первоначально выдвинута в ходе исследования: о том, что политическая культура России оказалась более демократической, чем политическая культура Украины и Беларуси, что и объясняет большую демократичность политической системы этого государства. Последнее обстоятельство подтверждалось данными сравнительных исследований *Freedom House* вплоть до победы *Оранжевой революции* в Украине. Оказалось, что в некоторых аспектах политические ценности белорусов, в других – украинских граждан выглядели как более демократические. В любом случае, *политическая культура России является менее демократической, чем политическая культура ее западных соседей*. Одно из возможных объяснений этого феномена содержится в *теории существенного искажения культурных ценностей (squishy theory)* в эпоху кризисов [65]. Верность этой теории была подтверждена, в частности, социологами, обратившими внимание на изменение отношения американцев к той же самой толерантности после 11 сентября 2001 г. Требуется время и стабилизация ситуации, чтобы все вернулось на круги своя.

Невозможно не согласиться с главным выводом этого исследования. Однако нам представляется, что причины этого феномена следует искать в истории и культурных особенностях народов трех славянских республик бывшего СССР. Европейские традиции были присущи белорусам и украинцам в гораздо большей степени, чем россиянам. Этим объясняется то обстоятельство, что многие демократические ценности политической культуры на западе бывшего Советского Союза, встретили большую поддержку, чем на востоке [66].

Последнее прекрасно иллюстрирует развитие политического процесса в рассматриваемых странах в первой декаде 2000-х гг. Экономическая стабилизация в России привела к укреплению авторитарного правления, органично присущего российской политической культуре. Попытка путинского руководства навязать эту же модель Украине вызвала Оранжевую революцию под флагом демократизации и европеизации. Революция победила в стране с высоким уровнем национального самосознания, народ которой уже не мог мириться с возвращением под крыло возраждающейся новой агрессивной империи на востоке. Большие проблемы с национальной идентичностью в Беларуси не позволили нашей стране пойти по “украинскому пути”, но и здесь автократу Лукашенко, полностью зависящему от помощи из России, ничего не оставалось делать, как заявить о защите национального суверенитета как важнейшей политической ценности и фактически заморозить (это мнение ряда российских экспертов) проект создания союзного государства между РБ и РФ. В значительной степени эти шаги были предприняты под давлением меняющегося общественного мнения [67].

Разрыв ценностей российского общества, с одной стороны, и белорусского и украинского, с другой, не является очень значительным. Это обстоятельство позволяет нам лучше понять наличие серьезных проблем со стабилизацией демократических политических институтов в Украине в постреволюционный период и всю непоследовательность поведения белорусского лидера, балансирующего между Россией и Европой, скорее, с целью сохранения личной власти любой ценой, нежели независимости государства.

Некоторые исследователи обращают внимание на гораздо более серьезный раскол белорусского общества, связанный с *разными ценностными ориентациями* его участников, чем тот, который существовал в Украине до Оранжевой революции. Причины этого явления связаны все с той же проблемой национальной идентичности в Беларуси: сильно отличающиеся друг от друга модели национального строительства не помогали консолидации белорусской нации, что также препятствовало и ее демократизации. В Украине наличие сильного национального течения в рамках коммунистической партии еще во времена перестройки содействовало консолидации элиты и основных сил общества вокруг идей независимого государства и его быстрой трансформации в подлинное национальное. Наличие национального консенсуса в украинском обществе благотворно сказалось на одобрении большинством граждан демократического и европейского векторов развития в 2004 и 2007 гг., несмотря на значительные культурные различия между жителями Западной и Восточной Украины.

Как указывают австралийские политологи Джон Дрызек и Лесли Холмс, которые попытались провести очень интересный *дискурсивный анализ* отношения граждан некоторых посткоммунистических стран к самим себе, политике и демократии, а также к собственному участию и участию других групп в политической жизни, Беларусь, Украина и Россия – это страны с *остановленным переходом* к демократии. Несмотря на то, что в эпоху перестройки Беларусь и Украина были очень похожи консерватизмом позиций своих элит по отношению к политике демократизации, которая тогда исходила из Кремля, уже в конце 90-х стало понятно, что в украинском обществе существует гораздо больше предпосылок для демократизации, чем в белорусском и российском. Дрызек и Холмс обнаружили четыре различные ценностные ориентации в Украине, которые они назвали *социал-демократическим, коммуностальгическим, процветающе-удовлетворенным и либерально-капиталистическим* дискурсами. Из них только ностальгический коммунизм был враждебен демократии. Вместе с тем социал-демократический дискурс был тесно связан с либерально-демократическими ценностями, так как предполагал государственное регулирование рыночной экономики. Оба других дискурса отдавали приоритет экономическому благосостоянию перед демократией, хотя и по-разному видели пути достижения процветания, а также расходились в ответе на вопрос, насколько данная цель является достижимой при существующем режиме. На основании проделанного анализа авторы пришли к выводу, что украинское общество своими ценностными ориентациями было больше готово к демократизации, чем белорусское и российское, не только потому, что приверженцы авторитаризма здесь находились в меньшинстве, а между представителями других ориентаций было много общего, но также и потому, что в Украине люди (до Оранжевой революции – замеч. авт.) не взваливали ответственность за экономические проблемы на собственных демократов в институтах власти [68].

В белорусском обществе австралийские политологи выделили три вида ценностных ориентаций, которые они назвали **либерально-демократическим** (*liberal democracy*), **президентско-популистским** (*president populism*) и **нерасположенно-авторитарным** (*reluctant authoritarianism*) дискурсами. Первый связан с приверженцами оппозиционных партий и неправительственных организаций и представляет собой, скорее, надежду, нежели что-то реальное, так как движение Беларуси к либеральной демократии сталкивается с пока что неразрешимыми проблемами. Президентский популизм является антиплюралистической, нелиберальной и не толерантной ориентацией, основанной на вере в легкость достижения некоего единого общественного интереса. Нерасположенный авторитаризм ориентирован на сильную президентскую власть и материальное равенство, достижимое с помощью государственного перераспределения. Поскольку авторитарная президентская власть в Беларуси опирается не только на страх и насилие, но и на достаточно широкую базу поддержки со стороны носителей двух основных дискурсов, перспективы демократического развития Беларуси являются весьма слабыми [69].

Этот вывод подкрепляется и анализом внутренних проблем, с которыми сталкиваются представители либерально-демократического дискурса в нашей стране. С одной стороны, их изоляция от общества является и изоляцией от власти, а следовательно, и от той ответственности за трудности посткоммунистического перехода, которая, например, подорвала потенциал их коллег

в России. Но, с другой стороны, как замечают Дрызек и Холмс, слишком долгое существование в изоляции и туризм ценностных ориентаций очень часто соседствуют с политическим бессилием [70].

Раскол ценностных ориентаций белорусского общества фиксируют и многие белорусские социологи. Например, по мнению Манаева, «часть общества искренне тоскует о «старых добрых временах» развитого социализма – таких три года спустя после прихода Лукашенко к власти было примерно 25–30% населения. Другая часть, наоборот, стремится жить по принципам рыночной экономики и демократии – таких оказалось не менее 20%. Эти группы – непримиримые антагонисты, убежденные в своей правоте и готовые активно отстаивать свои убеждения... Раскол белорусского общества был спровоцирован не Лукашенко, а крахом социалистической системы и распадом советской империи: к 1991 г. в нашем обществе не сформировалась почва, на которой идеи государственной независимости, рыночной экономики, политической демократии и прав человека получили бы поддержку большинства. Другое дело, что социальная и политическая поляризация первых трех лет независимости могла бы быть смягчена, «смятение умов» могло бы приобрести вполне нормальные, цивилизованные формы общественного «разномыслия», которое обычно не тормозит, а наоборот, стимулирует развитие общества. Но политика президента Лукашенко, активно, целеустремленно и планомерно восстанавливающая прежние формы общественной жизни, начисто игнорирующая и подавляющая интересы тех, кто уже не приемлет этих форм, – такая политика не смягчает, не нейтрализует объективную поляризацию, а обостряет ее до крайности, доводит общество до раскола» [71].

«Из многолетних исследований НИСЭПИ (здесь приведены данные за июнь 2008 г. – замеч. авт.) известно, что белорусское общество расколото в отношении примерно 3 к 7 на демократическую и авторитарную части. Природа раскола не мировоззренческая, но ресурсная. Молодые, образованные, проживающие в больших городах белорусы – словом, все те, кто способен активно выстраивать свои жизненные стратегии, выступают в основной своей массе за демократический путь развития Беларуси. Их оппоненты – жители села и небольших городов, люди преклонного возраста и с низким уровнем образования в силу перечисленных характеристик нуждаются в поддержке со стороны государства. Без нее в современных условиях они просто не выживут. В зависимости от текущего состояния экономики они могут доверять или не доверять Лукашенко, что и приводит к колебаниям его рейтинга. Однако структура общества, следовательно, и структура запроса перемен от этого не меняется» [72].

Таким образом, наличие определенных преимуществ перед Россией, проявляющихся в большем демократизме политических ценностей белорусского общества, гасится его расколом по основным ценностным ориентациям, который искусственно поддерживается действующим президентом, хорошо усвоившим главный принцип любого авторитарного правления: разделяй и властвуй.

6. Особенности политической социализации

Каждое переходное общество, в котором возникают новые демократические политические и экономические институты, сталкива-

ется с проблемой формирования новой политической культуры: целенаправленного изменения знаний, умений, ценностных ориентаций и моделей поведения своих граждан. Без этого демократические политические институты могут оказаться во враждебном социальном окружении и даже погибнуть.

Поэтому в большинстве стран, совершающих переход от авторитаризма к демократии, правительства уделяют столь пристальное внимание процессам *социализации*, которые призваны преодолеть опасный разрыв между демократическими политическими институтами общества и недемократической политической культурой граждан. Главную роль в этом деле играет так называемое **гражданское образование**. Оно представляет собой систему обучения граждан, направленную на то, чтобы подготовить их к жизни и деятельности в условиях демократии. Задачами гражданского образования является передача знаний об обществе, помощь в формировании у человека гражданской позиции, содействие развитию умений и навыков самостоятельного и ответственного участия в политической жизни общества.

Поскольку наша страна не является ни демократическим, ни переходным государством, а ее политический режим заслуженно характеризуется как авторитарный, белорусские власти не только не содействуют гражданскому образованию, но и делают все от них зависящее, чтобы через систему государственных учебных заведений, СМИ и другие структуры репродуцировать, расширять и углублять антидемократические представления, содействуя формированию подданных чувств у населения.

С этой главной особенностью ситуации, в которой оказалось гражданское образование в нашей стране, связаны и другие. Во-первых, обучение населения демократическим принципам и нормам поведения осуществляется только энтузиастами неправительственных организаций, политических партий и свободных профсоюзов. Во-вторых, перед гражданским образованием в Беларуси стоит гораздо больше задач, чем в других странах. Только некоторым нашим неправительственным организациям приходится формировать у слушателей национальную идентичность, содействовать изучению ими белорусского языка и истории, воспитывать патриотами своего отечества. Активистам многих НПО приходится делать ту работу, которая в нормальных условиях выполняется государственными чиновниками. В-третьих, программы гражданского образования в нашей стране реализуются при отсутствии внутренних источников финансирования или их существенном дефиците. Государство, как уже отмечалось, не только не содействует этому делу, но и создает всяческие препятствия для его развития. Частный бизнес

является очень слабым и в значительной степени зависимым от правительства. Поэтому основными источниками финансирования проектов в области гражданского образования являются средства международных донорских организаций.

Несмотря на значительные проблемы, с которыми сталкиваются организации, занимающиеся гражданским образованием в современной Беларуси, некоторым из них удается добиваться определенных успехов даже в трудных условиях. Это становится возможным только в случае координации усилий НПО, обеспечения преобладания кооперации над конкуренцией за скудные ресурсы. Одним из интересных примеров в этом плане является деятельность Ассоциации гражданского образования (см. вставку 19.3).

ВСТАВКА 19.3

Белорусская ассоциация гражданского образования

Ассоциация гражданского образования (АГА) возникла в январе 2000 г. в результате подписания соглашения между некоторыми минскими и региональными организациями данного профиля. В нее вошли такие известные НПО, как Фонд *Открытое общество*, Объединение молодых ученых ВИТ, Женское независимое демократическое движение, Информационно-аналитический центр НПО, Центр ПОСТ, Общественное объединение *Супольнасьць*, Фонд им. Льва Сапеги, Центр социальных инноваций, Социально-педагогическое объединение *Чазения*, Общественное объединение *Экодом*. В 2008 г. в ассоциацию входило 17 организаций.

Можно выделить несколько факторов, которые позволяют объединению находить эффективные ответы на внешние вызовы: существует богатый опыт образовательной деятельности, в организациях работают высококвалифицированные специалисты, осуществляется тесная кооперация между организациями, входящими в ассоциацию. На регулярной основе осуществляется информационный обмен, обмен тренерскими командами, учебно-методической литературой; осуществляются и совместные образовательные программы. Члены ассоциации проводят регулярные встречи, на которых обсуждаются планы совместной деятельности, новые методики обучения, программы сотрудничества с зарубежными партнерами.

Каждая из организаций-членов специализируется в своей области гражданского образования и оказывает услуги определенным адресным группам. Но в этом как раз и заключается преимущество АГА, участники которого дополняют друг друга. Например, Фонд *Открытое общество* и ИАЦ НПО занимаются политическим образованием; Женское независимое демократическое движение специализируется на гендерной проблематике; ЦСИ, ПОСТ и *Чазения* передают знания в области методики образования и общественного менеджмента; ассоциация ВИТ известна своими правовыми школами; Фонд им. Льва Сапеги – семинарами по местному самоуправлению, *Супольнасьць* – культурно-просветительскими мероприятиями, а *Экодом* – проведением тренингов по экологической тематике. Постепенно расширяются адресные группы, которым оказывают услуги участники Ассоциации гражданского образования.

Если раньше главный акцент делался на работе с членами и активистами НПО, то теперь все чаще и чаще в семинарах и тренингах участвуют не ангажированные в неправительственные организации и политические партии граждане. ЦСИ оказывает образовательные услуги безработным, *Чазения* и ПОСТ проводят интересные тренинги для подростков, ассоциация ВИТ работает со студентами. Фонд *Открытое общество*, ИАЦ НПО и *Супольнасьць* помогают повышать квалификацию учителей. Безусловно, Ассоциация гражданского образования сталкивается с трудностями и проблемами в своей деятельности. Не все из них носят только внешний характер. Многие члены этого объединения осознают необходимость расширения сферы своей деятельности, оказания основной части образовательных услуг не ангажированному населению, более активной деятельности в регионах Беларуси, повышения качественного уровня образования. Однако наличие подтвердивших свою эффективность форм сотрудничества между организациями является гарантией того, что АГА сможет решить эти проблемы [73].

Существует два противоположных мнения относительно путей дальнейшего развития гражданского образования в условиях сохраняющегося авторитаризма. С одной стороны, некоторые политики связывают с ней большие ожидания, надеясь с помощью семинаров и тренингов изменить менталитет населения, которое потом проголосует за представителей демократических партий на выборах. С другой стороны, часть неправительственных организаций и донорских структур призывает к полной деполитизации гражданского образования.

Истина в этом споре, наверное, находится посередине. Ошибкой является ставка на гражданское образование как единственный путь к победе демократии. Оппозиционные партии и неправительственные организации не могут конкурировать с государством в области социализации и ресоциализации. Но не меньшей ошибкой является и стремление к деполитизации деятельности образовательных программ (*политика* в данном случае понимается в широком смысле слова), к превращению гражданского образования в узко-элитарный “междусобойчик”, оторванный от потребностей населения.

Организации, занимающиеся гражданским образованием, в состоянии расширить сферу своей деятельности, работая с наиболее активными и потенциально демократическими группами общества, и тем самым реально помочь политическим партиям, движениям и коалициям в их стремлении мирным путем прийти к власти. Со своей стороны, партии должны осознать, что их стратегической задачей является не повышение образовательного уровня единомышленников, а каждодневная и системная работа с широкими слоями населения и, в конечном итоге, победа демократии в нашей стране. Перед оппозицией стоит не просветительская, а политическая задача. Только успешно решив ее, придя в государственную власть,

она может приступать к масштабной социализации белорусского общества с помощью НПО и государственных институтов.

Руководство Беларуси после избрания Лукашенко на должность президента придерживалось двух достаточно сильно отличающихся стратегий социализации. До 2003 г. политика властей была направлена на деполитизацию общественного сознания, стимулирование пассивности и покорности населения. Следует отметить, что подобный курс характерен для целого ряда классических авторитарных режимов. После изобретения так называемой государственной идеологии режим Лукашенко перешел в наступление, стремясь добиться активной поддержки со стороны населения. Политическая социализация, осуществляемая государством, стала все больше и больше походить на **индоктринацию**.

Несмотря на то, что статья 4 действующей Конституции утверждает, что “демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений; идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан”, президент и государственные органы навязывают гражданам вполне определенную доктрину, которая получила в нашей стране статус официальной идеологии [74].

В соответствии с указом Лукашенко *О совершенствовании кадрового обеспечения идеологической работы* за 2004 г. во всех государственных учреждениях, а также в организациях и на предприятиях государственной формы собственности были созданы идеологические отделы. “Действия указа не распространялись на частные учебные заведения и предприятия. Однако, как сказал Лукашенко, и здесь должны соблюдаться определенные идеологические стандарты, действующие в государстве. Так что те предприниматели, которые не хотят прослыть неблагонадежными, обязаны обзавестись “карманными” идеологами. В общем, по замыслу главы белорусского государства, идеологической работой планируется охватить всех белорусов” [75].

Идеологизация в первую очередь затронула высшую школу страны, чтобы поставить под жесткий контроль студентов и преподавателей, – наиболее “неблагонадежные” с точки зрения властей категории населения. С февраля 2004 г. во всех высших учебных заведениях, в основном на первых курсах, преподается предмет *Основы идеологии белорусского государства*. По нему студенты обязаны сдавать зачет. Подготовлено несколько учебных пособий. Как в советские годы идеологическая дисциплина читается на всех специальностях, невзирая на профиль вуза.

Помимо этого, во всех вузах регулярно разрабатываются и утверждаются планы идеологической и воспитательной работы. В каждом учебном заведении созданы информационные группы во главе с ректором. На кафедрах и в структурных подразделениях определены ответственные за информационно-пропагандистскую работу, установлен единый день информирования. Тематика проведения единых информационных дней в академических группах и общежитиях разрабатывается на семестр и утверждается на Совете вуза. За счет государственного финансирования во всех учебных заведениях страны созданы первичные организации ОО БРСМ.

Государственные чиновники проводят регулярные проверки состояния идеологической работы на предприятиях, в школах и университетах. Как отмечается в отчете Министерства образования за 2004 г., выявлены следующие недостатки: “Информационные часы не всегда включаются в расписание учебных занятий... Не всегда контролируется содержание наглядной агитации, стенной печати, студенческих и вузовских газет, внутривузовской сети Интернет... Нельзя допускать, чтобы сами преподаватели были неискренними перед студентами, неглубоко владели основами идеологии белорусского государства, не понимали сути социально-экономических и политических преобразований в стране... У многих студентов нет четкого представления о своей роли и месте в решении социально-экономических проблем страны” [76].

Несмотря на значительные усилия и большие ресурсы, направленные на возрождение индоктринации в Беларуси в том объеме, в котором она существовала в СССР, сделать это так и не удалось. Есть несколько причин провала тотальной идеологизации общественной жизни. Прежде всего, содержание государственной идеологии не выдерживает никакой критики (см. подробнее тему 17). Далее, невозможно организовать эффективный контроль над сознанием людей в эпоху Интернет и глобальных СМИ. Как и следовало ожидать, активность бюрократии по выполнению указаний президента не могла не привести к формализации идеологической работы, что не могло не оттолкнуть от нее людей. Поэтому в последнее время белорусский режим тихо спускает на тормозах идеологическую кампанию; акцент смещается на достижение чисто прагматических целей государства.

Таким образом, в современной Беларуси существует два противоположных типа политик в области социализации, что не может не воспроизводить раскол общества по его ценностным ориентациям. Несмотря на колоссальные преимущества индоктринации, которая опирается на всю мощь государственной поддержки, данный курс ведет Беларусь к изоляции и тем самым объективно направлен про-

тив независимости. Это может показаться странным бюлестителям чистоты *белорусской модели*, но публичный отказ от курса на идеологизацию общественной жизни и допущение элементов плюрализма в политической социализации общества содействовали бы укреплению суверенитета Республики Беларусь в гораздо большей степени, нежели тысячи мероприятий по донесению идей президента до каждого белоруса.

Примечания

1. Almond G., Powell B., "Political Culture and Political Socialization" // G. Almond and B. Powell eds. *Comparative Politics Today*. N.Y.: Harper Collins, 1996. P. 37.
2. See: Marples D., *Belarus: Denationalized Nation*. Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1999.
3. Гл.: Ёфэ Г., "Беларусь: дзяржава, але яшчэ ня нацыя" // *ARCHE*, 2007, № 4. С. 193–205.
4. Huntington S., *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster, 1996. P. 164.
5. Zaprudnik Y., "Belarus in Search of National Identity Between 1986 and 2000" // E. Korosteleva ed. *Contemporary Belarus: Between Democracy and Dictatorship*. Richmond: Curzon, 2002. P. 112–125.
6. Goujon A., "Nationalisme et identite en Bielorussie" // *Chaillot Paper*. November 2005, no 85. P. 14.
7. Leshchenko N., "A Fine Instrument: Two National-Building Strategies in Post-Soviet Belarus" // *Nations and Nationalism*, 2004, vol. 10 (3). P. 333.
8. Gellner E., *Nations and Nationalism: New Perspectives on the Past*. Oxford & Cambridge: Blackwell, 1983. P. 7.
9. Латышонок А., "Мой рэйтынг эўрапейскіх нацыяў на пачатку XXI ст." // *ARCHE*, 2007, № 5. С. 82–83.
10. Тамсама. С. 85–86.
11. Leshchenko N., *Op. cit.* P. 334–335.
12. See: Ioffe G., "Culture Wars, Soul-Searching, and Belarusian Identity" // *East European Politics and Societies*, 2007, vol. 21, no 2. P. 355–357; Ёфэ Г., Тамсама. С. 198.
13. Leshchenko N., *Op. cit.* P. 337.
14. Ёфэ Г., Тамсама. С. 198.
15. Мэрплз Д., "Сіла і слабасць беларускага аўтарытарызму" // *ARCHE*, 2007, № 4. С. 73–74.
16. Начало экономического роста в Республике Беларусь совпало по времени с подписанием союзного договора между РБ и РФ и совершением конституционного переворота президентом Лукашенко.
17. See: Gellner E., *Op. cit.* P. 35–38.
18. Leshchenko N., *Op. cit.* P. 339–340.
19. Goujon A., *Op. cit.* P. 18.
20. *Белорусский рынок*. 2002, № 23.

21. НТВ. Свобода слова Савика Шустера, 2003, ноябрь.
22. БТ. 30.06. 2003; БТ. 6.02.2007; БТ. 22.06. 2003.
23. См.: www.lenta.ru. 01.02.2007.
24. БТ. 6.02.2007.
25. See: Leshchenko N., Op. cit. P. 341–345.
26. Марплз Д., “Ці ёсьць у Беларусі беларусы?” // *ARCHE*, 2007, № 5. С. 96.
27. See: Ioffe G., Op. cit. P. 365–370.
28. Ёфэ Г., Тамсама. С. 200–201.
29. Ioffe G., Op. cit. P. 374–375.
30. Марплз Д., “Сіла і слабасць беларускага аўтарытарызму”. С. 77.
31. Leshchenko N., Op. cit. P. 345–347.
32. See: Ioffe G., Op. cit. P. 357–365, 368.
33. Goujon A., Op. cit. P. 16.
34. Leshchenko N., Op. cit. P. 338.
35. Акудович В., *Код отсуствия*. Vilnius: Versus aureus, 2008. С. 104.
36. Гл.: Ёфэ Г., Тамсама. С. 202.
37. <http://www.iiseps.org/press14.html>.
38. Манаев О., “Трансформация электората” // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму*. Новосибирск: Водолей, 2006. С. 49, 51, 72–73.
39. Лысюк А., “Президент и народ: специфика политических коммуникаций” // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму*. Новосибирск: Водолей, 2006. С. 155.
40. Там же. С. 156–157.
41. Там же. С. 158–159.
42. Мацызата К., “Рэжым Лукашэнкі як выспа папулізму ў акіяне кланавай палітыкі” // *ARCHE*, 2005, № 4. С. 95, 101, 105–106, 109.
43. Лысюк А., Указ. соч. С. 150; Карбалевич В., “Внешняя политика Беларуси: попытка самоопределения” // *Национальная и региональная безопасность*. Минск: Несси, 2001. С. 170.
44. Лукашенко А., “О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию” // *Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов*. Минск: Академия управления при Президенте РБ, 2003. С. 21.
45. Мацызата К., Тамсама. С. 112.
46. White S., McAllister I., “Patterns of Political Culture” // S. White and E. Korosteleva eds. *Postcommunist Belarus in Search of Direction*. L.: Rowman & Littlefield, 2004. P. 21–22.
47. Ibid. P. 22.
48. См.: Розумков центр. Киев, 2005
49. White S., McAllister I., Op. cit. P. 25–26.
50. <http://www.iiseps.org/press13.html>.
51. Алмонд и Пауэлл выделяли в качестве идеальных типов ролей следующие: “участники” (*participants*), “подданные” (*subjects*), “прихожане” (*parochial*); их исполняют акторы политического процесса в различных

- политических системах. См.: Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р., *Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор*. М.: Аспект-пресс, 2002. С. 98.
52. White S., McAllister I., Op. cit. P. 29.
53. See: Ibid. P. 28–29.
54. Ibid. P. 30–31.
55. Knuth M., *Russia, Ukraine, and Belarus: A Comparative Study on Political Culture and Democratization Success*. Chicago: Midwest Political Science Association Conference, 2004. P. 35–36.
56. White S., McAllister I., Op. cit. P. 24–28.
57. See: Sartori G., *The Theory of Democracy Revisited. Part 1: The Contemporary Debate*. Chatham (NJ): Chatham House Publishers, 1987.
58. Данные этой таблицы заимствованы из материалов исследований НИСЭПИ.
59. <http://www.iiseps.org/press12.html>.
60. Там же. К колебаниям рейтинга Лукашенко приводит изменение позиции той части белорусского общества, которая является социально “слабой”. В ситуации ухудшения экономического положения эти люди превращаются в критиков главы государства, но они не становятся сторонниками оппозиции из-за несовпадения интересов. См.: <http://www.iiseps.org/press14.html>.
61. Манаев О., Указ. соч. С. 79.
62. Knuth M., Op. cit. P. 24.
63. Ibid. P. 27.
64. Ibid. P. 30. Кнут обратила внимание на некоторую некорректность формулировки вопроса, что и привело к тому, что во всех трех странах респонденты к “пользующейся наименьшим предпочтением” группе отнесли преступников и неонацистов. Но и в странах развитой демократии общество выступает за ограничение прав таких групп находиться на государственной службе, заниматься преподавательской работой или проводить демонстрации и митинги.
65. Манаев О., Указ. соч. С. 50.
66. Knuth M., Op. cit. P. 31.
67. See: Brzezinski Z., “The Primacy of History and Culture” // L. Diamond and M. Plattner eds. *Democracy after Communism*. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2002. P. 194–200.
68. См. данные недавних опросов (2009) об изменении отношения населения Беларуси к вступлению в состав России, независимости и интеграции с Евросоюзом.
69. Dryzek J., Holmes L., *Post-Communist Democratization. Political Discourses Across Thirteen Countries*. Cambridge: University Press, 2002. P. 128.
70. Ibid. P. 90.
71. Ibid. P. 87.
72. Манаев О., Указ. соч. С. 50.
73. <http://www.iiseps.org/press14.html>.

74. See: Rouda U., "Study Circles in Belarus" // <http://hurtki.info/artykuly/3.html>.
75. *Конституция Республики Беларусь* 1996 г. Статья 4. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2007. С. 4.
76. *Новые известия*. 17 февраля 2004 г.
77. <http://www.minedu.unibel.by/>.

Литература

- Акудович В., *Код отсутствия*. Вильнюс: *Versus aureus*, 2008.
- Ёфэ Г., "Беларусь: дзяржава, але яшчэ ня нацыя" // *ARCHE*, 2007, № 4.
- Лагатышок А., "Мой рэйтынг эўрапейскіх нацыяў на пачатку XXI ст." // *ARCHE*, 2007, № 5.
- Лукашенко А., "О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию" // *Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов*. Минск: Академия управления при Президенте РБ, 2003.
- Лысюк А., "Президент и народ: специфика политических коммуникаций" // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму*. Новосибирск: Водолей, 2006.
- Манаев О., "Трансформация электората" // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму*. Новосибирск: Водолей, 2006.
- Марплз Д., "Сіла і слабасьць беларускага аўтарытарызму" // *ARCHE*, 2007, № 4.
- Almond G., Powell B., "Political Culture and Political Socialization" // G. Almond and B. Powell eds. *Comparative Politics Today*. N.Y.: Harper Collins, 1996.
- Brzezinski Z., "The Primacy of History and Culture" // L. Diamond and M. Plattner eds. *Democracy after Communism*. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2002.
- Dryzek J., Holmes L., *Post-Communist Democratization. Political Discourses Across Thirteen Countries*. Cambridge: University Press, 2002.
- Goujon A., "Nationalisme et identite en Bielorussie" // *Chaillot Paper*. November 2005, no 85. P. 14.
- Huntington S., *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster, 1996.
- Ioffe G., "Culture Wars, Soul-Searching, and Belarusian Identity" // *East European Politics and Societies*, 2007, vol. 21, no 2.
- Knuth M., *Russia, Ukraine, and Belarus: A Comparative Study on Political Culture and Democratization Success*. Chicago: Midwest Political Science Association Conference, 2004.
- Leshchenko N., "A Fine Instrument: Two National-Building Strategies in Post-Soviet Belarus" // *Nations and Nationalism*, 2004, vol. 10 (3).
- Marples D., *Belarus: Denationalized Nation*. Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1999.

White S., McAllister I., "Patterns of Political Culture" // S. White and E. Korosteleva eds. *Postcommunist Belarus in Search of Direction*. L.: Rowman & Littlefield, 2004.

Zaprudnik Y., "Belarus in Search of National Identity Between 1986 and 2000" // E. Korosteleva ed. *Contemporary Belarus: Between Democracy and Dictatorship*. Richmond: Curzon, 2002.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

1. Какие концепции белорусской национальной идентичности вы знаете?
2. Является ли политический режим Лукашенко легитимным?
3. Какие стратегии поведения использует белорусская власть для собственной легитимации?
4. Насколько эффективным является политическое участие белорусских граждан?
5. Какие модели политического участия в Беларуси выделяют Уайт и Макаллистер?
6. Что представляет собой доверие к основным политическим институтам в Республике Беларусь?
7. Насколько демократическими являются ценностные ориентации белорусских граждан в Республике Беларусь? Сравните их с ценностными ориентациями граждан Украины и России и стран Центральной и Восточной Европы.
8. Существует ли раскол белорусского общества в связи с разными ценностными ориентациями людей?
9. Какие примеры политики индоктринации в современной Республике Беларусь вы можете привести?
10. Что представляет собой гражданское образование в Республике Беларусь?

ТЕМА 20. ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

1. Индивидуальные группы интересов и патрон-клиентельные сети.
2. Особенности аномических действий в современной Беларуси.
3. Неассоциированные и институциональные группы интересов.
4. Ассоциированные группы интересов.
5. Система представительства интересов (система групп интересов).

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ:

- неразвитые *обратные связи* в политической системе;
- шкловско-могилевская клановая группа;
- группа *силовиков*;
- группа *молодых прагматиков*;
- рабочие забастовки весной 1991 г.;
- старшее поколение номенклатуры (постсоветская элита);
- старшее поколение интеллигенции (национальная/идеалистическая элита);
- младшее поколение номенклатуры (провинциальная элита);
- младшее поколение интеллигенции (либеральная/прагматическая элита);
- система *госклана*;
- Белорусский конгресс демократических профсоюзов (БКДП);
- Федерация профсоюзов Беларуси (ФПБ);
- Белорусский союз предпринимателей (БСП);
- Белорусский союз предпринимателей и нанимателей им. Кунявского (БСПН);
- Белорусская научно-промышленная ассоциация (БНПА);
- Конфедерация промышленников и предпринимателей (нанимателей);
- неформальные инициативы;
- третий сектор;
- неправительственные организации (НПО);
- Ассамблея демократических неправительственных организаций;
- созданные донорскими структурами неправительственные организации (DONGO);
- созданные государством неправительственные организации (GONGO);
- Белорусский республиканский союз молодежи (БРСМ);
- Белорусский союз молодежных и детских общественных объединений *Рада*;

- Республиканское общественное объединение *Белая Русь*;
- инклюзивный и эксклюзивный корпоративизм.

В данном разделе группы интересов в Республике Беларусь рассматриваются в соответствии с той классификацией, которая была сделана Алмондом и Пауэллом [1]. Она также подробно анализируется в первой части учебного пособия (см.: Ровдо В., *Сравнительная политология*: учеб. пособие. В 3 ч. Ч. 1. Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО “Вариант”, 2007).

1. Индивидуальные группы интересов и патрон-клиентельные сети

Индивидуальные группы интересов являются древнейшей и наиболее распространенной формой коммуникации общества со структурами власти. Обращения людей к структурам власти позволяют артикулировать интересы, когда они носят однотипный характер или связаны с просьбами влиятельных персон.

Как и в любом авторитарном государстве, данный канал артикуляции интересов приобретает очень важное значение в Республике Беларусь из-за закрытости для простых граждан других каналов коммуникации с властями. Поэтому беседы с управленцами самых разных уровней, письма в Администрацию президента с жалобами на действия чиновников, письма в газеты и на телевидение, иногда, но крайне редко, сбор подписей соседей под обращением в исполком с просьбой решения какой-то локальной проблемы – вот те немногие *формы индивидуальных контактов* белорусских жителей с правительством, с помощью которых они пытаются участвовать в артикуляции своих интересов. Власти в таком случае получают обратную связь, помогающую им проследить, каким же образом общество реагирует на их решения и политику.

Несмотря на популизм лукашенковского правления, **обратные связи** в белорусской политической системе являются крайне **неразвитыми**. Это находит свое выражение в фактическом запрете критики действий первого должностного лица государства, принимающего львиную долю всех политических решений. Ни нижестоящие чиновники, ни официальные СМИ, ни рядовые граждане этого делать не могут. Конечно, есть политическая оппозиция и независимые средства массовой информации, которые регулярно критикуют президента, но именно из-за этого они и оказались вытесненными из политической системы и искусственно отгорожеными от массовой публики. То же самое можно сказать и о критике высших должностных лиц. Это – задача в первую очередь, главы государства, который

не устает преподносить подобные действия в качестве проявления отеческой заботы о своем народе.

Конечно, политическая система с ослабленными обратными связями не может функционировать нормально. В ней накапливаются проблемы, которые не решаются годами, здесь граждане отчуждены от власти в гораздо большей степени, чем в любой, даже самой коррумпированной и неэффективной демократии.

Патрон-клиентельные сети. Донесение своих интересов до верхнего уровня политической системы является гораздо более простой задачей в Беларуси для ограниченного числа влиятельных акторов, которые в этом случае используют личные связи с президентом и людьми из его окружения. Подобная форма существования групп интересов называется *патрон-клиентельной сетью*. Она также имеет богатую историю, но в современных политических системах ее роль и влияние ограничены. Особенностью нашего государства является то, что патрон-клиентелизм играет доминирующую роль не только при артикуляции интересов, но и при их агрегации.

Согласно японскому политологу Мацузато, Беларусь, в отличие от других стран СНГ, развивает только одну *клановую структуру*, которая была создана президентом и занимает монопольное положение (см. тему 17). За время своего правления глава государства продемонстрировал умение подавлять опасных конкурентов в административном аппарате, парламенте, регионах, отраслях экономики и т.п. [2].

Поддерживать монопольное положение Лукашенко помогает непубличная, но яростная конкуренция между несколькими клановыми группировками, которые ведут между собой борьбу за “доступ к телу” президента и обеспечение принятия выгодных для них кадровых, экономических и политических решений. Белорусский политолог Андрей Ляхович выделил среди них главные и второстепенные.

Прежде всего, это **шкловско-могилевская группа**. Она состоит из лиц, которые были хорошо знакомы с нынешним белорусским президентом еще во время его работы на разных должностях в Шклове и Могилеве. Получив места в структурах центральной власти после избрания Лукашенко президентом, они потянули за собой в столицу своих знакомых и друзей. В эту “славную когорту” входит А. Попков бывший первый секретарь Шкловского райкома КПБ, который дослужился до должности первого заместителя (с 2006 г. заместителя) руководителя Администрации президента.

Друг детства Лукашенко В. Коноплев сделал еще более головокружительную карьеру. Обычный инспектор по делам несовершеннолетних Шкловского отдела внутренних дел “взлетел” на пост председателя Палаты представителей Национального собрания в 2004–2007 гг. В конце концов, Коноплев был вынужден уйти в отставку по состоянию здоровья (в независимых СМИ прошла информация о его причастности к одному из громких коррупционных скандалов).

Из опальных представителей этой группы следует назвать также И. Титенкова (бывшего первого секретаря Краснопольского райкома КПБ), получившего пост первого управляющего делами президента и вынужденного в конце 90-х гг. эмигрировать из страны, чтобы избежать уголовного преследования за нецелевое использование средств; а также – О. Божелко, бывшего прокурора Шкловского района и генерального прокурора Республики Беларусь в 1994–2000 гг. Последний был снят с должности Лукашенко за мужественный поступок: несогласие с действиями государственного секретаря Совета Безопасности, которые препятствовали следствию по делу об исчезновении известных белорусских политиков. Менее влиятельные позиции в этой клановой группировке занимают бывший ректор Могилевского педагогического университета, а ныне министр образования А. Радьков, а также В. Савченко (бывший председатель Круглянского райисполкома), который с 2001 г. руководит Гродненским облисполкомом.

В течение длительного времени успешную конкурентную борьбу с шкловско-могилевской группой за влияние на президента вела **группа Виктора Шеймана**. Ее лидер – бывший депутат Верховного Совета РБ двенадцатого созыва – вошел в доверие к президенту, благодаря активному участию в избирательной кампании 1994 г. и личной причастности к так называемому “лиозненскому выстрелу” (не доказанному покушению на жизнь тогда еще кандидата в президенты Лукашенко), который резко увеличил популярность основного конкурента Кебича. Он также причастен, по мнению ряда независимых экспертов, к исчезновению известных белорусских политиков и журналистов в 1999–2000 гг.

Не будучи публичным политиком, В. Шейман завоевал себе репутацию “серого кардинала”, мастера закулисных интриг и комбинаций. На всех постах, которые он занимал, Шейман обеспечивал преобладание над соперниками, благодаря умению сосредоточивать в своих руках главные властные ресурсы и окружать себя преданными людьми. Вышеназванные качества позволили В. Шейману до июля 2008 г. быть фигурой № 2 во властной иерархии Беларуси после самого А. Лукашенко. Он занимал посты государственного секретаря Совета Безопасности в 1994–2000 гг., генерального прокурора Республики Беларусь в 2000–2004 гг., руководителя Администрации президента в 2004–2006 гг. и снова государственного секретаря Совета Безопасности в 2006–2008 гг.

К клиентеле В. Шеймана относятся такие влиятельные фигуры, как бывший министр внутренних дел В. Наумов, бывший заместитель главы Администрации президента Ю. Сиваков, действующий председатель Конституционного суда П. Миклашевич, бывший шеф КГБ С. Сухоренко (до 2007 г.), бывший глава Администрации президента Г. Невыглас, наконец, подозреваемый в причастности к исчезновению известных оппонентов режима недавно отправленный в отставку командир СОБРа Д. Павличенко.

Опасный дисбаланс сил в пользу одной группировки, интриги со стороны конкурентов (особенно представителей молодого поколения), а также потребность в демонстрации Западу “позитивных перемен” в Беларуси для получения экономической поддержки стоят за громкой отставкой Шеймана, произошедшей после взрыва бомбы в Минске 4 июля 2008 г. Осенью того же года Лукашенко обвинил влиятельных должностных лиц в структурах МВД и прокуратуры в коррумпированности, что привело к недавней отставке Наумова и переводе на другую работу Миклашевича. Отстранение от власти “непотопляемого” Шеймана делает необходимым внести корректировку в название

группы. Теперь ее правильнее называть **силовики**. Это – наиболее консервативная по своим взглядам группа давления в ближайшем окружении президента.

Вместе с тем ослабление позиций *силовики* не следует преувеличивать. В ситуации, когда будет востребована их помощь президентом, они снова могут выйти на первый план. Тем более, что у них есть опыт успешного противодействия опасным конкурентам из числа так называемых *прагматиков*. Имеется в виду длительная борьба между Шейманом и Латыповым, которая завершилась в 2004 г. полным поражением последнего.

У. Латыпов так и не стал лидером еще одной успешной патрон-клиентельной группы интересов, несмотря на то, что имел неплохие шансы на это. Кадровый офицер КГБ СССР, заведующий кафедрой специальных дисциплин Института национальной безопасности Республики Беларусь, он сделал блестящую карьеру после прихода Лукашенко к власти. В 1998–2000 гг. Латыпов занимал пост министра иностранных дел, в 2000–2001 гг. был государственным секретарем Совета Безопасности, в 2001–2004 гг. – руководителем Администрации президента. Неприязненно относящийся к *силовику* Шейману, дипломат и контрразведчик Латыпов оказал определенное содействие усилению позиций других важных фигур в ближайшем окружении Лукашенко – председателя Комитета государственного контроля А. Тозика и главы Управления делами президента Г. Журавковой. Однако уже в 2003 г. основные полномочия вышеназванного комитета были переданы в ведение прокуратуры (во главе с Шейманом). В феврале 2004 г. была арестована Журавкова, обвиненная в хищениях в особо крупном размере. В ноябре 2004 г. следственные органы возбудили уголовное дело против начальника Главного управления контроля за сферой материального производства ГКК Н. Чередниченко, “правой руки” Тозика. Его шеф был отправлен в “почетную ссылку” – возглавлять посольство РБ в КНР. В сложившейся ситуации отставка Латыпова была делом времени. Теперь неудачный конкурент Шеймана возглавляет консультативный совет зарубежного представительства *Лукойл-Беларусь* [3].

Группа молодых прагматиков, как окрестили ее некоторые независимые журналисты, во весь голос заявила о себе после отставки В. Шеймана и Г. Невыгласа летом 2008 г. За полтора года до этого произошло еще одно событие, которое резко изменило соотношение сил конкурирующих группировок на минском политическом Олимпе. Неожиданно для многих экспертов и в нарушение закона *О государственной службе* Александр Лукашенко подписал указ о назначении своего сына Виктора Лукашенко членом Совета Безопасности. До этого молодой человек, которому тогда едва исполнилось 32 года, работал обычным помощником президента. Как справедливо заметили некоторые журналисты, “статус старшего сына Лукашенко оказался фактически приравнен к статусу председателя КГБ либо руководителя МВД” [4].

Все это означало, что А. Лукашенко стал всерьез думать о реализации операции “преемник”, подготовке условий для передачи высших государственных полномочий в руки Виктора Лукашенко. Для этого его старшему сыну нужен был опыт административной работы, а также доверенные люди в самых разных структурах власти. Это, в свою очередь, означало, что в 2007 г. открылись новые возможности для ряда честолюбивых чиновников, потенциал которых был не до конца востребован. Вокруг В. Лукашенко стала быстро формироваться собственная клиентела. В нее вошли бывшая пресс-секретарь президента Н. Петкевич (в настоящее время она является первым заместителем

главы Администрации), влиятельный шеф личной канцелярии президента В. Макей, долгое время занимавшийся организацией личной охраны президента и его сына Ю. Жадобин, заместитель И. Рачковского (председателя Госпрогранкомитета и однокашника Виктора) В. Зайцев.

Сделанные президентом в октябре 2008 г. назначения в Совет Безопасности усилили группировку *молодых прагматиков*. Государственным секретарем Совета стал Ю. Жадобин, туда же попали новый глава КГБ В. Зайцев и новый руководитель Администрации президента В. Макей. Последнего некоторые независимые журналисты и эксперты стали называть чуть ли не “визитной карточкой государства” и необходимым “посредником в диалоге с Западом”. На наш взгляд, все эти оценки являются большим преувеличением. Конечно В. Макей, получивший диплом Австрийской дипломатической академии и долго работавший представителем Беларуси в Евросоюзе, лучше подходит на роль переговорщика с Западом, чем В. Шейман или Г. Невыглас, но не следует забывать и о других фактах биографии этого чиновника. В течение 12 лет он доблестно занимался аналитической военной контрразведкой, находясь в составе группы советских войск в Германии. В любом случае, инициатива в переговорах с Европой будет исходить не от Макея, а от Лукашенко, верным исполнителем воли которого этот чиновник является [5].

Можно согласиться с мнением Ляховича о том, что помимо основных патрон-клиентельных групп интересов в Беларуси действуют и другие, гораздо менее влиятельные. Это так называемые *вассалы президента*, оказавшиеся при высоких должностях без содействия со стороны шкловско-могилевской группы или *силовики* Шеймана. Примером является В. Долголев, долгое время возглавлявший Службу контроля при президенте. Наверное, можно отнести к данной категории сменившего А. Тозика на посту председателя КГК З. Ломатя. “В качестве достаточно самостоятельной группы в составе правящей элиты можно выделить и так называемую *медиа-культурную группу*. Писатели-публицисты Николай Чергинец и Эдуард Скобелев, главный редактор *Советской Беларуси* Павел Якубович, телепропагандисты Юрий Козиятко, Александр Зимовский, Юрий Азаренок, Евгений Новиков. Все они – на виду у А. Лукашенко. Эта группа имеет патроном самого президента” [6].

Наконец, *группа технократов* или профессионалов-управленцев в составе правительства во главе с премьер-министром С. Сидорским занимает самое незавидное положение. Несмотря на деловые и личные качества главы белорусского правительства, он зависимая фигура и, скорее, выступает в роли технического директора, нежели политика, могущего отстоять перед президентом новую стратегию развития страны. В пользу этого свидетельствует и то, что в соответствии с Конституцией 1996 г. у премьера нет даже полномочий самостоятельного формирования своей команды. Состав правительства полностью определяется главой государства.

Таким образом, монополизация функций артикуляции и агрегации интересов патрон-клиентельными группами интересов в политической системе Беларуси свидетельствует об архаизме ее структуры. Современные государства используют для этих целей разветвленную сеть политических институтов. Приоритет личных и групповых интересов над институциональными не может не ослаблять белорусское государство как определенную систему правления.

2. Особенности аномических действий в современной Беларуси

Аномические группы интересов являются неупорядоченными и неорганизованными. Они представляют собой спонтанные действия, которые быстро вспыхивают и быстро идут на спад. Как правило, такие группы интересов связаны с неорганизованной протестной активностью самых разных людей, которых объединяет вместе только чувство возмущения теми или иными политическими событиями [7].

Несмотря на свою кажущуюся бесполезность для политических элит, последние научились извлекать выгоду из массовых аномических действий. Это было наглядно продемонстрировано во время антикоммунистической революции в Восточной Европе в 1988–1990 гг. и бывшем СССР в 1990–1991 гг. Часто стихийные демонстрации, митинги и забастовки выступали в качестве того грозного “оружия безоружных”, которое в конечном итоге и вынуждало номенклатуру расстаться с властью или идти на радикальные реформы политической и экономической системы. В дальнейшем аномический протест был использован для отстранения от власти коррумпированного режима Шеварнадзе в Грузии в 2003 г. и Акаева в Кыргызстане в 2005 г. Еще раньше, в 2000 г., обнаружение записей бывшего телохранителя Кучмы о причастности украинского президента к убийству независимого журналиста Гонгадзе вызвало волну стихийного возмущения. Она была умело использована некоммунистической оппозицией, смогшей объединиться и сформировать ядро будущей победоносной “оранжевой коалиции” в Украине [8].

Как известно, склонность населения к аномическим действиям в значительной степени определяется политической культурой, наличием или отсутствием традиций уличной политической борьбы. Известно, что в Беларуси такие традиции почти отсутствуют. Тем не менее, в эпоху волны антикоммунистического протеста, захлестнувшей Восточную Европу и СССР, она докатилась и до берегов считавшейся спокойной и покорной Беларуси. Имеются в виду **рабочие забастовки весной 1991 г.** До последнего времени они остаются самыми массовыми и масштабными акциями протеста, которые оказали серьезное влияние на развитие политической ситуации в нашей стране.

Все начиналось за год до этого события: 26 апреля 1990 г. в годовщину Чернобыльской катастрофы рабочие ряда гомельских предприятий остановили работу, чтобы выразить свой протест против слишком медленного темпа реализации мероприятий государственной программы по преодолению последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

В марте 1991 г. в СССР была проведена так называемая “павловская реформа”. Союзный премьер-министр В. Павлов вначале объявил обмен денег и таким образом изъял у населения крупные купюры, хранившиеся на “черный день”, а затем ввел так называемый президентский пятипроцентный налог с продаж, от чего на эти же пять процентов повысились цены в пустующих магазинах.

На следующий день после повышения цен на территории СССР, 3 апреля 1991 г., минские рабочие начали стихийную забастовку протеста. Это были не бунтари из БНФ, не члены молодежных неформальных объединений, а обычные трудящиеся с тракторного завода, автомобильного завода, *Интеграла* и других предприятий. Они шли к зданию Верховного Совета на площадь Ленина (теперь Независимости). К рабочим присоединились студенты некоторых минских вузов. На площади прошел стихийный митинг. По некоторым оценкам, количество участников акции достигло 100 000 человек. На следующий день, 4 апреля, забастовка минчан была поддержана трудящимися Бреста, Бобруйска, Жодино, Гомеля, Орши. Был создан республиканский забастовочный комитет, в работе которого активную роль сыграли члены оппозиции БНФ, прежде всего депутат С. Антончик. Это привело к тому, что уже 5 апреля наряду с экономическими требованиями, связанными с повышением заработной платы, рабочие стали выдвигать и политические: ликвидация парткомов на предприятиях, “декоммунизация” профсоюзных комитетов, проведение новых выборов Верховного Совета, отставка правительства Горбачева, придание декларации о суверенитете Беларуси статуса конституционного закона и др. В течение нескольких дней колонны рабочих минских заводов в количестве до 20 000 человек с бело-красно-белыми знаменами шли к зданию парламента, как на работу.

Президиуму Верховного Совета и Совету Министров БССР только 9 апреля удалось несколько утихомирить рабочее движение. Лидеры забастовочного комитета были втянуты в длительный и бесплодный процесс переговоров с правительством, которое обещало повысить заработную плату на ряде предприятий, взамен за снятие рабочими своих политических требований. Правительство выполнило свое обещание, что привело к тому, что массовые выступления пошли на спад. Правда, повышение заработка вскоре было съедено ростом инфляции [9].

После рабочих выступлений в апреле 1991 г. казалось, что Беларусь может пойти по польскому пути: установлению тесного союза между рабочим классом и интеллигенцией, направленного против коммунистического господства. Однако в Беларуси так и не возник свой Комитет защиты рабочих (KOR), созданный польскими интеллектуалами и правозащитниками еще в 70-е гг. для завоевания доверия рабочего класса. Существовала и еще одна проблема: белорусские рабочие в массе своей поддерживали антикоммунистическую программу БНФ, но были далеки от понимания необходимости быстрой белорусизации образования и общественной жизни в целом.

К тому же после забастовок события развивались стремительно. Именно рабочие выступления продемонстрировали всю слабость власти КПБ-КПСС. Номенклатура была напугана. Председатель президиума Верховного Совета Н. Дементей, задолго до создания ГКЧП,

предлагал ввести на всей территории Советского Союза чрезвычайное положение. В августе 1991 г. коммунистическая власть в Беларуси пала. В это время хватило мобилизации десятков тысяч активистов БНФ для того, чтобы не только выполнить, но и перевыполнить все политические требования белорусских рабочих, которые они выдвигали в апреле того же года. Те политические события были достаточно хорошо организованы оппозицией и поэтому не попадают в рубрику аномических (неупорядоченных) действий.

В дальнейшем в истории суверенной Беларуси не было других случаев масштабных стихийных протестов, хотя поводы к ним были. Такие действия не стали фактом, когда после дефолта в России в 1998 г. резко упала покупательная способность белорусского населения; к ним не привела гибель нескольких десятков молодых людей в давке на станции метро “Немига” после концерта 30 мая 1999 г.; белорусский народ хранил выдержку и после взрыва бомбы в Минске в ночь с 3 на 4 июля 2008 г., в результате которого получили ранения около 50 человек. Наверное, в подобном поведении и проявляются такие черты национального характера, как спокойствие и терпимость. К тому же белорусские власти извлекли уроки из ошибок прошлого. Экономический рост, начиная с 1996 г., позволял президенту “делиться” доходами с рабочими, не допуская значительного падения уровня оплаты труда. В 2003 г. к “золотым цепям” рабочего класса были добавлены административные в виде контрактной системы, что сильно ударило по независимым профсоюзам на предприятиях.

Однако белорусские власти не должны почивать на лаврах. Даже один пример успешных аномических действий может привести к их повторению. Вероятность эта усиливается во время экономических кризисов. Хорошо известно, что период благоприятной экономической конъюнктуры для Беларуси близится к своему завершению. Урок должна извлечь и оппозиция, которая за последние годы утратила надежды на использование в своих целях стихийных выступлений трудящихся. Все это может привести к тому, что в “день X” демократические партии и неправительственные организации могут оказаться пассивными наблюдателями аномических действий народа, которые приведут к власти новый авторитарный режим.

3. Неассоциированные и институциональные группы интересов

Неассоциированные группы интересов так же как и аномические, являются плохо организованными и лишь спорадически демонстрирующими свою активность. Правда, мы всегда можем указать на те общественные силы, которые стоят за неассоциированными группами. Они делятся на *большие группы*, возникающие на

основе этнической, социальной, региональной, профессиональной, социально-демографической и иной принадлежности. Такие группы смутно осознают общий интерес и пытаются его отстаивать без объединения в организации; и *небольшие группы* (этнические, местные, клановые), члены которых лично знают друг друга и в определенных обстоятельствах способны к весьма эффективному влиянию на власти и принимаемые ими решения [10].

После прихода к власти Лукашенко обеспечил поддержку со стороны наиболее важных для него социальных групп белорусского общества. Как отмечает Силицкий, доходы перераспределялись в пользу среднеобеспеченного *городского населения*, а забиралась у *предпринимателей* и наименее богатых *жителей села*. Выдача льготных кредитов стимулировала *государственный сектор экономики*. Предприятия расширяли неэффективное производство, так как это вело к увеличению субсидий, и, пока сохранялась возможность продать или обменять по бартеру произведенное, у них не было никаких оснований быть недовольными политикой Лукашенко: *рабочие* были обеспечены работой, стабильной, хотя и небольшой зарплатой и бесплатными социальными благами, оставшимися еще с советских времен.

Пенсионеры являлись той социальной группой, которая в наибольшей степени поддерживалась Лукашенко и чьи доходы стали расти после его прихода к власти. Как и во многих других странах, это была наиболее активная категория избирателей. Поэтому в течение всего лукашенковского президентства пенсии постоянно увеличивались. Интересно, что Лукашенко мог позволить себе дискриминацию сельского населения, которое в целом входило в категорию его приверженцев, потому что колхозное крестьянство еще с советских времен власти научились держать под контролем. Сила консервативных настроений в деревне была и остается очень значительной. В сельской местности сохранились также альтернативные источники получения доходов в виде натурального хозяйства приусадебных участков [11].

По мнению Карбалевича, в последние годы наметилась тенденция к изменению социальной базы поддержки режима А. Лукашенко, что было связано с большей открытостью Беларуси Западу и ориентацией властей на либерализацию экономической политики.

Президентские выборы 1994 г. были своеобразным *восстанием масс*, революцией *социальных низов, аутсайдеров*, не способных вписаться в новые экономические отношения, ностальгирующих по советским временам, против *номенклатуры и богатых*. И первые 8–10 лет правления Лукашенко именно эти слои были его основным электоратом. Публицисты писали о создании в центре Европы новой Кубы или Северной Кореи. Скорее всего, именно по этому пути и пошел бы белорусский режим. Но тут случилось то, чего никто не ожидал, и меньше всего – сам Лукашенко. На Беларусь свалились “шалные нефтедоллары”. В 2003–2008 гг. в стране начался потребительский бум. Быстро росли доходы, потребительские кредиты; люди покупали квартиры, автомобили и др. Президентские выборы 2006 г. показали существенный рост реальной общественной поддержки Лукашенко. И что принципиально важно, стала меняться социальная база режима. Вместо социальных низов, аутсайдеров, Лукашенко стал поддерживать нарождающийся *средний класс*.

Вместе с укреплением позиций правящей команды этот процесс породил для нее новые проблемы. Прежде всего, оказалось, что потребительские стандарты нового среднего класса существенно выше, чем у социальных низов (“чарка и шварка”). К тому же эти потребительские запросы быстро растут. И если их не удовлетворять, то можно лишиться поддержки нового электората. Лукашенко стал заложником растущих потребительских запросов этого социального слоя. Поэтому, наступая на горло собственной песне, видя всю опасность рыночной экономики для его социальной и политической системы, он, тем не менее, демонстрирует намерение либерализовать экономические отношения, хотя бы частично. Появилась “силиконовая долина”, начались некоторые изменения в сторону рынка. В этом смысле очень знаменательна отмена льгот в 2008 г. Средний класс они мало волнуют, а на социальные низы уже можно не обращать внимания. Но в условиях начавшегося экономического кризиса удовлетворять растущие потребительские запросы этого электората очень сложно. Вторая проблема. Чтобы удовлетворить потребительские запросы среднего класса, нужно расширять экономическую свободу. А это увеличивает общественные зоны, неподконтрольные государству, может потянуть за собой требования политических изменений [12].

Нам кажется, что подлинного *среднего класса*, т.е. людей независимых от власти, в Беларуси так и не появилось. Но увеличилась прослойка *социально сильных и лояльных власти групп населения*, которые, по данным НИСЭПИ, стали значительной частью электората Лукашенко, наряду с *социально слабыми* группами. Последние проявляют все большее разочарование в своем кумире, что влияет на рейтинг доверия и электоральный рейтинг президента, но не оппозиции. Лояльность первой группы объясняется местом работы (государственная сфера) и контрактной системой, которая прочно привязала человека к администрации на предприятиях и в учреждениях.

Все выделенные Силицким и Карбалевичем социальные силы можно отнести к большим неассоциированным группам интересов, играющим определенную роль в политической жизни Беларуси. Однако эта роль является ограниченной. Как и в других странах, крупные неассоциированные группы сталкиваются с такими проблемами, как наличие людей, которые считают, что усилия, потраченные на достижение неких коллективных целей, значительно превышают выгоды, полученные в результате такой деятельности. Активность подобных групп интересов сдерживается и проблемой *free riders*: получателями благ становятся не только те, кто затратил усилия, но и “зайцы-безбилетники”, которые просто воспользовались достигнутым результатом, не сделав для этого ровным счетом ничего.

Кроме того, поскольку Беларусь является авторитарным государством, власти нашей страны всячески стимулируют социальную пассивность граждан. Это значительно увеличивает цену коллективных действий, которые здесь сопряжены с большим личным риском для их инициаторов. Это лишний раз объясняет причины той опасной

социальной апатии, которая разъедает весь общественный организм. Именно ее идеологи режима пытаются выдать за необъяснимую любовь белорусов к политической стабильности.

В демократических системах относительная пассивность больших неассоциированных групп интересов компенсируется наличием огромного количества независимых ассоциаций, которые артикулируют интересы наиболее активной части социальных сил общества, что создает здоровую конкурентную среду для государственного аппарата. Ничего подобного не наблюдается в Беларуси. Деятельность аутентичных ассоциированных групп интересов здесь сталкивается с большими проблемами, создаваемыми властями. В таких условиях получают гипертрофированное развитие *небольшие неассоциированные группы интересов*, наиболее влиятельными из которых являются те, которые опираются на знакомство и личные связи с главой государства и людьми из его окружения (см.: патрон-клиентельные сети). Чрезмерным политическим весом обладают и некоторые институциональные группы интересов, особенно бюрократия.

Развитие элит. Прежде чем проанализировать специфику деятельности институциональных групп в Беларуси, попытаемся взглянуть на процесс формирования и развития элит в нашем государстве. Для этих целей хорошо подходит концепция российского политолога Яковлева, который выделил четыре группы в составе российской элиты, сформировавшиеся еще в эпоху перестройки: *старшего и младшего поколений номенклатуры, старшего и младшего поколений интеллигенции*. При этом, в отличие от стран Восточной Европы, в России интеллигенция не представляла собой некую *контрэлиту* с иными ценностными установками, но была тесно интегрирована в советскую систему [13].

Как и в РСФСР, в БССР перестройка начиналась как борьба за власть между старшим и младшим поколениями номенклатуры. Интеллигенция в целом в те годы была на стороне инициаторов общественного обновления, активно использовавших демократические и рыночные лозунги. Правда, находились эти инициаторы в основном не в Минске, а в Москве. Борьба между данными группами в Беларуси была очень неравной: вскоре наша республика прочно завоевала себе репутацию “Вандеи перестройки”. Даже после распада СССР власть сохранилась в руках бывшей *коммунистической элиты*, которая лишь сменила кабинеты, переехав из здания ЦК КПБ в здание Совета Министров и Верховного Совета. В. Кебич стал тогда признанным лидером **постсоветской элиты**, как называет **старшее поколение номенклатуры** белорусский политолог Андрей Казакевич.

“Постсоветская элита является, возможно, единственной белорусской группой, которая имела опыт, хотя бы частичный, административной завершен-

ности, с собственными правилами, корпоративными связями, системой образования, механизмами отбора и рекрутирования. Логика ее развития была разрушена в начале 90-х гг., но это не помешало ей еще десятилетие занимать лидирующие позиции. Большинство представителей советской элиты имели местное происхождение (они в основном рекрутировались из людей, получивших техническое образование – замеч. авт.), многие сохраняли определенные сантименты к белорусской культуре, особенно к литературе, но одновременно она была сильно советизирована в сравнении с остальными республиканскими элитными группами. Идеи независимости и национального возрождения не были достаточно популярными, а руководство БССР до последнего момента оставалось лояльным СССР” [14].

Безоговорочную победу старшего поколения белорусской номенклатуры над своими оппонентами в годы перестройки и в первый период существования независимого государства можно объяснить следующими причинами.

Во-первых, наличие стабильных каналов перемещения в Москву и возвращения в Минск для партийной элиты, которые политолог Урбан назвал моделью *нового клиентелизма*, лишало центральную элиту стимулов к тому, чтобы использовать инициативы Горбачева для расширения своей власти в республике [15]. Более того, политика Кремля побуждала к переходу от кулуарного стиля руководства к интерактивному, от непосредственного партийного командования к передаче определенных полномочий избранным представительным органам, что создавало для верхушки белорусской номенклатуры совершенно ненужные проблемы.

Во-вторых, как указывает Силицкий, “центральная элита не желала менять сложившуюся модель властвования, а местная была слишком слабой, чтобы на что-то рассчитывать”. Будучи культурно гомогенным государством, Республика Беларусь не знала проблем сепаратистских движений. Особенности процесса распределения должностей в БССР не оставляли региональным руководителям больших шансов на улучшение своего положения за счет использования представительных институтов власти, появившихся в результате политики перестройки [16].

В-третьих, позиции оппонентов старшего поколения номенклатуры были ослаблены. Многие реформаторы из числа номенклатуры переехали в Москву в результате выборов на Съезд народных депутатов в 1989 г. Представители старшего поколения интеллигенции (“идеалисты”) были выходцами из рядов гуманитарной и научной интеллигенции, не обладающими необходимой квалификацией и опытом административной работы. Младшее поколение интеллигенции, более прагматичное и циничное, еще не успело заявить о себе во весь голос.

Главной силой, противостоящей постсоветской элите в Беларуси, было **старшее поколение интеллигенции**. Как и в России, эта группа состояла из людей, обладающих достаточно идеалистическими представлениями (далекими от своекорыстия) о том, каким образом должно развиваться государство. Многие люди искренне верили в то, что проект национальной, независимой и европейской Беларуси скоро будет полностью реализован. В отличие от России, старшее поколение интеллигенции в нашей стране сумело трансформироваться в подлинную контрэлиту с иными ценностными установками, нежели у официальных властей. Распад Советского Союза привел к тому, что часть членов данной группы оказалась в парламенте, а один из ее лидеров С. Шушкевич даже возглавил Верховный Совет (второй лидер З. Позняк руководил немногочисленной, но весьма эффективной парламентской оппозицией БНФ). Казакевич называет эту группу **национальной элитой**.

“В противовес советской идентичности представители национальной элиты предлагали идентичность национальную, основанную на уважении к белорусскому языку и культуре, совсем другую интерпретацию истории (с долгой генеалогией от времен ВКЛ, а не с 1917 г., как в ее советской версии) и совсем другое понимание внешнеполитического контекста... Важным для национального движения стала метафора возвращения в Европу, как политической, экономической и, что еще более важно, культурно-цивилизационной задачи. Это, соответствующим образом, соединялось с многосторонним подчеркиванием европейской сущности белорусской культуры...”

В 1990–1994 гг. национальное движение (главной политической силой которого стал БНФ) было частью неустойчивого баланса с советской элитой, которая сохранила власть, но пошла на уступки в области белорусизации и возвращения национальных символов (*консенсус Кебича*). Но дальнейшее политическое развитие не привело к синтезу национальной и советской культуры, точнее, такой синтез был существенно замедлен усилением авторитарных тенденций и фактическим переходом государственной власти в 1994–2000 гг. на радикальные панрусистские националистические позиции. Национальная элита в таких условиях начинает вытесняться из легального политического поля (это произошло в 1996 г.) и репрессироваться государством, как на символическом, так и на социальном уровнях” [17].

Другими словами, старшее поколение интеллигенции, стоящее на национальных белорусских позициях, оказалось вытесненной президентом Лукашенко в нишу контрэлиты, которую она занимала в эпоху перестройки и гласности в СССР.

Приход Лукашенко к власти в 1994 г., с точки зрения теории циркуляции элит, был ничем иным, как победой **младшего поколения номенклатуры** над своими старшими товарищами. К руководству страной пришли люди, которые занимали административные позиции на районном уровне управления, в основном выходцы из восточных регионов Беларуси. Данный факт стал возможен благодаря двум

причинам: неспособности постсоветской элиты наладить работу экономики (она отказалась от проведения глубоких рыночных преобразований); установлению временного союза между младшим поколением номенклатуры и **младшим поколением интеллигенции**. Как и в России, в нашей стране эта группировка состояла из образованных и талантливых людей, тесно связанных с комсомолом. Она “стремилась к извлечению частных выгод из сложившейся ситуации и своей близости к власти” [18]. Лидерами младшего поколения интеллигенции в то время выступали известные депутаты парламента В. Гончар и Д. Булахов. Без активной поддержки со стороны данной элитной группы, обеспечивавшей идейную подпитку “недовольных провинциалов”, А. Лукашенко никогда не стал бы президентом.

Однако такой союз оказался в высшей степени непрочным. Лукашенко отказался от проведения рыночных реформ и приватизации, на что рассчитывала интеллигенция. Теперь они несли угрозу режиму личной власти. В помощи со стороны младшего поколения интеллигенции глава государства больше не нуждался, потому что изменились задачи: теперь для него главным было не завоевание власти, а ее удержание. В решении этой проблемы президент быстро нашел нового союзника в лице постсоветской элиты, которая обладала опытом административной работы, но также как и младшее поколение номенклатуры, боялась открытой конкуренции и выступала за усиление государственной монополии в области экономики и политики.

Многие бывшие соратники Лукашенко из числа представителей интеллигенции оказались в рядах оппозиции. Новый же неформальный лидер постсоветской элиты М. Мясникович, который руководил штабом В. Кебича на президентских выборах 1994 г., сохранил пост вице-премьера при Лукашенко, а затем даже стал главой Администрации президента. После выборов 2001 г. он был отправлен в “почетную ссылку” – руководить национальной Академией наук. Казакевич называет младшее поколение номенклатуры *новой элитой*. Нам кажется, что более подходящим термином является **провинциальная элита**, потому что ничего нового она из себя не представляла. Это – второй, если не третий, эшелон все той же постсоветской элиты.

“Центральное место здесь занимают люди, которые получили социальный и политический статус в результате прямой протекции со стороны новой власти и отдельных ее носителей, а также те, чьи позиции (в частности, экономические) стали возможными только в результате получения преференций от государственной системы. Наиболее показательным в этом плане является положение круга знакомых и коллег Лукашенко (а также знакомых этих знакомых и т.д.), которые занимали скромные должности районного уровня, а после 1994 г. стали персонами национального масштаба... Кроме того, значительная часть административной элиты сформировалась в условиях современ-

ной государственной системы, которая кажется им знакомой и привычной, а значит и полезной. Личные убеждения представителей новой элиты могут быть разными, но их статус заставляет их смотреть на политику сквозь призму интересов системы, от которой зависит их будущее... Если во второй половине 90-х гг. новая элита предлагала в качестве основной идеологии разные варианты российского национализма, то в начале XXI в. происходит ее переход к специфической конструкции идеологии белорусской государственности (2003 г.). Это немного изменило статус Европы в идеологии элиты, которая отошла от цивилизационного противостояния с ней, и вернулась к географическому пониманию европейского пространства" [19].

Провинциальная элита постепенно оттеснила на задний план постсоветскую группировку и в настоящее время полностью доминирует в структурах власти. Ее идеологическое перевооружение, которое наблюдается в последнее время (заимствование у своих противников идеи государственного суверенитета, признание необходимости либерализации экономики и налаживания связей с европейскими структурами) не вызвано пониманием собственных ошибок, допущенных в предшествующий период времени. Причина этого кроется в попытках адаптации к новым вызовам, связанным с невозможностью реализовать проект выгодного элите союза с Россией, и со стремлением за счет только словесных манипуляций сохранить всю полноту власти в своих руках.

Институциональные группы интересов. В нашей стране, как и в ряде других авторитарных государств, институциональные группы играют значительную роль в артикуляции и агрегации интересов. Они также косвенно влияют на формирование политического курса и непосредственно – на контроль над его претворением в жизнь [20].

Степень влияния зависит от тех ресурсов, которыми располагают группы. К числу влиятельных институциональных групп интересов Республики Беларусь можно отнести *иерархов православной церкви*, которые обеспечили преимущества данной конфессии по сравнению с другими христианскими и нехристианскими деноминациями. Гораздо меньшую роль в политической жизни у нас, чем в России и Украине, играют *бизнес-корпорации*, потому что в Беларуси до последнего времени не проводились системные рыночные реформы. В отличие от ряда азиатских и африканских авторитарных режимов, в нашей стране место *армии* в системе властных отношений является незначительным. Вооруженные силы проигрывают соревнование *милиции и спецслужбам*, руководство которых оказалось в состоянии обеспечивать высокий уровень государственного финансирования и другие привилегии.

Наиболее могущественной институциональной группой интересов в Республике Беларусь является **бюрократия**, которая одновременно выступает и в роли основной *элиты власти* в стране.

Важнейшим ресурсом, обеспечивающим монопольное положение этой группы, является организационный ресурс. Без бюрократии не может нормально функционировать никакой современный государственный аппарат. Правда, белорусских чиновников трудно назвать профессионалами в сфере управления. Последнее обстоятельство объясняется спецификой политической системы, в рамках которой им приходится работать. Существуют разные подходы к пониманию белорусской бюрократии и ее роли в государственном управлении.

Директор минского Центра проблем европейской интеграции Шевцов: “В Беларуси сегодня не капитализм с рынком и не социализм с плановым хозяйством. Система, которую выстроил президент Беларуси, получила название **госклана**. Основная роль, конечно, отводится самому А. Лукашенко, но есть и еще около двух тысяч приближенных, которые решают все и за всех в стране. Самое главное – дойти до первого лица, которое на самом деле является очень важной функциональной фигурой. Здесь имеет значение не психология, не харизма, а внутри системы власти эта функциональная фигура, и существуют общенациональные программы, которые составляют так называемую предвыборную программу Лукашенко.

Эта программа утверждается Всебелорусским народным собранием, в котором принимают участие около двух с половиной тысяч делегатов, которые избираются на местах, по уже отработанным механизмам. Все более-менее заметные люди на местах, в регионах и на общенациональном уровне, они становятся делегатами этого собрания. Плюс это важный элемент еще и на случай какой-то фронды среди номенклатуры. Если любая клановая группировка попытается сформироваться, то может быть легитимно уничтожена в ходе вот такого собрания.

Все области страны находятся сегодня в равновзависимом положении от центра, и их междоусобные войны закончились полным признанием авторитета президента. Более того, объединившись, все кланы смогли преодолеть изоляцию. Беларусь начинает интегрироваться во внешний мир через страны третьего мира, такие как Венесуэла и Иран” [21].

Следует согласиться с использованием термина *госклан* применительно к анализу белорусской модели. Он позволяет взглянуть на белорусскую бюрократию как на очень важную составную часть господствующей персоналистской авторитарной системы, без которой диктатура личной власти давно оказалась бы не у дел. Вместе с тем, невозможно принять главный тезис Шевцова о полной стабильности системы и ее способности к саморазвитию. Со времен Платона известно, что те политические режимы, которые строятся вокруг ничем не ограниченной личной власти правителя, являются самыми нестабильными и опасными для подданных. Справедливость этой истины подтверждается и в наши дни. Поэтому прав директор Международного института политической экспертизы, российский политолог Минченко, который указывает, что “заикленность *госклана* на одном человеке – это прямой путь к краху” [22].

С самого начала в основание белорусского *госклана* были заложены противоречащие друг другу принципы. С одной стороны, президент выстраивал бюрократическую пирамиду, вертикаль власти, которая охватила своим влиянием все государство сверху донизу. С другой стороны, и после прихода к власти Лукашенко не отказался от популизма, важнейшего легитимирующего принципа политического режима в Беларуси. Но вера простых людей в народный характер верховной власти требовала от президента регулярных “жертвоприношений”: кампаний громких разоблачений тех или иных коррумпированных бюрократов. Ни одно должностное лицо в Беларуси, кроме президента, до сих пор не получило гарантий своей неприкосновенности. Это не может не отражаться самым негативным образом на интегрированности правящей элиты. Она у нас не только не обладает средствами производства, но и плохо защищена от произвола со стороны первого должностного лица в государстве.

Что же в таком случае позволило системе *госклана* функционировать такой длительный отрезок времени, а чиновникам в своей основе активно поддерживать политический курс Лукашенко? Конечно же, это не пресловутые Всебелорусские народные собрания, которые с самого начала были показушными мероприятиями, неспособными повлиять на позицию главы государства или гармонизировать отношения между влиятельными клановыми группировками. На наш взгляд, содействовали объединению основной массы белорусской бюрократии вокруг фигуры президента несколько иные факторы. Их можно рассматривать в качестве важных предпочтений данной институциональной группы интересов.

Во-первых, к кампаниям борьбы со злоупотреблениями служебным положением можно легко приспособиться, если всерьез “не обижаться” на главу государства. Чистки и гонения в нашей стране обычно обходят стороной тех бюрократов, которые умеют демонстрировать свою преданность президенту. Лукашенко прощает даже серьезно провинившихся начальников, если уверен в их личной лояльности.

Во-вторых, в отличие от всех стран Европы, белорусская бюрократия живет в условиях искусственно уничтоженной конкурентной среды. Почти так же как в самые “застойные” годы брежневского правления, чиновники могут не утруждать себя совершенствованием профессиональных навыков. Продвигаются наверх не самые талантливые, но самые преданные и угодливые. Конечно, это угрожает деградацией всей системы *госклана* в длительной исторической перспективе, но в короткой перспективе ситуация выгодна Лукашенко. Он может быть уверен, что его бюрократия не справится с возложенными на нее функциями ни в открытой конкурентной системе евро-

пейского типа, ни даже в российской системе, а это означает, что у бюрократии Лукашенко просто не останется иного выбора, кроме как и дальше верой и правдой служить своему президенту.

В-третьих, в последнее время появились некоторые новые факторы, которые также могут быть отнесены к привилегиям белорусского чиновничества. Вот что пишут по этому поводу политолог Карбалевич и экономист Заико.

“Поскольку номенклатура – это важная часть этого среднего класса (его правильнее называть “социально сильными группами электората Лукашенко” – замеч. авт.), то были внесены *коррективы в “социальный контракт” между правящей командой и номенклатурой*. Существенно вырос разрыв между зарплатой чиновников и средней зарплатой по стране. Отчасти произошла легализация доходов номенклатуры. “Посадки” высоких начальников стали лишь результатом внутриклановых разборок, а не способом легитимации президента в глазах народа, как было раньше. Вместо борьбы с чиновничьими коттеджами возник знаменитый поселок в Дроздах, что невозможно было представить в 90-е гг., когда Лукашенко презентовал образ “народного президента”. Но здесь Лукашенко поджидает опасность. Номенклатура может укрепиться, стать самостоятельной силой, претендующей на то, чтобы быть субъектом политики. И это грозит изменением типа режима. Вместо режима личной власти может возникнуть номенклатурно-олигархический режим. А это подорвало бы неограниченную и бесконтрольную власть Лукашенко, потребовало бы создавать механизмы согласования интересов и пр.” [23].

По мнению Заико, “президент Лукашенко в свое время остановил процесс приватизации, потому что понимал, что стоит только его запустить, моментально пойдет перестройка всех ресурсных позиций, векторов влияния и прочее, соответственно, он автоматически будет вынужден уйти из управления страной... Тем не менее, в Беларуси приватизация пошла по пути *приватизации оборотного капитала*: машины, станки трогать не нужно, но деньги стали перекачиваться... с помощью системы “пылесоса”. Номенклатура этот “пылесос” быстро сделала. Первый на входе: создаются маленькие предприятия (ООО и т.п.); второй на выходе: готовая продукция продается туда, где будет хозяином ваша “дочка”, закупаем по одной цене и потом будем продавать по другой. Это все называется вымыванием оборотных средств... И белорусская номенклатура осуществила этот процесс и ждет перехода к той фазе, когда можно будет превратить этот оборотный капитал в основную.

В этом отношении у нас существует такая интересная проблема: будет ли сейчас в условиях ухудшения экономической ситуации номенклатурная вертикаль достаточно четко артикулировать свои интересы, чтобы принудить или убедить Лукашенко провести процесс приватизации. Что нам выгодно: приход российского, арабского капитала или создание собственной политической элиты? Необходимо убедить правящий класс, включая Лукашенко, в том, что это действительно будет перспективно, действительно является нашим национальным интересом” [24].

Лукашенко всегда удавалось контролировать бюрократию. Следует согласиться с Карбалевичем в том, что президент в настоящее время предоставил своим чиновникам лучшие материальные усло-

вия, чем те, которые у них были прежде. Он также закрывает глаза на процесс приватизации оборотного капитала, о чем так убедительно пишет Заико. Но, опять же, в обмен на лояльность данной группы. Она не получила искомой самостоятельности, о чем свидетельствует крайне нервная реакция Лукашенко на идею создания “партии власти” в Беларуси, его полный контроль над парламентом страны, который некоторые журналисты окрестили “палатой пенсионеров”, периодические чистки в рядах номенклатуры, новая волна борьбы с коррупцией в структурах прокуратуры и МВД в конце 2008 – начале 2009 гг.

Вместе с тем, в новых экономических условиях, если они возникнут с помощью Запада, и, в первую очередь, в случае активного участия белорусской номенклатуры в процессах приватизации, роль и значение данной группы возрастет. В неотдаленном будущем мы можем стать свидетелями очередного раунда борьбы между президентом и бюрократией. Кто знает, может быть, на этот раз она сможет одолеть своего противника, и тогда в стране действительно произойдет смена форм авторитаризма. Однако препятствием на этом пути является не только позиция главы государства, но и неготовность значительной части бюрократии к игре по правилам рынка, а не *госклана*.

Таким образом, среди неассоциированных групп интересов доминирующими позициями в нашей стране располагают малые неформальные группы, связанные узами личного знакомства с главой государства и его окружением. Наиболее же влиятельной институциональной группой является бюрократия, которая, как и прежде, в массе своей не готова к работе в условиях открытой и конкурентной системы, что не может не тормозить процесс реформирования белорусской экономики и политики.

4. Ассоциированные группы интересов

Ассоциированные группы интересов отличаются наличием ясных уставных целей и задач, четких процедур для формулирования требований, штата сотрудников, работающего на постоянной основе. Наличие организационной базы дает им важные преимущества перед другими разновидностями групп интересов. Среди ассоциированных групп главную роль играют профсоюзы, ассоциации работодателей, неправительственные организации [25].

В Беларуси, как и в ряде других постсоветских стран, ассоциированные группы интересов прошли через *две основные фазы* становления и развития. После краха СССР и образования независимого государства возникло большое количество аутентичных ассоциаций, которые стремились выразить и отстаивать интересы самых разных

категорий населения. С усилением авторитарных тенденций в середине 90-х гг. начался обратный процесс: государство стремилось восстановить утраченное влияние в обществе и полный контроль над ассоциациями. Это привело к образованию двух типов объединений. Первый включает в себя организации, которые стремятся представлять интересы своих членов, влиять на общество и государство и проводить самостоятельную политику. Данный сектор объединяет в своих рядах структуры *гражданского общества*. Второй тип ассоциаций, наоборот, стремится к навязыванию интересов властей среди своих членов. Он по определению не может относиться к гражданскому обществу, потому что лишен таких важных характеристик этого феномена, как автономия и относительная независимость от государства. Авторитарное руководство, естественно, поддерживает второй тип ассоциаций и стремится к вытеснению на периферию общественной жизни первый.

Профессиональные союзы. Независимое профсоюзное движение в Беларуси стало зарождаться в начале 90-х гг. Определенным импульсом к этому послужили рабочие забастовки в апреле 1991 г. В ходе их проведения на ряде крупных предприятий страны возникли стачечные комитеты, которые постепенно трансформировались в свободные и независимые профсоюзы. К 1993 г. в Беларуси уже функционировали Белорусский независимый профсоюз (БНП), объединявший организации горняков и химиков; Свободный профсоюз Белорусский (СПБ), в который входили рабочие самых разных профессий; Свободный профсоюз металлистов (СПМ); Демократический профсоюз транспортников (ДПТ), к которому относился и Национальный профсоюз авиадиспетчеров. Назрела необходимость в объединении, что и было сделано на учредительном съезде в 1993 г., на котором был создан существующий и ныне национальный профцентр – **Белорусский конгресс демократических профсоюзов (БКДП)**.

После прихода Лукашенко к власти началась постоянная и непрекращающаяся война правительства против независимых и свободных профсоюзов. Она включает в себя разные формы и методы противодействия. В начальный период авторитарного правления белорусские власти продемонстрировали жесткие методы подавления акций протеста, чтобы сбить накал стачечной борьбы трудящихся. В 1995 г. была жестоко подавлена забастовка на минском метрополитене, всех ее участников уволили с работы. Президент в нарушение Конституции своим указом приостановил деятельность Свободного профсоюза Белорусского, активно поддержавшего данную акцию. После этих событий последовала двухгодичная борьба БКДП за легализацию своего статуса, и только под давлением из-за рубежа Мини-

стерство юстиции выдало профцентру регистрационное свидетельство. В 2003 г. власти смогли расправиться с Белорусским профсоюзом авиадиспетчеров, который Генеральная прокуратура обвинила в “создании угрозы для выполнения специфических задач службами гражданской авиации”.

Указанные случаи являются проявлением крайних форм борьбы правительства с независимыми ассоциациями трудящихся. Гораздо более распространены рутинные методы противодействия, которые срывают нормальную работу профессиональных союзов. Под любым предлогом организациям-членам БКДП отказывали и продолжают отказывать в государственной регистрации или предоставлении помещения для получения юридического адреса. Власти добиваются увольнения с предприятий и учреждений активных членов и лидеров организаций. Особенно распространенной эта практика стала после подписания главой государства декрета № 29 в 2003 г., предусматривающего принудительное заключение контрактов (срочных трудовых договоров) между нанимателями и работниками. До последнего времени правительство не приглашало БКДП участвовать в переговорах с нанимателями для выработки и заключения так называемых Генеральных соглашений.

Отмеченные действия властей являются грубыми нарушениями прав наемных работников и их ассоциаций. Они вынудили некоторые независимые профсоюзы подать в 2000 г. жалобу в Международную организацию труда (МОТ). Однако и после этого шага положение дел в сфере прав трудящихся не улучшилось, что и привело к исключению Беларуси из системы преференций в сфере торговли со странами Европейского союза [26].

По состоянию на конец 2008 г. в Белорусский конгресс демократических профсоюзов входили: Белорусский независимый профсоюз (БНП); Свободный профсоюз Белорусский (СПБ); Свободный профсоюз металлистов (СПМ). Руководство профцентра ведет переговоры о присоединении к Конгрессу Профсоюза радиоэлектронной промышленности (РЭП). Председатель этого объединения Г. Федынич принимал участие в работе VII съезда БКДП, который состоялся 11 декабря 2008 г. Общая численность членов Конгресса составляет порядка 10 тыс. человек. Эта цифра практически остается неизменной с 90-х гг., что объясняется трудными условиями, в которых приходится работать демократическим профсоюзам. В отличие от официальных профобъединений, члены БКДП не предусматривают в своих уставах членства в них руководства предприятий, т.е. нанимателей, “чтобы исключить со стороны последних манипуляцию организациями”. Основным источником финансирования независимых и свободных профсоюзов являются членские взносы участников.

Седьмой съезд БКДП переизбрал известного белорусского профсоюзного активиста А. Ярошука на должность председателя Конгресса. Выступая перед делегатами и гостями съезда, он отметил, что “решена важнейшая задача восстановления организации в Национальном совете по трудовым и социальным вопросам. Это серьезная наша победа. БКДП признало правительство, он становится стороной разработки и подписания Генерального соглашения между правительством, объединениями нанимателей и профсоюзов на 2009–2010 гг. Все это, помимо важнейшего политического и практического значения, добавляет уверенности членам наших профсоюзов” [27].

Федерация профсоюзов Беларуси (ФПБ) прodelала быструю эволюцию от относительно независимого объединения до полностью подконтрольной государству структуры. Это крупнейшая по численности ассоциация организаций трудящихся была создана на учредительном съезде в октябре 1990 г. (она считает себя правопреемницей советских профсоюзов). Тогда в Федерацию входило более 5 млн. членов, а она объединяла в своих рядах 24 самостоятельных профсоюза. В 1995 г. объединение было переименовано и стало называться *Федерация профсоюзов Белорусская*.

Первые годы деятельности Федерации были тяжелыми, потому что экономика страны переживала не лучшие времена, а государство пыталось решать многие свои проблемы за счет наступления на права трудящихся. Такая политика особенно усилилась после прихода Лукашенко к власти в 1994 г. “Профсоюзы без особого сопротивления были лишены права законодательной инициативы... Профсоюзы Беларуси утратили право надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде и получили право только общественного контроля, осуществляемого в порядке, определяемом правительством республики... С сентября 1997 г. оздоровлением и санаторно-курортным лечением трудящихся Беларуси стало заниматься государство, а не профсоюзы... Начался массовый выход из ФПБ отдельных работников и целых организаций. За период с 1990 г. по 2002 г. Федерация потеряла 1,8 млн. своих членов. Профсоюзы Беларуси охватил кризис” [28].

Нельзя не согласиться с этим выводом, содержащимся на сайте ФПБ. Однако трудно принять мнение авторов материала о причинах подобного положения вещей. Они видят их не в политике правительства и президента, а в позиции руководства ФПБ (тогдашнего председателя Федерации В. Гончарика в первую очередь), которое нашло в себе мужество защищать права и интересы трудящихся, т.е. заниматься тем, чем и должно было заниматься в соответствии с уставом организации. Особенно не по душе пришлась нынешнему руководству Федерации поддержка Президиумом ФПБ обращения независимых профсоюзов с жалобой в МОТ в 2000 г. и выдвижение В. Гончарика в качестве единого кандидата демократических сил на президентских выборах в 2001 г.

Быстрая смена курса ФПБ произошла после проведения IV съезда Федерации в июле 2002 г. и избрания на нем нового председателя – Л. Козика. Съезд посетил действующий президент, который и дал указание “организационно укрепить” профсоюзы. Это означало всеобщую кадровую чистку. Только после

ее завершения Лукашенко издал декрет № 584 от 25 ноября 2002 г., в соответствии с которым “Федерации профсоюзов Белорусской было предоставлено право использовать в своем наименовании официального сокращенного названия Республики Беларусь – Беларусь” [29]. Получив такое разрешение, о возвращении других, отобранных в 90-е гг. прав, новое руководство уже и не заикалось, чтобы не докучать высокому начальству. Да они и не нужны были, потому что официальные профсоюзы в Республике Беларусь оказались вытеснены в ту же самую нишу, которую они занимали в СССР, превратившись в “приводные ремни”, но не от партии к трудящимся, а от “вертикали власти” к всему занятому населению.

Главным направлением деятельности ФПБ после 2002 г. стала не борьба за защиту интересов трудящихся, а *социальное партнерство* с государством. Официальные профсоюзы активно привлекаются правительством для участия в разработке и подписании Генеральных соглашений. Они хранили молчание, когда Лукашенко ввел своим декретом “контрактную систему”, крайне непопулярную у простого населения. Все это не могло не отразиться на рейтинге доверия ФПБ, которая по этому параметру существенно уступает БКДП (см. тему 19).

В то же время Федерация профсоюзов остается самой массовой организацией. По данным на март 2007 г., в нее входило более 4 млн. человек. Руководство ФПБ гордится другим показателем: степенью охвата профсоюзным членством занятого населения. Если в 2003 г. он составлял 89,8%, то через четыре года вырос до 94,1% [30]. Лидерам официальных профсоюзов невдомек, что очень высокий показатель в этой сфере – это явный признак наличия авторитарной политической системы. Не является секретом и то, каким образом “охват” обеспечивается в наших условиях: поголовным включением всех работающих в ФПБ и автоматическим удержанием профсоюзных взносов при выплате заработной платы.

Ассоциации работодателей. Как и в сфере трудовых отношений, в области репрезентации интересов нанимателей мы сталкиваемся с четким делением организаций на независимые от государства и проправительственные структуры. К первым можно отнести **Белорусский союз предпринимателей (БСП)**. Союз – это старейшее объединение частных предпринимателей, созданное еще в июне 1991 г. В состав БСП в настоящее время входит около 800 действительных членов, среди которых более 20 лидеров республиканских организаций, представляющих интересы крупного, среднего и малого бизнеса. Это объединение последовательно выступает за реальное, а не декларированное равенство всех форм собственности, создание разумной налоговой системы, ограничение всевластия чиновников в экономике. Долгое время организацию возглавлял известный белорусский предприниматель и ученый А. Потупа. В 2008 г. его на посту председателя сменил А. Калинин (А. Потупа стал почетным предсе-

дателем). Новый глава заявил, что не будет менять политику Союза. “Сейчас, по словам Калинина, у правительства нет иного выхода, кроме как идти по пути либеральных преобразований в стране. И мы будем всячески способствовать продвижению реформ” [31].

Белорусский союз предпринимателей и нанимателей им. профессора М.С. Кунявского (БСПН) был создан в результате реорганизации Белорусского союза предпринимателей и арендаторов в 1999 г. Главной целью БСПН является координация предпринимательской активности и защита имущественных интересов членов ассоциации. Союз стремится к содействию рыночным реформам и развитию негосударственного сектора экономики. Он также ориентирован на нормализацию социальных и трудовых отношений, лоббирование собственных интересов в государственных органах власти. Союз занимается аналитической и консалтинговой деятельностью, стремится к совершенствованию белорусского законодательства в области экономики [32]. Руководителем организации является Г. Бадей.

Подписание президентом в декабре 2006 г. откровенно антирыночного указа № 760, в соответствии с которым с 1 января 2008 г. индивидуальные предприниматели (ИП) могли нанимать на работу не более трех наемных работников, да и то из числа близких родственников, или же они должны были перерегистрироваться в частные унитарные предприятия (ЧУП), вызвало в стране волну протестов. Осенью 2007 г. и зимой 2008 г. вспыхнули забастовки на крупнейших рынках страны. Акция достигла своей кульминации в первой половине января 2008 г., когда по всей стране не работало более 50% всех ИП, а в Минске прошли многотысячные манифестации и митинги. По приказу Лукашенко они были жестоко подавлены милицией, а их инициаторы – брошены за решетку.

На волне протестов ИП заявили о себе новые предпринимательские инициативы. Прежде всего, речь идет о движении *За свободное развитие предпринимательства* во главе с В. Горбачевым и об организации *Перспектива*, одним из лидеров которой является А. Шумченко. Когда последний отбывал наказание в виде административного ареста, Министерство юстиции Республики Беларусь подало иск в Верховный суд о ликвидации возглавляемой им организации. Несмотря на упорную борьбу ИП за свои права, которая продолжалась вплоть до весны 2008 г., они так и не смогли заставить белорусские власти пойти на уступки. Основные положения указа президента № 760 были претворены в жизнь. Эти действия противоречат широко разрекламированному курсу правительства на либерализацию и рыночные преобразования [33].

В то время как независимые ассоциации работодателей и предпринимательские ассоциации пытаются разными способами отстаивать свои права и бороться за продвижение Беларуси по пути рыночных реформ, некоторые организации получают важные преференции от властей в обмен за свою полную лояльность и отсутствие самостоятельной позиции.

К числу проправительственных организаций работодателей следует отнести **Белорусскую научно-промышленную ассоциацию (БНПА)**. “Она была создана в 1990 г. и в настоящее время объединяет сотни руководителей ведущих предприятий, организаций и ученых... БНПА стремится к повышению инвестиционной привлекательности Беларуси и... выступает в поддержку действующего социально-экономического курса... В последнее время Ассоциация активизировала свою работу, направленную на выполнение Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 гг. и программных установок президента А.Г. Лукашенко...”.

В мае 2007 г. “БНПА принимала участие в совещании представителей общественных объединений, где было принято обращение за избрание Беларуси в Совет по правам человека и о не применении Евросоюзом санкций к Беларуси... В 2007 г. БНПА заключила соглашение о сотрудничестве с областным и минским городским общественными объединениями *Белая Русь*... (см. вставку 20.1). В настоящее время руководителем Ассоциации является академик Н.А. Стрельцов... Ему объявлена благодарность президента Российской Федерации В.В. Путина за активную работу в Международном Конгрессе промышленников и предпринимателей” [34].

Менее отчетливо проявляются черты лояльности государству у **Конфедерации промышленников и предпринимателей (нанимателей)**. Это и понятно, поскольку Конфедерация с момента своего создания в 1993 г. объединяла как независимые структуры предпринимателей, такие как БСП и БСПН (до 1999 г.), так и проправительственные (БНПА). В настоящее время в состав этого союза некоммерческих организаций входит 19 крупнейших союзов и ассоциаций промышленного сектора Беларуси. Конфедерация рассматривает себя в качестве координационно-совещательного органа для выработки единых подходов и решений объединений нанимателей, в том числе при проведении коллективных переговоров в Национальном совете по трудовым и социальным вопросам. Во главе Конфедерации с 2007 г. стоит бывший министр промышленности Республики Беларусь А. Харлап [35].

Неправительственные организации. Аутентичные неправительственные организации в Беларуси (созданные гражданами для достижения коллективных целей или решения общественно значимых задач) стали возникать еще в советские годы. Поэтому *первый этап* в развитии НПО, связанный с созданием предпосылок для формирования современных неправительственных организаций, по нашему мнению, целесообразно относить к 60–80 гг. прошлого века [36].

Участниками подобных инициатив становились представители студенческой молодежи, гуманитарной и технической интеллигенции, которые пытались противостоять тотальной политике русификации и разрушения национальной культуры, проводимой коммунистическими властями БССР под лозунгом скорейшей ликвидации национальных отличий белорусского народа и включения его в *новую историческую общность людей – советский народ*. Патриотическое движение интеллигенции за возрождение родного языка, изучение истории Беларуси, сохранение фольклора и памятников культуры возникло в нашей стране во второй половине 60-х гг. Оно опиралось на давние традиции, заложенные еще в XIX в. студенческими объединениями *Філаматаў* и

Філарэтаў, газетой *Наша Ніва* в начале XX в., *нацдемовским этапом* в развитии БССР в 20-е гг., национально-освободительной борьбой в Западной Беларуси в межвоенный период.

Зимой 1980–1981 гг. родилось “неформальное” движение молодежи. Студенты нескольких минских высших учебных заведений решили возродить празднование каляд (Рождества) на улицах белорусской столицы. Стихийно возникло объединение *Беларуская майстроўня*. Оно занималось организацией фольклорных праздников, постановкой спектаклей в народном театре, проведением дискуссий по вопросам белорусской истории и культуры. В 1984 г. представители *Майстроўні* вышли на первую неофициальную манифестацию в Минске против разрушения властями дома, в котором в позапрошлом столетии произошла постановка первой белорусской оперы *Сялянка* С. Монюшки. После этого начались репрессии против отдельных участников акции. Организация лишилась помещения во Дворце профсоюзов и в скором времени распалась [37].

Политика перестройки в СССР открыла *второй этап* в развитии неправительственных организаций Беларуси (1985–1991 гг.). Либерализация и гласность в эти годы позволили создать большое количество **неформальных инициатив** (не зарегистрированных юридически). В основном они представляли собой молодежные объединения, которые, помимо культурно-просветительной деятельности, занимались также реставрацией исторических памятников, экологическими вопросами, организовывали литературные чтения, путешествия и археологические экспедиции.

Наиболее известными неформальными организациями были *Талака*, *Тутэйшыя*, *Штука*, *Касінэр*, *Світанак*. С 1987 г. начался процесс распространения подобных инициатив по всем регионам страны. В конце этого же года была осуществлена попытка координации деятельности неформальных организаций. Под Минском состоялся так называемый *Вальны Соём* – заседание представителей тридцати молодежных объединений, – который обратился к Верховному Совету БССР с предложением придать белорусскому языку статус государственного. Значительное влияние на идеологию неформалов оказали книги В. Короткевича, В. Быкова, А. Адамовича, А. Мальдиса, живописи А. Марочкина, графика М. Купавы. Национально и гуманистически ориентированная неконформистская культура стала духовным фундаментом для возрождающегося гражданского общества.

Как мы видим, активность неформальных объединений, за небольшим исключением, носила неполитический характер [38]. Большинство неправительственных организаций ограничивались культурно-просветительной деятельностью и защитой окружающей среды. Они пытались решить проблему, хорошо сформулированную В. Вячоркой, одним из лидеров “неформалов” того периода: наведением мостов между богатой национальной культурой и народом, который и не подозревал о существовании такого духовного наследия. В конце 80-х гг. началась быстрая *политизация неформального движения*. Она усилилась, когда стала достоянием гласности информация о истинных масштабах сталинских репрессий на территории БССР (публикация в газете *ЛіМ* статьи З. Позняка и Я. Шмыгалева о трагедии в Куропатах), появления новых

данных о последствиях катастрофы на Чернобыльской АЭС для жителей Беларуси, жестокого разгона властями митинга 30 октября 1988 г., организованного в память о жертвах коммунистических репрессий. В октябре 1988 г. было основано историко-просветительное общество *Мартиролог Беларуси*, члены которого выступили с инициативой создать оргкомитет Белорусского народного фронта – первой оппозиционной политической организации. Сама она возникла на учредительном съезде в Вильнюсе в июле 1989 г. Политизация неформального движения, таким образом, произошла из-за осознания большинством его участников простой истины: невозможности решения культурно-просветительных, экологических и иных задач без ведения борьбы за власть, которая в нашей республике находилась в руках наиболее консервативно настроенной части КПСС.

Достижение государственной независимости Беларуси в 1991 г. открыло *третий этап* в развитии неправительственных организаций, который продолжался до конституционного переворота 1996 г. Он был связан с такими процессами, как трансформация целого ряда неформальных инициатив в юридически оформленные ассоциации, быстрым количественным ростом неправительственных организаций, деполитизацией и профессионализацией деятельности белорусских НПО. В 1992 г. Верховным Советом был принят Закон *Об общественных объединениях*. Несмотря на определенные недостатки, он открыл новые возможности для развития *третьего сектора*. В Беларуси был введен *заявительный принцип* при регистрации организаций, что было характерно для демократических стран.

Постепенно увеличивалось количество НПО. По данным Министерства юстиции Республики Беларусь, на конец 1995 г. их было уже около тысячи. Многие неправительственные организации, такие как Фонд *Детям Чернобыля*, Центр *Восток-Запад*, Фонд им. Л. Сапеги, Белорусский ПЕН-Центр, Независимый институт социально-экономических и политических проблем, Белорусский Хельсинкский комитет, Белорусская ассоциация журналистов, *Супольнасць*, *Белорусская перспектива* и другие смогли значительно продвинуться в достижении своих уставных целей и задач и стали хорошо известными не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Активно развивались социальные, молодежные, женские и экологические организации. Росло количество региональных и местных НПО.

На этом же этапе обозначились определенные различия между неправительственными объединениями, созданными гражданами (*grass-root NGO*), и так называемыми посткоммунистическими организациями (*post-communist NGO*), которые сохранились с советских времен. К последним относились: Белорусский союз молодежи (БСМ), выступивший правопреемником ЛКСМБ, а также объединения ветеранов, инвалидов, женщин и другие объединения. Часть из них довольно удачно сочетала лояльность к действующей власти с занятием бизнесом. В самостоятельную категорию попадали и созданные международными донорскими структурами организациями (DONGO). Они представляли собой или филиалы известных международных организаций и фондов, или объединения, которые создавались с целью воплощения в жизнь на белорусской земле определенных гуманистически-либеральных принципов. Напри-

мер, Белорусский фонд Сороса, осуществлявший тогда финансовую поддержку порядка 90% всех проектов неправительственных организаций, существовал во имя развития идеалов *открытого общества*. Организация *United Way* в качестве своей миссии рассматривала помощь в развитии сильного и опирающегося на внутренние ресурсы третьего сектора.

Белорусский политолог Чернов выделяет еще две категории организаций: бывшие советские проправительственные общественные организации, которые претерпели определенную трансформацию в сторону автономии от государства (*PostGONGOs*) и пропартийные НПО (*partNGOs*) [39]. По нашему мнению, термин *посткоммунистические организации* лучше подходит для характеристики первых, потому что реальной трансформации этих объединений в независимые структуры практически не наблюдалось. Что касается второй группы, то нам кажется, что данную категорию белорусских организаций лучше рассматривать вместе с партиями, а не НПО, потому что по своим целям, задачам и методам деятельности они больше напоминают структуры политического, а не гражданского общества. Правда, в белорусских условиях трудно провести четкую демаркационную линию, отделяющую эти явления друг от друга.

После бурной эпохи политического противостояния неформального движения с коммунистическим государством в первой половине 90-х гг. наблюдалась очевидная тенденция к *деполитизации* третьего сектора. Белорусские неправительственные организации уступили борьбу за власть политическим партиям и депутатским объединениям в парламенте. Это был нормальный процесс, который в конце концов должен был привести к формированию гражданского общества, существующего автономно от общества политического и выступающего в качестве надежного партнера для любой демократической власти. Другое дело, что этап налаживания партнерских отношений между формирующимся гражданским обществом и государством оказался в нашей стране очень непродолжительным [40].

После концентрации всей власти в руках президента и закрепления такого положения вещей в новой Конституции 1996 г. начался *четвертый (современный) этап* развития третьего сектора Беларуси. Созданные гражданами неправительственные организации оказались в очень тяжелом положении; зачастую сам термин “негосударственный” ассоциируется у нынешних белорусских чиновников со словами “антигосударственный” и “антиправительственный” вовсе не из-за того, что белорусские НПО занимаются “подрывной деятельностью”. Главная причина враждебного отношения действующей власти к третьему сектору заключается в характере политического режима и той антидемократической государственной идеологии, которую пропагандирует и внедряет в массы руководство страны и, прежде всего, сам Лукашенко. В ней осталось мало места для плюрализма, а значит, и для автономного существования любых добровольных ассоциаций, созданных гражданами снизу.

Борьба властей с независимым третьим сектором происходит в двух основных формах. Во-первых, это грубое давление и репресс-

сии против тех организаций, которые добились успехов в реализации своих целей и задач и оказывают определенное влияние на важные сегменты общества. Во-вторых, это создание псевдо-НПО, находящихся под контролем правительства организаций (GONGO), которые монополизуют в своих руках представительство важных социальных интересов и обеспечивают проведение генеральной линии президента среди самых разных групп белорусского общества.

Можно выделить три волны репрессий против аутентичных неправительственных организаций. Первая произошла в 1997 г., сразу же после конституционного переворота. Она была направлена против организаций-доноров и наиболее влиятельных белорусских НПО. В результате незаконных судебных преследований был закрыт Белорусский фонд Сороса. Вынуждены были приостановить свою деятельность благотворительная организация *Детям Чернобыля* и независимый исследовательский центр *Восток-Запад*. После вытеснения БФС за пределы страны власти постарались создать условия наименьшего благоприятствования и для других DONGO, из которых к 2009 г. в Беларуси остались лишь единицы.

Понимание необходимости консолидации усилий всех независимых НПО в таких условиях привело к созданию **Ассамблеи демократических неправительственных организаций**. В феврале 1997 г. на учредительном конгрессе к ней присоединилось 250 организаций. Через год количество членов удвоилось, а Ассамблея стала работать во всех регионах страны. Важнейшими принципами принадлежности к этой крупнейшей *зонтичной структуре* была поддержка независимости государства, прав человека и рыночно-демократических преобразований. Быстрый ее рост объяснялся также и тем обстоятельством, что Ассамблея в те годы не просто декларировала, но и пыталась отстаивать на практике принцип равенства организаций-членов.

Наиболее масштабной стала вторая волна репрессий против организаций третьего сектора, которая была спровоцирована подписанием президентом декрета № 2 в январе 1999 г. Этот документ был направлен на перерегистрацию неправительственных организаций, партий и профсоюзов. Фактически с этого времени в Беларуси стал действовать *разрешительный принцип регистрации* ассоциаций, характерный для авторитарных режимов. Ассамблея ответила проведением общенациональной *SOS кампании* (название было заимствовано у словацких НПО). Основными направлениями кампании стала юридическая помощь всем организациям третьего сектора и информирование зарубежных правозащитных структур и правительств о грубейшем нарушении свободы ассоциаций в Республике Беларусь. В результате перерегистрации общее количество НПО в Беларуси сократилось с 2500 до 1300. Однако наиболее активные члены Ассамблеи не пострадали. Общее количество участников этого объединения увеличилось до 700 организаций; треть из них представляли собой незарегистрированные инициативы.

Третья волна репрессий пришла в 2003 г., когда власти активно готовились к проведению референдума по продлению президентских полномочий Лукашенко. Как и в 1997 г., она была направлена против отдельных организаций, но количество их заметно выросло. Прежде всего, власти попытались нанести удар по некоторым ресурсным центрам в регионах Беларуси (Барановичах, Гомеле, Бресте и Гродно). Второй целью была “зачистка” среди правозащитных

организаций; под нее попали *Правовая помощь населению* и правозащитный центр *Вясна*. Удар был направлен и против некоторых молодежных организаций, таких как *Малады фронт*, Молодежный Христианско-социальный союз *Молодые демократы*. Правительство также отомстило юристам из Независимого общества правовых исследований, которые принимали самое активное участие во всех кампаниях солидарности организаций третьего сектора, запретив его деятельность. Всего было ликвидировано около 40 НПО. Как и в 1999 г., Ассамблея демократических НПО встретила волну преследований общенациональной гражданской кампанией *Наша солидарность*. Важнейшей ее формой стало участие представителей организаций-членов в судебных заседаниях с тем, чтобы продемонстрировать правительству единство и сплоченность демократического третьего сектора [41].

К сказанному следует добавить внесение изменений в Уголовный кодекс Республики Беларусь накануне президентских выборов 2006 г., которые предусматривают уголовную ответственность за деятельность от имени незарегистрированных организаций. По этой статье были брошены за решетку активисты инициативы *Партнерство*, которые планировали организовать независимое наблюдение в ходе выборов, а также лидеры *Маладога фронта*. Поэтому не вызывает удивления, что в 2004 г. 61% опрошенных представителей белорусских НПО оценили белорусское законодательство как препятствующее развитию общественных организаций, 33% – как делающее это развитие невозможным. То есть 94% респондентов отметили, что существующие правовые рамки неблагоприятны для их развития [42]. За время, прошедшее с момента проведения исследования, положение дел в этой сфере не улучшилось.

Таким образом, тактика прямого давления властей на независимый третий сектор не привела к его полной ликвидации. Более того, наиболее вопиющие примеры нарушения прав ассоциаций вызывали у них потребность в консолидации своих усилий. Поэтому репрессии авторитарного государства, направленные против аутентичных НПО, со второй половины 90-х гг. были дополнены созданием псевдо-НПО, так называемых GONGO (*government organized/run non governmental organizations*). В настоящее время их деятельность приведена в соответствие с нормами белорусского законодательства: в августе 2003 г. Лукашенко подписал указ о формировании “государственно-общественных объединений”, призванных решать значимые для государства задачи. Псевдо-НПО создаются для обеспечения монополизации функций представительства важных социетальных интересов в руках подконтрольных главе государства структур. Раньше других президент обеспечил подобную монополию для Белорусского республиканского союза молодежи в области молодежной политики.

Белорусский республиканский союз молодежи (БРСМ) был создан на объединительном съезде в 2002 г., когда пролукашенковский Белорусский патриотический союз молодежи (БПСМ) поглотил посткоммунистический Белорусский союз молодежи (БСМ). В свою очередь, БПСМ возник в 1997 г. на базе еще более радикального объединения *Прямое действие*. Отцом-основателем и БПСМ, и *Прямого действия* является В. Янчевский, который в настоящее время

возглавляет Главное идеологическое управление Администрации президента. В 1996 г. он предложил недавно избранному главе государства опереться на собственную молодежную структуру. Это предложение было с благодарностью принято, тем более что в то время Лукашенко еще приходилось отбиваться от атак национальной и парламентской оппозиции. *Прямое действие* было связано с белорусскими отделением Русского национального единства (РНЕ), а также с активистами местной славяно-фашистской организации Славянский собор *Белая Русь* (ССБР). Интересно, что в рамках проекта “молодежных оперативных отрядов” чернорубашечники-баркашовцы, а также члены *Прямого действия* совместно с сотрудниками РОВД в течение нескольких месяцев патрулировали улицы белорусской столицы. И только под давлением общественности белорусские стражи порядка были вынуждены отказаться от услуг РНЕ [43].

В дальнейшем для усиления респектабельности организации руководству БРСМ пришлось пожертвовать контактами с праворадикальными идейными союзниками. В начале 2000-х гг. эта структура превратилась в полугосударственное образование. Процесс огосударствления усилился после подписания президентом указа № 16 *О государственной поддержке Общественного объединения БРСМ* 13 января 2003 г. Как справедливо отмечает Ирина Белая, “в соответствии с указом государство предоставляет Белорусскому республиканскому союзу молодежи помещения, оргтехнику, финансирование. Оплата штата БРСМ организована напрямую из государственного бюджета через Министерство финансов наравне с другими государственными организациями. Представители БРСМ введены в состав коллегии министерства социальной сферы и в местные органы власти. Молодым людям, вступившим в БРСМ, обещаны льготы при проезде на транспорте, посещении культурных учреждений, а также льготы при поступлении в высшие учебные заведения. На финансирование программной деятельности БРСМ уходит более 50% средств, предусмотренных в государственном бюджете на молодежную политику” [44]. Подобная практика грубейшим образом нарушает белорусское законодательство, в частности нормы Закона *О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений*, принятого осенью 1999 г. Речь идет о несоблюдении властями следующих принципов: “равенства прав на государственную поддержку молодежных и детских объединений”; “недопущения прямого или косвенного принуждения молодых граждан к вступлению в молодежные объединения”; “ни одно молодежное объединение не вправе претендовать на монопольное выражение интересов и потребностей всей молодежи республики” [45].

Параллельно с созданием привилегированных условий для одной молодежной организации государство пыталось расправиться с ее конкурентами. В качестве таковых следует назвать участников *зонтичной структуры* – *Белорусского союза молодежных и детских общественных объединений Рада*. Это объединение возникло в 1993 г. С самого начала оно пыталось опираться на европейские принципы, предоставляя возможность для участия самым разным по своим политическим симпатиям организациям. *Рада* установила тесные партнерские отношения с организациями сверстников за рубежом. Она пыталась довольно долго и удачно лоббировать интересы сектора в государственных структурах. Эксперты *Рады* внесли существенный вклад в развитие белорусского законодательства в области молодежной политики. Однако уже в 1996 г. стало ясно, что такая позиция не подходит Лукашенко. “Его не удо-

влетворяла модель европейского типа: широкий спектр молодежных организаций с разными взглядами и ориентациями. Президенту импонировала модель советского типа: мощная организация-монополист с развитым бюрократическим аппаратом, внедряющая в сознание молодых людей идеологию, одобренную государственным руководством" [46].

В 2002 г. в одностороннем порядке власти разорвали отношения с Белорусским союзом молодежных и детских объединений, несмотря на то, что в то время в эту структуру входило 26 наиболее авторитетных организаций. Началось давление на отдельных членов *Рады*. Через год те организации-члены, которые имели сильную финансовую зависимость от государства (пионеры, скауты, Лига интеллектуальных команд, гайды, Белорусский КВН), были вынуждены присоединиться к созданному под патронажем БРСМ Белорусскому комитету молодежных организаций (КМО). Финальным аккордом в этой грустной истории стало решение Верховного суда Республики Беларусь о ликвидации союза *Рада* в феврале 2006 г. Пространство для деятельности БРСМ было полностью "зачищено".

Впрочем, в последнее время наблюдается некоторое охлаждение в отношениях между президентом и БРСМ. Лукашенко, в частности, в октябре 2008 г. проигнорировал приглашение принять участие в работе очередного съезда самой массовой молодежной организации страны (в ее состав входит 490 тыс. человек). Как справедливо заметил журналист *Белорусских новостей* Золотницкий, у властей возникли подозрения, что "уровень государственной поддержки, оказываемой БРСМ, во много раз превышает отдачу, то есть значительная часть направляемых на работу общественного объединения средств расходуется впустую. Будучи проводником государственной идеологии в молодежных массах, БРСМ роли проводника не соответствовал, заменяя конкретную работу внушительными, но пустыми цифрами" [47]. Поэтому руководство страны устами вице-преьера, выступавшего на съезде, порекомендовало нынешнему председателю молодежной организации Ю. Криводубскому учиться обходиться без постоянно увеличивающейся помощи со стороны государства.

Пример Белорусского республиканского союза молодежи оказался весьма заразительным и по его пути – выбивания государственных субсидий под деятельность псевдообщественных организаций – пошли многие старшие товарищи. Прежде всего, это можно сказать о недавно созданном объединении *Белая Русь*, которое некоторые журналисты окрестили "БРСМ для взрослых" (см. вставку 20.1).

Искусственные преимущества GONGO и посткоммунистических НПО (последние в настоящее время ничем не отличаются от GONGO), а также неблагоприятный правовой и политический климат для деятельности аутентичного третьего сектора привели к очень медленному росту количества неправительственных организаций в нашей стране. По данным Министерства юстиции, на 1 января 2008 г. в Беларуси действовало 2255 общественных объединений, это означает, что третий сектор так и не смог восстановить себя и выйти на уровень 1999 г., когда действовало 2500 зарегистрированных общественных объединений.

ВСТАВКА 20.1

БРСМ для взрослых

Республиканское общественное объединение *Белая Русь* было основано на учредительном съезде в ноябре 2007 г. Во главе организации встал министр образования А. Радьков. В состав Республиканского совета вошли многие известные фигуры, такие как Ю. Азаренок, Н. Ермакова, Н. Чергинец и др. Целью организации была объявлена всемерная поддержка политики президента Лукашенко.

Создание структуры перед парламентскими выборами 2008 г. породило у многих независимых экспертов мнение о том, что данный шаг Администрации президента направлен на создание в стране *партии власти* по российскому сценарию. Предполагалось, что выборы в Палату представителей ЦИК может провести по новому пропорциональному избирательному закону, что приведет к формированию в парламенте партийных фракций (*Белая Русь* обеспечит себе конституционное большинство, но не исключено и попадание туда отдельных представителей оппозиции). Это приведет к возрастанию роли парламента в политической системе. В неотдаленной перспективе мы можем стать свидетелями трансформации авторитарного режима Беларуси, который из персоналистского станет однопартийным. Наконец, звучала и такая точка зрения, что *партия власти* создается для преемника Александра Лукашенко на посту президента – его старшего сына Виктора.

Подобные рассуждения, равно как и активность чиновников по превращению общественного объединения в политическую партию, утихли после критики из уст Лукашенко-старшего проекта *Белая Русь* в конце апреля 2008 г. В интервью журналистам президент заявил: “Я не имею никакого отношения к этой организации, я никогда не буду членом какой-то партии или организации по принципиальным соображениям. Я был в одной компартии и я из нее не уходил... Мы никогда с сыновьями тему будущего президентства в Беларуси не обсуждали... Месяц назад я вызвал главу администрации президента и сказал, что буду пристальнейшим образом рассматривать членство своих подчиненных – членов правительства, губернаторов в этой организации. И я у него (чиновника) спрошу, почему он туда пошел, что ему там делать. Ему что, работы не хватает, у нас хватает работы и не надо ходить по партиям и организациям” [48].

Нам кажется, что подобная уничижительная критика проекта *партии власти* из уст президента была вызвана двумя причинами. Первая заключалась в том, что Лукашенко действительно в настоящее время не собирается менять политическую систему, которая обеспечивает ему абсолютное господство в стране, в том числе и господство над бюрократией. Вторая причина – это зависть конкурентов *Белой Руси*, которые в негативном свете подали главе государства информацию об этой организации. По мнению известного белорусского журналиста Калинкиной, “сейчас вообще сложилась парадоксальная ситуация... *Белая Русь* создается как самая пропрезидентская из большого числа пропрезидентских организаций. То есть это может спровоцировать массовый исход из Союза офицеров, БРСМ, официальных профсоюзных структур, ветеранских организаций.

Там ведь люди, у которых ярко выраженная гражданская позиция быть ближе к телу. А тут появляется возможность быть еще ближе, – политические убеждения просто требуют перемещаться. В общем, с *Белой Русью* Лукашенко не только ничего нового не приобретает, но еще и оголяет фланги, вносит смуту в ряды своих давно структурированных сторонников” [49].

Вместе с тем тот факт, что после парламентских выборов было дано высочайшее разрешение на присоединение к этой общественной организации народных избранников (в октябре 2008 г. к *Белой Руси* присоединился 51 депутат Палаты представителей и около 1/4 состава Совета Республики), свидетельствует в пользу того, что сценарий создания *партии власти* оказался запасным вариантом режима. Возможно, Лукашенко им и воспользуется на следующих выборах [50]. Пока же “белоросы” должны поработать над донесением до каждого гражданина, каждого взрослого жителя страны государственной идеологии ради поддержания в обществе самых правильных настроений.

Более того, как отмечает Чернов, “период 2002–2005 гг. отмечен значительным снижением положительной динамики этого процесса, а в 2005–2007 гг. стала наблюдаться даже отрицательная тенденция в количественной динамике НПО” [51]. По данным Всемирного банка, на начало 2004 г. в Беларуси насчитывалось 1 НПО на 4500 жителей, тогда как в Украине – 1/1500, в Польше – 1/900, в США – 1/240, во Франции – 1/80 [52]. Эти цифры свидетельствуют о крайне низком потенциале для развития гражданского общества в нашей стране.

Последнее обстоятельство связано не только с политикой правительства, но и с *внутренними трудностями* независимого третьего сектора. Среди них прежде всего следует назвать *низкий уровень институционализации* структур гражданского общества и *нехватку социального капитала*. Согласно американским политологам Хантингтону и Даймонду, важнейшими показателями институционализации являются: степень автономии, сплоченность и сложность организаций, а также их адаптационные возможности.

Автономия (*autonomy*) означает, что структуры гражданского общества должны быть не только свободными от контроля со стороны авторитарного государства, но “в не меньшей степени от доминирования отдельных лидеров, основателей или правящих клик” [53]. В современной Беларуси аутентичные неправительственные организации располагают очень незначительной автономией, понимаемой подобным образом. В небольшом секторе демократических НПО еще в начале 2000-х гг. победили корпоративистские тенденции, которые проявляются в неравном доступе к информации и материальным ресурсам, формировании патрон-клиентельных сетей и *зависимости одних организаций от других*, а точнее, большинства НПО от очень узкой группы ресурсных центров и их лидеров. Все

это породило нездоровую конкуренцию между неправительственными организациями и еще больше усилило изоляцию третьего сектора от белорусского общества.

Как подчеркивает Дайамонд, “структуры гражданского общества могут добиваться наибольшей эффективности и в наибольшей степени содействовать развитию демократии, когда цели, структура и вопросы принадлежности разделяются подавляющим большинством их членов. Сплоченность (*coherence*) организации требует согласия с миссией организации, функциональными границами, процедурами разрешения конфликтов” [54]. Демократические НПО располагают только ограниченной сплоченностью в современной Беларуси. Лидер и узкая группа его/ее приверженцев обычно формулируют миссию и цели для всей организации. Возможности рядовых членов повлиять на проводимую политику носят формальный характер. Материальные, людские и организационные ресурсы для достижения целей являются весьма ограниченными у большинства структур. Внутренние конфликты и борьба за перераспределение ограниченных средств – это то, что отравляет жизнь подавляющего большинства НПО. Они также не умеют демократическим путем разрешать конфликты и обновлять руководство.

“Важнейшим показателем сложности (*complexity*) для структур гражданского общества на национальном уровне, по мнению Дайамонда, является их вертикальная глубина: степень, до которой они в состоянии организовать работу провинциальных и местных подразделений, преследующих те же самые цели... Особенно важно, чтобы власть в организации была бы хоть немного *децентрализованной*, а управленческие решения и деятельность по их осуществлению оказывались бы под влиянием решений, принятых на провинциальном и локальном уровнях. Децентрализованные структуры национальных организаций сферы гражданского общества создают социальный капитал, сплачивая граждан во имя взаимодействия для разрешения проблем их локальных сообществ” [55].

Только у трети белорусских зарегистрированных неправительственных организаций были региональные структуры перед президентскими выборами 2006 г. Однако проблема заключается не только в этом. Многие демократические НПО и особенно их руководство стремятся к реализации хорошо им понятной и выгодной модели формирования жестко централизованных организаций, ориентированных на подчинение лидеру и небольшой группе, его окружающей. Хорошо известна позиция одного из лидеров белорусского третьего сектора, экс-кандидата в президенты, а ныне председателя движения *За свободу* А. Милинкевича о необходимости формирования “демократической вертикали”. На наш взгляд, несостоятельными выглядят его аргументы о том, что ужесточение режима не оставляет оппозиции иного выбора, кроме создания системы единоначалия с жест-

ким подчинением нижестоящих структур вышестоящим, рядовых “мирного оппозиционного войска” – главнокомандующему и штабу. То, что “мы живем не в демократии, а в диктатуре”, не оправдывает использование демократами авторитарных методов борьбы (на словах – с режимом, на деле – с соратниками) и формирования вертикальных структур вместо горизонтальных. Если такие тенденции укрепятся, независимые НПО и оппозиционные партии просто утратят свое главное преимущество перед Лукашенко: демократическую альтернативу.

Наконец, “институционализация также требует, чтобы структуры гражданского общества адаптировали свои миссии, функции и структуру к политическому и социальному контексту, новым императивам и различным возможностям” [56]. К сожалению, белорусские НПО обладают очень низким уровнем адаптационных способностей (*adaptability*). Часто можно услышать мнение, что уже само выживание демократических организаций в очень сложных условиях доказывает, что они адаптировались к ситуации [57]. Это не совсем так. Если демократические НПО реально не в состоянии выполнять свою миссию (т.е. работать с населением), если они давно смирились с существованием в “демократическом гетто”, в которое за годы правления Лукашенко превратился независимый третий сектор, то это явный признак отсутствия адаптационных способностей организаций. Их усилия не ведут к переменам в большом белорусском обществе, которое своего гражданского общества просто не замечает.

Низкий уровень институционализации структур гражданского общества в Беларуси сочетается с острым дефицитом так называемого *социального капитала*. По мнению одного из создателей этой теории, известного американского политолога Патнэма, “в то время как физический капитал имеет отношение к материальным вещам, а человеческий капитал – к потенциалу людей, социальный капитал связан с отношениями между людьми, социальной сетью, нормами взаимного воздаяния и доверия. В определенном смысле социальный капитал очень похож на такое явление, как гражданская добродетельность. Но между ними есть и разница: социальный капитал приобретает могущество, когда он сосредоточивается в сети социальных связей, основанных на взаимности. Общество, которое состоит из добродетельных, но изолированных людей, не обязательно богато социальным капиталом” [58].

Белорусское гражданское общество в основном и состоит из таких добродетельных людей, почти не связанных между собой отношениями взаимного доверия и солидарности. Существует прямая зависимость между структурой организаций и коалиций и социальным капиталом. Иерархические принципы построения НПО, вертикаль-

ные связи вместо горизонтальных разрушают доверие внутри организации и между разными организациями-членами демократической коалиции, а следовательно, ведут к неизбежному уменьшению социального капитала. Как указывает Даймонд, “организация тогда становится зависимой от лидера или правящей клики и может демонстрировать все возрастающее противоречие между внутренним стилем управления и целями, которые она стремится достичь на уровне общества. В итоге организация делается не способной к расширению своей социальной базы или теряет поддержку и доверие со стороны общества. Все это порождает расколы и конфликты с другими организациями, которые стремятся к достижению аналогичных целей, но страдают от таких же недостатков, связанных с иерархическим и неотчетливым лидерством” [59].

Не только давление со стороны правительства, но и переход Ассамблеи демократических НПО к вертикальным принципам построения коалиции в начале 2000-х гг. привел к сокращению ее численности с 700 организаций в 1999 г. до 300 в настоящее время. Вместе с тем эта коалиция все еще располагает большим потенциалом, но реализовать его в полной мере она не может из-за отмеченных выше трудностей.

Таким образом, независимые неправительственные организации сталкиваются с большим количеством внешних и внутренних проблем. Для движения вперед они должны прежде всего решить внутренние проблемы, которые зависят от самих организаций и их руководства (они носят субъективный, а не объективный характер). В противном случае продолжится процесс маргинализации структур гражданского общества. То есть, если в Восточной Европе *параллельное общество* представляло собой альтернативу системе “большой лжи”, то в современной Беларуси оно с каждым годом все больше и больше становится зеркальным отражением лукашенковской системы: те же двойные стандарты, та же ущербная мораль, то же стремление к монополизму, та же борьба с единомышленниками, тот же зажим критики.

В целом можно сказать, что ассоциированные группы интересов играют в Беларуси несравненно меньшую роль в политической системе, чем в соседних странах. Это объясняется очень медленным процессом разгосударствления экономики. Только наличие развитого частного сектора создает материальную основу для сильных ассоциаций, которые в таких условиях могут приобретать большую автономию от государства и постепенно повышать уровень своего институционального развития.

5. Система представительства интересов (система групп интересов)

Система групп интересов в Беларуси, безусловно, относится к *контролируемому властями корпоративному типу*. Об этом свидетельствует целый ряд индикаторов, которые были подробно проанализированы выше. Наличие определенных элементов неотвечественного и ограниченного плюрализма в системе представительства интересов не позволяет нам рассматривать белорусскую модель как тоталитарную.

Можно согласиться с точкой зрения Чернова, который обращает внимание на то, что “в авторитарной политической системе правительство, чтобы обеспечить себе контроль над обществом, обычно стремится пресечь конкуренцию между группами интересов и замкнуть основные каналы артикуляции интересов той или иной социальной группы на какой-либо одной крупной общественной организации. Государство создает (иногда в принудительном порядке), поддерживает и контролирует ограниченное число таких организаций, полностью или частично субсидируя их деятельность и предоставляя им монопольное право на представительство определенной категории интересов. В обмен на эту поддержку группы обязаны придерживаться государственного курса и не критиковать правительство... Независимые НПО формально не подлежат запрету, хотя их активность носит ограниченный характер, поскольку они изолируются от основных каналов политического доступа и государственных ресурсов. В результате при таких режимах сохраняется относительная автономия разнообразных групп интересов, по крайней мере, в неполитических сферах жизни общества и, следовательно, сохраняется определенный экономический и социальный плюрализм. Вместе с тем авторитарный режим по определению не обеспечивает институциональных гарантий автономии и безопасности граждан” [60].

Американский политолог Степан предложил дифференцировать все авторитарно-корпоративистские системы на **инклюзивные** (*inclusive*) и **экслюзивные** (*exclusive*) [61]. В первом случае правящая группа стремится инкорпорировать важные в ее понимании общественные интересы в политическую систему с помощью развития соответствующей однопартийной системы, в которой корпоративизм становится лишь дополнением к авторитарному монопартизму. Классическим примером таких систем являлась Мексика периода правления там PRI (30–90-е гг.), а также Тайвань времен господства партии Гоминдан (40–90-е гг.). Нынешняя Россия также движется в этом направлении, о чем свидетельствует быстрый процесс партизации, который привел к вступлению в *Единую Россию* многих “олигархов” и подавляющего большинства губернаторов.

Во втором случае экслюзивные системы подавляют все автономные группы интересов, создают псевдогруппы, несамостоятельные и напрямую завязанные на государство. Обычно к такому виду

относятся низкоинституционализированные персоналистские и военные режимы, которые обходятся без правящих партий (О’Доннелл называл их системами *каудильо*). К этой модели организации групп интересов приближался режим Франко в Испании и Салазара в Португалии, а также целый ряд военных хунт в Латинской Америке. По нашему мнению, в процессе трансформации от эксклюзивного корпоративизма к инклюзивному находятся Китай и Вьетнам, в которых правящие коммунистические партии стали гораздо более открытыми для представительства интересов бизнеса, регионов и др.

По мнению Чернова, “сегодня система групп интересов в Беларуси относится к корпоративизму не тоталитарного, а *авторитарно-инклюзивного типа* с существенным присутствием элементов эксклюзивного корпоративизма. Например, помимо БРСМ действуют еще более полутора сотен официальных разрешенных молодежных организаций, в том числе оппозиционных (последних, правда, осталось совсем немного). Независимый протест и политическая активность формально не запрещаются, хотя выдвижение автономных требований допускается в очень ограниченном масштабе. В тоталитарном государстве такая ситуация была бы невозможна по определению... Конечно, правительство стремится использовать некоторые группы интересов в качестве инструментов реализации государственного курса, а поэтому более или менее плотно контролирует все группы, иногда активно вмешивается во внутренние дела организации, включая процессы выдвижения требований, выбор руководства и т.п. ...

Необходимо вместе с тем отметить, что в Беларуси инклюзивно-корпоративистская система групп интересов является в целом неразвитой, фрагментарной и занимает подчиненное положение в политической системе. Интересы многих сегментов белорусского общества лишены доступа к формальным каналам представительства. Иногда, правда, используются механизмы инкорпорации, как это случилось, например, с БСМ, но переговорные процедуры чаще всего игнорируются. В отношении ряда нелояльных групп применяются методы эксклюзивного корпоративизма. Существующие корпоративные группы также трудно назвать полноценными. Во внутриэлитных отношениях доминируют неформальные патрон-клиентельные связи, а над ними, в свою очередь, возвышается в высшей степени персонализированная власть. В результате практически все формальные политические институты, включая корпоративные структуры, оказываются дефектными и неэффективными” [62].

По нашему мнению, проделанный Черновым анализ позволяет сделать вывод о том, что современная белорусская *система групп интересов* занимает *промежуточное положение* между отмеченными выше полюсами инклюзивной и эксклюзивной авторитарности. Да, в современной Беларуси созданы структуры корпоративного типа для представительства определенных социетальных интересов, которые занимают монопольные позиции в своих секторах (ФПБ, БНПА, БРСМ и другие), однако они сами используются президентом лишь для контроля за рабочим движением, бизнесом или молодежью, а не в качестве инструментов интеграции определенных групп инте-

ресов с властью. Даже членство в *Белой Руси*, как заявил недавно Лукашенко, не должно рассматриваться бюрократией как трамплин для собственной карьеры. К тому же в Беларуси все еще отсутствует партия власти, которая обычно предоставляет хорошие институциональные возможности для реализации модели инклюзивного корпоративизма.

По какому пути пойдет дальнейшее развитие системы представительства интересов в нашей стране? Ответить на этот вопрос достаточно трудно. Если под давлением Запада в Беларуси пройдет обещанная либерализация и широкомасштабная приватизация с участием номенклатуры, тогда более предпочтительными шансами будет обладать эволюция системы в сторону ее большей инклюзивности. В случае если Лукашенко удастся использовать экономическую помощь Европы и России для сохранения статус-кво, то не исключено и замораживание нынешнего промежуточного состояния системы групп интересов в течение длительного отрезка времени, потому что оно полностью устраивает действующий режим личной власти.

Таким образом, группы интересов в Беларуси являются весьма неразвитыми. В нашей стране под влиянием политического режима получили преимущественное развитие патрон-клиентелизм в сочетании с чрезмерной бюрократизацией всей общественной жизни. В то же время несущественную роль в артикуляции и агрегации интересов играют ассоциации. Такое положение вещей является анахронизмом и обычно не свойственно современным государствам, в особенности тем, которые расположены в Европе. Многие общественные силы лишены надежных каналов представительства интересов, что ведет к не попаданию важных импульсов в систему, где вырабатываются политические решения. Это положение усугубляется слабостью обратных связей.

Примечания

1. See: Almond G., Powell B., "Interest Groups and Interest Articulation" // G. Almond & B. Powell eds. *Comparative Politics Today*. N.Y.: Harper Collins, 1996.
2. Мацюзата К., "Рэжым Лукашэнкі як выспа папулізму ў акіяне кланавай палітыкі" // *ARCHE*. 2005, № 4.
3. См.: Ляхович А., "Правящая элита и бюрократия" // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму (1994–2006)* / под ред. проф. О. Манаева. Новосибирск: Водолей, 2006. С. 205–215; *Хто ёсць хто ў Беларусі* / уклад. Л. Андросік, В. Голубеў, К. Заброцкая і інш. Вільня, 2007; Федута А., *Лукашенко: Политическая биография*. М.: Референдум, 2005. С. 661–686.

4. Барганович А., “Виктор Лукашенко введен в состав Совета Безопасности” // <http://news.tut.by/politics/80481.html>.
5. См.: Яковлевский Р., “Зазеркалье. Мозговеды” // <http://naviny.by/rubrics/opinion/2008/10/17>; “Кто он, наш Владимир Владимирович” // *Белорусская газета*. 24.07.2008.
6. Ляхович А., Указ. соч. С. 215.
7. Более подробная информация об аномических (неупорядоченных) группах интересов содержится в кн.: Ровдо В., *Сравнительная политология: учеб. пособие*. В 3 ч. Ч. 1. Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО “Вариант”, 2007. С. 170–171.
8. See: Way L., “The Sources and Dynamics of Competitive Authoritarianism in Ukraine” // *J. of Communist Studies and Transition Politics*. 2004, vol. 20, no 1. P. 143–161.
9. См.: Федута А., Указ. соч. С. 30–33; Навумчык С., *Сем гадоў Адраджэння, альбо Фрагменты найноўшай беларускай гісторыі (1988–1995)*. Варшава: Беларускае ведамасці – Прага: Clovek v tisni, 2006. С. 46; Шыбека З., *Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002)*. Мн.: Энцыклапедыкс, 2003. С. 395–396; Натчык П., “Развіццё нацыянальна-дэмакратычнага руху і пазыцыі савецкай эліты” // *Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. С. 64.
10. Более подробная информация о неассоциированных группах содержится в кн.: Ровдо В., *Сравнительная политология: учеб. пособие*. В 3 ч. Ч. 1. Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО “Вариант”, 2007. С. 171–173.
11. Гл.: Сіліцкі В., “Эканамічная палітыка Лукашэнкі” // *Беларуска-расійская інтэграцыя. Аналітычныя артыкулы*. Мінск: Энцыклапедыкс, 2002. С. 61–63.
12. См.: Карбалевич В., “Почему меняется курс” // 18.11.08. *Наше мнение*. <http://www.nmnby.org>.
13. Яковлев А., “Россия как реальность. Взаимодействие групп интересов и их влияние на экономические реформы в современной России” // *Мир России*. 2003, № 4. С. 63–65, 58–59.
14. Казакевіч А., “Чатыры карпарацыі беларускае эліты” // *Эўропа, нацыя і Расея ў меркаваньнях беларускай эліты*. Warsaw: Stefan Batory Foundation, 2007. С. 241.
15. See: Urban M., *An Algebra of Soviet Power. Elite Circulation in Belorussian Republic 1966–1986*. Cambridge: University press, 1989.
16. Сіліцкі В., “Выбары Вярхоўнай Рады БССР у 1990 г.” // *Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. С. 15.
17. Казакевіч А., Тамсама. С. 243–244.
18. Яковлев А., Указ. соч. С. 63.
19. Казакевіч А., Тамсама. С. 245–246.
20. Более подробная информация об институциональных группах интересов содержится в кн.: Ровдо В., *Сравнительная политология: учеб. пособие*. В 3 ч. Ч. 1. Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО “Вариант”, 2007. С. 173–174.

21. Цит. по: Виноградов В., “Госклан” // 09.04.08. *Немецкая волна*. Термин *госклан* был впервые использован российским политиком Г. Явлинским для критической характеристики господствующей в РФ экономической и политической системы.
22. Там же.
23. Карбалевич В., Указ. соч.
24. Заико Л., “Белорусская политическая элита в контексте современных процессов” // http://usps.org.ua/uploads/docs/Agenda_BP_usps_April2007.pdf.
25. Более подробная информация об ассоциированных группах интересов содержится в кн.: Ровдо В., *Сравнительная политология*: учеб. пособие. В 3 ч. Ч. 1. Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО “Вариант”, 2007. С. 174–177.
26. БКДП – история создания, цели и задачи // <http://www.bkdp.org>.
27. БКДП готов к новым вызовам времени // <http://www.bkdp.org>.
28. Федерация профсоюзов Белорусская. http://www.fpb.by/ru/menu_left/about.
29. Там же.
30. Там же.
31. См.: Ермак Д., “Белорусский союз предпринимателей сменил рулевого” // *Белорусские новости*. 25.04.08. http://naviny.by/rubrics/economic/2008/04/25/ic_articles_113_156813/; <http://bae.iatp.by>.
32. О БСПН. Цели и задачи БСПН. <http://bspn.by/content/category/23/155/194>.
33. См.: “В двухнедельной забастовке предпринимателей приняло участие более 50% ИП, сообщил Виктор Горбачев” // *Белорусские новости*. 13.01.08. http://naviny.by/rubrics/politic/2008/01/13/ic_news_112_283758/; Зайцев А., “Минюст подал в Верховный Суд иск о ликвидации РОО Перспектива”. 14.01.08 // <http://news.tut.by/politics/101932html>.
34. См.: http://www.bnpa.info/o_bnpa.
35. См.: Конфедерация промышленников и предпринимателей (нанимателей). <http://www.belfirms.com/minsk/part07/fir07940.htm>.
36. For more details see: Rouda U., “The Prospects of Belarusian Civil Society Development after the Ukrainian Revolution”// *CDDRL Working Papers*. 2005. Stanford University (USA). <http://cddrl.stanford.edu>. Автор не разделяет точку зрения белорусского политолога Чернова, который датирует возникновение независимого третьего сектора в Беларуси эпохой перестройки. Такой подход не позволяет объяснить быстрое развитие неформальных инициатив в Беларуси в годы горбачевской либерализации, которое было бы невозможным без наличия серьезных внутренних предпосылок и определенной традиции. Кроме того, многие люди, стоявшие у истоков первых несанкционированных сверху инициатив в 60–80-е гг., в дальнейшем стали лидерами и активистами неформальных организаций и первой оппозиционной структуры – Белорусского народного фронта (прослеживается преемственность участников двух этапов). См.: Чернов В., “Третий сектор в Беларуси (1)” // *Наше мнение*. 31.01.08. <http://www.nmnbu.org/pub/0801/31m.html>.

37. Гл.: Роўда У., *Палітычныя ўмовы дзейнасці трэцяга сектара Беларусі*. Мінск: Выканаўчае бюро Асамблеі дэмакратычных НДА, 1999. С. 12.
38. Клуб *Современник* был одной из немногих неформальных организаций, которая в те годы обсуждала на своих заседаниях вопросы политического устройства страны. После того, как в октябре 1988 г. клуб выступил с идеей создания в Беларуси Народного фронта (по примеру балтийских стран), у него отобрали помещение, а деятельность организации запретили. См.: Чернов В., Указ. соч.
39. Чернов В., Указ. соч.
40. Гл.: Роўда У., Тамсама.
41. For more details see: Rouda U., “The Prospects of Belarusian Civil Society Development after the Ukrainian Revolution”.
42. Исследование проводилось Ассамблеей демократических НПО совместно с Независимым обществом правовых исследований. См.: *Право на объединение*. Минск, 2004.
43. См.: Левков В., “Неофашисты возвращаются” // *Белорусская деловая газета*. 03.06.02. http://bdg.press.net.by/dsp/2002/06/2002_06_03.5/5_12_1.shtml.
44. Белая И., “Правовой контекст развития молодежного третьего сектора” // *Вклад молодежных организаций в становление гражданского общества в Беларуси*. М.: Фонд им. Фридриха Эберта, 2006. С. 51.
45. Там же. С. 46, 50.
46. Там же. С. 36.
47. Золотницкий А., “Государство советует БРСМ обходиться без помощи старших” // http://naviny.by/rubrics/society/2008/10/29/ic_articles_116_159690.
48. “Лукашенко настойчиво отрещивается от Белой Руси” // 29.04.08. <http://www.belaruspartisan.org>.
49. Калинин С., “Дурная наследственность” // 20.11.07. <http://www.belaruspartisan.org>.
50. “Белая Русь собирается на съезд” // 16.10.08. <http://www.belaruspartisan.org>.
51. Чернов В., Указ. соч.
52. См.: Позняк В., “Куда ведет *Лента Мебиуса* белорусской политики?” // *Беларусь: молодежь, политика, европейская перспектива*: сб. аналитических материалов. Минск, 2005. С. 67.
53. Diamond L., *Developing Democracy Toward Consolidation*. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 1999. P. 229.
54. Ibid.
55. Ibid. P. 229–230.
56. Ibid. P. 230.
57. Трудно согласиться с мнением Чернова, который пишет: “Многие белорусские НПО отличаются высокой степенью адаптации, поскольку они существуют в достаточно динамичном, нестабильном и неблагоприятном окружении” См.: Чернов В., Указ. соч.

58. Putnam R., *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. N.Y.: Simon & Schuster, 2000. P. 19.
59. Diamond L., Op. cit. P. 226.
60. Чернов В., “Какой в Беларуси корпоративизм?” // *Наше мнение*. 08.02.08. <http://www.nmnby.org/pub/0802/08j.html>.
61. See.: Linz J. and Stepan A., *Democratic Transition and Consolidation*.
62. Чернов В., Указ. соч.

Литература

- Белая И., “Правовой контекст развития молодежного третьего сектора” // *Вклад молодежных организаций в становление гражданского общества в Беларуси*. М.: Фонд им. Фридриха Эберта, 2006. С. 51.
- Казакевич А., “Чатыры карпарацыі беларускае эліты” // *Эўропа, нацыя і Расея ў меркаваньнях беларускай эліты*. Warsaw: Stefan Batory Foundation, 2007.
- Карбалевиц В., “Почему меняется курс” // 18.11.08. *Наше мнение*. <http://www.nmnby.org>.
- Ляхович А., “Правящая элита и бюрократия” // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму (1994–2006)* / под ред. проф. О. Манаева. Новосибирск: Водолей, 2006.
- Манаев О., *Становление гражданского общества в независимой Беларуси. Социологические опыты: 1991–2000*. Минск: ФилСервплюс, 2000.
- Манаев О., *Становление гражданского общества в независимой Беларуси. Социологические опыты: 2001–2005*. Рига: Лайма, 2005.
- Роўда У., *Палітычныя ўмовы дзейнасці трэцяга сэктару Беларусі*. Мінск: Выканаўчае бюро Асамблеі дэмакратычных НДА, 1999.
- Сіліцкі В., “Эканамічная палітыка Лукашэнкі” // *Беларуска-расійская інтэграцыя. Аналітычныя артыкулы*. Мінск: Энцыклапедыкс, 2002.
- Чернов В., “Третий сектор в Беларуси (4)” // *Наше мнение*. 26.03.08. <http://www.nmnby.org/pub/0803/26m.html>.
- Чернов В., “Какой в Беларуси корпоративизм?” // *Наше мнение*. 08.02.08. <http://www.nmnby.org/pub/0802/08j.html>.
- Яковлев А., “Россия как реальность. Взаимодействие групп интересов и их влияние на экономические реформы в современной России” // *Мир России*. 2003, № 4.
- Almond G., Powell B., “Interest Groups and Interest Articulation” // G. Almond & B. Powell eds. *Comparative Politics Today*. N.Y.: Harper Collins, 1996.
- Diamond L., *Developing Democracy Toward Consolidation*. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 1999.
- Linz J. and Stepan A., *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 1996.
- Putnam R., *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. N.Y.: Simon & Schuster, 2000.

- Rouda U., "Prospects of Belarusian Civil Society Development after the Ukrainian Revolution" // *Working Paper*. 2005. <http://cddrl.stanford.edu>.
- Urban M., *An Algebra of Soviet Power. Elite Circulation in Belorussian Republic 1966–1986*. Cambridge: University press, 1989.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

1. Какие функции выполняют патрон-клиентельные группы в политической системе Беларуси?
2. Какие примеры аномических действий в нашей стране вы можете привести?
3. Что представляет собой процесс циркуляции элит в Беларуси?
4. Охарактеризуйте роль бюрократии в политической системе Беларуси.
5. Какие подходы к классификации белорусских ассоциированных групп интересов вы знаете?
6. Приведите примеры белорусских GONGO.
7. Какие этапы в своем развитии прошел третий сектор Беларуси?
8. Что вы знаете о внешних и внутренних проблемах в развитии *grass-root* НПО?
9. Что представляет собой система групп интересов в современной Беларуси?

ТЕМА 21. ВЫБОРЫ, ПАРТИИ И ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

1. Избирательное законодательство и его влияние на политический процесс.
2. Особенности партогенеза в Беларуси.
3. Лояльные президенту политические партии.
4. Оппозиционные политические партии.
5. Особенности белорусской партийной системы.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ:

- мажоритарная избирательная система;
- Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов (ЦИК);
- Белорусский народный фронт *Адраджэньне* (БНФ);
- Партия Белорусского народного фронта (ПБНФ);
- Белорусская социал-демократическая Грамада (БСДГ);
- Белорусская экологическая партия зеленых (БЭЗ);
- Белорусская партия *Зеленые* (БПЗ);
- Партия коммунистов Белорусская (ПКБ);
- Коммунистическая партия Белоруссии (КПБ);
- Белорусская аграрная партия (БАП);
- Либерально-демократическая партия Республики Беларусь (ЛДП);
- Республиканская партия (РП);
- Белорусская социально-спортивная партия (БС-СП);
- Республиканская партия труда и справедливости (РПТС);
- Белорусская патриотическая партия (БПП);
- Белорусская партия труда (БПТ);
- Белорусская партия женщин *Надзея*;
- Белорусская социал-демократическая партия (Народная Грамада) (БСДП (НГ));
- Социал-демократическая партия народного согласия (СДПНС);
- Объединенная гражданская партия (ОГП);
- Консервативно-христианская партия БНФ (КХП-БНФ);
- Консультативный совет оппозиционных политических партий (КСОПП);
- Координационная рада демократических сил (КРДС);
- Координационный совет политических партий и общественных организаций;
- Конфедерация *За социальные перемены*;
- Народная коалиция V+;

- Европейская коалиция *Свободная Беларусь*;
- Белорусская социал-демократическая партия (Грамада) (БСДП (Г));
- Конгресс демократических сил;
- Объединенные демократические силы (ОДС);
- Движение *За Свободу*;
- Белорусская христианская демократия (БХД);
- Партия свободы и прогресса (ПСП);
- Оргкомитет по созданию Белорусской партии трудящихся (БПТ);
- Белорусская партия левых, Партия *Радзіма*, Партия демократии и справедливости;
- поляризованный плюрализм;
- беспартийная система (система апартизма).

Белорусская избирательная система и политические партии рассматриваются на основе тех методологических подходов, которые были подробно проанализированы в первой части данного учебного пособия (см.: Ровдо В., *Сравнительная политология*: учеб. пособие. В 3 ч. Ч. 1. Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО “Вариант”, 2007).

1. Избирательное законодательство и его влияние на политический процесс

Основные правила организации и проведения выборов в Беларуси содержатся в Конституции 1996 г., а также в Избирательном кодексе, принятом Национальным Собранием в 2000 г. В 2007 г. в него были внесены важные изменения, связанные с переходом нашей страны к применению мажоритарной системы простого большинства (плюральной системы) при проведении выборов в местные органы власти. Глава 1 раздела 3 действующей Конституции утверждает, что выборы в Беларуси являются “всеобщими, свободными, равными, прямыми, тайными” [1]. Однако в действительности организация избирательного процесса властями после 1994 г. позволяет усомниться в том, что в Республике Беларусь соблюдаются все эти и многие другие принципы свободного и справедливого волеизъявления граждан (*free and fair elections*).

Например, принуждение многих людей к участию в досрочном голосовании грубейшим образом нарушает первую часть ст. 65 Основного Закона, которая гласит, что “выборы являются свободными: избиратель лично решает, участвовать ли ему в выборах и за кого голосовать” [2]. Разные возможности кандидатов в получении доступа к средствам массовой информации, а также в проведении встреч с избирателями противоречат второй части ст. 66 Конституции, утверждающей, что “кандидаты, избираемые на государ-

ственные должности, участвуют в выборах на равных основаниях” [3]. Наряду с прямыми выборами, закрепленными ст. 67 Основного Закона, в нашей стране применяются и косвенные выборы после подписания президентом Декрета от 11 декабря 1996 г. *Об утверждении положения о выборах членов Совета Республики Национального Собрания Республики Беларусь* (см. тему 18). Практика проведения выборов по месту нахождения избирателей (с использованием переносных урн) не соответствует ст. 68 Конституции, которая предусматривает, что “голосование на выборах является тайным: контроль за волеизъявлением избирателей в ходе голосования запрещается” [4].

Белорусское избирательное законодательство закрепило **мажоритарную систему выборов** (*majority system*), перекочевавшую из советского прошлого. В соответствии с ней в каждом округе избирается один депутат, набравший абсолютное большинство голосов. Выборы в парламент считаются состоявшимися, если в них приняло участие более половины избирателей округа и 25% при проведении второго тура голосования. Такая же система действует и при выборах президента. Правда, минимально необходимая планка участия при проведении второго тура составляет здесь 50%. Для того чтобы попасть в местные Советы, теперь требуется набрать относительное большинство голосов избирателей. Наряду с белорусскими гражданами в выборах в местные органы власти могут участвовать и подданные Российской Федерации. Все граждане Республики Беларусь обладают активным избирательным правом по достижении 18 лет. Возрастной ценз для пассивного избирательного права является более высоким. По законодательству Республики Беларусь депутатом местного Совета может быть избран гражданин, достигший 18 лет, депутатом Палаты представителей – 21 года, президентом – не моложе 35 лет.

По мнению Лейпхарта и Вайсмана, а также Элстера и Оффе, применение мажоритарной избирательной системы в новых независимых государствах порождает большие проблемы для формирования и развития партийных систем, так как создает искусственные преимущества партиям, которые уже существуют (коммунистическим, например), и дискриминирует недавно созданные политические объединения. Кроме того, данная система способствует выдвижению кандидатами индивидов, а не членов политических партий, мотивируя граждан отдавать свои голоса тем претендентам, которых они “хорошо знают”, а не неким ненадежным “новичкам”, представляющим альтернативную политическую позицию [5]. Мажоритарная избирательная система “также дает большие возможности для произвола избирательных комиссий, сохраняет значительное влияние

местных властей на ход и результаты выборов”, – указывает известный белорусский юрист Пастухов [6].

Однако не только избирательная система повинна в том, что выборы в Беларуси не ведут к укреплению партийной системы и попаданию оппозиции в парламент. Работа всех составных частей государственного механизма, задействованного во время голосований, направлена на обеспечение получения тех результатов, которые заранее указаны президентом. Главную роль здесь играет *система избирательных комиссий* во главе с **Центральной комиссией Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов (ЦИК)**. Белорусская ЦИК является полностью зависимым от главы государства органом. Центральная комиссия образуется в составе 12 человек. Членами комиссии могут быть граждане Республики Беларусь, имеющие, как правило, высшее юридическое образование и опыт работы по организации и проведению выборов и референдумов. Шесть членов ЦИК назначаются президентом и шесть других избираются Советом Республики. Председатель Центральной комиссии назначается президентом с согласия верхней палаты парламента из числа членов ЦИК. В соответствии со ст. 84 Конституции у президента есть право в любое время “освободить от должности председателя и членов Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов” [7].

Как подчеркивает Пастухов, “образование всех избирательных комиссий унифицировано. Исключительное право их формирования предоставлено исполнительным органам власти. Политические партии, другие общественные объединения, трудовые коллективы предприятий, учреждений, организаций или коллективы их структурных подразделений, а также граждане путем подачи заявления могут выдвигать в соответствующую территориальную, окружную, участковую комиссию только по одному представителю... Порядок формирования избирательных комиссий, заложенный в законодательстве Республики Беларусь, не основан на принципе разделения властей и дает исполнительным структурам власти неоправданные преимущества. Прежде всего это выражается в определении персонального состава комиссий при весьма коротком сроке их создания. На это дается всего пять дней после объявления даты выборов. Это приводит к практически полному отсутствию в составе комиссий членов оппозиционных политических сил и зависимости членов комиссий от исполнительных органов власти” [8]. Этот вывод подтверждается данными многолетних наблюдений. Во время парламентской кампании 2008 г., несмотря на некоторое несущественное увеличение представительства оппозиции в составе окружных комиссий, власти не пошли на подобный шаг при формировании участковых комиссий, где и происходят основные нарушения избирательного законодательства. Участники Объединенных демократических сил (ОДС) составляли лишь 0,05 % от всех членов таких структур [9].

Правом *выдвижения кандидатов в депутаты* в Беларуси обладают общественные объединения, трудовые коллективы и граждане путем сбора подписей. Политические партии могут участвовать в этом процессе, если на территории соответствующего округа имеется первичная организация, созданная не позднее, чем за шесть месяцев до дня выборов. Данная норма законодательства направлена против партий. Как отмечает Пастухов, “большинство политических партий находится в оппозиции к властям. Их численный состав относительно невелик, нижестоящие организационные структуры слабы. В соответ-

ствии с этим достаточно сложно образовать структурные единицы партий в избирательных округах. Положение ухудшает также постоянное изменение, от выборов к выборам, числа и границ избирательных округов” [10]. Явным анахронизмом, но выгодным властям, является действующее в нашей стране с советских времен право номинации кандидатов трудовыми коллективами. В порядке, установленном ЦИК, при проведении выборов на участках могут присутствовать доверенные лица кандидатов, представители партий и других общественных объединений, трудовых коллективов, средств массовой информации, наблюдатели от иностранных государств и международных организаций. При этом *наблюдатели* за подсчетом голосов избирателей на участках для голосования должны находиться на таком расстоянии, чтобы не затруднять работу участковой комиссии. Последнее положение, как правило, используется комиссиями как предлог для создания невыносимых условий для работы национальных и международных наблюдателей во время выборов. Даже наблюдателям миссии ОБСЕ в день голосования на парламентских выборах 2008 г. белорусские комиссии не позволяли эффективно работать, “а в 35% случаев им отказали или препятствовали в наблюдении за подсчетом голосов” [11].

В нашей стране стало нормой совершенно недопустимое неравенство кандидатов в доступе к средствам массовой информации на стадии осуществления *предвыборной агитации*. Оппозиционным претендентам бывает сложнее организовывать встречи с избирателями и печатать свои агитационные материалы в государственных типографиях, руководство которых может бесцеремонно отказать в этой услуге “неблагонадежным” политикам. Последнее обстоятельство послужило причиной досрочного “снятия с дистанции” многих представителей Объединенных демократических сил во время выборов в нижнюю палату парламента в октябре 2008 г.

В Беларуси *финансирование выборов* осуществляется из средств специального фонда, контролируемого государством. “Политические партии, другие общественные объединения, предприятия, учреждения, организации и граждане Республики Беларусь не вправе оказывать иную материальную помощь при подготовке и проведении выборов, кроме внесения денежных средств во внебюджетный фонд. Запрещается какое-либо прямое или косвенное участие иностранных государств, предприятий, организаций, иностранных граждан, международных организаций, предприятий с иностранными инвестициями в финансировании и другой материальной помощи при подготовке и проведении выборов” [12]. На наш взгляд, данная норма еще больше усугубляет неравенство кандидатов во время выборов, потому что важнейшими источниками поддержки официальных претендентов на выборах являются не столько средства из специального фонда, сколько знаменитый “административный ресурс”. Власти Беларуси активно применяют так называемое *досрочное голосование*, которое организуется комиссиями за 5 дней до даты выборов. По мнению Пастухова и ряда других независимых экспертов, “эта процедура открывает широкие возможности для фальсификаций и манипулирования итогами голосования” [13]. С каждыми выборами увеличивается количество избирателей, которые под давлением администрации предприятий и учреждений вынуждены участвовать в досрочном голосовании. Если в 1999 г. во время местных выборов на отдельных участках число таких избирателей достигало 1/5, то во время парламентских выборов 2008 г. “досрочники” составляли уже около трети всех белорусских граждан, участвовавших в выборах [14].

Таким образом, само избирательное законодательство и целый ряд ухищрений властей, описанных выше, свидетельствуют в пользу того, что “народный президент”, как любит называть себя Лукашенко, не может удержать власть без применения сильнодействующего “политического допинга”. Он давно уже не в состоянии одолеть своих противников в “честной спортивной борьбе”. Выборы в нашей стране превратились в фарс, в регулярное самоотречение народа от своего суверенитета. Они выполняют совершенно иные функции, чем в условиях демократии. Выборы у нас не ведут к изменению власти в центре и на местах. Электоральное соревнование служит не средством контроля общества над правительством, но, скорее, удобным механизмом в руках президента для избавления от не слишком лояльных ему чиновников.

Такие “выборы” и избирательная система ослабляют партии. Оппозиционные политические организации оказались в ловушке: бойкотировав псевдовыборы, они теряют связи с избирателями и превращаются в мало кому известные политические секты; участвуя в фарсе, организованном властями, они же его и легитимируют. При этом, как свидетельствует опыт, участие не увеличило шансы оппонентов режима даже на частичную и неполную победу.

2. Особенности партогенеза в Беларуси

Как и в большинстве других постсоветских государств, возникновение и развитие политических партий в Республике Беларусь происходило под влиянием трех основных процессов: *политизации неформальных объединений, ослабления и организационных расколов коммунистической партии, выборов различных органов власти в центре и на местах* [15]. В нашей стране эти процессы имели свою специфику, что не могло не отразиться на силе и устойчивости возникших политических организаций.

Политизация неформальных объединений. Данная тенденция привела, в частности, к возникновению в 1989 г. первой некоммунистической политической организации – **Белорусского народного фронта Адраджэньне (БНФ)**. Среди учредителей Фронта выделяется два структурных ядра: представители патриотически мыслящей части белорусской интеллигенции, которые на памятном заседании в Доме кино в Минске 19 октября 1988 г. основали организацию *Мартиролог Беларуси* и оргкомитет БНФ. Вторым центром притяжения стали молодежные организации, среди которых *Талака, Тутэйшыя, Паходня, Касінэр, Світанак* и др. Молодежь принимала тогда самое активное участие в многотысячных акциях протеста, которые прокатились по Беларуси. Неформальные объединения официально потребовали у Верховного Совета XI созыва придать белорусскому

языку статус государственного. Они провели второй *Вальны Сойм* в Вильнюсе в начале 1989 г., на котором обсуждались вопросы государственного суверенитета, официального языка, республиканского гражданства. Выдающиеся лидерские качества З. Позняка и огромный моральный авторитет народного писателя Беларуси В. Быкова позволили довольно быстро и безболезненно интегрировать эти течения в сильную единую организацию – *Белорусский народный фронт Адраджэньне в поддержку перестройки*, – учредительный съезд которой прошел в Вильнюсе 24–25 июня 1989 г. (см. вставку 21.1).

ВСТАВКА 21.1

Политический портрет З. Позняка

Зенон Позняк родился 24 апреля 1944 г. в небольшом городе Суботники Ивьевского района Гродненской области. Его отец погиб на фронте, освобождая от немцев город Катовицы (Польша). Дед политика Ян Позняк, известный белорусский публицист и христианский деятель, был репрессирован НКВД в 1939 г. Зенон Позняк успешно окончил среднюю школу, а в 1967 г. – Белорусский государственный театрально-художественный институт. В 1969 г. он поступил в аспирантуру, но из-за политических преследований был вынужден защищать кандидатскую диссертацию по истории белорусского театра в Ленинграде. С 1976 г. работал младшим научным, потом старшим научным сотрудником института археологии АН БССР. Еще в 60-е гг. Позняк активно боролся за сохранение историко-архитектурного наследия Минска. В 1969 г. он смог опубликовать в газете *Правда* статью на эту тему, что отсрочило уничтожение многих исторических зданий и кварталов в центре Минска.

В июне 1988 г. в газете *Літаратура і мастацтва* Позняк опубликовал статью (соавтор – Е. Шмыгалёв) “Куропаты – дорога смерти” о расстрелах в урочище под Минском десятков тысяч безвинных белорусов в сталинскую эпоху. Эта публикация имела большой успех, что заставило руководство БССР учредить правительственную комиссию, которая в основном была вынуждена согласиться с выводами археологов. Статья в *ЛіМе* ускорила политические процессы в нашей стране. Вскоре З. Позняк выступил с инициативой создания организации *Мартиролог Беларусі*, на учредительном съезде которой было объявлено о формировании оргкомитета Белорусского народного фронта. На Дзяды 30 октября 1988 г. политик организовал массовую демонстрацию в память жертв коммунистических репрессий, которая была жестоко разогнана милицией. С 1990 по 1995 г. Позняк был депутатом Верховного Совета XII созыва, руководителем парламентской фракции *Оппозиция БНФ*, инициатором целого ряда законопроектов, направленных на укрепление независимости государства. Зенон Позняк возглавлял Белорусский народный фронт *Адраджэньне* (1989–1999 гг.), партию БНФ (1993–1999 гг.), Консервативно-христианскую партию БНФ (с 1999 г.).

Лидер БНФ баллотировался на должность президента в 1994 г., но из-за раскола оппозиции занял только третье место; он также участвовал в альтернативных выборах президента в 1999 г., пытался выдвигать свою кандидатуру на высшую государственную должность в 2001 и 2006 гг.

В марте 1996 г., чтобы избежать возможного ареста и физического уничтожения за свои политические взгляды, З. Позняк вместе с С. Наумчиком выехал за пределы страны. Но уже через месяц неожиданно для властей вернулся в Минск, чтобы участвовать в *Чернобыльском шляхе*. Только благодаря помощи белорусских патриотов политик избежал ареста после окружения и штурма ОМОНОм штаб-квартиры БНФ. З. Позняк получил политическое убежище в Соединенных Штатах Америки. Некоторое время он жил с семьей в Польше, теперь – в США.

Всего вышесказанного достаточно, чтобы рассматривать Позняка одним из самых выдающихся белорусских политиков и деятелей национального возрождения. Вместе с тем вокруг его фигуры не утихают споры. В значительной мере они провоцируются самим политиком, который продолжает активную аналитическую и публицистическую деятельность, а также руководит одной из оппозиционных партий. По нашему мнению, прав был Василь Быков, когда писал: “Аналитические способности Зенона казались безграничными. Казалось, что он знал все про Беларусь – современную и историческую, слушать его рассуждения про нее можно было часами. Хотя он и не выглядел оратором, но это был человек, на всю жизнь большой Беларуси. Я очень ценил это его качество, и даже, когда не со всем был согласен или не все мне нравилось в его максимах, не хотел возражать. Я не ощущал в себе права возражать человеку, увлеченному великой идеей. Правда, Адамович, однажды приехав в Минск и встретившись с Позняком, сказал, что этот человек действительно может претендовать на лидерство в Беларуси, один его недостаток – это увлеченность. Плохо быть увлеченным, тем более идеей. Самые великие идеи именно и терпят банкротство из-за увлеченности их носителей. Вообще я с этим был согласен, но не в отношении Позняка. Я считал, что для аполитичной, спокойной Беларуси необходим именно такой лидер. Только такой человек имел возможности, способности и волю к тому, чтобы разбудить нацию, которая много чего проспала за свою историю”.

По нашему мнению, именно увлеченность Позняка национальной идеей приводила к тому, что очень часто он вел себя не как политик, а как “пророк”. Это прежде всего проявлялось в его стремлении не только говорить о императиве морали в политике, но и осуществлять этот тезис на практике. Тем самым он сознательно или бессознательно попадал в худшую позицию, чем его противники, потому что в политике побеждают не самые умные, талантливые и честные люди, а те, кто часто с помощью обмана и пустых обещаний достигают популярности и власти (пример Лукашенко уже стал классическим). Роль “национального пророка” заставляла Позняка становиться радикальным, потому что только так можно было получить ответ на вопрос о коренных причинах определенных процессов, добиться непротиворечивости озвученной идеи и осуществить ее последовательную концептуализацию.

Другая причина “радикализма” Позняка кроется в особенностях белорусского общества, для которого то, что звучало как аксиома для литовца или поляка, воспринималось как что-то новое, дикое и ненормальное. Прежде всего здесь речь идет об идеях возрождения белорусской культуры и языка. Нам кажется, что Позняк совершенно правильно назвал это явление “белорусской трагедией”.

“Из простейших вещей главным является возвращение в сознание утраченного первичного представления: необходимо чтобы человек владел оценочным выделением чужого и ценностным осознанием своего. Этнос, как известно, не возникает, когда не существует коллективного осознания своих и чужих (или врагов и своих). Таким же образом и нивелировка (ассимиляция) этноса возможна только после разрушения коллективной оценочной категории “чужих”. Не всякая имперская политика сознательно действует на этническом уровне, но всякая политика ассимиляции направлена на то, чтобы разрушить (смикшировать) эту границу после разрушения культуры (уничтожения языка и культуры – первый этап насильственной ассимиляции)”.

Лукашенко в независимом белорусском государстве не только сознательно продолжил русификацию белорусского общества, но и сделал ее основой своей политики в области культуры. Поэтому период его правления – это не “пауза” для национальной элиты, чтобы переосмыслить свой национальный проект (позиция Акудовича), а “трудное время”, “остановленное и потерянное для национально-культурного развития (позиция Позняка)... Притом Беларусь не просто остановили на ментальном уровне 1994 г. – нет, ее опустили глубоко в 80-е гг., в СССР, на уровень эпохи маразма позднего Брежнева”.

Некоторые идеи Позняка, опять же если рассматривать их как идеи “национального пророка”, а не политика (политику Позняку они только навредили), продемонстрировали свою актуальность только через продолжительный отрезок времени. Речь идет о его понимании угрозы Беларуси со стороны российского империализма, “реалистической” оценке европейской политики в отношении Беларуси (на примере анализа деятельности миссии ОБСЕ в Минске во главе с Г.-Г. Виком вначале 2000-х гг.), критике белорусской оппозиции.

Вот как сегодня Позняк оценивает это: “В 1993 г. я написал статью на тему “О русском империализме и его угрозе”. Материал попал в “яблочко” – начался вселенский российско-гэбистский крик (наверно, земля поплыла у них из-под ног). Жертвам сняли повязку с глаз, и русификаторы запаниковали...” После “газовой войны” России против Беларуси в 2007 г. о том, что угроза со стороны имперских сил России – это не выдумка “националиста” Позняка, а жесткая реальность, начал говорить и главный “русификатор” Беларуси Лукашенко. Но, опять же, он не изменил кардинально свою политику в отношении восточного соседа, а только ограничился “выцыганиванием” у него временных преимуществ в целях укрепления личной власти.

Хорошо известно, что Позняк всегда оценивал позицию Европы в отношении к Беларуси как прагматичную, которая только прикрывалась демократическими лозунгами. Сейчас, когда ЕС пошел на включение РБ в *Восточное партнерство*, прагматизм европейцев стал для многих очевидным. “С точки зрения геополитики сотрудничество с Европой и участие в Восточном партнерстве нам выгодны и необходимы. Но, к сожалению, это не наша политика, не мы ее проводим. Это политика Европы, которую она проводит с выгодой для себя и за счет наших интересов. Мы заплатим очень высокую цену за такую политику... И неслучайно, что у многих белорусов возникает ассоциация с Мюнхеном и Аншлюсом 1938 г. Тогда, чтобы успокоить Гитлера, сдали Австрию и Чехословакию. Теперь, чтобы обеспечить свои интересы, сдают демократию в Беларуси... Это “чемберленовщина”.

Но виноваты в таком положении дел прежде всего сами белорусы. Наше общество в целом пока что не проявляет осознанной воли к борьбе за свои интересы, за честь и достоинство”.

Наконец, отношение к оппозиции. Позняк давно уже писал про то, что она вся у нас является “подставной” и контролируемой спецслужбами, за исключением КХП-БНФ. Необходимо согласиться с мнением лидера Консервативно-христианской партии БНФ о том, что последняя парламентская кампания, которую оппозиция в очередной раз проиграла, и новый курс Евросоюза, направленный на установление непосредственных связей с режимом Лукашенко, углубил кризис в стане оппозиции. В условиях обострения экономических проблем некоторые люди из партий и движений бросились помогать правительству, чтобы “не раскачивать лодку”. Позняк справедливо назвал их “филистерами и конформистами”. Другие пытаются искать спасения в России, забыв о том, что именно РФ в течение последних 15 лет выступала главным спонсором лукашенковского режима. Но, на наш взгляд, не является альтернативой и КХП-БНФ, которая за последние годы превратилась в маленькую политическую секту. Безусловно, причину кризиса оппозиции не следует искать в подконтрольности партий и движений агентуре КГБ-ФСБ. Подобный ответ на вопрос ведет к заблуждению, хотя бы потому, что является самым простым, не позволяющим смотреть в глубину тех негативных внутренних процессов, которые давно уже разъедают демократические силы Беларуси. Пришло время радикального реформирования структур белорусской оппозиции. Позитивным моментом, по нашему мнению, стало активное участие З. Позняка в этом процессе, о чем свидетельствует подписание им вместе с А. Козулиным, С. Шушкевичем и И. Сурвиллой обращения к Евросоюзу в мае 2009 г. с перечислением условий, которые должен выполнить Лукашенко в рамках программы *Восточное партнерство* [16].

Подобные процессы протекали и в других союзных республиках, но в отличие от них, в Беларуси не было сильного националистического течения в рядах коммунистической партии. Это привело к тому, что руководство КПБ выступило непримиримым оппонентом рождающейся национально-демократической оппозиции. Фронту пришлось действовать полулегально в условиях развязанной против него самой настоящей психологической войны. Руководство белорусской компартии занимало консервативные позиции и пыталось всеми силами саботировать *перестройку* и *гласность*, импульсы которой исходили из Москвы. Это привело к парадоксальной ситуации. Белорусский народный фронт, который в качестве задачи максимум ставил создание независимого государства, вынужден был заявлять довольно умеренные программные цели: верховенство законов республики над законами Союза, реальный суверенитет страны, белорусизация культуры, демократизация общественной жизни. До II съезда БНФ в марте 1991 г., в названии организации сохранялось словосочетание “в поддержку перестройки” [17]. Правда, на сойме

БНФ в мае 1990 г. было заявлено, что демократия и суверенитет невозможны, пока Беларусь находится в составе Советского Союза.

Белорусский народный фронт создавался по модели аналогичных организаций, действовавших в странах Балтии и Украине. Все они ставили перед собой цель осуществить демонтаж коммунистической системы за счет массовой национальной мобилизации населения. После решения этой задачи фронты должны были уступить место обычным политическим партиям и организациям. Низкий уровень национального самосознания белорусского народа и консерватизм КПБ привели к тому, что БНФ пришлось решать эту задачу в гораздо более сложных условиях. Затягивание процесса декоммунизации привело к тому, что в рамках Фронта быстро появились автономные течения, которые рассматривали себя самостоятельными политическими организациями.

Так, в марте 1991 г. был проведен учредительный съезд **Белорусской социал-демократической Грамады (БСДГ)**. На нем было заявлено о том, что новая партия рассматривает себя правопреемником первой белорусской политической организации, которая действовала еще в начале XX в. Руководство партии во главе с профессором М. Ткачевым полагало, что *Грамада* должна “заполнить вакуум, вызванный отсутствием в стране левой партии, созданной на основе бывшей компартии, т.е. стать левой национально ориентированной социал-демократической партией” [18]. В июне 1991 г. прошел съезд *Беларускай хрысціянска-дэмакратычнай злучнасці* (БХДЗ). Председателем партии был избран П. Силко, который рассматривал организацию продолжателем христианско-демократических традиций в нашей стране. В июне 1991 г. возникла *Национально-демократическая партия Беларуси* (НДПБ). Съезд избрал трех сопредседателей: А. Астапенко, В. Науменко, Н. Ермоловича. В то время партия занимала самые правые позиции и, в отличие от БНФ, не принимала в свои ряды людей, не овладевших белорусским языком. Наконец, в 1991 г. была учреждена и *Белорусская крестьянская партия* (БКП) во главе с Е. Лутиным. Она представляла интересы нарождающегося фермерства и выступала за проведение глубоких рыночных реформ в сельском хозяйстве.

Все вышеназванные партии подтвердили свое членство в Белорусском народном фронте на его II съезде и получили места в руководящих органах этого крупнейшего оппозиционного движения. Тем самым БНФ позиционировал себя как подлинную центристскую силу, объединявшую всех сторонников государственной независимости и демократии: от социал-демократов слева до национал-демократов справа.

Определенная часть демократических политических организаций Беларуси возникла независимо от БНФ. В годы перестройки в Минске на регулярной основе работал политический клуб *Современник*, объединявший русскоязычных интеллектуалов, которые имели собственное видение развития страны. В марте 1990 г. в Минске прошла республиканская конференция *Демократической платформы в КПСС*, которая приняла декларацию принципов и сформировала Координационный совет. Однако из-за давления со стороны руководства КПБ Демократическая платформа не смогла трансформироваться в серьезное политическое движение. В 1990 г. сложилось несколько квазипартий, разделявших либеральные взгляды и называвшихся “демократическими”.

В ноябре 1990 г. все названные организации провели объединительный съезд и сформировали *Объединенную демократическую партию Беларуси* (ОДПБ). Она избрала либеральную идеологию в качестве политической доктрины. Во главе организации стояли шесть сопредседателей. Через год, в ноябре 1991 г., на II съезде ОДПБ возглавил бывший союзный депутат А. Добровольский. Данная организация отказалась вступать в БНФ, считая, что она сможет создать массовую политическую структуру из демократически мыслящей русскоязычной части общества. Но эта задача оказалась партии не по силам. Для ОДПБ в то время приоритетной целью было не возрождение белорусской культуры, а проведение рыночных реформ экономически, что создавало определенные трения в отношениях партии с руководством Народного фронта [19].

В ноябре 1991 г. было основано *Движение за демократические реформы – Демократическая Беларусь* (ДДР). Оно выступало за тесные политические, экономические и военные отношения с Россией, придание русскому языку статуса государственного и рассматривало себя в качестве демократической альтернативы БНФ. Организацию возглавляли три сопредседателя: О. Абрамова, Л. Злотников, С. Букчин. Конфликты в руководстве, а также отсутствие электоральной базы и развитых структур привели к тому, что Движение вскоре прекратило свое существование. Один из его лидеров О. Абрамова попыталась создать новую организацию – общественное объединение *Яблоко*, которое ориентировалось на тесное сотрудничество с одноименной российской партией. Однако добиться повторения хотя бы относительного политического успеха своих российских коллег белорусские “яблочники” не смогли.

В 1992 г. из многочисленных экологических организаций была создана Белорусская партия зеленых, которая в конце 90-х гг. трансформировалась в *Белорусскую экологическую партию зеленых* (БЭЗ). Другая часть приверженцев защиты окружающей среды вна-

чале основала политическую организацию Белорусская партия *Зеленый мир*, которая в 1994 г. превратилась в ныне действующую организацию – **Белорусскую партию Зеленые (БПЗ)**.

В Беларуси существовали и недемократические неформальные организации, связанные с российскими националистами из общества *Память* и аналогичными структурами. В 1992 г. Министерство юстиции зарегистрировало политическую партию *Славянский собор Белая Русь* (ССБР), которая выступала за воссоединение славянских народов бывшего СССР в рамках единого государства. Идеология организации носила ярко выраженный панславистский характер, с привкусом ксенофобии и расизма. ССБР так и не превратился в реальную политическую силу.

Организационная форма существования Фронта в виде широкого демократического движения самых разных политических сил, выступавших за независимость и демократию, оказалась весьма непрочной. Сразу же после достижения государственной независимости возникли противоречия в отношениях между БНФ и БСДГ. “Когда Народный фронт инициировал проведение референдума о досрочных выборах Верховного Совета, социал-демократы заняли откровенно скептическую позицию. Более того, по инициативе М. Ткачева 2 февраля 1992 г. создается блок *Новая Беларусь*, в который кроме БСДГ вошли Крестьянская партия, Национально-демократическая партия и официальные профсоюзы во главе с В. Гончариком. Блок *Новая Беларусь* ориентировался на лидера демократической интеллигенции этого периода, жесткого противника проведения референдума – председателя Верховного Совета С. Шушкевича. Однако вскоре Шушкевич отказался от сотрудничества с *Новой Беларусью*. В результате раскола в руководстве НДПБ эта партия вновь переориентировалась на сотрудничество с БНФ. Блок *Новая Беларусь* распался, так окончательно и не сложившись. В этой ситуации БСДГ последней из демократических партий поддержала инициативу проведения референдума...”

В январе 1992 г. Совет ОДПБ выступил с инициативой введения в Беларуси института президентской власти (это противоречило фронтовскому видению государственного устройства страны. – *замеч. авт.*)... Тем не менее, ОДПБ одной из первых поддержала инициативу БНФ о проведении референдума о досрочном роспуске Верховного Совета и проведении новых выборов по смешанной пропорционально-мажоритарной системе. Руководство партии резко негативно отнеслось к инициативе лидера Белорусской социал-демократической Грамады М. Ткачева о создании центристского блока *Новая Беларусь*” [20]. Определенные противоречия были и в отношениях между БНФ и БХДЗ. Они привели к расколу в *Злучнасці* и фактическому прекращению ее деятельности.

Позиции БНФ ослабляло то обстоятельство, что мобилизационный потенциал национальной идеи в “денационализированной” Беларуси оказался явно недостаточным. Усилить же его проведением серии акций протеста под социально-экономическими (популярными) лозунгами руководство Фронта было не готово. Логическим выходом из сложившейся ситуации стала трансформация БНФ

в самостоятельную правоцентристскую политическую партию, что и произошло на III съезде Белорусского народного фронта в 1993 г. З. Позняк тогда заявлял, что мировоззренческая основа Фронта близка политическим ценностям, на которых основывается деятельность европейских народных, христианско-демократических, консервативных и других партий [21]. После III съезда БНФ существует в виде широкого движения и **Партии Белорусского народного фронта (ПБНФ)**.

Таким образом, политизация неформальных организаций в Беларуси вначале привела к возникновению единого массового движения, которое вскоре раскололось на несколько политических партий демократической ориентации. Ни одна из них не могла конкурировать с Партией БНФ по численности и организованности, но в будущих электоральных баталиях большинство из новых политических организаций выступало не союзником Фронта, но его конкурентом. Это, конечно же, не могло не отразиться самым негативным образом на политической репрезентации национальной и демократической идеи в нашей стране.

Ослабление влияния коммунистической партии. Коммунистическая партия Беларуси долго занимала господствующие позиции в политической системе страны, которые подверглись лишь незначительной эрозии в годы перестройки. На момент распада СССР численность организации достигала 670 тыс. чел. В Верховном Совете XII созыва у 90% депутатов был в кармане партийный билет, хотя и не все коммунисты вошли в партийную группу в парламенте. После избрания в декабре 1990 г. А. Малофеева первым секретарем ЦК партия взяла курс на открытый саботаж перестройки и закручивание гаек внутри страны.

Авторитет КПБ подрывала информация о причастности республиканской организации к массовым репрессиям в годы правления Сталина, а также попытки руководства компартии замолчать факты подлинных масштабов последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС для жителей Беларуси.

Несмотря на внешнюю монолитность и сплоченность, тенденции дезинтеграции проявились и в белорусской компартии. Под влиянием процессов в союзном центре в Беларуси весной 1990 г. сформировалась *Демократическая платформа в КПСС*. Против ее инициаторов была развернута настоящая идеологическая борьба как против носителей “ревизионистской ереси”. Понимание невозможности реформировать КПБ изнутри привело к тому, что большая часть участников этого движения перешла на либеральные позиции и стала одним из соучредителей ОДПБ. В Беларуси, в отличие от многих других республик бывшего СССР, так и не произошла трансфор-

мация существенной части официальной коммунистической организации в левую партию социал-демократической ориентации [22].

Вторым центром формирования оппозиции внутри КПБ выступил Верховный Совет. 25 мая 1991 г. в парламентской *Народной газете* была опубликована программная статья депутата-коммуниста А. Лукашенко “Диктатура: белорусский вариант”, в которой автор резко осудил планы первого секретаря ЦК А. Малофеева осуществить переход к президентской форме правления (главу государства должны были избрать депутаты Верховного Совета) и ввести в Беларуси режим чрезвычайного положения. Вскоре была сформирована депутатская группа *Коммунисты за демократию* под председательством А. Лукашенко и А. Соснова. “Коммунисты-реформаторы заявили о своей принципиальной готовности поддерживать курс на укрепление суверенитета Беларуси, способствовать развитию предпринимательства и всех форм собственности, защищать права личности, права меньшинства, бороться за демократизацию общества, противостоять любым попыткам ввести диктатуру, национализировать партийную собственность, принять закон о выборах всех руководителей местных и республиканских органов власти прямым голосованием” [23].

Фракция *Коммунисты за демократию* резко осудила августовский путч 1991 г. В октябре 1991 г. в Минске состоялось заседание членов этого объединения, а также других политических активистов, на котором был учрежден оргкомитет новой партии. Вскоре его покинули инициаторы – А. Лукашенко и А. Соснов. Тем не менее, учредительный съезд организации, получившей название *Партия народного согласия* (ПНС), прошел в апреле 1992 г. Руководителем партии стал член Президиума Верховного Совета депутат Г. Карпенко. Съезд принял программу, которая носила социал-демократический характер. “Своей целью новая партия поставила построение цивилизованного правового государства, проведение демократических реформ, создание для каждого человека достойных условий жизни, переход к социально ориентированной рыночной экономике, обеспечение социальной защиты населения” [24].

Поддержка руководством КПБ августовского путча и ГКЧП привела к принятию Верховным Советом 27 августа 1991 г. решения о приостановлении деятельности компартии и национализации ее имущества. Однако уже через три месяца был создан инициативный комитет по возобновлению деятельности коммунистической организации в Беларуси. Затем инициативный комитет трансформировался в оргкомитет по созданию Партии коммунистов Республики Беларусь. Наконец, в декабре 1991 г. прошел съезд, учредивший **Партию коммунистов Беларуси (ПКБ)**. Во главе организации стояло не старое республиканское руководство, но представители среднего и регионального звена номенклатуры. Сопредседателями партии стали В. Семенов, А. Лашкевич, И. Коротченя и В. Чикин. Основным направлением работы ПКБ в то время было восстановление партий-

ных структур на местах. Но процесс этот шел медленно и трудно, потому что после путча произошел массовый выход людей из дискредитировавшей себя коммунистической организации.

Под влиянием прокоммунистического лобби в парламенте Верховный Совет в 1993 г. отменил свое решение о приостановке деятельности КПБ. Это позволило участникам данной организации провести XXXII съезд, на котором делегаты постановили, чтобы члены КПБ вступили в ряды ПКБ. Резолюция об объединении двух коммунистических партий была одобрена и на II съезде ПКБ. В результате во главе единой организации встало семь секретарей ЦК. II Съезд принял также две важные политические резолюции: о присоединении ПКБ к так называемому *Народному движению Беларуси*, созданному по инициативе премьера В. Кебича для укрепления своих позиций, и о недопустимости введения поста президента в Республике Беларусь [25].

Тем не менее, ПКБ выдвинула собственного кандидата на президентских выборах в 1994 г. Им стал секретарь ЦК В. Новиков. Данный ход коммунистов фактически похоронил *Народное движение Беларуси*. Новиков выступил крайне неудачно, заняв последнее место. Правда, ПКБ смогла реабилитировать себя на парламентских выборах 1995–1996 гг. Вместе с союзниками из *Аграрной партии* она получила большинство мест в Верховном Совете. Новая ситуация поставила левые силы Беларуси в центр политической борьбы между парламентом и президентом, которая развернулась в 1996 г.

Руководство ПКБ в этих условиях нашло в себе мужество выступить против надвигающейся диктатуры. В резолюции июльского пленума ЦК 1996 г. отмечалось, что “предложенные президентом изменения и дополнения в Конституцию коренным образом меняют политическую систему и государственное устройство страны. Они взорвали общественно-политическую обстановку. Все граждане Республики Беларусь, кто думает о будущем своего Отечества, прекрасно видят – президентский вариант Конституции откровенно пробуржуазен и антидемократичен” [26].

Вместе с депутатами фракции аграриев коммунисты разработали свой вариант изменений и дополнений к Конституции, который выносился на референдум вместе с президентским проектом. Большинство членов фракции ПКБ в Верховном Совете поставили свои подписи под обращением в Конституционный суд о начале процедуры импичмента против главы государства.

Все это не осталось незамеченным А. Лукашенко. С его подачи был инициирован раскол в ПКБ. Группой бывших руководителей КПБ и секретарем ЦК В. Чикиным был поставлен вопрос о восстановлении прежней компартии. XXXIII Съезд коммунистов-прагматиков незамедлительно провел в жизнь это решение. Первым секретарем

Коммунистической партии Беларуси (КПБ) был избран В. Чикин. Партия заявила о своей полной поддержке политики главы государства и солидаризировалась с конституционным переворотом, совершенным Лукашенко. Кроме того, президент добился раскола фракции КПБ в Верховном Совете: 22 депутата-коммуниста подписали заявление о переходе на работу в неизбранную населением Палату представителей первого созыва. **Партия коммунистов Белорусская (ПКБ)**, которую возглавил лидер парламентской фракции С. Калякин, осудила этот шаг и на специальном съезде исключила “предателей” из рядов своей организации.

Таким образом, разрушение коммунистической монополии на власть не привело в Беларуси к созданию массовой левой партии социал-демократического толка. Две коммунистические организации, которые по своей численности существенно уступали КПБ-КПСС, в момент создания не очень сильно отличались друг от друга и от своей предшественницы в идеологическом плане. Основные различия между ними были связаны с диаметрально противоположным отношением к первому президенту и его политике.

Влияние выборов. Первые *парламентские выборы* в Беларуси состоялись весной **1990 г.**, т.е. еще при СССР и в условиях политической монополии КПБ-КПСС на власть в республике. Они не создали благоприятных возможностей для формирования и развития политических партий. Белорусский народный фронт был незарегистрированной организацией и подвергался гонениям. В такой ситуации оппозиция сделала ставку на создание самой широкой коалиции.

По инициативе З. Позняка 10 февраля 1990 г. состоялся Всебелорусский демократический форум, на котором было сформировано широкое оппозиционное предвыборное объединение – *Белорусский демократический блок*. Кандидаты от БНФ выдвигались не самостоятельно, а через зарегистрированные организации – Товарищество белорусского языка, Белорусский экологический союз, Союз кооператоров, Рабочий союз и некоторые другие структуры. В целом, эта кампания носила успешный для БНФ характер. Белорусский демократический блок смог выдвинуть кандидатов в 150 округах из 310. При поддержке Фронта депутатами стали 60 претендентов, которые вошли в *Демократическую плынь* (течение) в Верховном Совете, 37 депутатов из этой группы основали фракцию *Оппозиции БНФ* во главе с З. Позняком [27]. Позже количество участников Демократической плыни выросло до 100 человек.

В парламенте возникли фракции и объединения и других демократических партий. Так, БСДГ была представлена 15 депутатами. Руководителем фракции был избран заместитель председателя парламентской комиссии по экономической реформе В. Алампиев.

В 1992 г. была создана парламентская фракция ПНС во главе с Г. Карпенко. Два депутата представляли ОДПБ.

Тем не менее, наличие эффективной оппозиции в Верховном Совете XII созыва не могло компенсировать количественного преимущества в парламенте у недемократических сил. Они опирались вначале на партийную группу КПБ, в которую входило 160 депутатов, а также на ветеранов и инвалидов, прошедших в Верховный Совет не с помощью всеобщих выборов, а фактически назначенных на собрания актива соответствующих организаций. После временного приостановления деятельности КПБ консервативные силы в Верховном Совете объединились во фракции *Союз и Беларусь*. Последняя состояла из тех депутатов, которые совмещали свои парламентские полномочия с работой в структурах исполнительной власти. Это объясняет ориентацию этой фракции на безоговорочную поддержку премьера В. Кебича. После 1993 г. к ним также присоединились и коммунисты. Через Верховный Совет стало практически невозможным проводить важные законопроекты, направленные на либерализацию экономики и демократизацию политической системы. Парламент превратился в корпоративную структуру, успешно отбивавшую все попытки оппозиции отправить его в отставку и провести досрочные выборы.

Отсутствие выборов в течение длительного периода времени негативно отразилось на процессе партийного строительства в Беларуси. Тем не менее, в **1994 г.** были проведены **выборы президента** в соответствии с недавно принятой Конституцией. Они существенно повлияли не только на изменение соотношения политических сил в стране, но и дали определенный импульс для развития политических партий.

Готовясь к выборам главы государства, премьер-министр В. Кебич предпринял попытку формирования лояльных правительству центристских партий. В октябре 1992 г. возник *Белорусский научно-производственный конгресс* (БНПК), который объединял в своих рядах чиновников и часть директорского корпуса крупных предприятий. Во главе организации встал директор минского завода *Горизонт* А. Санчуковский. В июне того же года прошел учредительный съезд *Объединенной аграрно-демократической партии Беларуси* (ОАДПБ), которая представляла интересы председателей колхозов и директоров совхозов, так называемых “красных помещиков”. Вскоре организация поменяла название на *Аграрную партию* (АП). Ее руководителем был избран председатель колхоза *Красное знамя* Воложинского района С. Шарецкий.

Осенью 1992 г. по инициативе премьера создается Народное движение Беларуси как альтернатива Белорусскому народному фронту и политическая сила, необходимая для обеспечения победы В. Кебича

на выборах главы государства. В этот блок вошла не только ПКБ, о чем уже говорилось, но и БНПК, ОАДПБ, ССБР, ЛДП, а также парламентская фракция *Союз*, Союз офицеров, общественное объединение *Поліссе* и целый ряд других организаций, которые делали ставку на тесное сближение с Россией и обеспечение продолжения доминирования консерваторов в политической системе. Во главе координационного комитета движения находился бывший российский офицер С. Гайдукевич [28].

Однако в условиях обострения экономических проблем и падения популярности премьер-министра в глазах населения сохранить это объединение от развала не удалось. В марте 1994 г. пленум ПКБ принял решение о выдвижении В. Новикова в качестве кандидата коммунистов на президентских выборах. Аграрная партия поддержала одного из своих руководителей А. Дубко. На В. Кебича из партий работала только БНПК, но ее сил было недостаточно, чтобы обеспечить победу, поэтому глава правительства всецело полагался на административный ресурс и поддержку со стороны России.

Не лучше обстояли дела и у демократов. В октябре 1993 г. по инициативе спикера парламента С. Шушкевича создается блок в составе БСДГ, ОДПБ и БКП под названием *Весна-94*. Целью этого объединения было привлечь на свою сторону часть номенклатуры, которая в то время не определилась политически. Поэтому в блок не пригласили партию БНФ. Ее сознательно изображали в качестве радикальной националистической организации, что не соответствовало действительности. Однако расчеты инициаторов сформировать на основе блока коалиционное правительство народного доверия провалились, а в январе 1994 г. С. Шушкевич потерял пост председателя Верховного Совета.

Еще одна попытка консолидации демократических сил произошла в феврале 1994 г., когда было проведено заседание Консультативного совещания с участием ОДПБ, БСДГ, БКП, БХДЗ, НДПБ и некоторых других организаций. БНФ в этом форуме не участвовал. Было принято решение совместно противодействовать усилиям Верховного Совета по принятию Конституции со статьей, предусматривающей пост «сильного» президента. В случае если это сделать не удастся, демократические партии брали на себя обязательство выдвинуть на выборах единого кандидата.

К сожалению, данное решение не было выполнено. ОДПБ, БСДГ и Свободные профсоюзы поддержали кандидатуру бывшего спикера парламента С. Шушкевича. БНФ в качестве претендента на пост президента выдвинул своего лидера З. Позняка. Партия народного согласия начала сбор подписей в поддержку Г. Карпенко (она не смогла справиться с этой задачей, а попытка выдвинуть этого политика

парламентским путем не увенчалась успехом из-за отзыва подписей депутатами социал-демократами). Поскольку по собранным подписям З. Позняк опережал С. Шушкевича, его команда предложила эспикеру парламента снять свою кандидатуру в пользу председателя БНФ. Однако достичь согласия не удалось.

В ситуации, когда основные противоборствующие политические силы страдали от фрагментации и расколов, прекрасные возможности открылись для третьей силы, в качестве которой в 1994 г. выступил бывший председатель временной парламентской комиссии по борьбе с коррупцией депутат А. Лукашенко. На этого претендента не работали серьезные политические структуры. Фактически только одна зарегистрированная партия Славянский Собор *Белая Русь* поддержала кандидата. Однако воля к власти и популизм стали тем оружием Лукашенко, с помощью которого он победил своих соперников в условиях острого экономического кризиса.

В первом туре выборов 23 июня 1994 г. за Лукашенко проголосовало около 45% избирателей, В. Кебич получил 17%, З. Позняк – около 13%, С. Шушкевич – 10%, А. Дубко – 6% и В. Новиков – 4%. Во втором туре 10 июля 1994 г. за Лукашенко проголосовало более 80% избирателей. Эти итоги свидетельствовали о крайней слабости политических партий в постсоветской Беларуси, их неспособности обеспечить значительную поддержку населения своим кандидатам. И проправительственные организации, и оппозиция страдали от фрагментации и расколов, преобладания личных амбиций лидеров над общими интересами.

Парламентские выборы 1995 г. Следует сказать, что только выборы первого президента Беларуси проходили в условиях соблюдения принципов свободного и справедливого волеизъявления. Уже следующая по очереди кампания по выборам депутатов Верховного Совета проводилась при беспрецедентном давлении главы государства на избирательные комиссии и парламент с целью сорвать голосование. Поэтому эти выборы растянулись во времени на несколько этапов: в мае 1995 г. проводились первый и второй туры, которые так и не привели к формированию правомочного депутатского корпуса, в ноябре – декабре 1995 г. – повторные выборы в тех округах, в которых они не состоялись с первой попытки. Только в результате довыборов количество депутатов Верховного Совета XIII созыва увеличилось до 199 человек и он, таким образом, приобрел легитимность (общее число депутатских мест составляло 260). Первый тур выборов в Верховный Совет был совмещен с противозаконным референдумом о языке, символике, интеграции с Россией и праве президента распускать парламент [29].

Тем не менее, сам факт проведения долго откладывавшейся парламентской избирательной кампании (фактически она была первой в условиях достижения нашей страной независимости) оживил процесс партийного строительства. В феврале 1994 г. прошел учредительный съезд **Либерально-демократической партии (ЛДП)**. Он узаконил деятельность той политической структуры, которая сформировалась еще в 1990 г. как филиал Либерально-демократической партии Советского Союза во главе с В. Жириновским. После распада СССР белорусское отделение (председатель В. Кривенко) стало заявлять о себе как о самостоятельной политической организации. Учредительный съезд ЛДП принял программу и устав. «В целом партия в тот период придерживалась панславистской идеологии, выступала за тесное сближение с Россией вплоть до объединения денежных, военных и государственных систем. В то же время, в отличие от других панславистских группировок, Либерально-демократическая партия декларировала приверженность сохранению культурной, экономической и языковой независимости народов, живущих в Беларуси» [30].

Сразу же после своего создания ЛДП приняла решение о вступлении в Народное движение Беларуси. После провала В. Кебича на президентских выборах лидер Народного движения С. Гайдукевич перешел на работу в ЛДП на должность заместителя председателя. Партия выступила очень неудачно на парламентских выборах 1995 г. Белорусским избирателям, в отличие от россиян, панславистская идеология казалась непривлекательной. Это спровоцировало кризис в партии. На чрезвычайном съезде в сентябре 1995 г. делегаты проголосовали за С. Гайдукевича как за лидера своей организации. Новое руководство отказалось от панславизма и взяло курс на большую самостоятельность организации, что привело к разрыву дружественных связей с ЛДПР.

Перед выборами в парламент было создано несколько партий центристской ориентации с расплывчатой и неопределенной идеологией. В марте 1994 г. была образована **Республиканская партия (РП)**, в июле того же года возникла *Партия всебелорусского единства и согласия (ПВЕС)*, в ноябре – **Белорусская социально-спортивная партия (БС-СП)**. Ранее, в июне 1993 г., появилась **Республиканская партия труда и справедливости (РПТС)**. Базой для нее стало Белорусское товарищество инвалидов по зрению, а лидером – председатель этой общественной организации А. Нетьлькин. В ноябре 1994 г. была учреждена *Белорусская народная партия*. Все эти организации не являются партиями в точном смысле этого слова, скорее, они представляют собой группы интересов, пытающиеся лоббировать властные структуры для получения определенных селективных благ для членов организаций.

Часть активистов из групп поддержки А. Лукашенко на президентских выборах в октябре 1994 г. провели учредительный съезд по созданию **Белорусской патриотической партии (БПП)**. Эта организация заявила о своей полной солидарности с политикой главы государства по борьбе с коррупцией и формированию тесного политического, военного и экономического союза трех постсоветских славянских государств.

Подготовка к парламентским выборам привела к определенным изменениям и на демократическом фланге политического спектра. В ноябре 1993 г. по инициативе председателя Совета профсоюза работников автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения А. Бухвостова и председателя Совета профсоюза работников радиоэлектронной промышленности Г. Федынича была основана **Белорусская партия труда (БПТ)**. Она декларировала свою приверженность сохранению традиций и принципов социал-демократии и рабочего движения. Председателем партии был избран А. Бухвостов. В апреле 1994 г. прошел учредительный съезд **Белорусской партии женщин *Надзея***, лидером которой стала В. Полевикова (тогда секретарь исполкома официальных профсоюзов). Своими целями партия провозглашала проведение социально-экономических реформ, направленных на создание благоприятных условий для жизни и труда женщин. До парламентских выборов 1995 г. эта партия оставалась малоизвестной для широкой публики [31].

Несмотря на то, что БСДГ, которую после смерти М. Ткачева в 1992 г. возглавлял О. Трусов, на президентских выборах поддерживала С. Шушкевича, на выборах в Верховный Совет она выступила в союзе с партией БНФ. Кроме *Грамады* и Народного фронта в *Демократический блок* под руководством З. Позняка входили НДПБ, БКП, БХДП. В ходе избирательной кампании за участников этой коалиции проголосовало более миллиона избирателей. Однако, поскольку выборы проводились в условиях открытого противодействия чиновников, которые получили задание президента не пропускать в парламент членов данного объединения, ни один из кандидатов Демократического блока в Верховный Совет XIII созыва так и не попал. В 1996 г., чтобы избежать физической расправы, лидер Народного фронта З. Позняк был вынужден эмигрировать из страны.

Неудача в первом туре выборов привела к переменам у левоцентристских партий. Новым председателем БСДГ стал Н. Статкевич, а на смену Г. Карпенко в ПНС пришел Л. Сечко. В июле 1995 г. был сформирован *Социал-демократический союз* из этих партий и присоединившейся к ним ПВЕС. Это привело к определенному успеху. После довыборов кандидаты блока прошли в парламент и сформировали фракцию, которая насчитывала 15–19 депутатов. Вскоре

начались переговоры между БСДГ и ПНС об объединении в единую политическую организацию. В июле 1996 г. прошел учредительный съезд новой партии, получившей название **Белорусская социал-демократическая партия (Народная Грамада) (БСДП (НГ))**. Организацию возглавили два сопредседателя – Н. Статкевич и Л. Сечко. Однако судьба этой партии оказалась нелегкой. Вскоре возник конфликт в руководстве, спровоцированный разным отношением политиков к инициативе Лукашенко провести конституционный референдум. Большая часть членов партии и парламентской фракции поддержала Н. Статкевича, назвавшего шаги президента опасными и ведущими к установлению диктатуры. Меньшинство оказалось на стороне Л. Сечко, выступившего в защиту политики главы государства.

В январе 1997 г. прошел съезд сторонников Л. Сечко, решивших возродить прежнюю партию, которая теперь получила название **Социал-демократическая партия народного согласия (СДПНС)**. Эти события дали повод Министерству юстиции оттягивать регистрацию БСДП (НГ), которая состоялась лишь через семь месяцев после учредительного съезда.

Однако не все белорусские социал-демократы оказались представлены четырьмя вышеназванными организациями. В 1994 г. произошел раскол Национал-демократической партии. Из ее рядов вышло так называемое радикальное крыло во главе с А. Остапенко, которое зарегистрировало *Национальную партию (НП)*. В 1997 г. было принято решение на ее основе возродить Грамаду. Эту инициативу поддержал О. Трусов, который после самоликвидации БСДГ отказался войти в БСДП (НГ). В феврале 1997 г. состоялся учредительный съезд новой политической организации. На пост председателя обновленной **Партии Белорусской социал-демократической Грамады (ПБСДГ)** был приглашен бывший спикер парламента С. Шушкевич.

В декабре 1994 г. прошел учредительный съезд еще одной либеральной организации, которая получила название *Гражданская партия (ГП)*. Она позиционировала себя как уважаемая политическая структура, выражающая интересы среднего класса. Во главе ГП стояли директор завода *Амкорд* В. Шлындиков, известный драматург А. Дударев и ректор одного из негосударственных вузов Н. Бобрицкий. На выборах 1995 г. эта партия выступала в союзе с ОДПБ и ПНС, сформировавшими блок *Гражданское согласие*. Итоги первых двух туров для данного объединения были неутешительными, только несколько кандидатов от ПНС, да и то работавших в структурах исполнительной власти, смогли попасть в парламент.

Политическая неудача стимулировала либеральные организации к полному объединению. В октябре 1995 г. прошел объединительный

съезд ОДПБ и ГП, который привел к формированию **Объединенной гражданской партии (ОГП)**. Лидером организации стал С. Богданкевич, к тому времени ушедший с поста председателя правления Национального банка. К партии присоединились такие известные политики, как Г. Карпенко и В. Гончар. В ходе довыборов в ноябре – декабре 1995 г. в парламент прошло 9 кандидатов от этой партии, которые вместе с присоединившимися к ним депутатами сформировали фракцию *Гражданское действие* из 18 человек. Они решительно выступили против конституционного переворота, совершенного президентом в ноябре 1996 г.

Парламентские выборы 1995 г. выиграли левые партии. Первое место на них получила ПКБ, за которую проголосовало 22% избирателей, что позволило коммунистам провести 44 своих представителя в парламент. На втором месте оказались союзники ПКБ из Аграрной партии: 34 кандидата этой структуры стали депутатами. Однако поскольку аграрная фракция превосходила коммунистическую по числу членов (46 против 44), она и получила право на выдвижение своего лидера С. Шарецкого на должность председателя Верховного Совета. Социал-демократическая фракция насчитывала 18 депутатов. Такое же количество мест получила и либеральная фракция *Гражданское действие*. Кроме того, 57 депутатов не относились ни к каким политическим партиям. Позже они сформировали пропрезидентское объединение *Согласие* во главе с В. Коноплевым. “В общей сложности партийные фракции включали в себя 2/3 депутатского корпуса. В отличие от Верховного Совета XII созыва, где партийные фракции тоже существовали, в Верховном Совете XIII созыва они стали реальной политической силой... До осени 1996 г., когда исполнительная власть стала оказывать жесткое давление на отдельных депутатов, внутри фракций существовала жесткая дисциплина... Ни один серьезный закон не мог быть принят парламентом, если он не был поддержан партийными фракциями” [32].

Успех левых во многом объясняется изменением общественных настроений в пользу антидемократических идей, что в полной мере проявилось уже на президентских выборах. Однако, как справедливо указывает британский политолог Коростелева, “после 1994 г. конфигурация политических сил начинает приобретать иные очертания, структурированные отношениями партий к президенту более, чем их различными идеологиями” [33].

Известно, что после конституционного переворота 1996 г. президент предложил депутатам Верховного Совета XIII созыва проголосовать за самороспуск (части из них была предоставлена возможность работать в Палате представителей первого созыва). За такое решение проголосовало только 103 депутата из 199 избранных на то

время. По Конституции требовалось, чтобы как минимум 133 депутата поддержали данное решение. То есть с самого начала и роспуск парламента, и формирование нового без проведения выборов носили абсолютно незаконный характер. Тем не менее, большинство депутатов исполнили волю президента и написали заявление о трудоустройстве в Палате представителей. Костяк этой группы составили члены беспартийной фракции *Согласие*, а также представители возобновившей свою работу КПБ, часть членов фракции аграриев и социал-демократов. Один из лидеров лояльных Лукашенко коммунистов А. Малофеев был назначен на должность спикера нижней палаты.

Меньшинство депутатов Верховного Совета (примерно 70 человек) сохранили верность закону и Конституции и продолжали собираться на заседания Верховного Совета XIII созыва под руководством С. Шарецкого. В **1999 г.** Верховный Совет, а также широкая оппозиция (от ПКБ до БНФ включительно) провела кампанию ***альтернативных выборов президента*** Республики Беларусь. Она оказала влияние на дальнейшее развитие политических партий в нашей стране.

Поскольку в соответствии с Конституцией 1994 г. полномочия президента должны были закончиться в 1999 г., а действующий глава государства не проявлял никакой инициативы в этом вопросе, в конце 1998 г. Верховный Совет XIII созыва взял судьбу страны в свои руки. Была создана рабочая группа, куда вошли председатель Верховного Совета, представители основных политических партий, председатель Центральной избирательной комиссии с целью подготовки к проведению выборов в срок.

Уже 7 января 1999 г. Генеральный прокурор О. Божелко заявил о возможности возбуждения уголовных дел против членов группы. Тем не менее, она продолжила свою деятельность. На заседании ВС 10 января подавляющее большинство депутатов поддержали данную инициативу. Было установлено, что первый тур пройдет 16 мая, а регистрация инициативных групп кандидатов начнется с 1 марта. Была также сформирована ЦИК во главе с В. Гончаром, которая 15 января довела соответствующую информацию до СМИ, центральных и местных органов власти. В конце января 1999 г. Конгресс демократических сил, на который собрались представители демократических партий, неправительственных организаций и независимых профсоюзов, одобрил усилия Верховного Совета по проведению выборов.

Несмотря на то, что ЦИК пришлось действовать в полуподпольных условиях, она проделала колоссальный объем работы. В конце февраля были сформированы территориальные избирательные комиссии, также было решено создать участковые комиссии. Этот этап был самым сложным, потому что требовалось в условиях нарастающих репрессий организовать деятельность нескольких тысяч таких структур и привлечь на работу в них более 10 тыс. человек. Уже 25 февраля ЦИК в полном составе была задержана силами милиции, и потребовалось вмешательство мирового сообщества, чтобы освободить ее членов.

Как и планировалось, 1 марта были зарегистрированы инициативные группы лидера БНФ З. Позняка и бывшего премьера М. Чигиря по сбору подписей за выдвижение кандидатами в президенты. Сразу же после этого милиция задержала и жестоко избивала председателя ЦИК В. Гончара. В течение нескольких дней он держал сухую голодовку. В такой ситуации США и ЕС приняли жесткие резолюции, осуждающие нарушение прав человека в Беларуси. Все это вынудило власти освободить политика.

В установленные ЦИК сроки прошла регистрация кандидатов, а с 1 апреля началась агитационная кампания. Она проходила в условиях, когда один из претендентов на высшую государственную должность З. Позняк был вынужден скрываться за рубежом, второго – М. Чигиря – по сфабрикованному обвинению бросили за решетку. Тем не менее, их команды работали и проводили встречи с избирателями по всей стране. Организаторы альтернативных президентских выборов смогли создать сеть избирательных участков. В связи с невозможностью использовать стационарные участки ЦИК приняла решение провести голосование с 6 по 16 мая путем обхода избирателей. Стало понятным, что данное голосование не получит международного признания. Выборы проводились в самых экстремальных условиях. Например, 7 мая был похищен один из лидеров оппозиции бывший министр внутренних дел Ю. Захаренко. Когда голосование началось, З. Позняк заявил о том, что он снимает свою кандидатуру. По заявлению В. Гончара, в выборах приняло участие около 53% белорусских граждан. Однако назвать победителя он не смог. По данным независимых социологов, эти цифры были значительно преувеличены.

Вскоре после выборов из Беларуси в Литву эмигрировал спикер Верховного Совета С. Шарецкий, где 20 июля 1999 г. он, в полном соответствии с требованиями Конституции, объявил себя исполняющим обязанности президента Республики Беларусь, так как в этот день истек срок нахождения у власти А. Лукашенко. Перед отъездом он назначил В. Гончара своим заместителем. В новой должности мужественный политик находился недолго: 16 сентября он был похищен. После этого трагического события деятельность Верховного Совета XIII созыва фактически прекратилась [34].

Существуют разные оценки альтернативных выборов. Разделяя многие аргументы “против” этой кампании, хочется сказать, что она была одной из немногих, когда оппозиция опережала власть и даже диктовала ей свои условия игры. Кампания позволила реально объединить демократические силы, самые разные представители которых работали вместе во имя достижения общего успеха. Цель также не была недостижимой, потому что задачей минимум было заставить президента под давлением общественного мнения и международных структур (миссии ОБСЕ в Минске прежде всего) сесть за стол переговоров и договориться о создании более демократических условий проведения будущих президентских выборов.

Кампания не на шутку испугала режим, который решил ужесточить порядок регистрации и деятельности партий. С этой целью **26 января 1999 г.** президентом был подписан **декрет № 2**, который поднимал минимально необходимую планку членства в политических организациях с 500 до 1000 человек. До 1 августа все партии вместе

с профсоюзами и неправительственными организациями должны были пройти перерегистрацию. Из существовавших на момент издания декрета 28 политических партий перерегистрацию прошли только 17. Однако применение этого подзаконного акта не привело к устранению активных организаций и оппозиции в целом.

Косвенным последствием кампании стал раскол в БНФ. Как отмечает белорусский политолог Ляхович, “17 мая 1999 г. председатель Белорусского народного фронта З. Позняк выступил с резкой критикой деятельности главы Центризбиркома В. Гончара и самой ЦИК. Другие лидеры БНФ – В. Вячорка, Л. Борщевский, Ю. Ходька – фактически дистанцировались от высказываний своего руководителя. Возникла кризисная ситуация, которая осенью привела к расколу партии на две структуры – **Консервативно-христианскую партию БНФ (КХП-БНФ)** под руководством З. Позняка и **Партию БНФ (ПБНФ)** под председательством В. Вячорки” [35]. Обе организации получили свидетельства о регистрации. До раскола в партии находилось более 5000 членов, за нее голосовало до 18% избирателей. После разделения БНФ на две организации у той ее части, которая поддерживала В. Вячорку, было около 2500 членов, у приверженцев З. Позняка осталось порядка 1400 членов [36]. Раскол привел к значительному ослаблению влияния национально-демократической части оппозиции.

Парламентские выборы 2000 г. проводились в соответствии с недавно принятым Избирательным кодексом. Оппозиционные партии пытались внести в него важные поправки, которые могли бы сделать выборы более свободными и справедливыми. В августе 1999 г. они учредили при посредничестве миссии ОБСЕ **Консультативный совет оппозиционных политических партий (КСОПП)** – наиболее широкий орган оппозиции. В нем были представлены все основные партии, которые выступали тогда с критикой режима (от КХП-БНФ до ЛДПБ). Под давлением международных структур президент вынужден был начать диалог с оппозицией, которая выдвинула четыре условия своего участия в выборах: доступ к СМИ, включение своих членов в состав избирательных комиссий, прекращение политических репрессий, расширение полномочий парламента. Однако белорусские власти отказались пойти на уступки. Вместо переговоров с оппонентами режима они наладили диалог с так называемыми “конструктивными силами”, который свелся к монологу Лукашенко.

Все это привело к тому, что **Координационная рада демократических сил (КРДС)** – другая зонтичная структура, созданная в январе 1999 г. для налаживания взаимодействия между демократическими партиями, независимыми профсоюзами и некоторыми неправительственными организациями, – большинством голосов приняла

решение о проведении *кампании бойкота* предстоящих выборов депутатов Палаты представителей. Однако это решение не встретило единодушной поддержки со стороны всех противников режима. На выборы пошли ПКБ, БСДП (НГ), а также *Гражданский форум* – молодежное крыло ОПП [37]. Другими словами, в стане оппозиции возник серьезный раскол по тактическим вопросам. Из-за него в декабре 2000 г. КРДС вынуждены были покинуть БСДП (НГ) и БПТ.

Отсутствием единства своих оппонентов воспользовались власти. На этих выборах они решили не регистрировать наиболее опасных для них конкурентов, но оставить в списках кандидатов – лидеров оппозиционных партий, участвовавших в голосовании (им предстояло пережить “поражение с разгромным счетом” в финале). Вместе с тем ЦИК стимулировала острое соперничество между официальными кандидатами, чтобы вызвать в обществе интерес к этому политическому событию и привлечь граждан на избирательные участки. Активно использовался и такой прием, как искусственное сокращение количества избирателей в округах. Все эти меры достигли своих целей и привели к тому, что участие в первом туре по стране существенно превысило 50% отметку. Кампания бойкота, таким образом, не увенчалась успехом.

Неучастие в выборах своих главных оппонентов, казалось бы, создавало хорошие шансы для попадания в парламент представителей лояльных режиму партий. Однако этого не произошло. В Палату представителей было избрано всего 6 членов Коммунистической партии Беларуси, 5 представителей Аграрной партии (она стала пропрезидентской структурой после того, как ее возглавил М. Шиманский), 2 члена Республиканской партии труда и справедливости, 1 представитель Белорусской социально-спортивной партии, 1 кандидат от Социал-демократической партии народного согласия. Общая численность партийных депутатов составила только 15 человек в 110-местном парламенте [38]. Кроме них в нижнюю палату прошли еще 2 члена Объединенной гражданской партии, но они приостановили свое членство в организации. Депутатский мандат получила также лидер белорусского движения *Яблоко*.

Как подсчитала Коростелева, если в Верховном Совете XIII созыва беспартийные кандидаты составляли только 48%, то в Палате представителей II созыва их было уже 74% [39]. Это свидетельствовало о явном стремлении президента и его окружения избавиться от представителей любых политических организаций в высшем законодательном органе государства, который стал дисфункциональным в условиях утвердившегося режима личной власти.

Невысокий прожективный электоральный рейтинг лидеров оппозиционных партий привел их к пониманию необходимости сделать

ставку на реализацию так называемого “номенклатурного сценария” во время **президентских выборов 2001 г.** В качестве претендентов на должность главы государства были выдвинуты: лидер официальных профсоюзов В. Гончарик, бывший председатель гродненского исполкома С. Домаш, бывший премьер-министр М. Чигирь, один из руководителей свободных профсоюзов А. Ярошук, бывший министр обороны П. Козловский, экс-министр внешних экономических связей М. Маринич. Кроме того, З. Позняк был номинирован кандидатом КХП-БНФ, а С. Калякин – ПКБ. Собрать подписи в свою поддержку смогли только В. Гончарик и С. Домаш. В соответствии с достигнутой между ними договоренностью последний снял свою кандидатуру в пользу первого, который превратился, таким образом, в единственного кандидата от оппозиции. Политические партии работали на разных претендентов на первоначальной фазе кампании, но после завершения регистрации вошли в штаб В. Гончарика.

В выборах принимал участие также и лидер ЛДП С. Гайдукевич, который смог собрать необходимое количество подписей и зарегистрироваться. Его партия сделала очередной резкий политический разворот на сотрудничество с властями. Кампания этого политика изобиловала резкими, необъективными выпадами в адрес В. Гончарика и демократов в целом.

Официальные итоги выборов выглядели следующим образом: за А. Лукашенко отдано 75,7% голосов, за В. Гончарика – 15,7%, за С. Гайдукевича – 2,5%. Независимые социологи дали В. Гончарику почти в 2 раза больше голосов, а А. Лукашенко почти на 20% меньше. Как отмечает Карбалевиц, “опозиция оказалась неготовой к борьбе за победу на президентских выборах во многих смыслах. Начиная от позднего определения единственного кандидата и заканчивая неспособностью вывести людей на акцию протеста 9–10 сентября. Не говоря уже о множестве организационных проколов... Личное позиционирование В. Гончарика оказалось, мягко говоря, не очень удачным. Вместо клейма оппозиционера единый кандидат получил клеймо лидера профсоюзов. С учетом низкой популярности данной организации это оказалось не лучше. Плюс пенсионный возраст на фоне блистающего молодостью и здоровьем А. Лукашенко. В результате голоса избирателей, ориентированных не на политическую позицию, а на личность кандидата, почти целиком перешли к главе государства” [40].

К этому нужно добавить следующее. Разработчики стратегии оппозиции совершенно упустили из виду то обстоятельство, что фронду чиновников, на что рассчитывал В. Гончарик, можно было легко предотвратить белорусскому президенту, от которого бюрократия находится в непосредственной личной зависимости, не облада даже минимумом автономии.

Поражение на выборах в 2001 г. привело к быстрому распаду координационных структур оппозиции. В декабре 2001 г. БСДП (НГ) и БПТ выступили в качестве учредителей **Конфедерации за соци-**

альные перемены. В данную коалицию левоцентристских партий вступили Партия коммунистов Белорусская, Конгресс демократических профсоюзов и Белорусская партия женщин *Надзея*. Это привело к тому, что Координационная рада демократических сил превратилась в объединение только правоцентристских партий, ядром которого был союз ОГП и БНФ. Наконец, в 2002 г. распалась и самая широкая зонтичная структура оппозиции – Консультативный совет оппозиционных политических партий. Еще в 2000 г. его покинула КХП-БНФ, обвинив остальные организации в соглашательстве с режимом. Окончательно КСОПП распался в декабре 2002 г., когда из него вышли такие крупные по белорусским меркам партии, как БНФ и ПКБ.

Парламентским выборам и референдуму 2004 г. предшествовали важные события, связанные с перегруппировкой сил оппозиционных партий. Она начиналась с очередного раскола БСДП (НГ), связанного с выходом из партии фракции А. Короля, которая выступала против участия в недавних парламентских выборах. В декабре 2001 г. эта группа приступила к переговорам с БСДГ и партией *Надзея* о создании *Объединенной социал-демократической партии* (ОСДП), лидером которой предполагалось сделать председателя женской партии В. Полевикову. Данная инициатива не встретила понимания у многих партийных активистов. В августе 2002 г. прошел внеочередной съезд *Надзеі*, делегаты которого отказались от самороспуска и вступления в ОСДП. На нем было переизбрано руководство: новым председателем партии стала В. Матусевич. В свою очередь, С. Шушкевич выступил с обращением, в котором предложил группам А. Короля и В. Полевиковой присоединиться к давно зарегистрированной организации – БСДГ. Только небольшая часть Грамады во главе с О. Трусовым поддержала идею создания новой социал-демократической партии. В конце августа 2002 г. прошел съезд отколовшихся партийных фракций, который избрал В. Полевикову председателем *Объединенной социал-демократической партии* (ОСДП), однако Министерство юстиции отказалось зарегистрировать эту организацию. Таким образом, проект создания ОСДП так и остался нереализованным, а большая часть ее инициаторов стала членами БСДГ.

Внутренние трудности переживали и другие демократические партии. В 2003 г. из БНФ был исключен известный политик В. Сивчик, который критиковал руководство за пассивность и фактическое превращение партии в аналог неправительственной организации. В том же году произошел и “развод” между ПБНФ и ее молодежной структурой – *Молодым фронтом*, игравшим ключевую роль в организации акций протеста. В отличие от других партий, ОГП демонстрировала большее внутреннее единство, но осложнились ее отно-

шения с партнерами по КРДС, когда стали достоянием гласности записи переговоров между А. Лебедько и Б. Немцовым. Лидер российского СПС предлагал, в частности, белорусскому коллеге поддерживать план В. Путина по интеграции двух государств по так называемой “европейской модели” и не возражать против проведения выборов в парламент союзного государства.

Выборы в местные Советы 2003 г. не привели к консолидации сил оппозиции. Как отмечает белорусский политолог Ирина Екадумова, “в условиях отсутствия реальных механизмов воздействия на власть политические партии во время избирательной кампании на первое место ставили не общие интересы демократического движения, а собственные и внутривнутрипартийные. Поэтому на выборах они действовали преимущественно обособленно, а их основной целью было “раскручивание” партийных брендов, повышение своей популярности и увеличение количества сторонников. Все политические партии (в том числе и пролукашенковские) выдвинули 1033 кандидата, стадию регистрации прошли 693 человека, а депутатами стали 257. Если учесть, что часть демократических претендентов выдвигалась путем сбора подписей, а партийная принадлежность части депутатов была чисто номинальной, то реальное представительство демократических сил в местных Советах вряд ли превысило 200 депутатов. Всего количество депутатов этого уровня составляет более 24 тыс., поэтому доля оппозиции среди них составила менее 1%” [41].

Неудача на местных выборах, а также давление международных структур заставили руководство белорусских партий сесть за стол переговоров для формирования единого объединения перед парламентскими выборами 2004 г. Сделать это до конца не удалось, поэтому в избирательную кампанию оппозиция вступила двумя колоннами. Летом 2003 г. БНФ, ОГП, БСДГ, ПКБ и БПТ стали членами объединения **Народная коалиция V+** (пятерка плюс). Латинское написание этого числительного означало нацеленность участников на победу – *victoria*; “плюс” символизировал открытость коалиции и ее ориентацию на дальнейшее расширение. Осенью 2003 г. было объявлено о формировании **Европейской коалиции Свободная Беларусь**. В ее состав вошли БСДП (НГ), партия *Надзея*, блок *Свободная Беларусь*, за которым стояла известная гражданская инициатива Хартия’97. О поддержке этого объединения заявили такие влиятельные молодежные организации, как *Зубр* и *Молодой фронт*.

Перед выборами активизировала свою деятельность группа *Республика*, созданная из числа отдельных депутатов Палаты представителей. Она пыталась провести через парламент поправки в избирательное законодательство. Когда же эти усилия оказались тщетными, то лидеры объединения объявили в июне 2004 г. голодовку протеста. Еще раньше *Республика* выступила с инициативой создания новой политической партии – *Республика – За достойную жизнь*. Однако условия для формирования в Беларуси так называемой “третьей

силы” были крайне неблагоприятными. Поэтому члены объединения подписали соглашение о сотрудничестве с Народной коалицией V+, а один из ее лидеров В. Фролов вступил в БСДП (НГ) (более подробная информация о деятельности группы содержится в теме 18).

Целями созданных оппозиционных коалиций было формирование согласованного списка кандидатов в большинстве округов, концентрация политических ресурсов, срыв планов властей одержать победу на возможном референдуме о продлении полномочий главы государства. Последняя задача казалась вполне по силам белорусским демократам, потому что еще в июне 2004 г. 50,9% избирателей выступали “скорее против” и “против” очередного изменения Конституции и только 35,2% были сторонниками таких мер властей [42]. Идея “третьего срока” Лукашенко не была популярной у населения Беларуси. Однако общественное мнение стало быстро меняться под влиянием массивной пропаганды на фоне улучшения экономических показателей, обеспеченных поддержкой режима со стороны России.

Во время выборов 2004 г. власти активно использовали такое отработанное средство, как нерегистрацию инициативных групп своих наиболее опасных конкурентов. Тем не менее, общее количество партийных кандидатов составило 186, из них разные демократические коалиции были представлены 136 претендентами. Агитационная кампания оппозиции носила децентрализованный характер и поэтому не могла перерасти в общенациональную кампанию противодействия референдуму, который был объявлен Лукашенко 7 сентября 2004 г. (в день трагедии в Беслане). Как подчеркивает белорусский политолог Казакевич, “тот факт, что базисными структурами кампании стали штабы зарегистрированных кандидатов и в меньшей степени – специализированные штабы и незарегистрированные кандидаты, оказал значительное влияние на ход агитации “против”. Кампания была неравномерная и неплотная, а некоторые регионы ею не были охвачены вовсе, охват других был недостаточным... На это были свои причины: нехватка времени (полтора месяца) и отвлечение большей части организационных ресурсов на парламентскую кампанию” [43].

Другими словами, обе оппозиционные коалиции, которые увлеклись участием в несвободных выборах и забыли о главной задаче – устранении авторитаризма в Беларуси, – несут свою долю ответственности за то, что режиму не был нанесен чувствительный удар еще в 2004 г. Официальные итоги были озвучены 21 октября: в голосовании на референдуме приняло участие 90,28% от общего количества избирателей, за изменение Конституции проголосовали 79,42% от общего числа граждан (9,9% голосовали “против”). Оглашение результатов, которые были восприняты многими как грубая фальсификация, вызвало стихийные протесты в Минске. Они продолжались в течение нескольких дней, но были жестоко подавлены милицией. Следует отметить, что белорусские чиновники с большим трудом справились с задачей, поставленной перед ними президен-

том. По мнению социологов из *The Gallup Organization/Baltic Survey*, окончательный результат по референдуму в Беларуси составляет 48,4% проголосовавших “за” от общего количества зарегистрированных избирателей. Эта цифра ниже цифры в 50%, необходимых для того, чтобы были внесены изменения в Конституцию Беларуси, и не выходит за рамки +/- 1-й погрешности, обычной для такого рода опросов” [44].

Как и следовало ожидать, ни один представитель оппозиции в парламент так и не попал. Сократилось и общее количество партийных депутатов. Так, в Палату представителей третьего созыва прошли 8 членов Коммунистической партии Беларуси, 3 члена Аграрной партии и 1 представитель Либерально-демократической партии (им стал лидер ЛДП С. Гайдукевич, которому пришлось делом доказывать свою непричастность к оппозиции). По одному члену КПБ и АП попали в Совет Республики.

В ходе кампании **президентских выборов 2006 г.** оппозиция выдвинула двух претендентов: единого кандидата демократических сил А. Милинкевича и лидера одной из социал-демократических партий, бывшего ректора Белгосуниверситета А. Козулина. Сбором подписей в свою поддержку занимались также З. Позняк, А. Войтович, В. Фролов, С. Скребец, но они не смогли справиться с поставленной задачей. Как и в 2001 г., сумел зарегистрироваться кандидат от ЛДП С. Гайдукевич.

А. Милинкевич был выдвинут Конгрессом демократических сил, который состоялся в октябре 2005 г. На нем разгорелось острое соперничество между партийными кандидатами и представителями “третьего сектора”, которые в итоге и одержали победу (единый кандидат длительное время возглавлял незарегистрированную ассоциацию региональных ресурсных центров). Избрание А. Милинкевича стало проявлением тенденции к *квазиполитизации* некоторых белорусских *неправительственных организаций*, которые давно превратились в монополистов при распределении донорской помощи среди ряда других организаций, сделавшись их патронами. В ситуации, когда большая часть политических партий была вытеснена властями в “третий сектор”, у белорусских ресурсных центров появился соблазн распространить свое влияние и на них. Это и было сделано на Конгрессе демократических сил А. Милинкевичем и его коллегами с помощью мобилизации участия в нем многих своих клиентов. Термин “квази” означает, что политику белорусские ресурсные центры понимают не как борьбу за власть, а как “борьбу за умы людей” [45]. Отсутствие собственных развитых структур побуждает эти организации активно использовать организационные и человеческие ресурсы зависимых от них микропартий и НПО. Данная ситуация

порождает постоянные конфликты в белорусском гражданском и политическом обществе (см. вставку 21.3).

Выдвижению А. Козулина в качестве кандидата в президенты предшествовали важные события, связанные с перегруппировкой сил в рядах белорусской социал-демократии. В октябре 2004 г. председатель БСДП (НГ) Н. Статкевич принимал самое активное участие в акциях протеста против итогов конституционного референдума. За эти действия он был осужден и отправлен отбывать наказание. В партии усилились позиции В. Нистюка и А. Левковича, которые находились в оппозиции к своему лидеру. Они стали инициаторами созыва нового объединительного съезда социал-демократических организаций, который состоялся в апреле 2005 г. На форуме было принято решение об учреждении **Белорусской социал-демократической партии (Грамада) (БСДП (Г))** во главе с А. Козулиным. Н. Статкевич осудил это решение и призвал своих сторонников основать оргкомитет по восстановлению БСДП (НГ). Бывший ректор БГУ при сборе подписей и проведении агитационной кампании опирался также и на структуры движения *Воля народа*, но оно было крайне аморфным и не могло конкурировать с партией (см. вставку 21.4).

На президентских выборах оппозиция потерпела очередное поражение. Согласно данным ЦИК, в голосовании приняло участие 92,9% избирателей (31% из них проголосовали досрочно). А. Лукашенко получил 86% голосов, А. Милинкевич – 6,1%, С. Гайдукевич – 3,5%, А. Козулин – 2,2%. По данным НИСЭПИ, за действующего президента отдали голоса 58,2%, А. Милинкевича – 18,8%, А. Козулина – 4,7% избирателей. Это означает, что единый кандидат от оппозиции выступил гораздо слабее, чем В. Гончарик на выборах 2001 г. [46].

В чем же заключаются *причины неудачи*? Во-первых, в отсутствии единства. Штабы двух демократических претендентов так и не смогли договориться между собой об эффективном взаимодействии. Во-вторых, единый кандидат в глазах избирателей был представителем изолированной оппозиционной субкультуры, поэтому он с самого начала мог рассчитывать на поддержку только жестко сфокусированного своего электората, который с годами уменьшился в объеме. В-третьих, программа А. Милинкевича носила ярко выраженный либеральный характер и была хороша для западной аудитории, перед которой кандидат довольно часто выступал, зарабатывая персональные дивиденды. Но проводить политическую кампанию приходилось в Беларуси, где почти 60% жителей считали себя советскими людьми. В-четвертых, кампания продемонстрировала неподготовленность единого кандидата к выполнению очень важной в условиях авторитаризма роли “уличного политика”. А. Козулин в этом качестве проявил себя более уверенно, поэтому власти и отправили кандидата от БСДП (Г) за решетку, обвинив его в злом хулиганстве (в заключении А. Козулин провел два с половиной года). В-пятых, как указывает Карбалевиц, “события 19–25 марта (массовые акции протеста и защита палаточного лагеря на Октябрьской площади. – замеч. авт.) стали сильной встряской для протестного электората, который до сих пор пребывал в состоянии оцепене-

ния и летаргического сна. К этому оказались не готовы не только власти, но и лидеры оппозиции, которые с трудом попевали за ходом событий" [47].

После поражения на президентских выборах на новом Конгрессе демократических сил в мае 2007 г. произошла определенная структурная перестройка белорусской оппозиции. Задолго до этого форума активным участником коалиции стала БСДП (Г). Тем самым был преодолен формальный раскол между основными политическими партиями оппозиции. На самом Конгрессе были приняты важные документы: так называемая Малая Конституция, содержащая разделы о государственном устройстве после преодоления авторитаризма, а также стратегия **Объединенных демократических сил (ОДС)**, которая делает акцент на диалоге между основными политическими силами ради укрепления независимости государства.

Конгресс избрал Политсовет в соответствии с квотой 1 член от 10 делегатов, а также сформировал Президиум и избрал 5 председателей, которыми стали руководители основных фракций: ПКБ, БНФ, ОГП, БСДП (Г) и Движения *За Свободу*. Однако, поскольку А. Милинкевич резко раскритиковал саму идею сопредседательства, он отказался занять этот пост. Еще в конце 2006 г. бывший экс-кандидат на пост президента заявил о том, что предпримет максимум усилий по быстрому созданию **Движения За Свободу**. В настоящее время оно существует, зарегистрировано и позиционирует себя как истинная "пробелорусская и проевропейская сила" в нашей стране (см. вставку 21.3).

Важной политической кампанией, в которой участвовали белорусские партии, стали **парламентские выборы 2008 г.** Им предшествовали **выборы в местные Советы**, состоявшиеся в январе 2007 г. Власти провели их в полном соответствии с хорошо отработанным сценарием назначения депутатов. ЦИК и Администрация президента поощряли участие партийных кандидатов, чтобы сделать оппозицию соучастницей собственного спектакля "выборы". В общем и целом, им это сделать удалось. Представители ОДС сформировали 600–700 инициативных групп по выдвижению кандидатов в депутаты. Из них удостоверение кандидатов получило только 230 человек, что составило менее 1% от общего количества претендентов. В итоге лишь единицы представителей оппозиции стали депутатами местных Советов по всей стране [48].

В парламентских выборах демократические силы участвовали двумя колоннами. Главную роль в номинации кандидатов и проведении агитационной кампании играли Объединенные демократические силы. Из 98 претендентов от этой коалиции регистрационные удостоверения удалось получить 78. В дальнейшем из-за давления властей и невозможности реально заниматься агитацией 12 предста-

вителей данной группы сняли свои кандидатуры. Но парламентская кампания реанимировала и второй центр притяжения оппозиции – Европейскую коалицию *Свободная Беларусь*. В нее в тот момент входили оргкомитет по восстановлению Белорусской социал-демократической партии (Народная Грамада) во главе с Н. Статкевичем, незарегистрированная *Партия свободы и прогресса*, лидером которой является экс-депутат Палаты представителей и бывший лидер молодежной структуры ОПП В. Новосяд, Молодой фронт (эта организация, правда, бойкотировала выборы) и Координационный совет предпринимателей. Европейская коалиция выдвинула 60 претендентов, но смогла добиться регистрации только 22. Перед выборами лишилась регистрационного свидетельства одна из самых известных белорусских партий – *Надзея*, а вскоре после дня голосования (28.02.2009) прошел учредительный съезд *Белорусской христианской демократии* (БХД), лидером которой был избран известный политик, бывший лидер Молодого фронта П. Северинец.

Несмотря на присутствие интриги и обещание А. Лукашенко провести выборы по “европейским понятиям”, этого не произошло. Ни один представитель оппозиции в Палату представителей так и не попал. Наблюдатели от ОБСЕ вынуждены были констатировать, что и на сей раз голосование в Беларуси было далеким от норм свободного и справедливого волеизъявления граждан. В результате выборов сократилось и представительство лояльных режиму партий в парламенте. Так, пролукашенковские коммунисты смогли провести в нижнюю палату только 6 своих представителей, а аграрии – 1. Либерально-демократическая партия заранее заявила о своем неучастии в этой кампании.

Таким образом, в отличие от других стран, выборы в Беларуси после прихода Лукашенко к власти не содействовали возникновению и укреплению партий. Часто, правда, их проведение способствовало расколам организаций из-за несогласия политиков по поводу того, как себя вести: участвовать в несвободных электоральных соревнованиях или бойкотировать их. Что касается других источников партийного строительства, то они в нашей стране также ограничены. Персоналистский характер авторитаризма препятствует возникновению партии власти, а политизация неправительственных организаций зачастую приобретает квазиформы. Ее следует отличать от той, которая существовала на ранних этапах развития белорусского гражданского и политического общества.

3. Лояльные президенту политические партии

Британский исследователь Коростелева выделила несколько критериев классификации белорусских партий. Эти критерии можно

принять с определенными оговорками. По мнению Коростелевой, после избрания Лукашенко президентом в Беларуси более важную роль играют не идеологические различия между правыми и левыми партиями, а их отношение к главе государства. На основании этого критерия можно выделить *лояльные президенту и оппозиционные партии*.

Анализ количества членов в организациях позволил британскому политологу выделить *массовые и элитные партии*. К массовым организациям она отнесла КПБ и ПКБ, АП, ЛДП и Партию БНФ до раскола в 1999 г. На наш взгляд, данный критерий носит второстепенный характер, потому что некоторые партии (Республиканская, например) научились поддерживать членство на высоком уровне, но оставаться при этом практически незаметными на политической сцене страны. Кроме того, за прошедшее десятилетие все партии потеряли значительную часть своего численного состава.

Критерий отношения между центром и периферией позволил Коростелевой говорить о дифференциации между пророссийскими организациями, с одной стороны, и сторонниками суверенитета, с другой, а также между городскими и сельскими, столичными и периферийными политическими структурами. В этой сфере произошли существенные изменения. Фактически все белорусские партии в настоящее время заявляют о своей приверженности государственному суверенитету, поэтому более существенное значение имеет неодинаковость их подходов к *культурной политике* и проблемам возрождения белорусского языка и исторической памяти. Следует также иметь в виду, что в Беларуси, в отличие от Украины, *региональный фактор* играет несущественную роль в дифференциации политических организаций [49].

Все лояльные президенту партии, по нашему мнению, можно разделить на три группы: (1) организации с очень расплывчатой и неопределенной идеологией, которые не ведут борьбу за власть, а выступают за получение определенных селективных привилегий от правительства (это партии – группы интересов); (2) левые и левоцентристские политические организации; (3) Либерально-демократическая партия Беларуси, которая стоит особняком, занимая правоцентристские позиции и выступая в роли квазиоппозиции режиму.

К *партиям – группам интересов* можно отнести Республиканскую партию (РП), Белорусскую социально-спортивную партию (БС-СП) и Республиканскую партию труда и справедливости (РПТС).

Республиканская партия возникла в 1994 г. Авторы книги *Политические партии Беларуси* неправильно, на наш взгляд, отнесли ее к левому центру белорусского политического спектра [50]. В программе этой организации социал-демократические идеи мирно ужи-

ваются с либеральными: социальная защита населения с верностью рыночным реформам, правовому государству и гражданскому обществу (правда, первое должно проникать во второе). Вообще, этот документ содержит в себе много такого, под чем подписалось бы подавляющее большинство жителей Беларуси.

“Первоочередными задачами РП являются: консолидация всех прогрессивных сил Республики Беларусь, достижение гражданского согласия на пути поэтапного перехода к социально ориентированной рыночной экономике как саморегулирующейся системе, социальную направленность которой призвано обеспечить государство; поддержка и защита людей умственного и физического труда, предпринимателей, учащихся и студентов, военнослужащих и пенсионеров; естественное ненасильственное возрождение культурного своеобразия, как белорусов, так и национальных меньшинств, проживающих в Республике Беларусь” [51].

В области экономической политики РП выступает за ориентацию экономики на решение социальных задач, восстановление управляемости народным хозяйством, проведение структурных реформ, приватизацию под контролем государства, свободу в реформировании агропромышленного сектора, формирование экономического союза стран СНГ. В сфере социальной политики государство должно обеспечить справедливое распределение социальных благ путем создания системы социальной защиты. Однако “по мере формирования и развития рыночных отношений и создания класса собственников сфера социальной поддержки будет сужаться и носить исключительно адресный характер (ярко выраженная либеральная идея. – замеч. авт.)” [52]. В области международной политики партия декларирует свою приверженность укреплению сотрудничества с бывшими республиками СССР и обещает “инициативное участие в общеевропейском интеграционном процессе”. И только в сфере оборонной политики белорусские республиканцы, наверное, чтобы полностью не слиться с серой массой других аналогичных организаций, ратуют за “ядерный статус” Республики Беларусь (!).

Республиканская партия прошла перерегистрацию в 1999 г. В 2000 г. она присоединилась к лояльному президенту **Координационному совету политических партий и общественных организаций**, созданному по инициативе помощника президента С. Посохова. В 2004 г. эта партия вместе с КПБ, АП и некоторыми другими в специальном воззвании поддержала проведение референдума о продлении президентских полномочий А. Лукашенко. Несмотря на безграничную преданность руководства партии главе государства, она не может похвастаться электоральными успехами. РП регулярно участвует во всех парламентских выборах, но так и не провела ни одного своего кандидата в Палату представителей. Зато, по данным за 2003 г., Республиканская партия занимала почетное второе место по численности членов (9 779) [53].

Белорусская социально-спортивная партия (БС-СП) была основана в ноябре 1994 г. Как и у республиканцев, программные прин-

ципы этой организации являются эклектической смесью разных идеологий.

С одной стороны, БС-СП рассматривает развитие потенциала личности своей основной задачей, говорит о приоритете “прав человека на труд, собственность, творчество и образование, совершенствование налоговой политики, превращение ее из орудия подавления производительных сил в средство их стимулирования и активизации”. С другой стороны, она ратует за “совершенствование общественных отношений, социально ориентированную рыночную экономику, защиту малоимущих” [54].

Развитие здоровых сил общества партия считает своей важнейшей задачей. Для достижения этой цели она считает целесообразным “укрепление здоровья и физического развития народа, особенно подрастающих поколений... необходимо также добиться от государства всемерного обеспечения физического воспитания всех слоев населения, поддержки массового спорта и спорта высших достижений как международного престижа страны”. Партия выступает за дальнейшее развитие культурного потенциала Беларуси, поддержку семьи, развитие жилищного строительства, укрепление правопорядка и уважения к законности, сохранение и оптимальное использование земельных, лесных и водных ресурсов, максимальное использование выгод геополитического положения Республики Беларусь.

БС-СП обладает несколько более весомыми политическими достижениями, нежели РП: ее лидер В. Александрович был избран депутатом Палаты представителей второго созыва в 2000 г. Данная организация вошла в Координационный совет политических партий и общественных организаций и поддержала референдум по изменению Конституции в 2004 г. Численность партии достигает порядка полутора тысяч человек.

Республиканская партия труда и справедливости (РПТС) возникла в 1993 г. Действующая программа организации была принята на III съезде в 1999 г. В отличие от других программ партий этого типа, данный документ является более популистски окрашенным. РПТС заявляет о себе как об организации людей труда, занятых во всех отраслях народного хозяйства, а также учащейся молодежи, пенсионеров, инвалидов и других категорий граждан.

Партия борется за социальную справедливость, пересмотр итогов приватизации, обуздание инфляции, государственные гарантии права на труд, получения профессии, бесплатного образования, медицинского обслуживания и надежного пенсионного обеспечения. Вместе с тем РПТС выступает за создание таких экономических условий, которые позволили бы людям иметь высокие доходы и реальные возможности приобретать необходимые товары, обеспечивать текущие потребности, ратует за развитие активной и здоровой конкуренции и стимулирование роста производства. Вырученные государством средства от приватизации она считает необходимым направлять на структурные реформы экономики, выпуск наукоемкой и конкурентоспособной на мировом рынке продукции.

РПТС также декларирует свою приверженность созданию реального равноправного союза с Россией и другими странами. Она хотела бы добиться отсутствия администрирования в духовной сфере и обеспечить свободу выбора языка воспитания и обучения с обязательным изучением белорусского языка. Партия заявляет о себе как о республиканской организации, потому что “поддерживает государственный строй в форме президентской республики” [55].

Данное программное положение нашло свое выражение в политической позиции РПТС, которая всегда выказывала лояльность действующему главе государства. Партия регулярно участвует во всех выборах. Ее представитель был депутатом Верховного Совета XIII созыва. Два члена РПТС оказались в Палате представителей второго созыва, но они не прошли в парламент на выборах 2004 и 2008 гг. Численность партии составляет около 1400 членов, в основном это участники Белорусского товарищества инвалидов по зрению.

К **левым и левоцентристским партиям** относятся Коммунистическая партия Беларуси, Белорусская патриотическая партия, Белорусская аграрная партия и Социал-демократическая партия народного согласия.

Коммунистическая партия Белоруссии (КПБ) возобновила свою деятельность в 1996 г., когда представители этой организации активно поддержали президента в его конфликте с парламентом. Действующая программа КПБ была принята на VII (XXXIX) съезде в 2003 г. Идеология партии является ортодоксально коммунистической. Она продолжает руководствоваться марксизмом-ленинизмом – “единственно верным научным мировоззрением”, заявляет о себе как об организации рабочего класса и других трудящихся, которые ведут классовую борьбу против капиталистической эксплуатации. По мнению идеологов партии, “принципиальный спор между капитализмом и социализмом не завершен”. Белорусские коммунисты возлагают надежды на глобальный экологический, демографический и этно-социальный кризис, который в XXI в. приведет к гибели капиталистической системы и западной цивилизации в целом.

Коммунисты-ортодоксы не считают, что коммунистическая система была разрушена из-за серьезных внутренних противоречий и кризиса идеологии. По их мнению, ответственность лежит на руководителях партии и советского государства, которые не всегда следовали учению Маркса и Ленина, а также на США и Западе в целом, умело воспользовавшимися трудностями мировой системы социализма. Однако “историческая мудрость белорусского народа” позволила ему остановить процесс распада. Это качество проявилось в том, что белорусы, всегда получавшие поддержку от русского народа, вместе с ним создавшие великую державу – СССР, смогли в эпоху кризиса сохранить государственный суверенитет. Поскольку же “независимость Белоруссии смогла реализовать только в рамках союзного государства”, то и теперь выход из кризиса лежит в строительстве Союза с Российской федерацией, а потом – добровольного Союза Советских Республик. Этот процесс должен сопровождаться

реставрацией социалистических отношений и демократии в форме власти Советов. В будущем это приведет к “коммунистической ассоциации, в которой свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех”.

Белорусские коммунисты отошли от заветов своих учителей в том, что теперь они осуждают революционные, насильственные методы борьбы за власть, называя их “мелкобуржуазными”, они поддерживают политический плюрализм и многообразие форм собственности, хотя и призывают вести непримиримую борьбу с “буржуазными партиями” и превозносят пресловутые преимущества общественной собственности на средства производства. Что касается внутреннего устройства, то здесь КПБ строго следует за Лениным: говорит о важности демократического централизма, дисциплины и борьбы с инакомыслящими в рядах организации. Партия является “полноправным членом Союза коммунистических партий – КПСС” [56].

Оказав Лукашенко важную политическую услугу во время кризиса 1996 г., КПБ рассчитывала на превращение в *партию власти*. Действительно, первые шаги президента обнадеживали: 22 депутата-коммуниста получили места в Палате представителей первого созыва, а один из ее лидеров А. Малофеев занял пост председателя нижней палаты парламента. Однако в дальнейшем наметилось охлаждение в отношениях между компартией и президентом, вызванное тем, что, обладающий абсолютной властью, А. Лукашенко просто не нуждался в укреплении никаких политических структур, даже таких идеологически близких ему, как КПБ. В 2000 г. только 6 коммунистов-ортодоксов прошли в Палату представителей, в 2004 г. их количество выросло до 8, но в 2008 г. снова сократилось до 6.

Определенные трения в отношениях между главой государства и КПБ были вызваны, на наш взгляд, неспособностью руководства партии справиться с важным заданием, поставленным Лукашенко еще в 2002 г. Тогда, на встрече с депутатами-коммунистами, глава государства заявил, что “считает ненормальной ситуацию, когда в республике существуют две коммунистические организации” и предложил их объединить на платформе КПБ. Другими словами, президент хотел использовать ортодоксальных коммунистов для устранения коммунистов-оппозиционеров, объединенных в ПКБ. В практическую плоскость эта задача перешла после 2005 г., когда на смену В. Чикину пришло новое партийное руководство во главе с Т. Голубевой, до этого работавшей в правительстве и парламенте.

Летом 2006 г. в Минске прошел так называемый “воссоединительный съезд” двух коммунистических организаций, который должен был привести к поглощению партии коммунистов коммунистической партией, несмотря на то, что по численности вторая структура уступала первой (КПБ насчитывает около 4000 членов). В работе форума принимали участие 157 делегатов лояльной президенту партии и только 57 делегатов от Партии коммунистов Белорусской.

Большая их часть была давно исключена из ПКБ и поэтому не могла легитимно представлять свою организацию. Параллельно с “воссо-единительным съездом” прошел и съезд ПКБ, который подтвердил полную юридическую самостоятельность партии. Другими словами, эта затея властей с треском провалилась, что не могло не подорвать доверительных отношений между Администрацией президента и руководством КПБ.

Белорусская патриотическая партия (БПП). Эта организация была создана членами групп поддержки Лукашенко на президентских выборах 1994 г. осенью того же года. Лидером партии является Н. Улахович, который одновременно возглавляет общественное объединение *Белорусское казачество*. Программа партии является смесью коммунистических и панславистских идей. Ее авторы резко осуждают распад СССР, который, по их мнению, был делом рук внешних и внутренних врагов славянских народов. Поэтому своей первоочередной задачей партия считает ликвидацию Беловежских соглашений, после чего необходимо взять курс на создание Союза трех славянских государств: Беларуси, России и Украины. В дальнейшем к нему могут присоединиться и другие страны бывшего СССР.

В политической сфере целью БПП является утверждение сильной государственной власти, которая не должна останавливаться перед введением чрезвычайных мер для преодоления кризиса, предоставлением дополнительных полномочий органам государственной безопасности, восстановлением государственного и народного контроля.

В области экономики партия выступает за восстановление активной роли государства в управлении народным хозяйством. Вместе с тем признается необходимость гибкого сочетания элементов плана и рынка. Трудовые коллективы должны стать реальными собственниками тех средств производства, с которыми они связаны. При этом жизненно важные отрасли народного хозяйства должны оставаться в руках государства. Необходимо также запретить куплю-продажу земли, остановить конверсию оборонной промышленности, наладить тесные экономические связи с Россией. В социальной сфере БПП выступает за сохранение завоеваний трудящихся: права на труд, отдых, бесплатное здравоохранение и образование, а также “безвозмездное предоставление жилья остро нуждающимся”. В духовной сфере, акцент делается на тесном сотрудничестве с Русской православной церковью и борьбе с нетрадиционными конфессиями, которые подрывают духовное здоровье народа.

“Свою социальную базу партия видит в рабочем классе, крестьянстве, государственных служащих, народной интеллигенции, ветеранах войны и труда, вооруженных сил, органов правопорядка, патриотически настроенных предпринимателях, верующих и неверующих. Она рассчитывает также на понимание и поддержку молодежи” [57].

Несмотря на идеологическую близость БПП и президента, эта партия не является обласканной властью. Она занимает последнее место по числу членов, которое колеблется в пределах тысячи чело-

век. В 2007 г. организация получила предупреждение от Министерства юстиции за то, что не привела свою структуру в соответствие с требованиями новой редакции Закона *О политических партиях*. Несмотря на активное выдвижение кандидатов во время парламентских выборов, ни один представитель БПП так и не был избран в Палату представителей.

Белорусская аграрная партия (БАП) – такое название теперь носит политическая организация, созданная еще в 1992 г. для отстаивания интересов трудящихся и руководителей хозяйств агропромышленного комплекса страны.

Программа партии была принята в 1995 г., но претерпела серьезные изменения в 2000 и 2008 гг. С самого начала этот документ носил противоречивый характер. С одной стороны, идеологической основой партии провозглашался демократический социализм, что сближало АП с рядом социал-демократических организаций. Партия, в частности, декларировала свою приверженность смешанной экономике, гражданским и политическим свободам, построению правового государства и демократических институтов власти. С другой стороны, она негативно оценивала целый ряд процессов, вызванных реформами. В частности, осуждалась непродуманная приватизация, создание коммерческих банков, которые навязывают кабальные условия селу. Авторы программы пришли к выводу, что подобный курс может превратить Беларусь в “объект неокOLONиальной эксплуатации со стороны Международных корпораций и фондов”.

Аграрная партия считает, что “спасение деревни позволит спасти и государство”, обеспечив его суверенитет. Поэтому она призывает к протекционизму в аграрной политике: правительство обязано взять часть расходов АПК на себя. Партия выступает за реформирование колхозов и совхозов в рыночные структуры и передачу их средств в коллективно-долевую и частную собственность работников, образование на их основе агрофирм, акционерных предприятий, обществ с ограниченной и дополнительной ответственностью, фермерских хозяйств и их ассоциаций. Однако такие реформы должны идти постепенно и не приводить к превращению земли в предмет купли-продажи. АП в своей программе заявила о важности сохранения и пропаганды белорусского языка и признания русского языка в качестве средства межнационального общения [58].

В 1995 г. Аграрная партия сформировала самую многочисленную фракцию в Верховный Совет XIII созыва, что позволило ее лидеру С. Шарецкому получить должность спикера. Активисты АП по-разному восприняли конституционный референдум 1996 г., что привело к фактическому расколу партии. Вслед за победой президента над парламентом последовала чистка руководящих структур АП. С. Шарецкий и некоторые его заместители, которые осудили переворот, были исключены из организации и подвергнуты ostrакизму. В 2000 г. председателем партии стал М. Шиманский, в 2008 г. его сменил депутат Палаты представителей М. Русый. Они превратили организацию в полностью лояльную президенту. Были внесены

изменения в программу АП, теперь она провозглашает, например, “претворение в жизнь решений третьего Всебелорусского народного собрания в качестве своей важнейшей задачи”.

Конформизм не помог партии ни превратиться в массовую организацию, ни получить места в высшем законодательном органе страны. С каждым выборами сокращается количество аграриев среди депутатского корпуса Палаты представителей: в 2000 г. АП имела там пять представителей, в 2004 г. – трех, в 2008 г. – только одного.

Социал-демократическая партия народного согласия (СДПНС) возникла в 1997 г., когда часть активистов БСДП (НГ) вышла из партии, не согласившись с оценкой большинства произошедших в Беларуси событий как конституционного переворота. Во главе этой группы стоял Л. Сечко, который решил возродить Партию народного согласия. Она в основном поддержала и продолжает поддерживать курс главы государства. Поэтому вызывает недоумение отнесение некоторыми экспертами этой партии к числу оппозиционных организаций [59].

СДПНС заимствовала программу у ПНС и лишь немного ее адаптировала к нуждам момента. Этот документ носит ярко выраженный социал-демократический характер. Партия позиционирует себя как центристскую силу, которая отвергает крайности левых и правых радикалов (из КПБ и БНФ). Она заявляет о выражении интересов широких слоев населения: мелких и средних предпринимателей, интеллигенции и служащих, крестьянства, квалифицированных рабочих, лиц наемного труда. Кризис 1990-х гг. в Беларуси, по мнению авторов программы, стал результатом плохой адаптации западных моделей к белорусским условиям, что привело к симбиозу не лучших, а худших черт социализма и капитализма.

Преодолеть кризис и обеспечить поступательное развитие страны можно только в том случае, если использовать *социальную модель* развития, которая давно доказала свои преимущества перед *либеральной моделью*. Поэтому нужно отказаться от “шоковой терапии”, но избрать путь государственного регулирования и поэтапного перехода к рыночной экономике. Правительство должно согласовывать реформы с обществом и проводить их только при наличии широкой общественной поддержки. СДПНС выступает за развитие демократии. “Наши представления о политике требуют от нас бороться не за власть, а за доверие избирателей. Первое условие демократии – возможность народа иметь правительство, которое он сам избирает и контролирует”. В стране должна проводиться сильная социальная политика, потому что социальная рыночная экономика – это не цель, а средство повышения благосостояния людей. СДПНС исходит из признания приоритета прав человека, заявляет о необходимости развития белорусской культуры при одновременном создании необходимых условий для свободного развития всех национальных культур. В области внешней политики СДПНС выдвигает три цели: упрочение равноправного союза с Россией, развитие связей с развитыми странами мира,

использование преимуществ географического положения и реализация концепции: “Беларусь – это мост между Востоком и Западом” [60].

Наличие демократической программы не сделало СДПНГ частью оппозиции антидемократическому режиму, потому что это качество зависит не от принципов и лозунгов, а от реальной политики. В 1996 г. организация поддержала конституционный переворот. В знак благодарности президент включил некоторых представителей СДПНС в состав Палаты представителей первого созыва. В 2000 г. партия вошла в Координационный совет политических партий и общественных организаций, созданный по приказу Лукашенко. Данная политическая организация участвовала во всех парламентских избирательных кампаниях, но не может похвастать успехом: в 2000 г. она провела одного своего члена в Палату представителей, в 2004 и 2008 гг. повторить “успех” не удалось. СДПНС насчитывает около 3000 членов. Лидером организации является С. Ермак.

Либерально-демократическая партия Республики Беларусь (ЛДП) была создана в 1994 г. при полной поддержке российских либерал-демократов во главе с В. Жириновским. В первом программном документе подчеркивалось, что ЛДП “должна противостоять национал-демократам, повинным в развале единого союзного государства” [61]. После прихода С. Гайдукевича к руководству партии в 1995 г. началась ее медленная эволюция в сторону большей независимости от ЛДПР.

Программа партии была подвергнута ревизии в 1999 и 2003 гг. Действующий документ провозглашает ЛДП организацией, отстаивающей “независимость суверенного Белорусского государства, демократической, гражданской направленности”. ЛДП заявляет о себе как о “конструктивной, демократической оппозиции нынешней власти”, которая повинна в постоянном использовании силовых методов для решения политических вопросов, установлении коррумпированного экономического режима, “закреплении в Конституции режима личной власти с тенденцией превращения президента в монарха”. ЛДП заявляет о себе как о реформаторской силе, выступающей за создание правового государства, политических институтов с разделением властей, перехода к смешанной мажоритарно-пропорциональной избирательной системе. В области внешней политики партия выступает за развитие дружественных отношений Беларуси со всеми соседними странами, налаживание сотрудничества с ЕС и НАТО.

Либерально-демократическая партия противопоставляет себя не только действующей власти, но и коммунистическим партиям, тянущим страну в прошлое, и демократической оппозиции, которую программа называет “национал-популистской” и “радикально-демократической”, предлагающей авантурные проекты преобразования общества. Себя белорусские либерал-демократы считают “социально ориентированной партией”, которая выступает за “сильную социальную политику государства потому, что она может и должна служить двигателем для экономики, смыслом и целью экономиче-

ской политики". ЛДП призывает к осуществлению рыночных реформ, которые должны привести к формированию минимального государства, эффективно регулирующего народное хозяйство.

Данную доктрину можно было бы причислить к определенной разновидности *социально-либеральной* идеологии, популярной в некоторых странах континентальной Европы, если бы не популизм, который пронизывает собой каждую строчку программы ЛДП. Например, в качестве своей важнейшей социальной цели партия провозглашает рост доходов населения, "увеличение уровня заработной платы в бюджетной сфере и введение экономической ответственности работодателя за задержку заработной платы... Поэтапное доведение минимальной пенсии до уровня прожиточного минимума... Серьезное повышение уровня социальных гарантий нетрудоспособным, особенно инвалидам и детям... Обеспечение реальных конституционных гарантий прав граждан на общедоступное и бесплатное образование... Принятие должных мер по обеспечению занятости молодежи... Поэтапное увеличение доли расходов государственного бюджета на науку... Обеспечение бесплатных для пациентов консультаций и услуг специалистов в поликлиниках по месту жительства... Государственное стимулирование развития белорусского языка и литературы, бюджетный и налоговый протекционизм в отношении организаций культуры и системы распространения культурных ценностей". Все это обещается осуществить в условиях "радикального снижения налоговой нагрузки и реализации системы мер по выходу экономики из кризиса"(!) [62].

Белорусский политолог Петкевич считает, что "ЛДП не имеет определенной, ясной идеологии, а подхватывает любые лозунги, которые, по мнению Гайдукевича, могут содействовать повышению популярности партии и ее лидера в определенный период. При этом Гайдукевича мало волнует, что эти лозунги часто противоречат друг другу" [63]. Хотелось бы полностью присоединиться к этой оценке.

Политическая эволюция ЛДП была такой же хаотичной, как и ее идеология. В 1996 г. С. Гайдукевич сдержанно поддержал действия А. Лукашенко. Через два года либерал-демократы выступили с провокационной инициативой проведения референдума о заключении конфедеративного союза между Беларусью и Россией. В конце 90-х партия переходит в оппозицию к режиму и принимает участие в Координационном совете оппозиционных политических партий (КСОПП). Но уже в 2001 г. она разорвала все отношения с демократическими силами. В этом же году лидер партии написал открытые письма А. Лукашенко и В. Гончаруку, в которых в оскорбительной форме призвал их снять свои кандидатуры с предвыборной гонки. На выборах 2000 г. ЛДП смогла провести одного своего кандидата в Палату представителей, но позже он вышел из организации. В 2004 г. сам С. Гайдукевич смог избраться депутатом нижней палаты. Его кампания изобиловала выпадами против партий демократической ориентации. В 2008 г. ЛДП отказалась от участия в парламентской гонке, объясняя это необходимостью подготовки к более важному соревнованию – президентским выборам 2011 г. В декабре 2006 г. С. Гайдукевич был

назначен на должность Специального представителя Министерства иностранных дел для налаживания диалога со странами Евросоюза. Эту деятельность Гайдукевич совмещает с руководством партией, которая превратилась в самую массовую и структурированную политическую организацию страны (ее численность по разным оценкам колеблется от 40 до 20 тыс. членов). Все это позволяет сделать вывод о трансформации ЛДП в *квазиопозиционную структуру*, которая активно используется режимом для борьбы с подлинной политической оппозицией и налаживания выгодных властям контактов с Западом.

Таким образом, лояльные президенту партии существуют в виде ассоциированных групп интересов, левых и левоцентристских политических организаций, а также квазиопозиционных структур. Они не играют значительной роли в политической жизни страны. Организации плохо представлены в парламенте и не имеют никакого влияния на президента, правительство и проводимый ими курс. Глава государства использует лояльные ему политические структуры для борьбы с оппозицией и создания видимости наличия в стране политического плюрализма. Неспособность многих партий осуществить свои программные цели и задачи ведет к их полной маргинализации.

4. Оппозиционные политические партии

Белорусскую политическую оппозицию формируют: правая партия (КХП-БНФ), правоцентристские организации (БХД, ПБНФ, Движение *За Свободу*), центристские либеральные партии (ОГП и ПСП), левоцентристские организации (БСДГ, БСДП (Г), БПТ, Партия *Надзея*), зеленая партия и левая партия (бывшая ПКБ). В нашей стране отсутствуют влиятельные политические организации, которые занимают радикальные позиции и выступают за насильственные методы борьбы за власть. Все оппозиционные организации сталкиваются с постоянным давлением белорусского руководства, которое пытается создать условия наименьшего благоприятствования для оппонентов режима (см. вставку 21.2).

ВСТАВКА 21.2

Правовое регулирование деятельности партий

В годы перестройки в 1990 г. Советом Министров было принято Временное положение о порядке образования и деятельности общественных объединений. В соответствии с ним для регистрации политической партии необходимо, чтобы она насчитывала не менее 100 членов и уплатила государственную пошлину в размере 10 минимальных заработных плат. Полномочия по регистрации политических партий и республиканских общественных объединений возлагались на Министерство юстиции Республики Беларусь.

Запрещалось создание и деятельность общественных организаций с целью насильственного изменения конституционного строя, нарушения территориальной целостности и безопасности государства, конституционных прав граждан, разжигания национальной, расовой и религиозной розни. В дальнейшем требования к созданию и регистрации партий только ужесточались. В октябре 1994 г. Верховный Совет принял Закон *О политических партиях*. Согласно его положениям, минимальное количество членов, необходимое для регистрации политической организации, было увеличено со 100 человек до 500. Был также увеличен размер государственной пошлины с 10 минимальных заработных плат до 50. После вступления данного закона в действие Министерство юстиции провело перерегистрацию политических партий.

26 января 1999 г. был издан Декрет президента Республики Беларусь № 2 *О некоторых мерах по упорядочению деятельности политических партий, профессиональных союзов и общественных объединений*. Декрет увеличил минимальное количество членов партии, необходимое для регистрации с 500 членов до 1000. Партии также обязаны были иметь региональную структуру минимум в 4 областях страны. Была учреждена Республиканская комиссия по регистрации и перерегистрации общественных объединений, состав которой утверждается главой государства. В ноябре 1999 г. парламент внес поправки в Закон *О политических партиях*, чтобы привести его в соответствие с декретом. Кроме того, вносилась норма, согласно которой в названиях партий не могут быть использованы слова *народный* и *национальный* в любых падежах.

В июне 2003 г. в Закон было внесено еще одно дополнение, которое позволяло запретить партию через Верховный суд даже за однократное нарушение закона о массовых мероприятиях, что существенно ограничило деятельность политических организаций, связанную с массовыми акциями протеста. В 2005 г. были введены меры уголовной ответственности за деятельность от имени незарегистрированной организации [64].

Правые партии. Эту нишу в Беларуси занимает **Консервативно-христианская партия БНФ (КХП-БНФ)**. Партия была основана в 1999 г. теми представителями ПБНФ, которые на VI съезде поддержали кандидатуру З. Позняка в качестве лидера организации.

Программа КХП-БНФ носит ярко выраженный *национальный характер*. При этом понимание национализма является скорее этническим, чем гражданским. Главной ценностью партии провозглашается белорусский народ, под ним понимаются все жители Беларуси, “которые уважают ее язык, культуру, государство, законы, традиции и землю... Белорусский народ един... Он существует до тех пор, пока существует белорусский язык, который представляет собой духовное проявление, материализованную душу нации”. Поэтому КХП-БНФ стремится обеспечить реальную государственную опеку белорусскому языку, его возрождение и превращение в средство коммуникации общества. Представителям национальных меньшинств гарантируются их права с помощью широкого развития культурно-национальных автономий.

Программный документ КХП-БНФ пронизан также *консервативными принципами*. Прежде всего, это идеи верховенства общего добра, моральности

политики, солидарности поколений и ответственности живущих людей перед своими предками и потомками. Партия заявляет о необходимости утверждения паритета в отношениях между правами человека и ценностями общества. “Беларусь – это страна христианской веры и христианской культуры. Христианские ценности стали частью нашего национального мировоззрения и национального характера, повлияли на традиции белорусской культуры. В настоящее время мы являемся многоконфессиональным христианским народом, для которого конфессиональная толерантность является необходимостью”. При этом подчеркивается, что автокефальность всех церквей, действующих на территории Беларуси, позволила бы установить равноправные отношения между ними и независимым белорусским государством.

В политической области КХП-БНФ выступает за формирование правового государства и проведение глубоких *демократических реформ*. Партия хотела бы осуществить переход к парламентской республике как наиболее оптимальной форме правления для Беларуси, а также к мажоритарно-пропорциональной избирательной системе. Важное место в программе занимает реформа местного управления, ликвидация областей и переход к двухуровневой модели советов и волостей при строгом соблюдении принципов субсидиарности и независимости органов местного самоуправления от государственной власти. В экономической сфере КХП-БНФ ратует за формирование *социальной рыночной экономики*. Частная собственность (в том числе и на землю) в перспективе должна стать доминирующей, но государство призвано регулировать рынок. Оно должно обеспечить достойные условия жизни людей с помощью проведения активной социальной политики, защиты окружающей среды, содействия развитию здравоохранения и образования.

В области внешней политики КХП-БНФ призывает отказаться от односторонней ориентации на Россию и денонсировать неравноправный союзный договор с этим государством, который был навязан Беларуси российским руководством. Поскольку конституционные принципы нейтралитета РБ были грубо нарушены РФ, партия не видит других путей для обеспечения безопасности и территориальной целостности государства, кроме вступления Беларуси в НАТО и превращения западного вектора белорусской внешней политики в преобладающий. Для нашей страны приоритетом во внешней политике должны стать отношения со странами, лежащими в бассейнах Балтийского и Черного морей [65].

На наш взгляд, ни программа КХП-БНФ, ни ее политический курс не позволяют называть эту организацию “сверхправой партией радикального толка, аналогом которой во Франции может считаться партия Ле Пен” [66]. Такая оценка была дана политологом Михаилом Плиско; она является абсолютно некорректной. КХП-БНФ отличается от других национал-демократических организаций только тем, что начиная с 1999 г. она отказывается от сотрудничества с политической оппозицией, обвиняя ее в “предательстве национальных интересов”. КХП-БНФ бойкотировала все парламентские и местные выборы в Беларуси, но ее лидер – З. Позняк регулярно выдвигал свою кандидатуру во время президентских кампаний. Репрессии властей, а также регулярное неучастие в нелегитимных выборах и отказ от

взаимодействия с другими партиями привели к превращению КХП-БНФ в одну из наиболее малочисленных и невлиятельных организаций оппозиции.

Правоцентристские партии. К организациям этого типа прежде всего следует отнести **Партию БНФ (ПБНФ)**, основанную в 1999 г. политическими оппонентами З. Позняка, которые поддержали кандидатуру В. Вячорки в качестве своего лидера после раскола Белорусского народного фронта. Программа организации была принята на VI съезде ПБНФ в декабре 2002 г. В качестве важнейшей стратегической цели в документе декларируется европейский выбор Беларуси, поэтому многие журналисты и политологи называют ее “европейской программой БНФ”.

В программе подчеркивается, что партия и общественное объединение *Адраджэньне* солидаризируются с традициями европейских народных, консервативных и христианско-демократических партий. Я бы добавил сюда и *либеральные традиции*, которые проходят красной нитью сквозь весь документ. Человек провозглашается важнейшей ценностью, а БНФ считает своим долгом защищать права и свободы личности. Партия выступает за создание равенства возможностей для реализации способностей людей. Право на частную собственность провозглашается одним из фундаментальных прав человека. Справедливость понимается как равенство всех людей перед законом и отсутствие дискриминации по социальным, расовым, половым или национальным признакам.

Что касается *консервативных принципов*, то они также представлены, но звучат приглушенно по сравнению с программой КХП-БНФ. К ним относится белорусская культурная традиция, которая, по мнению авторов документа, является одновременно и европейской, моральность политики, семейные ценности. Национальная идея в интерпретации партии предстает как *гражданский*, а не этнический *национализм*. Хотя эта позиция и не получила последовательного выражения. Например, в программе утверждается, что “национальная идея для нас – это белорусский народ в наилучших его культурных, научных, экономических и других достижениях, признанных в мире, это культурное, высокообразованное и свободное белорусское общество (не понятно, входит ли в белорусский народ “несознательная” часть общества. – замеч. авт.). Наконец, к традициям относится и *христианские ценности*, которые партия стремится защищать в рамках светского государства и религиозной толерантности, с давних пор присущей белорусам.

В политической области Партия БНФ выступает за утверждение принципов правового государства и проведение глубоких демократических реформ. Руководство этой организации склоняется к превращению Беларуси в *парламентскую республику*. Правда, непонятно, каким образом оно собирается совершить эту трансформацию, оставаясь верным программному положению: “Мы выступаем за разделение и независимость законодательной, исполнительной и судебной власти”. Как указывал Дюверже, разделение властей – это важнейший признак президентской республики, парламентская же система характеризуется сотрудничеством властей. ПБНФ хотела бы также перейти к мажоритарно-пропорциональной избирательной системе.

Экономическая часть программы Партии БНФ пронизана либеральными идеями. “Эффективная экономика опирается на объективные факторы – право человека на выбор, частную собственность, равенство всех перед законом. Конкурентный рынок вознаграждает трудолюбие, разум и инновации, а наказывает лень и безответственность. Поэтому рыночная экономика является моральной и этической системой”. Организация выступает за приватизацию промышленности, введение частной собственности на землю и реформирование агропромышленного комплекса. Документ содержит интересные предложения по преобразованию социальной политики государства.

Внешнеполитическая программа ПБНФ идет дальше требований КХП, предлагая не только вступление в НАТО, но и полную интеграцию в ЕС и присоединение к *зоне евро*. Но и эта часть документа не свободна от противоречий. Например, белорусские национал-демократы выступают за присоединение к *Европе Отечества*, в то время как в настоящее время доминирующей позицией истеблишмента в Брюсселе является создание европейской федерации. Позицию, требующую сохранения конфедерации, чиновники ЕС называют *евроскептицизмом*. Трудно понять, каким образом можно обеспечить реализацию важнейшего внешнеполитического требования партии, оставаясь евроскептиком [67].

Несмотря на серьезные трудности и внутренние проблемы, которые обострились после президентской кампании 2006 г. (они были связаны с попыткой некоторых молодых политиков подчинить ПБНФ Движению *За Свободу*), партия остается одной из влиятельных оппозиционных организаций. Сокращение численности не позволяет ей играть ведущую роль среди демократических организаций, как это было в 1990-е гг. Однако прежнее руководство (В. Вячорка, Л. Борщевский) делали и делают все возможное для трансформации ПБНФ в важного коалиционного игрока в рамках Объединенных демократических сил. Это особенно важно, потому что персоналистский авторитарный режим в Беларуси, опирающийся на поддержку со стороны России, невозможно победить усилиями отдельных политических структур. В сентябре 2009 г. новым председателем ПБНФ стал А. Янукевич, который заявил, что партия будет дистанцироваться от ОДС.

В феврале 2009 г. прошел учредительный съезд **Белорусской христианской демократии (БХД)**. Эта организация еще не зарегистрирована, но известна, благодаря проведению самой массовой в новейшей истории Беларуси кампании по сбору подписей за внесение изменений в *Закон о свободе совести*, который содержит статьи дискриминирующие права верующих. Всего было собрано 50 тыс. подписей, они были отправлены президенту, в парламент и в некоторые международные структуры. Организация рассматривает себя в качестве продолжателя дела партии с аналогичным названием, действовавшей на территории Западной Беларуси в 20-е гг. прошлого века.

“Белорусские христианские демократы выступают за честную, моральную и ответственную политику; за защиту христианских ценностей во всех сферах жизни; за верховенство закона как основы справедливого государственного устройства; за государство, которое создает максимально благоприятные условия для развития семьи и расцвета личности; за независимость Беларуси; за частную собственность как гарантию индивидуальной свободы; за развитие белорусской культуры и диалог с другими культурами; за разумное экологическое хозяйствование на своей земле; за открытую политику в отношениях со всем миром; за сильное местное самоуправление; за упрощение бюрократических процедур и снижение налогов; за свободу совести и христианскую толерантность” [68].

Партия позиционирует себя как альтернативу не только действующей власти, но и оппозиции, которая за долгие годы борьбы с режимом оказалась не в состоянии добиться ощутимого успеха. Свое место БХД видит в коалиции правоцентристских сил, выступающих за независимость государства, возрождение белорусской культуры, “в ней не должно быть места национал-большевистским и коммунистическим силам” [69]. Основателями партии стали 1073 человека. Во главе организации находятся четыре сопредседателя: П. Северинец (бывший лидер *Молодого фронта*), А. Шеин, В. Римашевский и Г. Дмитрук.

Правоцентристской политической организацией считает себя и **Движение За Свободу** (см. вставку 21.3).

ВСТАВКА 21.3

Движение За Свободу

Движение *За Свободу* было зарегистрировано с четвертой попытки в декабре 2008 г. Оно стоит особняком среди политических организаций Беларуси. Движение состоит в основном из членов неправительственных организаций, его костяк составляют региональные ресурсные центры, которые обеспечили выдвижение А. Милинкевича единым кандидатом ОДС на президентских выборах 2006 г. Общая численность составляет порядка 1200 чел. Как отмечается в *Кратком обзоре деятельности за 2007–2008 гг.*, стратегическими целями Движения *За Свободу* являются: “демократизация общественно-политической жизни; усиление независимости страны; развитие гражданского общества и защита прав человека; постепенная интеграция Беларуси в Евросоюз”. Большинство из указанных целей носят ярко выраженный политический характер, их достижение невозможно без осуществления борьбы за власть и ликвидацию авторитарного режима. Однако когда мы рассматриваем пути достижения поставленных целей, то оказывается, что среди них преобладают неполитические, обычно свойственные неправительственным организациям, но не политическим партиям.

К собственно политическим формам активности можно отнести только отмеченные в обзоре *гражданские кампании*: протесты против отмены социальной поддержки граждан, акции в защиту прав верующих, протесты против разрушения памятников истории, проведение года памяти жертв

политических репрессий, акции против строительства АЭС, поддержка протестов предпринимателей, Европейский марш 2007 г., празднование *Дня Волі* в 2008 г., проведение *Чернобыльского шляха* в 2008 г. К политическим мероприятиям относится также и *Кампания за свободные выборы*, организованная Движением по поручению ОДС во время парламентских выборов 2008 г. Очевидно, что все вышеперечисленные кампании носили коалиционный характер.

Их организовывали оргкомитеты, в состав которых входили представители разных оппозиционных партий и неправительственных организаций. Попытка приписать заслуги в проведении перечисленных акций Движению *За Свободу* только на том основании, что некоторые люди из него участвовали в работе ОК или несли транспаранты и флаги с символикой *За Свободу*, является некорректной.

Если в своем понимании политики Движение *За Свободу* осталось на старых позициях, в целом характерных для неправительственных организаций, но не партий, то существенную метаморфозу за последние три года претерпело отношение его руководства к режиму А. Лукашенко. В ходе кампании единого кандидата и сразу после поражения на выборах 2006 г. А. Милинкевич позиционировал себя как убежденного противника белорусских властей. Он не устал раздавать обещания о том, что с помощью Движения *За Свободу* и проведения ряда массовых ненасильственных акций протеста авторитарное правительство будет свергнуто, в стране пройдут досрочные свободные справедливые выборы, которые и откроют для Беларуси путь в демократическое и европейское будущее.

Однако после того как часть руководства Евросоюза, уставшая ждать чуда от белорусской оппозиции, решила пойти по пути налаживания прямого диалога между Брюсселем и Минском, кардинально изменилась и позиция Движения *За Свободу*. В ряде интервью и публичных выступлений А. Милинкевич поддержал отмену санкций Запада против отдельных представителей белорусских властей, а затем стал говорить о необходимости разработки так называемой дорожной карты для Беларуси, с помощью которой эволюционным путем можно обеспечить поворот страны к рыночной экономике, демократии и европейским ценностям. Выступая на саммите Европейской народной партии в марте 2009 г., лидер Движения *За Свободу* заявил: «Когда мы думаем о судьбе белорусов, нужно проводить политику дозированного пряника, а не кнута. Такая политика будет более плодотворной и перспективной». Политик аргументировал свою позицию необходимостью обеспечить независимость Беларуси, которой угрожает Россия.

Метаморфоза Милинкевича была по достоинству оценена Лукашенко. В интервью *Reuters* в мае 2009 г. глава государства заявил, что готов сотрудничать с прагматичной частью оппозиции. «Если какие-то граждане готовы работать в интересах народа, мы, в свою очередь, готовы гласно и открыто их призывать... Мы предлагаем: начинайте работать по специальности. Мы не будем препятствовать и очень быстро будем продвигать по служебной лестнице». В качестве положительного примера А. Лукашенко привел А. Милинкевича, который отказался подписать оппозиционное обращение Евросоюзу с призывом не пускать белорусского президента на саммит в столицу Чехии Прагу.

По нашему мнению, безоговорочная поддержка Евросоюзом Республики Беларусь укрепит не суверенитет Беларуси, а независимость диктатора, который получит искомую передышку в период экономического кризиса. При этом сам белорусский режим не собирается отказываться от особых отношений с Россией, которые действительно угрожают государственной независимости. Этот режим не собирается отказываться и от пресловутой культурной политики, направленной на тотальную русификацию населения, поэтому он заслуженно именуется многими демократами как антибелорусский. Таким образом, современная политическая трансформация Движения *За Свободу* дает все основания говорить о его переходе на позиции прагматичного сотрудничества с властями, граничащие с *квазиоппозиционными* [70].

Центристские партии. Центр белорусского оппозиционного политического спектра занимают две либеральные партии: ОПП и ПСП. Программа **Объединенной гражданской партии (ОГП)** была принята на первом учредительном съезде в октябре 1995 г. В дальнейшем она кардинально не менялась, но в 2007 г. партийная фракция на Конгрессе ОДС приняла Стратегию интеграции Республики Беларусь в Европейский Союз.

Партия позиционирует себя как *либерально-консервативную* политическую силу. Как утверждается в программе ОГП, «центральное место в либерализме и консерватизме занимает идея свободы и прав человека. Но свобода не только непреходящая общественная ценность – она является основой правопорядка, ответственности и высоконравственных отношений между людьми. Идея же равенства не должна служить орудием борьбы со свободой, но все люди должны иметь равные права и возможности для реализации своих неравных способностей» [71]. Следует заметить, что только современный консерватизм рассматривает свободу и права человека в качестве важных идеалов. ОГП провозглашает своими ценностями: право любого человека или группы людей отстаивать свои представления о счастье; неотчуждаемость личных и гражданских прав; защиту частной собственности; развитие свободного конкурентного предпринимательства; ориентацию на реформы, которые не должны пониматься как голое отрицание; непреходящее значение семейных ценностей; утверждение демократии как механизма, ведущего к уважению прав меньшинств; белорусское независимое государство, понимаемое как «надэтническое, равно служащее всем гражданам, независимо от их национальности, вероисповедания и убеждения».

Программа ОГП содержит ясную и последовательную программу проведения *рыночных экономических преобразований*. Целью партии в этой сфере является создание эффективной и динамичной социальной рыночной экономики на основе частной собственности. Важнейшим средством достижения поставленной цели ОГП считает рост эффективных инвестиций, которые, в свою очередь, можно привлечь в результате приватизации, денежно-кредитной стабилизации и сбалансированной бюджетной политики государства. Для достижения успеха реформ необходим новый правовой порядок, не допускающий произвола в экономике, гарантирующий свободную конкуренцию и соблюдение прав собственников. Приватизация должна распространяться и на землю. Основная идея земельной реформы – дать право крестьянам бес-

препятственно выделяться из колхозов и совхозов вместе с земельными и имущественными паями, получаемыми тружениками села безвозмездно.

Успешная реформа экономики позволит, по мнению авторов программы, обеспечить *социальную защиту* населения, в том числе права безработных. В условиях реального ограничения возможностей государства по обеспечению граждан жильем необходимо реализовывать программы строительства социального жилья для малообеспеченных слоев населения. Остальные категории граждан должны покупать жилье за счет собственных средств и доступа к льготным кредитам. Партия считает, что необходимо ликвидировать монополию государства на обеспечение медицинским обслуживанием. В программе ОГП утверждается, что “государство, допускающее прозябание культуры, образования и науки, – государство без будущего. Финансирование науки и образования – это стратегическое инвестирование” [72]. На наш взгляд, эти идеи выглядят достаточно популистскими, потому что совершенно непонятно, откуда должны быть взяты бюджетные средства на эти цели, когда проводится радикальная рыночная реформа.

ОГП также заявляет о необходимости осуществления глубокой *политической реформы*. Это предполагает создание правового государства и гражданского общества, утверждение профессионального парламента, осуществление реформы местного самоуправления с прямыми выборами глав местной администрации, восстановление независимости судебных органов от исполнительной власти. В программе ничего не сказано об изменении формы правления в Беларуси, из чего следует, что партия считает президентскую республику моделью, вполне подходящей для развития демократии. Такой подход критикуется представителями некоторых других партий и независимыми экспертами, которые приводят убедительные аргументы в пользу необходимости перехода к парламентской республике.

Программа содержит также раздел, посвященный национальной политике. Его содержание позволяет сделать вывод о том, что Объединенная гражданская партия стоит на позициях *гражданского национализма*. Она утверждает, что белорусский народ – это все граждане страны, вне зависимости от их этнического происхождения. Вопрос о национальной принадлежности решается самостоятельно каждым гражданином, у которого есть также право выбора языка обучения и воспитания своих детей.

Существенно изменился раздел программы, посвященный внешнеполитической ориентации Беларуси. Если в программе 1995 г. говорилось о гарантировании абстрактных национальных интересов, то после принятия Стратегии интеграции Беларуси в Евросоюз в 2007 г. партия заявила о том, что интересы Республики Беларусь заключаются в получении полноценного членства в Европейском Союзе [73].

Объединенная гражданская партия является одной из немногих организаций оппозиции, которой удалось избежать расколов, если не считать таковым формирование на базе *Гражданского форума* (молодежной организации белорусских либерал-консерваторов) самостоятельной Партии свободы и прогресса. ОГП является также одной из наиболее многочисленных оппозиционных структур: в мае 2009 г. ее численность достигала 3 600 чел. С 2000 г. председателем ОГП является бывший депутат Верховного Совета XIII созыва А. Лебедько.

Партия проводит последовательную политику кооперации с широким блоком оппозиционных организаций. В настоящее время она входит в Объединенные демократические силы (ОДС).

В апреле 2009 г. состоялся четвертый по счету учредительный съезд **Партии свободы и прогресса (ПСП)**, лидером которой является бывший депутат Палаты представителей второго созыва В. Новосяд. Эта организация позиционирует себя как либеральная партия, занимающая нишу политического центра.

В программе указывается, что важнейшими вызовами, с которыми столкнулась Беларусь в начале XXI в., являются: отсутствие гарантий права собственности, всевластие государства, незащищенность работающего человека, неоплаченное будущее страны (жизнь за счет подрастающих поколений), слабость закона, экологический вызов, негативные последствия глобализации, демографический вызов, информационный монополизм государства и неспособность адаптироваться к новым информационным технологиям.

Для того чтобы дать адекватные ответы на эти вызовы необходимо провести демократические реформы. Важнейшую роль должно сыграть разделение властей – основной защитный механизм свободы в обществе, “предохраняющий граждан от произвола тех, в чьих руках находится власть”. Необходимо также гарантировать соблюдение прав человека, обеспечить уважение особенностей разных культур жителей Беларуси, осуществить децентрализацию управления и провести реформу местного самоуправления.

Экономическая политика должна опираться на рыночные отношения, которые будет умело регулировать государство. Хозяйственной системе в целом следует ориентироваться не только на высокие темпы роста ВВП, но и на обеспечение устойчивого развития и экологической безопасности. Беларусь обязана найти свою нишу в международном экономическом разделении труда и вступить в ВТО.

В сфере социальной политики важнейшей ценностью партии является социальная справедливость. “Это одинаково уважительное отношение ко всем людям, их правам и свободам. Достижение такого равенства возможно лишь при активной социальной политике государства, основанной на перераспределении части национального дохода в пользу развития социальных гарантий и услуг”. Внешняя политика государства должна строиться на дружественных связях с соседями (Россией и Украиной в первую очередь) и постепенной интеграции Республики Беларусь в Европейский Союз [74].

Таким образом, данный документ выглядит в большей степени социально ориентированным, нежели программа ОПП, а идеология партии, на наш взгляд, относится к *социальному либерализму*. После президентской кампании 2006 г. ПСП оказалась среди членов Европейской коалиции *Свободная Беларусь*. Количество членов организации колеблется в пределах тысячи человек. В случае своей регистрации ПСП собирается принять самое активное участие в предстоящих местных и президентских выборах.

Левоецентристские политические организации. Нишу левоецентристских оппозиционных партий занимает несколько органи-

заций: две зарегистрированные социал-демократические партии, два оргкомитета по восстановлению организаций, одна незарегистрированная организация и партия зеленых. **Партия Белорусская социал-демократическая Грамада (БСДГ)** является старейшей организацией этого направления. Она считает себя правопреемницей Грамады, возглавляемой М. Ткачевым, который еще в начале 90-х гг. предпринял попытку создать левоцентристскую национально ориентированную политическую организацию. Программа партии была принята на II съезде в 1999 г.

Партия рассматривает себя составной частью международного социал-демократического движения, а также продолжателем традиций национальных левоцентристских организаций, которые восходят к Белорусской социалистической Грамаде (1905 г.). БСДГ разделяет такие *социал-демократические ценности*, как свобода, справедливость и солидарность, и дополняет их *национальной идеей* – “важнейшим из всех человеческих приобретений в сфере общественной жизни... Концепция государственности Беларуси должна опираться на соединение национального и государственного элементов. Государственная политика должна исходить из приоритета национальных интересов белорусов. Подлинное национальное возрождение других этнических групп невозможно без возрождения белорусского этноса” [75].

Задачей партии в *политической области* является возобновление деятельности Конституции 1994 г., немедленная ликвидация неограниченной власти президента, устранение государственной монополии на СМИ, придание статуса государственного только белорусскому языку. БСДГ также выступает за создание правового, социального и нейтрального белорусского государства. Будучи социал-демократической партией, Грамада хотела бы обеспечить *социальную защиту* широких слоев населения. Социальная справедливость в понимании партии – это равные возможности для всех в деле реализации их потенциала в трудовой сфере. Переход к рыночным отношениям необходимо соединить с созданием совершенной системы социальной защиты. В *экономической области* БСДГ ратует за социальную многоукладную экономику, где рыночная конкуренция сдерживается эффективным государственным регулированием. Экономика должна приобрести национально окрашенный характер за счет использования выгод геополитического положения Беларуси, развития традиционных белорусских ремесел, “демократической приватизации” и создания национальной белорусской буржуазии, возвращения крестьянам права выбора форм хозяйствования на земле.

Важнейшей своей *культурной задачей* партия считает сохранение белорусского этноса от ассимиляции. БСДГ выступает против политики двуязычия, которая направлена на недопущение белорусского языка во все сферы государственной и общественной жизни. Вместе с тем партия признает права каждой национальной группы в Беларуси учить детей на родном языке. В области *внешней политики* авторы программы хотели бы обеспечить: уменьшение экономической и военно-политической зависимости от России, нейтральный статус государства, развитие дружественных отношений с соседями, особенно с государствами, расположенными между Балтийским и Черным морями [76].

Таким образом, программа БСДГ выглядит наиболее “правой” среди всех основополагающих документов левоцентристских партий. Это объясняется составом организации, в которую входят в том числе и активисты Белорусской национальной партии, не прошедшей перерегистрацию в 1999 г. БСДГ не является многочисленной структурой (злые языки давно причисляют организацию к так называемым “диванным партиям”, члены которых могут легко разместиться на одном таком предмете мягкой мебели). С момента основания Партии БСДГ ее возглавляет бывший председатель Верховного Совета XII созыва С. Шушкевич. Формально организация входит в Объединенные демократические силы, но ее положение в этой коалиции не является прочным, а С. Шушкевич, например, не был избран одним из сопредседателей ОДС на Конгрессе в 2007 г.

Белорусская социал-демократическая партия (Грамада) была создана активистами Белорусской социал-демократической партии (Народная Грамада), которые находились в оппозиции по отношению к своему лидеру Н. Статкевичу в июне 2005 г. Через месяц на внеочередном съезде председателем организации был избран бывший ректор Белгосуниверситета А. Козулин. В 2006 г. БСДП (Г) выдвинула его кандидатом на президентских выборах. Вскоре Козулин был брошен за решенку за “слишком активное” участие в кампании. В августе 2008 г. на внеочередном съезде политик, который тогда еще отбывал наказание, был заменен на должности председателя своим первым заместителем А. Левковичем. Такое решение кадрового вопроса в БСДП (Г) дало основание многим людям в Беларуси и за ее пределами усмотреть за этим делом происки верховной белорусской власти (см. вставку 21.4).

ВСТАВКА 21.4

Политический портрет А. Козулина

Александр Козулин родился в 1955 г. в Минске. В 1980 г. он окончил Белорусский государственный университет, а в 1988 г. – аспирантуру БГУ, получив степень кандидата физико-математических наук. А. Козулин работал преподавателем, доцентом, деканом подготовительного отделения Белгосуниверситета. В конце 80 – начале 90-х гг. он перешел в Министерство образования, а в 1996 г. защитил докторскую диссертацию по педагогике. В том же году Козулин был избран ректором Белгосуниверситета. При нем этот крупнейший вуз страны получил дополнительные возможности для развития. В 2003 г. совершенно неожиданно для многих А. Козулин был уволен с этой должности и публично обвинен президентом в злоупотреблениях служебным положением. Впрочем, прокуратура так и не нашла компромат в действиях бывшего руководителя БГУ. Подлинной же причиной увольнения стало голосование значительного числа студентов университета против Лукашенко на выборах 2001 г.

В 2005 г. А. Козулин становится лидером Белорусской социал-демократической партии (*Грамада*). Эта же организация номинировала его в качестве кандидата на должность президента на выборах в 2006 г. Многих удивила необыкновенная напористость и целеустремленность кандидата от БСДП (Г) на последнем отрезке кампании. Блестящее выступление по БТ без преувеличения приковало к себе внимание всей страны. В день открытия Всебелорусского народного собрания (2 марта 2006 г.) Козулин предпринял попытку зарегистрироваться в качестве делегата и выступить с критической речью в адрес Лукашенко.

Когда милиция помешала ему сделать это, Козулин пошел напролом. Завязалась потасовка, а избитый кандидат в президенты несколько часов провел в одном из минских отделений милиции. Он проявил себя смелым и мужественным “уличным политиком”. На День Воли 25 марта 2006 г. именно бывший ректор БГУ возглавил мирное шествие к Окрестино, чтобы выразить солидарность с задержанными накануне сотнями защитников палаточного лагеря на Октябрьской площади Минска. После этой мирной демонстрации, жестоко разогнанной милицией, экс-кандидат был арестован и вскоре приговорен к пяти с половиной годам лишения свободы за хулиганские действия.

Решительные и уверенные действия Козулина и его заявление в телевизионном выступлении о том, что он, став президентом, не будет ухудшать отношения с Россией, а наоборот, сделает их взаимовыгодными, укрепили мнение тех людей в Беларуси, которые увидели в бывшем ректоре Белгосуниверситета кандидата Кремля. В эту версию, скорее всего, поверил и сам Лукашенко, потому что все последующие события в стране, вплоть до дня голосования, проходили под знаком очевидного нервного срыва главы государства. Его действия по мобилизации чиновников и руководителей силовых структур, истеричная пропаганда по телевидению и радио, рекламные ролики “выбериай лучшего”, были неадекватной реакцией на ситуацию. Арестовав экс-ректора, А. Лукашенко отомстил А. Козулину, который, безусловно, рассматривался им в качестве гораздо более опасного противника, чем А. Милинкевич.

Трудно сказать, какие причины побудили Козулина действовать именно так. Если поведение политика расценивать как провокацию, направленную на получение благосклонной для себя реакции Кремля, то он не добился и не мог добиться поставленных целей. Более того, молчаливое согласие российского руководства с арестом Козулина и вынесением ему сурового приговора стали частью плана Москвы, направленного на умиротворение минского диктатора. После Оранжевой революции в Украине Россия сделала ставку на сохранение авторитарного статус-кво на пока что подконтрольном ей постсоветском пространстве, и в первую очередь в Беларуси.

В заключении Козулин держал себя мужественно. Он объявил голодовку, которую остановил только на 53-й день, когда Совет Безопасности ООН включил вопрос о нарушении прав человека в Беларуси в повестку дня (против этого выступала Россия – один из постоянных членов Совбеза). Вопрос об освобождении Козулина регулярно поднимался западными дипломатами и политиками.

Благодаря беспрецедентному давлению со стороны ЕС и США, официальный Минск вынужден был пойти на уступки и освободить экс-кандидата в августе 2008 г.

В то время казалось, что белорусская оппозиция наконец получит харизматичного лидера, который может обеспечить ей успех в борьбе с авторитарным режимом. Ведь в краткосрочной перспективе именно Козулин лучше других белорусских политиков подходил на роль “терминатора” лукашенковской системы правления.

Однако, как и в 2006 г., его потенциал оказался невостребованным. Для некоторых лидеров в ОДС, Движении *За свободу* и других структурах политик – опасный конкурент. Для других, не обладающих амбициями “оппозиционеров по профессии”, Козулин стал излишне активным, мешающим рутине партийной работы (точнее, ничегонеделания).

Известно, что незадолго до освобождения своего председателя БСДП (Г) пошла на беспрецедентный шаг, поменяв лидера. В декабре 2008 г. Козулин сдал партийный билет.

За последнее время серьезно изменилась общая политическая ситуация и оценка некоторыми влиятельными должностными лицами в новых и старых странах Евросоюза режима Лукашенко (ориентация на безусловный диалог с белорусским диктаторским режимом). Козулин назвал такую позицию “лицемерной, свидетельствующей о том, что Европа отступает от своих моральных ценностей”. Во время саммита в Праге в мае 2009 г., давшего старт политике *Восточное партнерство*, Козулин поставил свою подпись под текстом обращения к Евросоюзу с изложением условий участия Беларуси в этой важной европейской инициативе вместе с И. Сурвиллой, З. Позняком и С. Шушкевичем.

Тем не менее, все еще сохраняются опасения, что Козулин в этой непростой ситуации может пойти на поводу у некоторых российских политиков, которые пытаются использовать заигрывание с ним и некоторыми другими представителями белорусской оппозиции для оказания давления на Лукашенко и получения от него важных уступок, подрывающих государственный суверенитет Беларуси. Правда, после беседы с председателем Комитета по делам СНГ российской Госдумы А. Островским в августе 2009 г. Козулин опроверг предположения о том, что Москва собирается оказывать ему поддержку в его возвращении в большую политику [77].

Программа БСДП (Г) полностью копирует основополагающий документ БСДП (НГ), принятый в июне 1996 г. Лишь незначительные правки в текст были внесены в июне 2004 г. Документ выглядит как классическая декларация принципов социал-демократической организации. В этом плане он выгодно отличается от программы БСДГ. Например, партия противопоставляет себя не только коммунистам, но и либералам, хотя и признает их вклад в разработку идей прав человека, демократии и правового государства. В программе подробно рассматриваются составные компоненты *демократического социализма*: экономическая демократия, социальная демократия и политическая демократия. Подробно рассматриваются также базисные принципы социал-демократии: свобода, справедливость, равенство, солидарность. Партия считает, что белорусский язык и культура должны занять достойное место в жизни общества

как один из государствоутверждающих факторов. При этом указывается, что должны быть созданы условия для развития культур всех национальных групп Беларуси.

В *политической сфере* БСДП (Г) декларирует необходимость перехода Республики Беларусь к парламентской форме правления, введения мажоритарно-пропорционального избирательного законодательства, проведения реформы местного самоуправления на основе принципов Европейской хартии. Должны быть также восстановлены права и свободы, гарантированные Конституцией РБ, и независимость судебных органов власти.

В *экономической области* программа БСДП (Г) ориентирована на создание социальной рыночной экономики, основанной на многоукладности форм собственности и использовании элементов планирования. Переход к подобной модели – это длительный процесс, “который не должен сопровождаться ограничением социальных прав наемных работников и всех граждан” [78]. Данный тезис, на наш взгляд, носит откровенно популистский характер, который будет трудно реализовать в случае прихода партии к власти. Программа предусматривает ряд мер, направленных на создание социального государства. Одним из них является требование отмены контрактной системы (эта норма появилась в тексте в 2004 г.). Белорусская экономика должна быть “экологически ответственной”, базирующейся на активном внедрении в производство новейших достижений науки и техники.

Относительно новой является та часть программы БСДП (Г), которая касается *внешнеполитической стратегии* организации. Она декларирует желательность полноценного членства Республики Беларусь в Евросоюзе, параллельно планируется поддерживать отношения стратегического партнерства с Российской Федерацией и даже содействовать интеграции в ЕС России, Украины и Молдовы. Республика Беларусь должна стать нейтральным государством [79].

После президентских выборов 2006 г. БСДП (Г) стала активным членом Объединенных демократических сил, получив на Конгрессе 2007 г. место одного из сопредседателей в коалиции. Вместе с тем в мае 2009 г. Президиум ОДС осудил позицию А. Левковича, высказанную им в публикации в *Советской Беларуси*, которая содержала резкую критику деятельности оппозиции за ее радикализм и неготовность идти на налаживание отношений с властями. Данный материал был представлен автором как позиция одного из лидеров ОДС, а не личное мнение. Партии не удалось остановить процесс выхода из организации целого ряда активистов. По данным на 2008 г., ее численность не превышала 1,5 тыс. чел.

Оргкомитет по восстановлению деятельности **Белорусской социал-демократической партии (Народная Грамада)** (БСДП (НГ)) с 2005 г. возглавляет известный белорусский политик Н. Статкевич. Интересно, что в 2005 г. он оказался почти в такой же ситуации, в которую попал его преемник на посту председателя партии А. Козулин тремя годами позже. За активное участие в акциях протеста против итогов референдума 2004 г. Статкевич был приговорен к принудительным работам (“химии”). В то время, когда лидер отбывал

наказание, в партии произошел внутренний переворот, который был организован А. Левковичем. В настоящее время Н. Статкевич, являясь председателем Европейской коалиции *Свободная Беларусь*, активно готовится к проведению Конгресса проевропейских сил. На нем планируется обсудить вопрос о выдвижении кандидата на президентских выборах 2011 г. Поскольку программа БСДП (НГ) является копией программы БСДП (Г), проанализированной выше, мы отсылаем читателей к этому тексту.

В ноябре 2007 г. решением Верховного суда была ликвидирована одна из самых известных белорусских политических организаций **Белорусская партия женщин *Надзея***. Относительная популярность партии (более высокий рейтинг, чем у коллег) связана не с успехами в политической деятельности, а с удачным названием. “Надзея” – это не только женское имя, но и “надежда” в переводе с белорусского языка.

Программа партии была принята на II съезде в 1996 г. и дополнена на III съезде в 1999 г. Партия была создана активистами профсоюзного движения Беларуси. Это обстоятельство, а также акцент на гендерном равенстве отличает данный документ от программ других социал-демократических партий. *Надзея* позиционирует себя как прогрессистскую организацию, которая ставит на первый план защиту интересов женщины-матери и женщины-труженицы. Партия выступает за правовое государство и развитие институтов демократии. Она ратует за защиту прав женщин на участие в профессиональных объединениях, различных политических партиях и движениях. Женская партия поддерживает построение социально ориентированной рыночной экономики, основанной на многообразии и равноправии форм собственности. В социальной области она выступает за такую политику государства, которая позволит свести к минимуму неизбежные издержки и трудности перехода к рынку и демократии. В сфере внешней политики *Надзея* выступает за миролюбивый курс и сбалансированные отношения независимой Беларуси с Евросоюзом и странами СНГ. Партия рассматривает себя как организацию с очень широкой социальной базой: от профактивистов до членов молодежных и студенческих организаций [80].

Председателем оргкомитета по возрождению партии является Е. Язькова. Она выступает за развитие самого тесного сотрудничества обновленной *Надзеі* с Объединенными демократическими силами (ОДС).

В 2004 г. Министерством юстиции была ликвидирована еще одна политическая структура, созданная демократическими профсоюзами. Речь идет о Белорусской партии труда (БПТ). Через год был сформирован оргкомитет по созданию на базе этой партии **Белорусской партии трудящихся (БПТ)**. Председателем ОК стал лидер белорусских *трудовиков* А. Бухвостов.

В отличие от Белорусской партии труда, Белорусская партия трудящихся своей социальной базой считает всех лиц наемного труда: от рабочих до инженеров и врачей. Проект программы рассматривает представителей мелкого и среднего бизнеса, которые зарабатывают на жизнь личным трудом, также группой, могущей поддержать создаваемую партию. В то же время БПТ не хочет порывать связи с демократическими профсоюзами, видя в них свое преимущество перед другими белорусскими партиями социал-демократического толка. Партия трудящихся обладает четким видением основных приоритетов: “демократия, свободы и права человека, равноправие перед законом, эффективная экономика, социальные гарантии, достойный уровень жизни”. Как указывает А. Бухвостов, только достижение первых в этом списке целей, позволит обеспечить получение и последних. Партия разводит такие понятия, как рынок и капитализм. Она ратует за построение в Беларуси многоукладной социально ориентированной рыночной экономики. Действующую в стране систему БПТ называет своеобразной версией государственного капитализма, где собственность оказалась в руках одного человека – президента, нанимающего правительство для контроля и распоряжения имуществом. Такая система порождает невиданную эксплуатацию всех лиц наемного труда, против чего и собирается бороться новая политическая организация [81].

В конце июля 2009 г. прошел учредительный съезд организации. Лидер партии А. Бухвостов призвал к более тесному сотрудничеству между белорусскими партиями социалистической и социал-демократической ориентации. В 2007 г. по инициативе оппозиционных коммунистов прошел форум по созданию Союза левых партий. В том же году на Конгрессе демократических сил была основана фракция *Союз труда* в составе ПКБ, БСДП (Г), оргкомитета БПТ и партии женщин. В случае регистрации БПТ она продолжит эти усилия, которые беспокоят белорусские власти. Количество членов созданной Партии трудящихся, как и женской партии *Надзея*, колеблется в пределах тысячи человек.

В июле 2007 г. Министерство юстиции ликвидировало старейшую экологическую партию – Белорусскую экологическую партию зеленых *БЭЗ*, со штаб-квартирой в г. Гомеле. Таким образом, в нашей стране осталась только одна политическая организация экологического направления: **Белорусская партия Зеленые (БПЗ)**. Ее лидером в настоящее время является О. Новиков.

Программа БПЗ была принята на VI съезде в 1999 г. Она указывает, что человечество в XXI в. столкнулось с двумя глобальными проблемами: угрозой саморазрушения в случае развязывания термоядерной войны и угрозой разрушения естественного базиса своего существования. Чернобыльская катастрофа со всей очевидностью продемонстрировала, что экологические проблемы невозможно решить в одиночку. Партия считает, что главный путь решения лежит не в остановке экономического развития, а в переходе к органическому развитию человека, общества и природы. БПЗ признает приоритеты экологии над экономикой, политикой и идеологией, а также прав личности над правами государства. *Зеленые* позиционируют себя как *гуманистическую партию*.

Они противостоят всем формам господства человека над человеком и человека над природой. Без восстановления гармонии отношений между людьми невозможно утвердить и гармонию отношений между обществом и природой. *Зеленые* – это партия демократической ориентации. Она выступает за эволюционный путь развития, который дает возможность избежать опасности социальных кризисов, за принятие действенных мер, способных не допустить дальнейшего снижения жизненного уровня народа в переходный период проведения рыночных реформ. БПЗ категорически отрицает насильственные способы борьбы даже для достижения гуманных целей. Важнейшей формой деятельности партии являются мероприятия, направленные на формирование у населения и элиты экологической культуры. Помимо электоральных и парламентских методов борьбы, партия использует пикеты, митинги, демонстрации, забастовки, бойкоты вплоть до акций гражданского неповиновения [82].

Партия *Зеленых* не является многочисленной организацией. В 2008 г. она вышла из предвыборной коалиции ОДС во время проведения парламентских выборов.

Левые силы оппозиции представлены Партией коммунистов Белорусской, которая на XIV съезде в мае 2009 г. приняла решение об изменении названия. После первой сессии форума оппозиционных коммунистов делегаты остановили свой выбор на трех вариантах: **Белорусская партия левых, Партия Радзіма, Партия демократии и справедливости**. Окончательный выбор названия сделают делегаты второй сессии съезда, которая запланирована на осень текущего года. Необходимость ребрендинга руководство партии объясняет старением организации и слабым притоком молодых людей, многих из которых отпугивает слово “коммунистическая”. Как признал лидер ПКБ С. Калякин, численность организации постепенно сокращается (по данным на 2007 г., в ней было чуть более 3100 членов). Ребрендинг вызван также стремлением левой оппозиции улучшить отношения с партнерами по ОДС, часть из которых весьма критично относилась к союзу с коммунистами. Осенняя сессия съезда рассматривает также изменения в уставе партии, которые, в частности, предусматривают наличие фракций. С. Калякин подтвердил приверженность партии марксистской платформе.

Партия коммунистов дважды пересматривала свою программу. Первый основополагающий документ был принят на V сезде в марте 1999 г. В нем подчеркивалось, что партия руководствуется марксистско-ленинским учением, осуждает распад СССР, вызванный подрывной деятельностью внутренних и внешних контрреволюционных сил. Партия высказывает мнение, что исторический спор между капитализмом и социализмом приведет в XXI в. к победе социализма во всемирном масштабе, а конечная цель – это построение коммунистического общества [83]. Этот документ содержал в себе большое количество догматических положений, которые утра-

тили свою актуальность в XXI в. Понимая это, руководство ПКБ пошло на принятие новой программы, которая была одобрена в мае 2003 г. на VII съезде в 2003 г. По словам лидера партии С. Калякина, она не будет пересматриваться на осенней сессии XIV съезда (сентябрь 2009 г.).

Действующая программа ПКБ была одобрена на VII съезде организации в 2003 г. Она по-новому отвечает на вопросы о конечных и ближайших целях партии, основных ценностях организации, причинах “временного поражения социализма” в СССР в начале 90-х гг. прошлого века. ПКБ осталась на *марксистских позициях* и рассматривает историю с позиций “борьбы за власть над средствами производства и распределением результатов труда. Партия убеждена, что движение к коммунизму – обществу, в котором высокоразвитые производительные силы и справедливые производственные отношения решат проблему удовлетворения разумных материальных потребностей человека и сделают ненужной эту борьбу, – есть объективная необходимость устойчивого развития человечества” [84].

Вместе с тем, как отмечается в документе, “ПКБ считает, что в соответствии с законами диалектики человеческое общество не имеет пределов развития. Поэтому *коммунистическая формация* рассматривается партией как современный взгляд на идеальное общество, в котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех... Основываясь на материалистическом понимании истории, ПКБ в реальной политике исходит не только из теоретических воззрений на то, каким должно быть общество, но и из реально существующих возможностей для его преобразования”. Другими словами, оппозиционные коммунисты уже не предлагают строить коммунизм, но лишь двигаться к нему, как к некоей идеальной цели.

Первоочередными задачами (*программой-минимум*) ПКБ считает осуществление следующих общедемократических задач:

- Обеспечение безусловного верховенства Конституции и законов в регулировании общественных, производственных и иных отношений.
- Создание условий для проведения свободных и справедливых выборов путем обеспечения политического многообразия в составе избирательных комиссий, исключения вмешательства в их работу чиновников.
- Возвращение народу права контроля над властью через расширение полномочий представительных органов.
- Возвращение парламенту статуса и функций единственного законодательного государственного органа, который избирается по смешанной пропорционально-мажоритарной системе.
- Создание необходимых условий и гарантий функционирования сильного и полномочного правительства, которое создается парламентом и подотчетно ему.
- Ликвидация зависимости судебной системы и органов прокуратуры от исполнительных органов власти путем изменения порядка назначения и освобождения от должности судей и прокуроров.
- Передача государственных средств массовой информации под общественный контроль, обладающий реальными полномочиями обеспечивать реализацию прав граждан на получение и распространение полной, достоверной и своевременной информации [85].

Эти положения практически ничем не отличаются от требований других оппозиционных партий, что и объясняет активное участие Партии коммунистов Белорусской в работе Объединенных демократических сил.

Претерпели существенные изменения и те части основополагающего документа оппозиционных коммунистов, которые относятся к *программа-максимум* (таковой для партии остается “создание предпосылок для возвращения Беларуси на социалистический путь развития”. Достижению этой цели должны способствовать не только “восстановление в конституционных правах общественной формы собственности”, но и “признание равноправия всех видов собственности”, “признание права любого гражданина Республики Беларусь на получение в пользование земли сельскохозяйственного назначения (с правом наследования); преобразование существующей в стране разрешительной системы деятельности субъектов хозяйствования; создание привлекательного климата для отечественных и зарубежных инвесторов; осуществление государственной поддержки отечественного малого и среднего бизнеса; поддержка хозяйств агропромышленного комплекса независимо от форм собственности” [86].

В области *государственного строительства* ПКБ по-прежнему выступает за “проведение конституционной реформы, обеспечивающей подлинное народовластие в форме Советов”, однако “при сбалансированном и эффективном взаимодействии законодательных, исполнительных и судебных органов” (с разделением властей. – замеч. авт.); “обеспечение гарантий реализации основных политических прав граждан – на участие в управлении государством, на самоуправление, на свободу убеждений и их беспрепятственное выражение, на свободу собраний и ассоциаций”. Партия отказалась от требования денонсации Беловежских соглашений и рассматривает в своей программе Республику Беларусь в качестве независимого государства.

В *духовной и гуманитарной областях*, в сфере межнациональных отношений ПКБ выступает за сохранение исторического и культурного наследия белорусского народа; предотвращение разрушения отечественной школы, образования и воспитания; развитие белорусской науки и культуры, а также культур других наций и народностей, проживающих на территории республики; осуществление свободы совести, равенства всех граждан, независимо от их религиозных или атеистических убеждений.

В области *внешней политики и национальной безопасности* ПКБ ратует за “реальное продвижение взаимовыгодных интеграционных процессов, в первую очередь с Российской Федерацией и Украиной, построение Союзного государства на принципах добровольности и равноправия. Восстановление в полном объеме отношений Республики Беларусь с зарубежными странами и межгосударственными структурами; поддержание обороноспособности страны на уровне, адекватном степени военной угрозы, восстановление высокого статуса военнослужащего” [87].

ПКБ, в отличие от многих других организаций белорусской оппозиции, еще не избавилась от иллюзорных, на наш взгляд, надежд на поддержку со стороны России в борьбе с режимом Лукашенко. Это объективно ослабляет позиции организации, делая ее заложницей доброй воли некоторых российских политиков. Кроме того, невозможно превратиться в *современную левую партию*, не став при этом

национальной партией. Таким образом, ПКБ, по нашему мнению, нужно еще приложить определенные усилия по модернизации своей программы, чтобы адаптировать ее к вызовам, которые ожидают Беларусь в XXI в.

В целом, белорусская политическая оппозиция выглядит гораздо более привлекательной по сравнению с лояльными режиму партиями, если оценивать степень разработанности их программных документов. Но реализовать свои принципы оппозиция не может уже более пятнадцати лет. Демократические партии прекрасно подготовлены к игре по демократическим правилам, но не по правилам персоналистского авторитарного режима. Они представляют собой организации парламентского типа, которым не оказалось места ни в Национальном Собрании, ни в местных Советах, потому что состав этих структур давно уже определяется не избирателями. Жесткая зависимость белорусских граждан от власти, которая с годами только усиливается, также объясняет слабость оппозиционных партий. Длительное пребывание в таком положении превратило оппонентов белорусского режима в обитателей изолированного гетто, не связанного с широкими слоями населения и не способного влиять на общественное мнение. Для многих политиков из оппозиции существование в рамках оппозиционной субкультуры стало привычным образом жизни, от которого они и не помышляют отказываться. Другими словами, из-за давления властей и собственной аморфности демократические политические организации в Беларуси трансформировались в *политические клубы*, которые относятся, скорее, к структурам гражданского, но не политического общества.

5. Особенности белорусской партийной системы

Существуют самые разные точки зрения на вопрос о характере партийной системы Беларуси. С одной стороны, официальная политическая наука или обходит стороной эту проблему, или объясняет неразвитость партийной системы *слабостью политических партий*, которые изображаются в виде эгоистичных и продажных структур, не способных завоевать доверие населения. Как следствие, они не могут обеспечить себе представительство в парламенте, а значит, и попасть в правительство.

А. Лукашенко в одном из своих выступлений, посвященных критике идеи формирования в Беларуси *партии власти* по российскому образцу, говорил буквально следующее:

“Поверьте: я не выстраиваю какую-то политическую структуру под себя, под своих сыновей. Я придерживаюсь той точки зрения, что партия должна сформироваться снизу. Если она будет востребована. Если люди ее на руках поднимут, то это будет жизненная партия. Посмотрим, перерастет ли *Белая Русь* (это название носит основной претендент. – зам. авт.) в такую организацию. Эта

партия не должна жить в обнимку с властью, она должна отстаивать интересы людей и быть опорой президента в его политике... Я нормально отношусь ко всем партиям и движениям, которые помогают нам строить жизнь. Пусть они будут оппозиционные, критически относятся к тому, что делает власть, но они стремятся помочь власти... Месяц назад я вызвал главу администрации президента и сказал, что буду принципиальнейшим образом рассматривать членство своих подчиненных – членов правительства, губернаторов – в этой организации. Я у него (чиновника) спрошу, почему он туда пошел, что ему там делать? Ему что, работы не хватает? У нас работы хватает и не надо ходить по партиям и организациям” [88].

Данная позиция нуждается в комментариях. Прежде всего обращает на себя внимание то, что Лукашенко разводит партии и власть в разные стороны. Власть, по его мнению, не должна носить партийный характер, а партиям (оппозиционным) дозволяется в лучшем случае лишь критиковать правительство, помогать ему исправлять допущенные ошибки.

Борьба за власть, а это важнейшая функция любой политической организации, не упоминается президентом, потому что рассматривается в нашей стране как преступление, разновидность подрывной деятельности. Поэтому оппозиция, которая возникла снизу, вне связи с чиновничьим аппаратом, “не на руках носится” президентом, а подвергается жесточайшим гонениям и преследованиям. Она рассматривается как жалкая кучка “врагов народа”, которая рвется к власти, чтобы помешать главе государства осчастливить народ. “Враги народа” – словосочетание, печально известное с советских времен, – вновь стало частью лексикона Лукашенко. Во время поездки в Витебск в марте 2009 г. президент, в частности, публично назвал оппозицию “пятой колонной” и “врагами народа”, которые “готовы сегодня продаться любому, лишь бы только свернуть голову Лукашенко, вскочить в кресло и самим разбомбить страну” [89].

Проправительственные партии находятся лишь в немного более выгодном положении, чем оппозиция. Им разрешается так называемая конструктивная критика политики президента, но не борьба за власть. Лукашенко справедливо рассматривает их как созданные сверху чиновничьи организации, которые пытаются лоббировать узко групповые интересы, ставя их на первое место по сравнению с государственными. Поэтому участие в таких организациях лишь отвлекает людей от дела, которым в Республике Беларусь, наверно, занимается только один человек – президент.

Подобное понимание роли партий в жизни общества привело к формированию искусственных барьеров, отделяющих эти политические организации от политической системы. За всю историю существования независимого государства ни одно правительство Беларуси не было правительством партийным или коалиционным. Глава

государства вместе с ЦИК, начиная с 1996 г., превратили Палату представителей в фактически беспартийную структуру. После парламентских выборов 2008 г. только 7 депутатов ППНС из 110 имеют партийную принадлежность. Нижняя палата не имеет партийных фракций. А с 2004 г. в ней отсутствуют и депутатские группы. Не лучше обстоят дела с представительством партий в Совете Республики, а также в местных органах управления [90]. В Республике Беларусь так и не сформировалась авторитарная однопартийная система из-за отсутствия партии власти, и, конечно же, нет многопартийности из-за искусственного выдавливания всех политических организаций на обочину политической системы.

Несколько иную точку зрения по этому вопросу предлагают некоторые эксперты, близкие к оппозиции, которые, как правило, являются членами партий. Например, по мнению Т. Чижовой, в Беларуси существует *многопартийная система*, потому что принят Закон *О партиях*, который позволил создаваться и действовать самым разным в идеологическом плане политическим организациям. Белорусская оппозиция, таким образом, представляет собой важную составную часть этой многопартийной системы [91]. По мнению политолога и политика, члена руководства Объединенной гражданской партии Плиско, в Беларуси при Лукашенко сложилась *квазидвухпартийная система*.

“Сложившаяся в Беларуси партийная система не вписывается ни в одно известное определение. Это не однопартийная система, поскольку группа лиц, удерживающих власть после ноябрьского референдума, юридически не организована в политическую партию. Кроме того, в стране легально действуют политические партии, ставящие перед собой задачу изменения существующего режима посредством выборов. Правда, власть предрасположена к оппозиционным политическим партиям как к некоему антинародному образованию, рассматривают их как нечто не имеющее права на существование. Но все же говорить о полном контроле государством общества преждевременно.

Нельзя охарактеризовать сложившуюся у нас партийную систему и как многопартийную. Поскольку после ноябрьского референдума 1996 г. основные партии оппозиции не принимали участия в выборах в местные Советы и в Палату представителей (имеется в виду кампания бойкота в 1999 и 2000 гг. – замеч. авт.), а на президентских выборах (2001 г.) выдвинули единого кандидата, противостоящего кандидату от *партии власти*. Интересно отметить, что во время прошедшей президентской избирательной кампании А. Лукашенко, проводя многочисленные совещания с представителями *вертикали*, рассматривал себя в качестве их представителя. При этом он не раз заявлял, что если он проигрывает выборы, то и им придется уйти в отставку вместе с ним, хотя формально они не состояли в одной политической партии.

Своеобразие политической ситуации в Беларуси состоит в том, что даже если на предстоящих выборах в Палату представителей и в местные Советы кандидаты от оппозиционных политических партий и будут конкурировать между

собой, в случае избрания они будут сообща (возможно, не все) противостоять беспартийным и партийным депутатам, являющимся представителями *партии власти*.

Таким образом, мы можем рассматривать так называемую *партию власти* в качестве своеобразной правящей политической партии, не зарегистрированной и не имеющей фиксированного членства, а все остальные демократические партии – в качестве единой политической организации. В этом случае, вероятно, можно говорить о существовании у нас квазидвухпартийной системы, в рамках которой противостоящие друг другу стороны ведут борьбу за власть в стране” [92].

Как известно, термин *многопартийность* в политической науке используется в широком и в узком смысле слова. В первом случае он является синонимом политического плюрализма, предполагающего более или менее равную конкурентную борьбу партий за обладание государственной властью, которая возможна лишь в условиях демократии или перехода к ней. Второе значение этого понятия предполагает определенный тип партийной системы, действующей в условиях политического плюрализма, т.е. такое положение вещей, когда исполнительная власть в стране находится в руках тех или иных коалиционных правительств, опирающихся на фракции нескольких *релевантных партий* в парламенте.

Если рассматривать многопартийность в широком смысле слова, как синоним политического плюрализма, то она была уничтожена в нашей стране в середине 90-х гг. По мнению американских политологов Алмонда и Пауэлла, многопартийность не зависит ни от количества партий, зарегистрированных и действующих в стране, ни от наличия либо отсутствия закона о партиях. Она зависит от двух факторов: “приоритетного значения голосов избирателей-победителей на свободных выборах в формировании политического курса и от возможностей у различных партий создаваться и вести свободную борьбу за голоса своих избирателей” [93]. Такие условия в нашей стране были уничтожены сразу же после прихода Лукашенко к власти.

Следовательно, после формирования персоналистского авторитарного режима в Беларуси бессмысленно говорить и о многопартийности, понимаемой в узком смысле слова. Но в первой половине 90-х гг. у нас возникали предпосылки для формирования системы *поляризованного плюрализма* (особой разновидности мультипартизма, характерной, на наш взгляд, для современной Украины), если воспользоваться известным понятием Сартори [94]. Белорусский народный фронт выступал в качестве антисистемной силы, которая вела борьбу вначале против КПБ, потом против прокебичевского Народного движения Беларуси, опираясь на немногочисленную, но весьма эффективную фракцию в парламенте. Он активно использовал не коалиционный, но шантажистский потенциал массовых

акций протеста. Однако неспособность Фронта прийти к власти в 1994 г. коренным образом изменила положение дел.

Вначале претерпел изменение поляризованный плюрализм. БНФ и его союзников на выборах 1995 г. власти не пропустили в парламент, в котором преобладающие позиции получили коммунисты и аграрии, близкие по своей идеологии к Лукашенко. Однако стремление президента к установлению абсолютной личной власти в стране сделало его политическим противником парламента и всех тех политических партий, которые там существовали. Слабым в сложившейся ситуации оказался мобилизационный потенциал Верховного Совета, чем не преминул воспользоваться глава государства, который опирался на силовые структуры, государственные СМИ и помощь со стороны России. Полная победа президента над парламентом в 1996 г. привела к быстрому ослаблению политических партий, которые страдали от расколов и внутренней борьбы (в 1999 г. эта участь постигла и БНФ). Поэтому, при всем уважении к белорусской оппозиции, ее нельзя рассматривать в качестве единой силы, тем более *квазипартии*, противостоящей *партии власти*. Таким образом, партийная система поляризованного плюрализма погибла в нашей стране в конце 1996 г., так и не успев родиться на свет.

Что же можно сказать о возможностях формирования в Беларуси двухпартийности, хоть и в неклассической, а в квазиформе? На наш взгляд, эта точка зрения, несмотря на ее оригинальность, не выдерживает критики. Прежде всего, необходимо отметить, что *двухпартийность* – это тип партийной системы, характерный для демократических стран и государств, совершающих переход к демократии. Но даже в них – важнейшее условие возникновения бипартизма – это отсутствие поляризации общества, преобладание ценностного и нормативного консенсуса и устранение так называемой *метафизической двухпартийности* [95]. Белорусское общество является глубоко расколотым по своим ценностным ориентациям и поэтому не готово к принятию подобной партийной модели.

Далее, бипартизм предполагает не поляризацию основных политических сил, ведущих борьбу за власть, а такую ситуацию, когда только две партии или два движения регулярно сменяют друг друга у руля исполнительной власти. Неспособность белорусской оппозиции прийти к власти в ходе целого ряда политических кампаний превратила ее не в *потенциальную вторую партию власти*, а в “мальчиков для битья”, которых Лукашенко регулярно использует для легитимации выборов и привнесения в них духа квазисоревновательности.

Трудно понять утверждение Плиско о том, что единство оппозиционных сил возрастет после их возможного успеха на выборах в парламент и местные органы власти. На наш взгляд, положение дел

выглядит прямо противоположным образом. Сейчас оппозиция производит впечатление внешне консолидированной, потому что в борьбе с авторитарным режимом объединились самые разные политические силы. Например, в Объединенные демократические силы (ОДС) входят разные партии: от бывшей ПКБ до БНФ. Но если представить себе гипотетический электоральный успех оппозиции, то это не приведет ее к формированию единой организационной структуры, но к неизбежному расколу из-за разности идеологических позиций.

Не совсем аргументированной выглядит и попытка Плиско назвать правящую номенклатуру *неформальной партией власти*, а Лукашенко – выразителем ее интересов. По нашему мнению, белорусский президент не заинтересован в подобном развитии событий. Ему не нужна партия власти – мощная организационная структура, со своими интересами и логикой развития. Он боится стать заложником такой структуры. Поэтому глава государства пошел по более простому, но надежному пути: приватизации государственной машины и подчинения бюрократии в рамках *неопатримониального политического режима*, основанного на патрон-клиентельных отношениях, в которых каждое должностное лицо в конечном итоге зависимо от президента.

Таким образом, несмотря на наличие пятнадцати зарегистрированных политических партий и нескольких незарегистрированных, Республику Беларусь следует относить к авторитарным режимам, в которых отсутствует партийная система или к странам с **беспартийной системой**, потому что партии (и дояльные режиму, и оппозиционные) не выполняют целый ряд функций, характерных для подлинных политических организаций, а их роль в политической жизни общества приближается к маргинальной. Конечно, такое положение дел является аномальным для государства, расположенного в Европе. Поэтому можно себе представить, что в обозримой перспективе ситуация изменится в лучшую сторону. Возрождению партийной системы способствовали бы такие процессы, как экономическая либерализация и связанные с ней укрепление мелкого и среднего частного предпринимательства, ликвидация контрактной системы. Они породили бы социальные группы, заинтересованные в партиях, и раскрепостили бы людей. Важную роль могло бы сыграть на начальном этапе наведение элементарного порядка в организации проведения выборов под контролем европейских структур. В будущем целесообразно провести радикальную реформу избирательного законодательства и внедрить в него элементы пропорционального избирательного права, которое работает на укрепление партий.

Примечания

1. См.: *Конституция Республики Беларусь* 1996 г. Ст. 64–72. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2007. С. 15–16.
2. Там же. С. 16.
3. Там же.
4. Там же.
5. See: Lijphart A. and Waisman C. eds., *Institutional Design in New Democracies: Eastern Europe and Latin America*. Boulder: Westview, 1996; Elster J., Offe C. and Preuss U. eds., *Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea*. Cambridge: University Press, 1998.
6. Пастухов М., “Избирательное право Республики Беларусь” // *Выборы: подлинные, свободные и справедливые*. Минск: Тесей, 1999. С. 124.
7. *Конституция Республики Беларусь* 1996 г. Ст. 84. С. 20.
8. Пастухов М., Указ. соч. С. 138, 142.
9. См.: *Товарищ*, 4 сентября 2008 г., № 34 (666).
10. Пастухов М., Указ. соч. С. 147. См.: “ОБСЕ не признала выборы в Беларуси”. 29.09.08. <http://news.tut.by/politics/118109.html>.
11. Пастухов М., Указ. соч. С. 159.
12. Там же. С. 163.
13. Там же.
14. См.: Класковский А., “Полюбите нас “черненькими”” // 29.09.08. http://navinyu.by/rubrics/opinion/2008/09/29/ic_articles_410_159211.
15. For more details see: Remington T., “Politics in Russia” // G. Almond & V. Powell eds. *Comparative Politics Today*. N.Y.: Harper Collins, 1996.
16. Гл.: Быкаў В., *Доўгая дарога дадому*. Мінск: ГА “Кніга”, 2002; *Хто ёсць хто ў Беларусі*. Вільня, 2007. С. 156; Пазняк З., “Цяжкі час” // <http://www.pazniak.org>. Пазняк З., “Пакуль існуе рэжым Лукашэнкі, ніякой лібералізацыі не будзе” // 25.02.09. <http://www.pazniak.org>.
17. Гл.: Навумчык С., *Сем гадоў Адраджэння, альбо Фрагменты найноўшай беларускай гісторыі*. Варшава: Беларускія ведамасці, Прага: Clovek v tisni, 2006. С. 9–17.
18. Плиско М., “Появление, становление и перспективы развития партийной системы в Беларуси” // *Политические партии: Беларусь и современный мир*. Минск: Тесей, 2002. С. 117.
19. Там же. С. 102–103.
20. *Политические партии Беларуси – необходимая часть гражданского общества* // Материалы семинара / авт.-сост. А. Федута, О. Богуцкий, В. Мартинович. Минск: Фонд им. Фридриха Эберта, 2003. С. 42, 55–56.
21. См.: Плиско М., Указ. соч. С. 108.
22. См.: Там же. С. 102–103.
23. *Политические партии Беларуси*. С. 44.
24. Там же. С. 44–45.
25. Там же. С. 36.
26. Там же. С. 38.

27. Там же. С. 72–73.
28. Гл.: Шыбека З., *Нарысы гісторыі Беларусі (1795–2002)*. Мінск: Экцыклапедыкс, 2003. С. 405.
29. Тамсама. С. 419–423.
30. *Политические партии Беларуси*. С. 63.
31. Там же. С. 46.
32. Там же. С. 17.
33. Korosteleva E., “The Emergence of a Party System” // S. White, E. Korosteleva, R. J. Hill eds. *Post-Communist Belarus: in Search of Direction*. L.: Rowman and Littlefield, 2004. P. 46.
34. Гл.: Ляховіч А., “Альтэрнатыўныя прэзідэнцкія выбары траўня 1999 г.: ініцыятары, ход правядзення, палітычныя наступствы” // *Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. С. 193–202. Согласно А. Федуте, “по самым скромным подсчетам в голо-совании приняли участие около миллиона человек. В сумме набирается не меньше 10% от общего населения страны – около 14% избирателей”. См.: Федута А., *Лукашенко: политическая биография*. М.: Референдум, 2005. С. 510.
35. Гл.: Ляховіч А., Тамсама. С. 202.
36. See: Korosteleva E., Op. cit. P. 43.
37. Против бойкота парламентских выборов 2000 г. выступил и председатель ОПП, что вызвало внутренний кризис в партии. На V съезде ОПП было избрано новое руководство. Во главе организации встал А. Лебедько. С. Богданкевич получил пост почетного председателя. См.: *Политические партии Беларуси*. С. 62.
38. Гл.: Зелімуханай А., “Выбары ў Палату прадстаўнікоў 2000 г.” // *Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. С. 222.
39. See: Korosteleva E., Op. cit. P. 47–50.
40. Карбалевич В., “Демократическая оппозиция” // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму (1994–2006)* / под ред. О. Манаева. Новосибирск: Водолей, 2006. С. 276.
41. Екадумава І., “Падрыхтоўка апазыцыі да мясцовых выбараў” // *Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. С. 394.
42. Гл.: Чавусаў Ю., “Маніпуляцыі ў інфармацыйнай прасторы і пагроза рэфэрэндуму” // Тамсама. С. 466.
43. Казакевіч А., “Апазыцыя ў палітычнай кампаніі 2004 г.” // Тамсама. С. 496.
44. Cit.: Memorandum the Gallup Organization/Baltic Survey. 17.10.04 (Vilnius) // *Белорусский ежегодник. 2004*. Вильнюс: Институт Беларуси, Фонд Відродження, 2005. С. 90.
45. См.: *Народная воля*. 2006, № 88–89. Под термином *квазиполитизация* понимается псевдополитизация. От лат. *quasi* – нечто вроде, как будто, как бы. Квази – составная часть сложных слов, соответствующая по зна-

- чению словам “якобы”, “мнимый”, “ложный”. См.: <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/060/257>.
46. Результаты выборов 2006 (НИСЭПИ).
 47. Карбалевич В., Указ. соч. С. 295. Незадолго перед своим освобождением из тюрьмы А. Козулин лишился поста председателя БСДП (Г). Эта должность перешла в руки А. Левковича.
 48. Гл.: *Наша ніва*. 18.01.07. <http://www.nn.by>.
 49. See: Korosteleva E., Op. cit. P. 41, 46.
 50. См.: *Политические партии Беларуси*. С. 21.
 51. Программа Республиканской партии // *Политические партии: Беларусь и современный мир*. С. 284–285.
 52. Там же. С. 307.
 53. <http://news.tut.by/society/24601.html>.
 54. Программа Белорусской социально-спортивной партии (БС-СП) // *Политические партии: Беларусь и современный мир*. С. 260–262.
 55. Программа республиканской партии труда и справедливости // *Политические партии: Беларусь и современный мир*. С. 170.
 56. Программа Коммунистической партии Белоруссии. <http://comparty.by/programma.php>.
 57. Программа Белорусской патриотической партии // *Политические партии: Беларусь и современный мир*. С. 197–203.
 58. Программа Аграрной партии // *Политические партии: Беларусь и современный мир*. С. 275–282.
 59. См.: *Введение в общую теорию политики*. Кн. 2. Часть 1. Минск, 2004.
 60. Программа Социал-демократической партии народного согласия // *Политические партии: Беларусь и современный мир*. С. 265–274.
 61. Цыт. па: Пяткевіч А., “Партыйная сыстэма Беларусі”. Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі. С. 691–692.
 62. Программа Либерально-демократической партии. Основные положения. <http://www.ldpb.net/programm.htm>.
 63. Пяткевіч А., Тамсама. С. 692.
 64. См.: *Политические партии Беларуси*. С. 14–23; Пяткевіч А., Тамсама. С. 678.
 65. Праграма Кансерватыўна-хрысціянскай партыі – БНФ // *Политические партии: Беларусь и современный мир*. С. 312–332.
 66. Плиско М., Указ. соч. С. 111.
 67. Гл.: Праграма Партыі БНФ. <http://www.bpf.info>.
 68. Гл.: БХД: Хрысціянскія прынцыпы і беларускі патрыятызм. <http://www.bchd.info>
 69. Гл.: *Крыніца*. 1.03.09, № 1.
 70. См.: “Движение За Свободу. Краткий обзор деятельности за 2007–2008 гг.” (<http://by.milinkevich.org/forfreedom>) // Рукопись. Минск, 2009; Милинкевич А., Отказ от дальнейшего диалога с Европой может навсегда исключить Беларусь из процесса евроинтеграции”// *Белорусские новости*.

- 19.03.09. http://naviny.by/rubrics/politic/2009/03/19/ic_news_112_308254/;
“Лукашенко опять нахваливает Милинкевича” // *Телеграф*. 05.05.09.
71. Программа Объединенной гражданской партии // *Политические партии: Беларусь и современный мир*. С. 186.
72. Там же. С. 195.
73. См.: “Республика Беларусь и Европейский Союз: Стратегия интеграции” // *Документы фракции Гражданское действие Конгресса ОДС*. Минск, 2007.
74. См.: Программа партии свободы и прогресса. <http://liberaly.org/static-programma.html>.
75. Праграма Партыі Беларускай сацыял-дэмакратычнай Грамада // *Политические партии: Беларусь и современный мир*. С.204–205.
76. Гл.: Тамсама. С. 203–213.
77. Гл.: *Хто ёсць хто ў Беларусі*. Вільня, 2007. С. 90–91; Козулин А., “Поражает лицемерие некоторых европейских политиков” // <http://charter97.org/ru/news/2009/4/17/17409/>; Козулин А., “Разговора о поддержке меня Кремлем не было” // <http://21.by/paper?id=90637>. Термин “оппозиционер по профессии” является переформулированием известного веберовского понятия “политика как профессия”, которое он противопоставлял “политике как призванию”.
78. Праграма Беларускай сацыял-дэмакратычнай партыі (Грамада) // <http://bsdpr.org/2q=be/node/36>.
79. Тамсама.
80. См.: Программа Белорусской партии женщин *Надзея* // *Политические партии: Беларусь и современный мир*. С. 176–181.
81. См.: Программа Белорусской партии труда // *Политические партии: Беларусь и современный мир*. С. 248–260; Бухвостов А., “Есть такая партия” // *Баста!* 02.04.09. <http://basta-news.org/wp/politic.html>.
82. См.: Программа Белорусской партии *Зеленые* // *Политические партии: Беларусь и современный мир*. С. 262–265.
83. См.: Программа партии коммунистов Белорусской // *Политические партии: Беларусь и современный мир*. С. 181–186.
84. См.: *Программа Партии коммунистов Белорусской*, принятая 25 мая 2003 г. VII съездом ПКБ. Минск, 2004. С. 3.
85. Там же. С. 12–13.
86. Там же. С. 14–16.
87. Там же. С. 19–20.
88. См.: “А. Лукашенко ответил на вопросы представителей белорусских и российских СМИ”. 26.04.08. <http://www.president.gov.by>.
89. См.: “Президиум ОДС призвал организаторов саммита ЕС отказаться от приглашения Лукашенко в Прагу” // *Белорусские новости*. 20.03.09. http://naviny.by/rubrics/politic/2009/03/19/ic_news_112_308230.
90. See: Korosteleva E., *Op. cit.*
91. См.: Чижова Т., “Есть и такая партия” // *Белорусский рынок*. 2003, № 6.
92. Плиско М., *Указ. соч.* С. 131–132.

93. Almond G., Powell B., "Interest Aggregation and Political Parties" // G. Almond and B. Powell eds. *Comparative Politics Today*. N.Y.: Harper Collins, 1996. P. 89.
94. See: Sartori G., *Parties and Party System. A Framework for Analysis*. Vol. 1. Cambridge: University Press, 1976.
95. См.: Дюверже М., *Политические партии*. М.: Академический проект, 2000. С. 269–278.

Литература

- Дюверже М., *Политические партии*. М.: Академический проект, 2000.
- Карбалевиц В., "Демократическая оппозиция" // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму (1994–2006)* / под ред. О. Манаева. Новосибирск: Водолей, 2006.
- Конституция Республики Беларусь* 1996 г. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2007.
- Навумчык С., *Сем гадоў Адраджэньня, альбо Фрагмэнты найноўшай беларускай гісторыі*. Варшава: Беларускае ведамасці; Прага: Clovek v tisni, 2006.
- Наумова С., "Республиканцы, они же демократы (Фракция Республика в лицах)" // *Наше мнение*. 09.06.03. <http://www.nmnby.org/articles/090603/fraction.html>.
- Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006.
- Политические партии Беларуси – необходимая часть гражданского общества* // Материалы семинара / авт.-сост. А. Федута, О. Богущкий, В. Мартинович. Минск: Фонд им. Ф. Эберта, 2003.
- Пастухов М., "Избирательное право Республики Беларусь" // *Выборы: подлинные, свободные и справедливые*. Минск: Тесей, 1999.
- Плиско М., "Появление, становление и перспективы развития партийной системы в Беларуси" // *Политические партии: Беларусь и современный мир*. Минск: Тесей, 2002.
- Пяткевіч А., "Партыйная сыстэма Беларусі" // *Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006.
- Almond G., Powell B., "Interest Aggregation and Political Parties" // G. Almond and B. Powell eds. *Comparative Politics Today*. N.Y.: Harper Collins, 1996.
- Elster J., Offe C. and Preuss U. eds., *Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea*. Cambridge: University Press, 1998.
- Korosteleva E., "The Emergence of a Party System" // S. White, E. Korosteleva, R. J. Hill eds. *Post-Communist Belarus: in Search of Direction*. L.: Rowman and Littlefield, 2004.
- Lijphart A. and Waisman C. eds., *Institutional Design in New Democracies: Eastern Europe and Latin America*. Boulder: Westview, 1996.
- Sartori G., *Parties and Party System. A Framework for Analysis*. Vol. 1. Cambridge: University Press, 1976.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

1. В какой степени избирательная система в Республике Беларусь способствует развитию политических партий?
2. Какую роль в процессе партогенеза в Республике Беларусь (1988–1992 гг.) сыграла политизация неправительственных организаций?
3. Как повлияло на возникновение политических партий ослабление позиций коммунистической партии в начале 90-х гг.?
4. Каким образом парламентские и президентские выборы содействовали возникновению партий? Приведите примеры.
5. По каким критериям и как можно классифицировать белорусские политические партии?
6. Какую роль в политической системе Республики Беларусь играют лояльные президенту партии?
7. Что представляет собой белорусская политическая оппозиция?
8. Как можно охарактеризовать партийную систему Республики Беларусь в 2000 г.?
9. Какие вы видите перспективы дальнейшей эволюции партийной системы Республики Беларусь?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сделать несколько важных выводов. Республика Беларусь – это независимое государство, расположенное в Восточной Европе, которое своей исторической судьбой и культурными особенностями тесно связано с европейской цивилизацией. Современная Беларусь – это индустриально развитая страна, в которой живет образованное и трудолюбивое население, полностью подготовленное к участию в процессах европейской интеграции, которые в той, либо иной степени происходят в странах наших западных и южных соседей. Вместе с тем неевропейские характеристики политической системы, которые стали “подарком” России, и стабильный антиевропейский курс политического руководства в течение последних пятнадцати лет создали существенные барьеры на пути возвращения нашей страны в Европу.

Белорусский политический режим представляет собой уникальное для современной Европы явление: сочетание неопатримониальных и авторитарных черт, которые делают Республику Беларусь более похожей на некоторые азиатские или африканские страны, чем на соседние государства. Высокая степень концентрации всей власти в руках президента привела к разрушению других политических институтов: парламента, местных представительных структур, судебных органов, политических партий, деформации групп интересов. По уровню институционализации Беларусь существенно уступает многим странам, даже авторитарным России и Китаю.

По форме правления Республика Беларусь является суперпрезидентской республикой. В ней глава государства через прямой контроль над процессом назначения и увольнения председателя правительства и отдельных министров, председателей исполкомов в областях, части состава верхней палаты парламента, председателей и членов высших судебных органов власти, председателя и членов Центризбиркома, а также косвенный контроль над формированием оставшейся части верхней палаты и всего состава нижней палаты парламента и местных Советов обеспечил существование в Беларуси режима слияния, а не разделения властей, как предусматривает действующая Конституция. Необходимо отметить, что ни в одном другом европейском государстве не существует похожей формы правления.

Поддержка властью советской модели идентичности и создание существенных преград для развития национальной идентичности объясняется желанием узкой группы представителей правящей элиты сохранить в Беларуси режим личной власти президента на долгое время. По большому счету, такая политика наносит ущерб белорусскому государству, потому что продолжается русификация

и ассимиляция белорусского этноса. Данный курс не учитывает также то, что ценности политической культуры общества являются более демократическими, чем политическая система. В долгосрочной перспективе это может привести к кризису доверия и кризису легитимности, хотя в краткосрочной перспективе, благодаря специфической социализации, которая граничит с индоктринацией, белорусский режим обеспечил репродукцию политической пассивности и даже поддержки со стороны значительного большинства граждан.

За последнее время в Беларуси сложилась довольно архаичная модель деятельности групп интересов, в которой основную роль играют патрон-клиентельные связи (патронаж со стороны главы государства в отношении чиновничества, которое продвигается вверх только в случае личной преданности президенту). Неассоциированные группы являются достаточно пассивными, а ассоциации, даже созданные государством, – это наименее существенный участник политического процесса. В нашей стране, безусловно, сохранились некоторые остатки структур гражданского общества, но им приходится существовать в условиях жесткого контроля со стороны государства и страдать от большого числа внутренних проблем.

Наконец, политические партии, которые являются важным элементом любой современной политической системы, занимают маргинальное положение в Беларуси. Избирательное законодательство, а также полный контроль исполнительной власти за процессом выборов, начиная с 1996 г., не содействовали формированию и укреплению политических организаций, которые не получили необходимого представительства не только в структурах правительства в центре и на местах, но и в представительных структурах. Лояльные президенту партии находятся в несколько более выгодных условиях, чем оппозиция, но и им запрещено выполнять главную функцию любой политической организации: бороться за власть (им позволяется только помогать действующей власти). Представители же оппозиционных партий действуют в очень сложном политическом и правовом окружении и практически превратились в политические клубы. Искусственное выдавливание партий за рамки политической системы позволяет говорить о превращении Республики Беларусь в беспартийную систему.

Есть мнение, что белорусский режим, который уже довольно долго существует без значительных кризисов, является одним из самых стабильных в мире. По нашему мнению, такой подход не выдерживает критики. Самой большой проблемой системы “сильной власти” в Беларуси является ее привязанность к одной личности и зависимость от настроения, капризов, фобий и здоровья одного человека. Белорусская бюрократия пока что не смогла добиться успеха в дли-

тельной борьбе за прочные имущественные гарантии своим политическим привилегиям. Белорусская оппозиция до сих пор не продемонстрировала стремления к подлинной консолидации в борьбе с режимом. Сохраняются и некоторые внешние факторы, на которые опирается действующая власть в Беларуси. Но как только мы увидим реальные изменения, произошедшие в этом наборе консолидирующих режим факторов, он может не выдержать даже незначительного кризиса, потому что является очень несвоевременной и уникальной для европейской страны конструкцией.

ЛИТЕРАТУРА ПО КУРСУ

- Акудович В., *Код отсутствия*. Вильнюс: Versus aureus, 2008.
- Алмонд Г., Пауэлл Дж. Б., Стром К., Далтон Р. *Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор*. М.: Аспект-пресс, 2002.
- Альтерматт У., *Этнонационализм в Европе*. М.: РГГУ, 2000.
- Арон Р., *Демократия и тоталитаризм*. М.: Текст, 1993.
- Белая И., “Правовой контекст развития молодежного третьего сектора” // *Вклад молодежных организаций в становление гражданского общества в Беларуси*. М.: Фонд им. Фридриха Эберта, 2006.
- Бердяев Н., “Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX – начала XX вв.” // *О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья*. М.: Наука, 1990.
- Васильев Л., *История Востока*. В 2 т. Т. 2. М.: Высш. шк., 2001.
- Беларуска-расійская інтэграцыя. Аналітычныя артыкулы*. Минск: Энцыклапедыкс, 2002.
- Белорусский ежегодник-2004. Сборник обзорных и аналитических материалов по развитию ситуации в Республике Беларусь в 2004*. Вильнюс: Институт Беларуси, 2005.
- Белорусский ежегодник-2008. Сборник обзорных и аналитических материалов по развитию ситуации в Республике Беларусь в 2008*. Минск: БИСИ, БФПП, 2009.
- Бенетон Ф., *Введение в политическую науку*. М.: Весь мир, 2002.
- Булгакаў В., *Гісторыя беларускага нацыяналізму*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006.
- Бьюкенен П., *Смерть Запада*. М.: АСТ, 2003.
- Варнаи Ф., *Путь маоистов*. М.: Прогресс, 1979.
- Вашкевіч А., Пастухоў М., “Канстытуцыйны суд і канстытуцыйны крызіс 1996 г.” // *Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі 2006.
- Выборы: подлинные, свободные и справедливые*. Минск: Тесей, 1999.
- Да дэмакратыі праз грамадзянскую супольнасць / пад рэд. П. Фенрыха і У. Роўды*. Шчэцін: ФРДЛ, 1999.
- Даль Р., *Демократия и ее критики*. М.: Росспэн, 2003.
- Даль Р., *О демократии*. М.: Аспект-пресс, 2000.
- Довнар-Запольский М., *История Белоруссии*. Минск: Беларусь, 2005.
- Дугин А., “Россия и пространство” // А. Дугин, *Основы геополитики*. М.: Арктогея-Центр, 1999.
- Дюверже М., *Политические партии*. М.: Академический проект, 2000.
- Екадумаў А., “Роля парламента” // *Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006.
- Ёффэ Г., “Беларусь: дзяржава, але яшчэ не нацыя” // *ARCHE*. 2007, № 4.
- Итоги переписи населения в Республике Беларусь. 1999 г. Т. 1*.
- Инглхарт Р., “Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе” // *Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева*. М.: Academia, 1999.

- Инглхарт Р., “Модернизация и постмодернизация” // *Новая постиндустриальная волна на Западе: антология* / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Asademia, 1999.
- Истон Д., “Категории системного анализа политики” // *Политология: хрест.* / сост. проф. М.А. Василик. М.: Гардарики, 1999.
- Казакевич А., “Чатыры карпарацы беларускае эліты” // *Эўропа, нацыя і Расея ў меркаваньнях беларускай эліты*. Warsaw: Stefan Batory Foundation, 2007.
- Карбалевич В., “Путь Лукашенко к власти” // *Белоруссия и Россия: общество и государство*. М.: Права человека, 1998.
- Карбалевич В., “Демократическая оппозиция” // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму (1994–2006)*. / под ред. О. Манаева. Новосибирск: Водолей, 2006.
- Карбалевич В., “Почему меняется курс” // 18.11.08. *Наше мнение*. <http://www.nmnbu.org>.
- Карамышев А., *Комментарий к Закону Республики Беларусь О местном управлении и самоуправлении*. Минск: Тесей, 2004.
- Коктыш К., *Трансформация политического режима в Республике Беларусь 1990–1999*. М.: Общественный научный фонд, 2000.
- Конституция Французской Республики*. М.: Прогресс, 1989.
- Конституция Российской Федерации* // <http://www.constitution.ru>.
- Констытуцыя Рэспублікі Беларусь*. Мінск: Польшыя, 1994.
- Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь 1996 года*. Мінск: Беларусь, 2007.
- Котиков А., *Группы интересов: особенности создания и деятельности*. Мінск: Народны універсітэт, 1999.
- Лакер У., *Россия и Германия. Наставники Гитлера*. Вашингтон: Проблемы Восточной Европы, 1991.
- Латышонак А., “Мой рейтинг эўрапейскіх нацыяў на пачатку XXI ст.” // *ARCHE*, 2007, № 5.
- Лефор К., *Политические очерки XIX–XX вв.* М.: Росспэн, 2000.
- Лейпхарт А., *Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование*. М.: Аспект-пресс, 1997.
- Локк Дж., “Два трактата о правлении” // Соч. В 3 т. Т. 3. М.: Наука, 1988.
- Лукашенко А., “О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию” // *Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов*. Минск: Академия управления при Президенте РБ, 2003.
- Лысюк А., “Президент и народ: специфика политических коммуникаций” // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму*. Новосибирск: Водолей, 2006.
- Ляхович А., “Правящая элита и бюрократия” // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму (1994–2006)* / под ред. проф. О. Манаева. Новосибирск: Водолей, 2006.

- Манаев О., *Становление гражданского общества в независимой Беларуси. Социологические опыты: 1991–2000*. Минск: ФилСервплюс, 2000.
- Манаев О., *Становление гражданского общества в независимой Беларуси. Социологические опыты: 2001–2005*. Рига: Лайма, 2005.
- Манаев О., “Трансформация электората” // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму*. Новосибирск: Водолей, 2006.
- Марплз Д., “Сіла і слабасьць беларускага аўтарытарызму” // *ARCHE*, 2007, № 4.
- Матьиль А., “Пастваймарская Расея – выклік для Эўропы” // *ARCHE*, 2007, № 7–8.
- Мацузата К., “Рэжым Лукашэнкі як выспа папулізму ў акіяне кланавай палітыкі” // *ARCHE*, 2005, № 4.
- Мірановіч Я., *Найноўшая гісторыя Беларусі*. СПб.: Неўскі прасцяг, 2003.
- Навумчык С., *Сем гадоў Адраджэньня, альбо Фрагмэнты найноўшай беларускай гісторыі (1988–1995)*. Варшава: Беларускія ведамасьці, 2006.
- Наумова С., “Рэспубліканцы, они же демократы (Фракция Республика в лицах)” // *Наше мнение*. 09.06.03. <http://www.nmnbu.org/articles/090603/fraction.html>.
- Натчык П., “Структура мясцовай улады ў Рэспубліцы Беларусь” // *Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006.
- Основной Закон Федеративной Республики Германия*. Берлин: Public Document, 2000.
- Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей*. В 2 т. Т. 2. СПб., М., Берлин: Летний сад и др., 2003.
- Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006.
- Политическая система США: Актуальные измерения*. М.: Наука, 2000.
- Политические партии Беларуси – необходимая часть гражданского общества* // *Материалы семинара / авт. сост. А. Федута, О. Богущкий, В. Мартинович*. Минск: Фонд им. Фридриха Эберта, 2003.
- Пантин И., “Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего” // *Полис*. 2007, № 4.
- Пастухов М., “Избирательное право Республики Беларусь” // *Выборы: подлинные, свободные и справедливые*. Минск: Тесей, 1999.
- Первый электоральный цикл в России. 1993–1996* / под ред. В. Гельмана, Г. Голосова, Е. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2000.
- Перегудов С., “Гражданское общество как субъект публичной политики” // <http://www.politstudies.ru/fulltext/2006/2/11.htm>.
- Плиско М., “Появление, становление и перспективы развития партийной системы в Беларуси” // *Политические партии: Беларусь и современный мир*. Минск: Тесей, 2002.

- Пяткевіч А., “Партыйная сыстэма Беларусі” // *Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі*. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006.
- Розов Н., “Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление” // <http://www.politstudies.ru/full-text/2006/3/2/.htm>.
- Ровдо В., “Теория сравнительной политологии” // *Сравнительная политология: учеб. пособие*. В 3 ч. Ч. 1. Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО “Вариант”, 2007.
- Ровдо В., “Политические системы отдельных государств” // *Сравнительная политология: учеб. пособие*. В 3 ч. Ч. 2. Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО “Вариант”, 2008.
- США: *Консервативная волна*. М.: Прогресс, 1984.
- Сагановіч Г., *Нарысы гісторыі Беларусі*. Мінск: Энцыклапедыкс, 2001.
- Сіліцкі В., “Эканамічная палітыка Лукашэнкі” // *Беларуска-расійская інтэграцыя. Аналітычныя артыкулы*. Мінск: Энцыклапедыкс, 2002.
- Сіліцкі В., “Выжывае мацнейшы. Аўтарытарная рэакцыя пасля каляровых рэвалюцыяў у краінах былога СССР: унутрыпалітычныя і міжнародныя аспекты” // *ARCHE*. 2007, № 7–8.
- Сміт Э. *Нацыі і нацыяналізм у XX стагодзьдзі*. Мінск: БФС, 1995.
- Соколов М., *Поэтические воззрения россиян на историю*. В 2 кн. Кн. 1. М.: Русская панорама, 1999.
- Страновой экономический меморандум для Республики Беларусь. Беларусь: окно возможностей для повышения конкурентоспособности и обеспечения устойчивых темпов экономического роста*. Нью-Йорк: Всемирный банк, 2005.
- Токвиль А., *Демократия в Америке*. М.: Прогресс, 1992.
- Тоффлер Э., *Метаморфозы власти*. М.: АСТ, 2002.
- Тэрнборн Ё., *Еўропа сёння і заўтра*. Мінск: Эўрафорум, БФС, 1997.
- Уэй Л., Лявіцкі С., “Динамика прымусу пры аўтарытарных рэжымах” // *ARCHE*. 2005, № 5.
- Фадеев В., “Трансформация правовой системы” // *Президентские выборы в Беларуси: от ограниченной демократии к неограниченному авторитаризму (1994–2006)*. Новосибирск: Водолей, 2006.
- Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея*. М.: Весь мир, 2000.
- Федотов Г., “Россия и свобода” // Г.П. Федотов, *Судьба и грехи России*. В 2 т. Т. 2. СПб.: София, 1992.
- Федута А., *Лукашенко. Политическая биография*. М.: Референдум, 2005.
- Философия истории* / под ред. А.С. Панарина. М.: Гардарики, 1999.
- Фисун А., “Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типологии” // *Отечественные записки*. 2007, № 6 (40) <http://www.strana-oz.ru>.
- Франция глазами французских социологов*. М.: Наука, 1990.
- ФРГ глазами западногерманских социологов*. М.: Наука, 1989.
- Фукуяма Ф., *Конец истории. Последний человек*. М.: АСТ, 2003.

- Фукуяма Ф., *Великий разрыв*. М.: АСТ, 2003.
- Фукуяма Ф., *Доверие*. М.: АСТ, Ермак, 2004.
- Хантингтон С., *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Хантингтон С., *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ, 2003.
- Хантингтон С., *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. М.: АСТ, 2004.
- Чернов В., “Структуры высшей исполнительной и законодательной власти” // *Беларусь. Сценарии реформ*. Варшава: Фонд им. Стефана Батория, 2004.
- Чернов В., “Третий сектор в Беларуси (4)” // *Наше мнение*. 26.03.08. <http://www.nmnby.org/pub/0803/26m.html>.
- Чернов В., “Какой в Беларуси корпоративизм?” // *Наше мнение*. 08.02.08. <http://www.nmnby.org/pub/0802/08j.html>.
- Чилкот Р., *Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы*. М.: Дом Инфра, Весь мир, 2001.
- Шевцов Ю., “Авторитарная модернизация в Восточной Европе: Политическая система Беларуси” // 21.07.08. <http://www.regnum.ru/news/1030455.html>.
- Шмиттер Ф., “Неокорпоративизм” // *Полис*. 1997. № 2.
- Штайнер Ю., *Европейські дмакратії*. Мінск: Лекцыя, БФС, 1996.
- Шыбека З., *Нарыс гісторыі Беларусі 1795–2002*. Мінск: Энцыклапедыкс, 2003.
- Эллюль Ж., *Политические иллюзии. Эссе*. М.: Nota Bene, 2003.
- Эндрейн Ч., *Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования*. М.: Инфра-М, Весь мир, 2000.
- Яковлев А., “Россия как реальность. Взаимодействие групп интересов и их влияние на экономические реформы в современной России” // *Мир России*. 2003, № 4.
- Almond G., *Comparative Political Systems // J. of Politics*, 1956, no 3.
- Almond G., “The Civic Culture Concept” // R. Macridis & B. Brown eds., *Comparative Politics. Notes and Reading*. 7-th ed. Pacific Grove: Books/cole, 1990.
- Almond G., Powell B., *Comparative Politics Today. A World View*. 6-th ed. N.Y.: Harper Collins, 1996.
- American Legacy. The United States Constitution and other Essential Documents of American Democracy*. Calabasas: Center for Civic Education, 1997.
- Ansell C., Gingrich J., “Trends in Decentralization” // *Democracy Transformed? Expanding Political Opportunities in Advanced Industrial Democracies*. Oxford: University Press, 2003.
- Bell D., *Cultural Contradictions of Capitalism* L.: Heinemann, 1976.
- Between Dictatorship and Democracy. Russian Post-Communist Political Reform / ed. by M. McFaul, N. Petrov and A. Ryabov*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2004.

- Bobbio N., *Liberalism i demokracja*. Warszawa, Krakow: Fundacja im. Stefana Batorego, Znak, 1998.
- Bowler S., Carter E., Farrell D., "Changing Party Access to Elections" // *Democracy Transformed? Expanding Political Opportunities in Advanced Industrial Democracies*. Oxford: University Press, 2003.
- Brzezinski Z., "The Primacy of History and Culture" // M. Plattner and L. Diamond (eds.) *Democracy after Communism*. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2002.
- Bunce V., "Comparative Democratization: Lessons from Russia and Post-Communist World" // *After the Collapse of Communism. Comparative Lessons of Transition* / ed. by M. McFaul, K. Stoner-Weiss. Cambridge: University Press, 2004.
- Burke E., *Reflection on the Revolution in France*. L.: Penguin Book, 1983.
- Chaibong H., "The Ironies of Confucianism" // *J. of Democracy*. July 2004, vol.15.
- Citizens. Strengthening Global Civil Society*. Washington: Civicus, 1994.
- The Civic Culture Revisited* / ed. by G. Almond. Boston, 1980.
- Comparative Political Dynamics. Global Research Perspectives* / ed. by D. Rustow and K. Erickson. N.Y.: HarperCollins, 1991.
- Comparative Politics Notes and Readings* / ed by R. Macridis & B. Brown. Pacific Grove: Brooks/Cole, 1990.
- Constitution of Japan*: http://en.wikipedia.org/wiki/Constitution_of_Japan.
- Constitution of the Peoples Republic of China*: http://en.wikipedia.org/wiki/Constitution_of_the_People%27s_Republic_of_China.
- Contemporary Belarus: Between Democracy and Dictatorship* / ed. by E. Korosteleva, C. Lawson, and R. Marsh. L.: Routledge Curzon, 2003.
- Crozier M., *The Bureaucratic Phenomenon*. Chicago: University of Chicago Press, 1964.
- Dahl R., *After the Revolution? Authority in a Good Society* / revised ed. New Haven & London: Yale University Press, 1990.
- Dahrendorf R., *Society and Democracy in Germany*. N.Y.: Doubleday, 1967.
- Dalton R., Gray M., "Expanding the Electoral Marketplace" // *Democracy Transformed? Expanding Political Opportunities in Advanced Industrial Democracies*. Oxford: University Press, 2003.
- Dalton R., *Politics in Germany*. Irvine: University of California Press, 2007.
- Davidonis R., "The Challenge of Belarus, and European Responses" // *Occasional Papers*, July 2001, no 29.
- Diamond L., *Developing Democracy Toward Consolidation*. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 1999.
- Diamond L., "Thinking About Hybrid Regimes" // *J. of Democracy*. 2002, vol. 13 (2).
- Dryzek J., Holmes L., *Post-Communist Democratization. Political Discourses Across Thirteen Countries*. Cambridge: University Press, 2002.
- Dunleavy P., Jones G., "Leaders, Politics and Institutional Change: The Decline of Prime Ministerial Accountability to the House of Commons 1868–1990" // *British J. of Political Science*. July 1993, vol. 23.

- Duverger M., *The Study of Politics*. L. Thomas Nelson, 1972.
- Dye T., *Who's Running America? The Reagan Years*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1983.
- Easton D., "The Analysis of Political Systems" // *Comparative Politics. Notes and Readings*. R. Macridis and B. Brown eds. Pacific Grove: Cole Publishing, 1990.
- Eke S. and Kuzio T., "Sultanism in Eastern Europe: The Socio-Political Roots of Authoritarian Populism in Belarus" // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 50 (3) <http://www.fidarticles.com>.
- Electoral Laws and Their Political Consequences* / ed. by B. Grofman and A. Lijphart. N.Y.: Agathon Press, 1986.
- Elgie R., *Political Leadership in Liberal Democracies*. L.: Macmillan Press, 1995.
- Elklit J., Svensson P., "What Makes Elections Free and Fair"? // L. Diamond & M. Plattner eds., *The Global Divergence of Democracies*. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2001.
- Elster J., Offe C., and Preuss U. eds., *Institutional Design in Post-Communist Societies: Rebuilding the Ship at Sea*. Cambridge: University Press, 1998.
- Fukuyama F., "The Primacy of Culture" // *J. of Democracy*. 1995, vol. 6.
- Fukuyama F., "Confucianism and Democracy" // *The Global Divergence of Democracies* / ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2001
- Goujon A., "A nationalisme et identite en Bielorussie" // *Chaillot Paper*. November 2005, no 85.
- Held D., *Models of Democracy*. Stanford: University Press, 1987.
- Human Development Report 2007/2008. Human Development Indicators. N.Y.: UNDP, 2008.
- Huntington S., *Political Order in Changing Societies*. New Haven & London: Yale University Press, 1968. Huntington S., *The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman & London: University of Oklahoma Press, 1991.
- Huntington S., *The Clash of Civilization and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster, 1997.
- Ioffe G., "Understanding Belarus: Economy and Political Landscape" // *Europe-Asia Studies*, 2004, vol. 56 (1).
- Ioffe G., "Culture Wars, Soul-Searching, and Belarusian Identity" // *East European Politics and Societies*, 2007, vol. 21, no 2.
- Janda K., Berry J., Goldman J., *The Challenge of Democracy. Government in America*. San Luis: HUFF, 1990.
- Jansen M., *The Making of Modern Japan*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University, 2000.
- Kaiser R., *Why Gorbachev Happened. His Triumphs and his Failure*. N.Y.: Simon & Schuster, 1991.
- Karl T. L., Schmitter P., "Modes of transition in Latin America, Southern and Eastern Europe" // *International Social Science J.*, vol. 128, may 1991.
- Klingemann H-D, Hofferbert R., "Germany: A New Wall in the Mind?" // *J. of Democracy*, 1994, vol. 5.

- Knuth M., *Russia, Ukraine, and Belarus: A Comparative Study on Political Culture and Democratization Success*. Chicago: Midwest Political Science Association Conference, 2004.
- Korosteleva E., "Is Belarus a Demagogical Democracy?" // *Cambridge Review of International Affairs*. 2003, vol. 16 (3).
- Korosteleva E., "The Quality of Democracy in Belarus and Ukraine" // *J. of Communist Studies and Transition Politics*. 2004.
- Korosteleva E., "The Emergence of a Party System" // S. White, E. Korosteleva, R. J. Hill eds. *Post-Communist Belarus: in Search of Direction*. L.: Rowman and Littlefield, 2004.
- Koshino Go, "The Representation of the Belarusian Language in Contemporary Belarusian Literature" // *Emerging Meso-Areas in the Former Socialist Countries. Histories Revived or Improvised?* Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2005.
- Lapidus G., "Accommodating Ethnic Differences in Post-Soviet Eurasia" // *Beyond State Crisis? Post-Colonial Africa and Post-Soviet Eurasia in Comparative Perspective*. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2002.
- Leshchenko N., "A Fine Instrument: Two National-Building Strategies in Post-Soviet Belarus" // *Nations and Nationalism*, 2004, vol. 10 (3).
- Levitsky S. and Way L., "The Rise of Competitive Authoritarianism" // *J. of Democracy*. 2002, vol. 13 (2).
- Lijphart A., *Democracies*. New Haven: Yale University Press, 1984.
- Lijphart A., *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty Six Countries*. New Haven and London: Yale University Press, 1999.
- Lijphart A., Crepaz M., "Corporatism and Consensus Democracy in Eighteen Countries" // *British J. of Political Science*, 1991, vol. 21, #2.
- Lijphart A. and Waisman C. eds., *Institutional Design in New Democracies: Eastern Europe and Latin America*. Boulder: Westview, 1996.
- Linz J. and Stepan A., *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 1996.
- Lipset S. M., *American Exceptionalism: A Double-edged Sword*. N.Y.: Norton, 1996.
- Lukashuk A., "Constitutionalism in Belarus: A False Start" // *Democratic Consolidation in Eastern Europe* / ed. by J. Zielonka, vol. 1. Oxford: University Press, 2000.
- Macridis R. & Burg S., *Introduction to Comparative Politics. Regimes and Change*. N.Y.: Harper Collins, 1991.
- Marples D., *Belarus: Denationalized Nation*. Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1999.
- Marples D., "The Prospects for Democracy in Belarus" // *Problems of Post-Communism* 2004, vol. 51 (1).
- McFaul M., "Putin's Russia: One Step Forward, Two Steps Back" // *The Global Divergence of Democracy* / ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2001.

- McFaul M., "The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship. Noncooperative Transition in the Postcommunist World" // *World Politics*, vol. 54, January 2002.
- McFaul M. and Stoner-Weiss K., "The Myth of the Authoritarian Model" // *Foreign Affairs*. 2008, no 1.
- Melville A., "Post-Communist Russia" // *The Challenges of Theories on Democracy* / ed. by U. Larsen. N.Y. & Boulder: Columbia University Press, 2000.
- Mihalisko K., "Belarus: Retreat to Authoritarianism" // Dawisha K. and Parrott B. eds. *Democratic Change and Authoritarian Reaction in Russia, Ukraine, Belarus and Moldova*. Cambridge: University Press, 1998.
- Nagle J. *Introduction to Comparative Politics* / 4-th ed. Chicago: Nelson-Hall Publishers, 1995.
- Nations in Transit 2005. Democratization from Central Europe to Eurasia*. New York, Washington, Budapest: Freedom House, 2005.
- Nodia G., "Nationalism and Democracy" // L. Diamond and M. Plattner (eds.) *Nationalism, Ethnic Conflict and Democracy*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1994.
- Oksenberg M., "Will China Democratize?" // *The Global Divergence of Democracies* / ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2001.
- Olson M., *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagnation and Social Rigidities*. New Haven: Yale University Press, 1982.
- Pedder S., "Atypical French: Sarkozy's Bid to Be a Different Kind of President" // *Foreign Affairs*. 2007, may/june.
- Power and Policy in Liberal Democracies* / ed. by M. Harrop. Cambridge: University Press, 1992.
- Putnam R., *The Beliefs of Politicians*. New Haven: Yale University Press, 1973.
- Putnam R., "Turning In, Turning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America" // *PS: Political Science and Politics*, 1995.
- Putnam R., *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. N.Y.: Simon & Schuster, 2000.
- Rouda U., "Prospects for Democracy in Belarus" // *Democratization in the European Neighborhood* / ed. by M. Emerson. Brussels: CEPS, 2005.
- Sarkozy N., *Testimony: France in the Twenty-first Century*. N.Y.: Pantheon, 2006.
- Sartori G., *Social Science Concepts*. New Haven: Yale University Press, 1966.
- Sartori G., *Parties and Party System. A Framework for Analysis*. Vol. 1. Cambridge: University Press, 1976.
- Sartori G., *The Theory of Democracy Revisited. Part 1: The Contemporary Debate*. Chatham (NJ): Chatham House Publishers, 1987.
- Silitski V., "Preempting Democracy: The Case of Belarus" // *J. of Democracy*. 2005, vol. 16 (4).
- The Paradoxes of Belarus. Regional Security with a Transformation in Limbo. (Executive Summary)* / ed. by G. Vitkus. Vilnius: Lietuvos karo akademija, 2004.

- Schmitter P., "Democratic Theory and Neocorporatist Practice" // R. Macridis and B. Brown eds., *Comparative Politics. Notes and Readings* Pacific Grove: Brooks/Cole, 1990.
- Schumpeter J., *Capitalism, Socialism and Democracy*. N.Y.: Harper & Row, 1976.
- Shevtsova L., "Russia's Hybrid Regime" // *Democracy after Communism* / ed. by L. Diamond and M. Plattner. Baltimore & London: The Johns Hopkins University Press, 2002.
- Trantidis A., "The Economic Understanding of Semi-Authoritarianism. Explaining Preferences and Power Relations in the Case of Belarus" // *EU-Consent. Constructing European Network*. 2007.
- Trenin D., "Moscow's Relations with Belarus: An Awkward Ally" // *Chaillot Paper. Changing Belarus*. November 2005, no 85.
- Truman D., *The Governmental Process*. N.Y.: Alfred A Knopf, 1951.
- Urban M., *An Algebra of Soviet Power. Elite Circulation in Belorussian Republic 1966-1986*. Cambridge: University press, 1989.
- Weber M., *Economy and Society*. Vol. 1. Berkeley: University of California Press, 1978.
- White S., McAllister I., "Patterns of Political Culture" // S. White and E. Korosteleva eds. *Postcommunist Belarus in Search of Direction*. L.: Rowman & Littlefield, 2004.
- Yamamoto S., *The Spirit of Japanese Capitalism and Selected Essays*. Lanham: Madison Books, 1993.
- Zakaria F., "Does the Future Belong to China?" // <http://www.msnbc.msn.com/id/7693580/site/newsweek/5/15/2005>.
- Zaprudnik J., *Belarus at a Crossroads in History*. N.Y.: Westview Press, 1993.
- Zaprudnik J., "Belarus. In Search of National Identity Between 1986 and 2000" // Korosteleva, Lawson and Marsh (eds.) *Contemporary Belarus. Between Democracy and Dictatorship*. L.: Routledge Curzon, 2003.
- Zurawski vel Grajewski P., "Belarus: The Unrecognized Challenge" // *Chaillot Paper. Changing Belarus*. November 2005, no 85.

Учебное издание

Ровдо Владимир

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Учебное пособие

В 3 частях

Часть 3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Редактор *О.М. Ларина*

Корректор *О.М. Ларина*

Компьютерная верстка *В.Ф. Шнурова*

Художник *А.Ф. Киселева*

Ответственность за достоверность
фактов несет автор

Издательство
“Европейский гуманитарный университет”
г. Вильнюс, Литва
www.ehu.lt
e-mail: publish@ehu.lt

Подписано в печать 14.10.2009 г.
Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 24,05. Усл. печ. л. 22.
Тираж 400 экз.